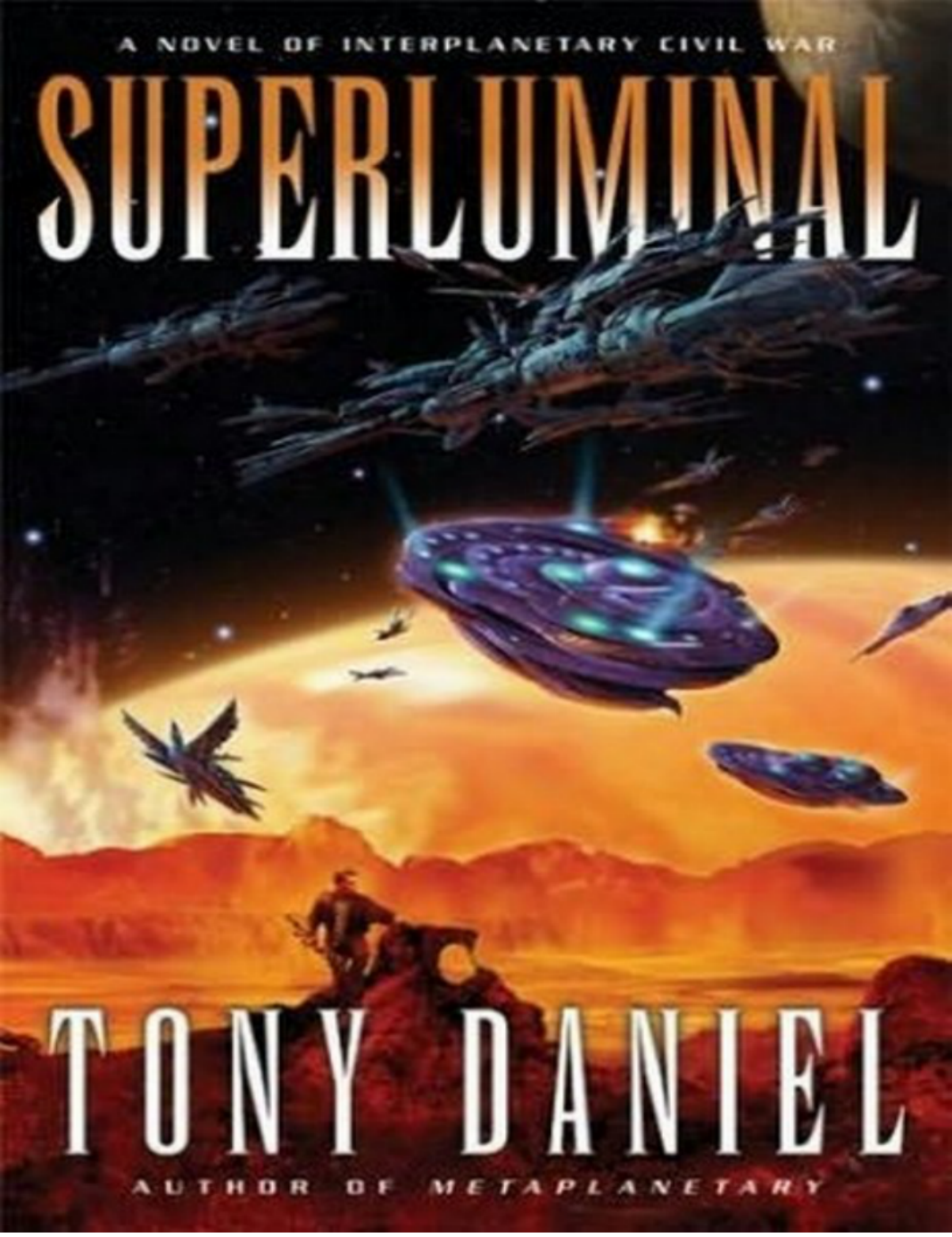
A NOVEL OF INTERPLANETARY CIVIL WAR

SUPERLUMINAL



TONY DANIEL

AUTHOR OF *METAPLANETARY*

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вторая часть масштабной «Метапланетарной трилогии» в жанре космической оперы.

Удивительная картина далекого будущего Солнечной системы, где Мет (система космических кабелей, планетарных лифтов и пр.) соединяет внутренние планеты, и люди мгновенно сообщаются через невероятные расстояния благодаря гристу — нанотехнологической структуре, которая пронизывает космос. Здесь живут многочисленные персонажи романа: люди, компьютерные программы, сложные комбинации тех и других. Здесь ведется война между внутренними планетами, управляемыми деспотичным Амесом, и силами внешних планет под командованием мятежного полковника Роджера Шермана…

(По аннотации *Publishers Weekly*).

- Тони Дэниел
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    -
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
    - Глава четырнадцатая
    - Глава пятнадцатая
    - Глава шестнадцатая
    - Глава семнадцатая
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    -
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая

- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая

○ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

-
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья

○ ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

-
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая

- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья
- Глава двадцать четвертая
- Глава двадцать пятая
- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая
- Глава двадцать восьмая
- Глава двадцать девятая
- Глава тридцатая
- Глава тридцать первая
- Глава тридцать вторая

○ ЧАСТЬ ПЯТАЯ

-
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья

○ ПРИЛОЖЕНИЯ

- Введение
- Приложение первое
- Приложение второе
- Приложение третье
- Приложение четвертое
- Приложение пятое
- Приложение шестое
- Приложение седьмое
- Приложение восьмое
- Приложение девятое
- Приложение десятое

Тони Дэниел
Суперсвет

ВВЕДЕНИЕ

Обратный канал мерси-кодирования:
Лео придет и узнает ключ

Я нашла ее, ТиБи! Нашла Алетию Найтшед. Но ты оставайся там! Если появишься здесь, они оторвут тебе башку, и что тогда? Так что слушайся Андре и Молли. Ситуация изменилась.

Сначала мы проверили результаты эксперимента — я и кое-кто из Друзей Тода. Когда-нибудь я обязательно расскажу тебе о нем. И — о! — у меня наконец-то был секс, хотя он и не узнал, что стал первым. Он будет скоро у тебя, и если ты это читаешь, значит, он уже дал тебе ключевое слово. От него ты можешь узнать подробности случившегося в Мете, но только не спрашивай про секс.

Он — романтик. Может, я даже разбила ему сердце. Но больше заняться было нечем, и сокрушаться по этому поводу сейчас недосуг, так что закрываю тему.

У нас есть армия. Ты не поверишь, но состоит она из крыс и хорьков, которые работают сообща. С помощью Друзей Тода и используя случившееся со мной в качестве матрицы — ну, как я стала девушкой, — крысы с хорьками и все остальные с Карбункула и из прочих тайных местечек в Мете заделались людьми. Странное дело, потому что они все те же крысы и хорьки и все такое прочее. А ведь все началось с компьютерных программ, которые сбежали, когда кто-то попытался их стереть.

Большинство крыс так и остались крысами.

А что тут сделаешь? Этот мир не самое лучшее место для крыс, иногда у них что-то заворачивается внутри, и тогда уже спасение невозможно.

Но, ТиБи, я обещала тебе, что найду ее, и нашла. Ты всегда говорил, что она рассыпана, что прячется где-то, хотя и сама об этом не догадывается, что она раскатилась на миллионы частичек и забилась в самые крохотные щелочки в гристе. Уверена, ты был прав, но ситуация изменилась.

Война сделала то, чего мы с тобой никогда бы не сделали. Все щели проверены, каждую дырочку просветили. Живыми выбрались только мои друзья, и они, как я, сейчас в бегах. Это плохо для конвертеров Мета и хорошо для поисков Алетии. Она не может больше скрываться в тихих заводях Мета, потому что Амес вознамерился убить всех конвертеров, и у него это неплохо получается. Кое-кто из них ему нужен, и их он не тронул, но большинство отловили и сплавили в одно местечко…

Жуткое местечко, ТиБи. Там переформатируют миллионы и миллионы людей. Их просто стирают. Одна из охранниц не выдержала и рассказала нам, что там делается, но Департамент Иммунитета тут же ее отыскал и убил.

Мне жаль всех этих людей, но думаю — и те, с кем я работаю, в этом уверены, — что Алетия там, распылилась между пленниками.

Мои друзья полагают, что она выбралась из всех тех дырочек да щелочек, где уже не могла оставаться, и укрылась в одном-единственном месте, где еще можно сохраниться в распыленном виде. Только вот не слишком ли велики потери? Понимает ли она сама, что с ней происходит? Надеюсь, что нет, ТиБи, надеюсь, что нет. Может быть, она уже ничего не знает. Может быть, от нее остались только детали, разрозненные фрагменты. Может быть, и нет.

Так или иначе, мы уверены, что она сейчас там, с конвертерами Силиконовой Долины.

Прячется в самом глухом углу самого глухого места во всей вселенной.

Собрать ее заново будет нелегко, но, полагаю, все же возможно. Хотя, конечно, прежде придется повоевать. Это займет какое-то время, но ведь ты же терпелив, я знаю, и — хочешь верь, хочешь нет — даже я сама куда терпеливее, чем раньше.

А вот если думаешь, что я стала ручной и тихий, то не беспокойся. Меня не приручить никому. Убью всех, кто встанет на пути и попытается помешать мне исполнить данное тебе обещание.

Все или всех — и не важно, что и кто это будет.

Я их всех покусаю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Линии в Гристе

Годы 3014–3016 по з-стандарту

Глава первая

В северном полушарии планеты Земля стояла осень. Джип отвалил от руин древней заправочной станции и покатил по разбитой автомагистрали Таконик штата Нью-Йорк. Листья на деревьях только что миновали пик своей недолгой жизни и начали багроветь.

И все-таки, думал Джип, листвы еще хватает, и спрятаться, если придется, есть где.

Охотники за машинами, тракхантеры, снова шли по его следу. Джип чувствовал это через саму землю. Пьезоэлектрические ударные волны шевелили фольгу детекторов в его грузовом отсеке. То, что охотники идут, что они приближаются, было понятно и без гриста.

Солнце стояло высоко, и его лучи били в ветровое стекло Джипа. На небе — ни тучки. Значит, это полуденные охотники. Не самые опасные. Скорее всего, явились всей толпой на роллере — брюхо у него мягкое, все выбоины и неровности сливаются в приятную тряску, так что и пьянеешь быстро, и толкаться ради выпивки не надо. Нет, эти тракхантеры были Джипу не страшны, хотя, конечно, удача могла улыбнуться и им, если какой-нибудь пустоголовый пикап вылезет из укрытия пощипать углеводородной травки. И все же бдительность лишней не бывает, а потому самое разумное держаться от охотничьих пушек и демонтажных устройств как можно дальше. На сколько колеса позволяют.

Впереди вдруг обнаружился узкий просвет — не столько дорога, сколько тропинка в лесу. Вела она за запад, и Джип, не раздумывая и не сбрасывая скорости, свернул. Тропинка была достаточно широка, и он узнал это заранее.

Джип всегда знал, куда направляется, и обходился без каких-либо указаний. В конце концов ему исполнилось девятьсот лет. Старинные тропинки в районе нижнего Гудзона были делом его рук. Точнее, колес. Некоторые он совершенно забыл или думал, что забыл, но стоило ему свернуть на них, как вся нужная информация — пункт назначения, перекрестки, ориентиры и прочие достопримечательности — разворачивалась в сознании подобно тому, как бутон раскрывается в цветок, и он, не колеблясь, поворачивал влево или вправо и никогда не ошибался.

Он многократно устраивал себе рекурсию и частенько проводил импринтинг на металлическую или пластиковую подложку и материал шасси. Разберите его на кусочки, спрессуйте, разнесите в щепки — он все равно вернется. Вернется,

потому что вырастит новый Джип.

Такое случалось и раньше. Рвались шины, взрывался топливный бак, он переворачивался и горел. Но какие-то части всегда выживали, и из этих частей Джип выстраивал нового себя. В последние лет сто главной проблемой стали тракхантеры. Многие из его сородичей, из тех, что обитали в лесу, стали их добычей. Лучшее, что с тобой может тогда случиться, это полное уничтожение. Худшее — это когда тебя обездвиживают квантовым зарядом разрушающего действия, потом отрезают какую-то часть — украшение с капота, гриль, заднюю дверцу с размашистым логотипом, а остальное уничтожают. И потом трофей берут с собой. Увозят туда, откуда сами явились. В Мет.

Джип не понимал, что такое Мет, да и не стремился понять. Он лишь знал, что обычно тракхантеры прибывают сюда из Нью-Йорка на вертолетах. В самом Нью-Йорке давно уже никто не жил, следовательно, туда они прилетали из космоса оттуда, где жили теперь все. Туда же и возвращались с трофеями. Трофеи должно быть вешались на стену (он представлял Мет как следующие один за другим, тесные замкнутые пространства), и, возможно, для забавы охотника или его гостей их заставляли говорить — насколько, конечно, удавалось синтезировать речь столь примитивным роботам. Если Джип и понимал что-то в Мете, так это то, что легким грузовичкам и внедорожникам там не место.

Пока что ему удавалось избегать встреч с охотниками. В большинстве случаев это было не так уж и трудно. Тракхантеры имели в своем распоряжении самое разнообразное следящее оборудование, но все оно так или иначе сводилось к электромагнитным сейсмоприемникам или гристу. Заглушить или исказить электромагнитные волны — сущий пустяк. Джип давно принял на вооружение лучшие достижения технологии стелс — винтажные системы защиты из еще донанотехнологической эры. Именно они, эти экраны, отражатели и глушители привлекали охотников и делали его столь лакомым трофеем. Такие вещи были давно сняты с производства, и Джип мог лишь предполагать, что соответствующие знания либо утеряны, либо попали не в те руки.

Другое дело — обойти, перехитрить сам грист. Для решения этой проблемы Джип использовал самостоятельно разработанные приемы, созданные на основе комбинации существовавших методик. Некоторые из этих приемов были вполне сознательными — например бектрекинг на молекулярном уровне или запуск многочисленных образов-обманок, внешне похожих на Джип и оставляющих такой след, но совершенно пустых внутри. Вместе с

тем некоторые из его защит были инстинктивными. Они появились и совершенствовались сами собой, и Джип понятия не имел, как они работают. Как и конструкционные принципы Мета, это было нечто такое, что он не хотел понимать. Самопознание нередко ведет к самоуничтожению. В лесу Джип частенько натыкался на тех своих собратьев, судьба которых подтверждала истинность этого высказывания. Стоило кому-то развить в себе логическое мышление — полное сознание, — как его в скором времени прихлопывали тракхантеры.

Обитателя Мета не перехитришь. Они созданы из живого материала, существующего в гристе наподобие импульса, и способны перерабатывать необъятные объемы информации. Так что за счет ума и хитрости не выживешь. Тут требуется кое-что другое. И если ты точно знаешь, что такое это «кое-что», то тогда ты уж больно умен, а это на пользу не идет и до добра не доведет.

Так что же все-таки знал Джип? Он знал, что такое широко и что такое узко. Знал, как развернуться в обратную сторону на крохотном пятачке. Понимал разницу между крутым и пологим, твердым и болотистым. Представлял весь свой мир, ментальный и физический, в форме ландшафта. Как некую местность с присущими ей топографическими особенностями.

Сегодня этот мир был на его стороне. Джип ощущал вибрацию тракхантеров на расстоянии многих миль. Сначала она нарастала, потом стала отдаляться и наконец совсем пропала. Не взяв след, они последовали дальше по дороге, но при этом оставались в пределах Таконика.

Джип не стал останавливаться, не стал даже притормаживать, чтобы обдумать, как и что, — он просто мчался вперед, потому что в этом заключался смысл его существования. Этим он занимался большую часть жизни — потому что если ты джип и не хочешь быть чем-то другим, то не должен стоять на месте.

Приближался закат. Джип выкатился из лесу в предместье Райнбека, махонького городка на реке Гудзон. Неподалеку находилась полянка, с которой открывался вид на реку. Только Джип помнил, что когда-то, еще в бывших Соединенных Штатах Америки, здесь был национальный парк. Когда-то на обрывистом берегу над рекой стояли деревянные домики. Домики эти исчезли девятьсот лет назад, но их фундаменты сохранили выровненные местечки на вершине холма. Парковочные стоянки. Здесь Джип любил бывать больше всего. Здесь было его логово.

Но сегодня там находилась женщина.

На протяжении сотен лет Джип возвращался на это место и по мере возможности оберегал его. Приходил одной дорогой, уходил другой и никогда не оставлял после себя ясного следа.

Более того, он оставил на этом кусочке земли частичку себя, сделал то, чего никогда раньше не делал. Спрятал под большим камнем свой регистрационный номер. И вместе с этой табличкой ушла часть его сознания — не копия, но подлинная часть его мыслей и чувств. В долине Гудзона у Джипа был немало других воспринимающих копий. Через грист он мог общаться с доброй сотней разнообразных стражей ограниченного сознания. В центре Гайд-парка, например, стоял старый дуб. В поломанных дорожных указателях на автостраде скрывались сенсоры распознавания. По другую сторону реки, в Уэст-Пойнте, тянулся каменный парапет. Их грист представлял собой венную решетку и оперативно обеспечивал Джип точной информацией относительно движения по реке. Джип поддерживал постоянный подсознательный контакт со всеми своими передовыми постами. В частности и поэтому у тракхантеров не было ни малейшей возможности подобраться к нему незаметно.

А вот табличка с регистрационным номером — это уже нечто иное. И склон холма, в котором она лежала, был по той же самой причине особенным местом.

Каким особенным?

Толком Джип не знал. Каким-то защищенным. С тех пор, как он более ста лет назад, спрятал под камнем табличку, никто — ни человек, ни зверь, ни машина — не приходил на вершину холма. Как будто их собственная природа не позволяла им это делать. Белка вдруг проникалась убеждением, что там нет ни желудей, ни кедровых орешков, хотя и того, и другого имелось в изобилии. Грузовики проникались убеждением, что склон слишком отвесный, чтобы на него взъехать. Люди, бывавшие здесь не единожды, путались, теряли ориентацию и уходили почему-то с единственной пересекающей район дороги.

И вдвойне странно, что этот эффект вовсе не был проявлением свойств гриста. Базовый грист здесь, на опустевшей Земле, оставался нормальным во всех отношениях. Иногда складывалось впечатление, что его как будто дурачит что-то находящееся в воздухе. Суперсветовая связь — эффект Мерседа, основа интерактивного обмена с гристом, — просто показывала другое место. Тот же, кто прощупывал окрестности через грист, то есть рассмотреть холм со стороны, видел склон с древними руинами. Но в представлении гриста руины выглядели не такими уж и древними, деревья не такими старыми, а некоторые определенно находились не на своем месте. Но как только Джип пересек некую невидимую линию, отмечавшую охраняемый круг — круг диаметром примерно в восьмую часть мили, — грист изменился. И ландшафт менялась. Место стало совсем другим.

Ничего подобного Джип никогда еще не испытывал, а когда попытался подобрать подходящее слово для характеристики происходящего, то остановился на магии. Это место было магической парковкой, где его никто не мог обнаружить.

Многие годы он был один — или по крайней мере считал, что никого другого здесь нет, — и вот теперь какая-то женщина просто… нашла его.

Когда он подкатил, она уже ждала. Сидела, глядя на запад, на опускающееся за Кэтскил солнце, которое, прежде чем исчезнуть в сгущающихся сумерках, еще раз полоснуло лучом по опавшим листьям на далеком хребте.

Джип включил стояночные огни.

— Привет, — сказала женщина. — А ты сегодня рановато.

Она поднялась с поваленного дерева и подошла к нему. Положила руку на капот.

— Какой ты теплый. Набегался за день.

Джип не ответил. Он никогда не отвечал. Он мог бы синтезировать примитивную речь, но крошечный динамик под капотом умел издавать лишь грубые звуки, и голос, когда Джип все же пользовался им, всегда получался с металлическим скрежетом. Кроме того, у него никогда не получалось сказать то, что хотелось бы. Или, скорее, слушать и понимать было легче, чем объясняться самому. Вероятно, как ему представлялось, в оригинальном речевом алгоритме, доставшемся ему при программировании, произошел какой-то сбой. Так или иначе за последние двести лет Джип не вымолвил ни слова и произносить речи не планировал.

— А у меня весь день наперекосяк, — продолжала женщина. — Захотелось хоть чего-то хорошего, вот я и пришла сюда. Посмотреть, как садится солнце. Вот оно и село.

Женщина смахнула с лица угольно-черную прядь. Снова посмотрела в сторону темнеющих на западе гор.

— В поселке все так строго. Ты, наверно, знаешь, сейчас идет война. Мы наконец-то решились указать всем этим неблагодарным во внешней системе, где их место. — Она рассмеялась, да вот только смех вышел немного неискренним, хотя, впрочем, Джип не очень-то разбирался в нюансах такого рода звуков. — И вот тогда-то все человечество сможет достичь полной гармонии, как оркестр, исполняющий симфонию. Под таким вот соусом они нам это подают. По крайней мере тем, кто еще способен на интеллектуальное усилие. Когда я говорю «они», то имею в виду, конечно, его. Амеса.

Джип понял, что Амес есть некое имя собственное, но для него оно ровным счетом ничего не значило.

Ветерок тронул листья. Женщина поежилась и сложила руки на груди.

— Холодает. Ты не против, если я сяду?

Джип даже не сразу понял, что именно она сказала, и в первый момент подумал, что ослышался. Но потом все же перевел вибрацию ветрового стекла — немного забрызганного, немного поцарапанного, немного дребезжащего — в слова.

Сколько ж лет прошло с тех пор, как он в последний раз открывал дверцу? Честно говоря, он уже не помнил. Да и открываются ли еще эти дверцы? Брезентовый верх у него был самообновляемый, все ходовые части неплохо смазаны — в конце концов для этого он и останавливался на станции техобслуживания. С его ограниченными производственными способностями создать нужную смазку дело непростое. Хорошо еще, что для превращения старых масел и бензина в нечто удобоваримое большого вмешательства на молекулярном уровне и не требовалось. Да, дверцы должны открываться. Должны-то должны, но когда ты позволяешь кому-то сесть… когда ты впускаешь кого-то…

Они могли бы покататься.

В том-то все и дело. Рулевое колесо было в полном порядке. Педали тормоза и газа работали. Рычаг переключения передач тоже. Да и набегал он не так уж и много. По крайней мере ресурс не выработал. Да и куда было бегать. Его последним зарегистрированным владельцем был Дэвид Уивер. Дэвид Уивер умер бездетным вдовцом 852 года назад. На следующий день после смерти Дэвида полиция явилась за Джипом. Он оказал сопротивление и, удирая, проехал по ногам полицейского. Сломал ли он их, Джип так и не узнал, потому что подался в бега, ушел в лес. Его так и не поймали.

И вот теперь эта женщина. Но она не хотела обладать им. В этом Джип был уверен. Иначе зачем бы ему было мигать фарами? И открывать дверцу?

Женщина подошла и села.

В знак доверия Джип открыл ей дверцу со стороны водителя, но она пробралась дальше и устроилась в пассажирском кресле. Он включил внутренний обогреватель. Вентилятор поднапрягся, скрипнул, повернулся, слегка подрагивая — как-никак отдыхал почти год, с того самого дня, когда он устроил себе ежегодную переборку всего ходового механизма, — и заработал легко и бесшумно. Воздух в кабине быстро теплел.

— Так лучше, — сказала женщина, согревшись. — Здесь так мило. Так уютно. Можно сидеть, смотреть на реку и совсем не мерзнуть.

Хотя Джип и приготовился стерпеть то, что обещало стать нелегким испытанием, присутствие женщины вовсе не оказалось неприятным. Странно, но оно даже добавило… как там она сказала… уюта.

— Мы ведь все ничего больше и не делаем, только работаем да спим. У многих инженеров конвертеры трудятся круглосуточно и без перерыва. Верный способ спалить мозги за несколько недель, а у нас ведь лучшие мозги во всей солнечной системе. Просто позор.

Она вздохнула.

— Вот почему я так рада, что нашла это место и встретила тебя. Это моя единственная отдушина. С этим холмом творится что-то непонятное. Здесь какая-то аномалия. Может быть, проблема в подложке гриста. Неважно. Важно то, что здесь меня никто не найдет, и здесь со мной никто не свяжется. Мой босс считает, что я умышленно игнорирую ее вызовы, а я и не спорю — пусть думает, что хочет.

Мне ведь много не надо. Часок-другой наедине с собой раз в несколько дней. Без этого мне не выдержать. И почему только они сами этого не понимают? Мне нужен этот перерыв, если они хотят, чтобы я изобрела для них совершенное оружие. Да, я могу работать девяносто часов в неделю, но чтобы творить, мозг должен отвлекаться.

А еще я хочу увидеть Землю. До войны я и представить не могла, что попаду когда-нибудь сюда. Моя родина — Вас в Акали-Дал-болса. И большую часть жизни я провела на Меркурии, в университете Сюй-Сюй. Была профессором физики. Ты ведь вряд ли покидал когда-нибудь Землю?

Разумеется, Джип ее не покидал.

Женщина заговорила о своем прошлом, о долгой и извилистой тропе, по которой она, седьмая дочь в китайско-сикхской семье, прошла от подающей надежды ученицы до нынешнего положения. В школе ее увлекали математика и прочие точные науки. Отец, предвидя перспективы относительной бедности и плохо понимая, что там за мир лежит за границами его болсы, все же проявил терпение и твердость и, осознав, что способности дочери требуют дальнейшего развития, отправил ее учиться дальше. Женщина говорила о проснувшемся в ней в какой-то момент стремлении не только понять физический мир цифр и фактов, но и весь мир вообще, во всем его многообразии. А еще она любила. И стремилась познать и понять вселенную, чтобы полюбить и ее.

В последующие осенние и зимние месяцы она приходила еще не раз. Кроваво-красные и желто-коричневые листья побурели,

истончились и рассыпались, потом выпал снег, а Гудзон все катил свои воды, словно и не замечая ведущейся в небесах над ним жестокой войны.

Джип не вымолвил ни слова — он только слушал рассказ женщины.

Глава вторая

Звали ее Пин Ли Сингх. Вундеркинд, выросший на Васе. Отец Ли, Хьюго, неутомимо толкал среднюю дочь наверх — сначала пропихнул в местную школу для одаренных детей, а потом принялся забрасывать письмами все крупные университеты Солнечной системы, обращая их внимание на то, какое, говоря его собственными словами, «Невероятно Счастливое Будущее» сулит им обретение такого сокровища, как Ли.

Когда там убедились, что способности девушки не только соответствуют энтузиазму отца, но и превосходят их самые смелые ожидания, предложения посыпались одно за другим, и не успела Ли понять, что происходит, как ее оторвали от груди шумной, вздорной, но любящей семьи и отправили в нежном возрасте четырнадцати лет в университет Сюй-Сюй на Меркурии, где она стала участницей специальной Программы Опережающего Обучения.

Внезапная смена обстановки, разрыв с прежней жизнью в скромной семье представителей нижнего среднего класса, обитавшей в индустриальном дистрикте Акали-Дал-болса, произвел сильнейшее впечатление на психику и еще неокрепший ум девушки. Меркурий был центром человеческой цивилизации — этот факт не подлежал сомнению, — а город Бах по праву считался самым современным дизайнерским проектом и самым живым, активным и развивающимся метрополисом из всех существующих.

Собственно говоря, Бах представлял собой два города, соединенных между собой с тем же изяществом, с каким ювелир соединяет два тончайших элемента драгоценного украшения. Работавший над проектом архитектор Клаус Браниган утверждал, что вдохновлялся концертом номер 1 до-минор для клавесина древнего композитора Баха. Одной основой послужил деловой и правительственный центр, Нью-Франкфурт, похожий, если смотреть сверху на колонию источающих свет пиритовых кристаллов. И внутри этих кристаллов — великолепная инкрустация в виде жемчужных цепочек, Кале, ожерелье из жилых комплексов. Каждый квартал представлял собой сферический контейнер — но при этом далеко не идеальной шаровой формы, как настоял Браниган, — где жили рабочие, и располагался на некотором удалении от угловатых торговых и промышленных сооружений, где люди работали.

В жилых зонах Кале лучи ближайшего твердого солнца просачивались сквозь куполообразные крыши и стены из

материала, гораздо более прочного, чем алмаз. Вместе все эти сложные системы удерживались — на видимом уровне — атомной силой. Небо отливало мягким опаловым сиянием — как небеса в какой-нибудь мифологии.

Ничего столь же прекрасного юная Ли никогда еще не видывала, а потому, выйдя из автобуса, доставившего ее в Бах с меркурианского северного полюса, даже остановилась. В Нью-Франкфурте, где находился ее университет, солнечный свет был жестким и, казалось, даже более густым из-за своей яркости. Либо носи защитные очки, либо заводи другие глаза — иного не дано. Но в Кале все обстояло иначе. На протяжении тех лет, что Ли провела на Меркурии, она никогда не уставала от мягкого фосфоресцирующего сияния, которое остаточный заряд солнца изливал на людей меркурианскими ночами.

Первые годы она провела в тесном общежитии. Каждый год ей предоставлялось все больше места — словно ее расширяющиеся ментальные горизонты требовали соответствующего расширения бытовых границ. Хьюго Сингх не ошибся — его дочь была чудом. Первый год Пин работала по общему учебному плану, но когда ее математические и научные способности проявились со всей очевидностью, девушку перевели на еще более продвинутый курс. Новая программа еще больше увела Ли от гуманитарных наук и даже от наук о жизни и машиноведения, к чему она всегда проявляла интерес. На протяжении последующих десяти лет Пин Ли Сингх занималась исключительно теоретической и экспериментальной физикой. Каждый день. По много часов. К двадцати четырем годам она прошла путь от студента-выпускника до временного преподавателя в университете Сюй-Сюй. А еще у нее закрутился бурный роман с человеком, которого считали самым выдающимся физиком своего поколения, профессором Хамараби Текстоком.

Текстоk был многократно дублированным, полностью интегрированным БМП, Большим Массивом Персоналий, известным как манифолд. Поскольку Ли была любовницей всего комплекта личностей, а не одного какого-то аспекта, она никогда не знала, в каком аспекте — т. е. в какой физическом теле — предстанет перед ней Текстоk. Профессор прибегал у этому способу еще и для того, чтобы избежать сплетен и пересудов, которые непременно появились бы, если бы к Ли постоянно приходил еще и тот же мужчина, и рано или поздно могли бы дойти до его жены, тоже БМП, только низшего порядка сложности.

Мужчины самых разных обличий (а иногда и женщины) регулярно появлялись в квартире Ли; в квартире, которая,

благодаря финансовой помощи Текстока, была значительно просторнее тех, что могли позволить себе большинство преподавателей. Иногда она смущалась из-за этого, но чаще радовалась, что после десяти лет тесноты и компании людей, которые и после работы не могли или не желали не говорить о физике или, что еще хуже, жизни ученого-физика, может позволить себе побыть в одиночестве. За эти десять лет она выслушала все жалобы, стала свидетелем пары интеллектуальных катастроф и научилась не слушать наукообразный треп, остановить который боялась из страха обидеть кого-то.

Она очень любила Текстока. Его гениальность не подвергалась сомнению — он внес ощутимый вклад в хромодинамику, основываясь на идеях Мерседа относительно странных квантовых искажений во временных линиях. Втайне Ли предпочитала заниматься сексом с двадцативосьмилетним аспектом Текстока, тело которого он поддерживал в отличной форме регулярными занятиями; он же настаивал на том, чтобы предаваться любовным утехам в ее спальне и в полнейшей темноте. В конце концов она была его самой обещающей студенткой, а теперь и его протеже в университете. Для Ли их встречи были прежде всего встречей интеллектов.

Пин с удовольствием задержалась бы в Сюй-Сюй еще на несколько лет, получив должность профессора с тем, чтобы потом поступить на работу где-нибудь в Мете. Темой ее дипломного проекта было то же самое исследование временных линий, что принесло известность Текстоку. На протяжении ряда лет она изучала странные вариации эффекта Мерседа, отмеченные одной ее подругой при проведении экспериментов в области механики информационных потоков.

Эффект Мерседа получил такое название в честь величайшего гения, человека, жившего пятью столетиями ранее, Рафаэля Мерседа. Суть эго открытия сводилась к некоему засекреченному ингредиенту, благодаря которому грист становился не просто достижением нанотехнологии. Благодаря открытому Мерседом принципу человечество освоило мгновенную передачу информации на значительном расстоянии с помощью квантово-связанных гравитонов. На эффекте Мерседа держалась вся населенная людьми солнечная система. Овладев эффектом Мерседа, человечество получило возможность обеспечивать связь со скоростью, превышающей скорость света. Фактически мгновенную связь.

Однако иногда, при весьма странных обстоятельствах, эффект Мерседа не срабатывал. Точнее, срабатывал, но как-то непонятно, и информация передавалась как будто в зашифрованном и не

поддающемся расшифровке виде. Можно было бы отмахнуться, назвать это все чушью, но математика говорила — нет, не чушь. Разумеется, такое было невозможно. По крайней мере невозможно с учетом законов физики по состоянию на 3012 год, двадцать четвертый год ее, Пин Ли, существования. Ей все же хотелось думать, что коренной пересмотр современной физики не потребуется. Однако, разгадав загадку очевидной аномалии, она бы не только сделала себе имя и обеспечила собственное будущее, но и добилась статуса БМП. К тому ей было просто интересно.

Ли работала, упорно отсекая лишнее, отбрасывая одно неверное решение за другим, когда эксперимент не подтверждал расчеты, или сами расчеты, элегантные и прекрасные, не соотносились друг с другом. Каждую неудачу она считала еще одним зернышком в копилку знаний.

А когда Ли не работала, у ее двери появлялся Текстоk, алчный, ненасытный прожорливый — во всех смыслах. Их свидания происходили по одному, заранее определенному порядку, с редкими и незначительными отступлениями: Текстоk всегда приносил цветы — настоящие, собранные с клумбы Городского сада. Ей особенно нравились меркурианские маргаритки, снабженные радужными, переливчатыми светодиодами и батарейками размером с молекулу. Они собирали свет так, как это никогда бы не получилось у природных цветов, и освещали комнату в течение нескольких часов. Пока Ли занималась цветами, Текстоk заказывал еду. Продукты поставлял квартирный грист, и стоило все это неимоверно дорого. Текстоk, хлебнувший в детстве немало лишений, любил иногда побаловать себя роскошными изысками. Ли, никогда себя не обманывавшая, понимала, что она и сама такой же каприз. Впрочем, вкус у Текстока был отменный, блюда получались вкусные, и она сама приготовить нечто подобное из готового сырья позволить себе просто не могла, не говоря уже о том, чтобы получить исходные продукты с требуемыми свойствами из гриста.

Текстоk всегда ел быстро и неизменно заканчивал раньше Ли, после чего сразу же вытирал губы и проводил языком внутри рта, освежая дыхание внутренними пелликулами. Она знала — это сигнал к тому, что он готов трахаться.

Ли торопливо освежалась, и они отправлялись в спальню. Текстоk закрывал дверь, запирал ее сложным шифром, который отфильтровывал все следящие устройства вплоть до атомного уровня, и выключал свет. Ли ощущала себя кем-то вроде Психеи наоборот, которой Купидон лишь в темноте являет себя в образе бога, тогда как за стеной, в гостиной или кухне, при свете дня, он

предстает самым обычным человеком с уверенными аппетитами.

Текстоk обволакивал ее своими пелликулами и вбирал в себя, висцерально делясь собой с нею. Уже через мгновение их сердца бились как единое целое, дыхание смешивалось, и во время такого коитуса Ли могла видеть многогранный мир глазами БМП.

Некая виртуальная частичка Текстока была имплантирована в атмосферу Венеры и носилась там на сернокислых ветрах. Дюжины индивидуальных аспектов, тел занимались самыми разными делами: преподавали, любили и трахали других студенток по всему Мету. Всех их объединяло ощущение общности, единства, целостности, поскольку многочисленные аспекты и модификации БМП общались между собой мгновенно и совершенно легко. Все они были им. Ли как будто находилась в калейдоскопе. Нет, она как будто была калейдоскопом.

Текстоk кончал в нее, и калейдоскоп поворачивался. Мир Ли — ее присутствие в его сознании — взрывался цветными осколками. Она расслаблялась и рассыпалась, растворялась в нем, а он, кончая следом, собирал ее заново и возвращал, единую и одинокую, в постель.

Это время Ли ценила больше всего, потому что он разговаривал с ней. Обо всем понемногу. О трудном детстве и его собственных детях, которыми он неумеренно гордился и которых, сам того не сознавая, баловал. О погоде, заказанной правительством на следующую неделю. О каком-нибудь шоу, которое он смотрел по мерси и в котором сам принимал виртуальное участие, скача верхом на лошади. В общем, о мелочах. И никогда о физике. О ней говорили на работе, в офисе, где Текстоk держался с ней совершенно иначе: бесстрастно и даже неестественно. Тем не менее ей нравилось, что там, за сценой, он оделяет ее своим вниманием, что его имя стоит рядом с ее именем как автора работ. Ее запросы на получение грантов всегда получали одобрение и проходили. Возможно, иногда говорила себе Ли, они проходили бы и без его участия. Возможно, она была умна и даже гениальна сама по себе, в чем ее постоянно убеждали коллеги. Откровенно говоря, ей было все равно; главное, что она продолжала свою работу и имела весьма бурную, пусть и скрытую от всех, личную жизнь.

А потом пришла война и все разрушила.

Глава третья

Из «Оружия, основанного на грист-технологии»

Полевое руководство федеральной армии

Составлено Лабораторией передовых исследований, Тритон

Герардо Функ, коммандер.

Раздел I. Введение.

1. Цель и область применения

Данное руководство является инструкцией по военному использованию гриста (мил-грист) — его применению в качестве оружия для уничтожения препятствий и проведения скрытых операций и наступательных действий с задержкой во времени.

2. Грист-оружие

Оно же мил-грист-оружие. Созданное на базе гриста оружие использует нанотехнологию Джозефсона-Феймана в качестве средства разрушения участков, структур, материалов или людей с целью достижения поставленной военной цели. Оно применяется для ведения как наступательных, так и оборонительных действий. Обычно грист-оружие состоит из механизма и алгоритма, либо разумного, либо «тупого», контролирующего развертывание гриста на молекулярном уровне.

3. Двумя дополнительными элементами конструкции моделей и их использования в полевых условиях являются желаемый тип атаки и способ маскировки.

4. Примечания.

Замечания и предложения по данному руководству пользователи могут направлять Коменданту Лаборатории передовых исследований с указанием соответствующих разделов и подразделов. Нит-адрес: 33 Эхо-Репликация-Чарли-Торо.

Глава четвертая

А получилось все совсем не хорошо. Полковник Теори, заместитель командующего военными силами на Тритоне, был уверен, что принял все необходимые меры предосторожности: запомнил — в буквальном, разумеется, смысле — все самые важные книги по человеческой психологии, особенно те, в которых содержалась информация по ухаживанию и спариванию и выбрал самое удобное место встречи в мерси. По крайней мере ту часть мерси, где еще можно было вести такого рода дела.

Однако ни чудесные приборы из дуба, ни восхитительные искусственные цветы «Кафе Камю» провернуть фокус не помогли. Точнее, фокус получился совсем другой. Дженни Филдгайд буквально пожирала взглядом его мужественные формы. О, да, он прочел вполне достаточно специальной литературы, чтобы понимать, что означает этот взгляд. Для этого вовсе не обязательно даже быть биологическим человеком. Первая проблема заключалась в том, что она упорно не желала слушать, что он говорит. Вторая — в том, что эти самые мужественные — пусть и виртуальные — формы, созерцаемые ею с таким вожделением, принадлежали не ему, а его хорошему другу и коллеге, капитану Джону Квенчу.

— Все сводится к тому, — сказал Теори, — что большинство моих друзей — это виртуальные сущности. Свободные конвертеры. Как, например, Теори.

Теори кивнул в сторону самого себя, сидящего за столиком напротив. Формы Теори для этого милого свиданьица принял на себя именно он, Квенч. И именно Квенч, представший в качестве Теори, грустно улыбнулся Дженифер, которая тут же ответила ему.

Я ей не нравлюсь, подумал Теори. Все пропало! Все впустую! Но будучи запрограммирован на решительное поведение, он, пусть и неуверенно, двинулся дальше.

— Да я и сам иногда думаю о себе как о виртуальной сущности — столько их вокруг!

Дженифер рассмеялась. Получилось восхитительно, как будто прозвенел колокольчик — хотя, возможно, все дело было в атмосферном алгоритме «Кафе Камю». Заведение проектировалось так, чтобы представлять своих гостей в наилучшем виде, причем, это касалось и звука, и запаха, и текстуры — всего спектра ощущений.

Она протянула руку и легко коснулась кончиками пальцев его запястья.

— Можете не говорить — я ничего этого не знаю. Для меня вы и здесь, в мерси, совсем не виртуальны, а очень даже реальны.

Сидевший напротив Квенч застонал. Теори знал, что он согласился появиться здесь сегодня под видом Теори, только поддавшись его униженным мольбам. А еще Теори знал, что первоначально Квенч был биологической женщиной и был влюблен в мужчину по имени Артур, биолога на Европе.

Проблема возникла из-за того, что Теори, вознамерившись однажды вечерком посетить танцы в реальном мире, позаимствовал физическое тело Квенча. Танцульки удались. Даже слишком. Все закончилось горячими поцелуями с Дженифер Филдгайд. Сказать, что он влюбился в нее, было бы логически неверно — он ведь и не знал ее совсем. Скорее, увлекся. Втрескался по уши.

Квенч, узнавший о случившемся после романтического звонка Дженифер, выразил свое праведное возмущение и даже пригрозил самолично открыть несчастной глаза, но Теори отговорил его от столь опрометчивого поступка. Потом началась война, то да се, многое изменилось (сам Теори за выдающиеся заслуги был произведен в полковники), и вот теперь, по прошествии нескольких недель бедняжка Дженифер по-прежнему пребывала в полнейшем неведении относительно того, кто же на самом деле ее кавалер.

— Видите ли… дело в том… — Теори хотел бы откашляться, прочистить горло, но в «Кафе Камю» горло всегда чистое, так что заполнить неловкую паузу было совершенно нечем. Пришлось повториться. — Дело, видите ли, в том…

Дженифер смотрела на него большими и нежными глазами. Каштановые волосы переливались, и вся она словно купалась в загадочном мерцающем сиянии.

— Дело в том, что вообще-то я — это он, — сказал Теори, указывая на Квенча, — а он — это я.

— Да, — подтвердил Квенч, — и мне нравятся мужчины.

Дженифер оторопело откинулась на спинку стула. Аналитическая составляющая Теори подметила, что коэффициент контрастности в зале изменился с 3:2 на 2:1, усилив производимый Дженифер эффект. Не прошло мимо его внимания и то, что цвет ее помады тоже поменялся — с красного на винный.

— Что-то я не пойму, — пробормотала она. — Честно говоря, совсем запуталась. Хотите сказать, Джон, что вы гей?

— Нет, я гетеросексуал. Я его имел виду. — Теори указал на Квенча.

— Так он же и сказал, что он гей, — попыталась разобраться

Дженифер.

Полковник помолчал, собираясь с мыслями.

— Я лишь хотел сказать, что я не капитан Джон Квенч.

— Квенч — это я, — сказал Квенч.

— Но я думала, что вы полковник Теори.

— Я — Теори, — сказал Теори.

Квенч рассмеялся. Приняв визуальный облик Теори, он тем не менее сохранил свой собственный, раскатистый и добродушный, смех.

— Может, так будет яснее. — Квенч махнул рукой и мгновенно преобразился в себя самого, приняв свой нормальный виртуальный облик, бывший копией его физической сущности. И одновременно точным двойником того образа, который временно принял на себя полковник Теори.

Дженифер повернулась к Теори.

— Вот видите. Поэтому мне и не очень-то нравятся все эти свободные конвертеры. То есть с технической точки зрения они может быть и люди, но на чужие чувства им наплевать.

Тяжелая тень рока коснулась Теори. «Кафе Камю» старалось вовсю, представляя полковника в наилучшем виде, но внутри его воцарилась кромешная тьма.

— Я — свободный конвертер.

— Что вы такое говорите? — снова рассмеялась Дженифер. Но теперь звонкий колокольчик звучал в ушах полковника погребальным колоколом. — Вы же танцевали со мной! В реальном мире. Вы поцеловали меня, Джон.

— Меня зовут Теори, — сказал он, становясь самим собой.

Некоторое время она молча таращилась на него. Потом побледнела — «Кафе Камю» моментально добавило ее личику романтической белизны, списанной, наверно, с лилии. В глазах блеснули слезинки.

— Вы поцеловали меня, — прошептала она. — Вы.

Он повесил голову.

— Да. Это я вас поцеловал. Я, Теори. Но в тот вечер я был в теле Джона Квенча. Мы с ним поменялись…

Сенсоры добавили драматического эффекта.

— Вы… поменялись?

— В тот вечер Джон играл меня, а я — его. Мы вроде как заключили пари. Глупо, конечно…

— Да уж, — нервно рассмеялась Дженифер.

— Признаюсь, это я его подбил, — сказал Квенч.

— Мы оба сожалеем, что так получилось, — неуклюже продолжил Теори. — Но если вы…

— Вы сожалеете? — Ножки стула жалобно скрипнули —

Дженифер поднялась из-за стола. — Вы воспользовались мною, чтобы доказать что-то друг другу, а теперь говорите, что сожалеете?

Теори тоже встал. Ему так хотелось протянуть руку, дотронуться до ее пальцев, вытереть со щеки катившиеся крохотными жемчужинами слезы. Но он сдержался и не сделал ни того, ни другого.

— Мы ничего друг другу не доказывали. Поверьте, Дженифер. На самом деле вы очень мне нравитесь. Вы, конечно, еще совсем юная, но уже такая независимая. И у вас доброе сердце. Я понял это все в тот самый вечер. И еще… вы очень красивая. Никого прекраснее я еще не встречал.

Дженифер медленно покачала головой.

— Вы решили, что я красивая? — Теори видел, что девушка дрожит. — Вы? Гребаная компьютерная программа!

— Я человек, — ответил Теори твердо, словно констатируя это как факт. — Я мужчина. И я хочу увидеть вас еще.

— Вы что, шутите?

— Нет.

Она повернулась к Квенчу. Теори понимал, в глубине души ей все еще хочется, чтобы это он, Квенч, был тем, кто поцеловал ее в тот вечер.

— А вы что можете сказать?

— Я могу сказать, — ответил майор, — что, если не считать моего возлюбленного, Артура, полковник Теори — самый лучший из всех мужчин, кого я знаю — в реальном мире и виртуальном. Скажу откровенно, я бы умер за него. И пару раз такое едва не случилось. — Тут Квенч не удержался от своей знаменитой улыбки, осветившей «Кафе Камю» словно выпорхнувшее из-за облачка летнее солнышко. — Думаю, вам стоит дать парню еще один шанс.

— Вы и вправду так думаете?

— Так точно, мэм.

Дженифер повернулась к Теори, и он постарался не только встретить ее взгляд, но и выдержать его. С надеждой?

— Никогда. Даже через миллион лет, — отрезала Дженифер. — Нептунских лет!

Она повернулась и гордо вышла из кафе. Двери из красного дерева с дымчатыми стеклянными панелями разошлись и бесшумно сошлись за ней.

Теори упал на стул.

— О Боже, — простонал он. — Мне конец.

Квенч ловким жестом прихватил два шерри с подноса проходившего мимо официанта, который продолжил движение в

заданном направлении, как будто ничего и не случилось.

— Думаю, ты ей понравился. Надо только дать девушке время — пусть она сама с этим свыкнется.

— Перестань, она сбросила меня со счета. Навсегда.

— По физиономии ведь не заехала, верно? Свиньей или ублюдком тоже не назвала? Или сукиным сыном…

— Какая разница.

— Я знаю женщин, — уверенно заявил Квенч. — Сам был в этой шкуре и снова в нее вернусь, как только получу повышение. — Он поднял бокал, принюхался. — Если бы она думала о тебе так, молчать бы не стала. А теперь давай выпьем.

Теори с мрачным видом взял шерри.

— Давай.

Квенч выпил. Залпом и до дна. Теори лишь пригубил. Шерри был хорош. Как и все прочее в «Кафе Камю». Все прекрасно и на высшем уровне — разве что цены высоковаты.

— Ну, и что мне теперь делать?

— Дай ей недельку, потом позвони. Пригласи куда-нибудь.

— Куда?

— Ну, с моим телом ты уже порезвился. Пригласи куда-нибудь в виртуальность!

— Думаешь, она согласится? После всего этого?

— Кто ж тебе скажет, черт возьми! По крайней мере ты еще не проболтался насчет сына. — Квенч опустил бокал на стол, и рядом с ним моментально материализовался официант с еще одним шерри. — Так или иначе, я знаю тебя, — продолжал майор. — Ты попытаешься еще раз. Сам. Мне даже не придется тебя подталкивать. Потому что ты самый напористый, самый настойчивый, самый упертый парень. И если цель поставил, своего добьешься.

— Вот и посмотрим. — Теори знал, что Квенч прав. Он не сдастся и не отступится, пока есть еще хоть какая-то надежда. Сдаваться — не в его натуре.

Может быть, во всех этих разговорах об одержимости свободных конвертеров что-то и есть, подумал он. Уж кем-кем, а расчетливым ублюдком я точно быть могу.

Сделав еще глоточек шерри, полковник Теори задумался над тем, как все-таки добиться любви Дженифер Филдгайд.

Глава пятая

Из «Оружия, основанного на грист-технологии»

Полевое руководство федеральной армии

Составлено Лабораторией передовых исследований, Тритон

Герардо Функ, коммандер.

Раздел 11. Тактические вопросы.

Военный грист применяется как в наступательных, так и в оборонительных операциях, а также для разрушения крупных структур.

Прямой штурм.

Во многих случаях грист-мил может применяться по прямому назначению, как есть, для решения одной или всех следующих задач:

1. Ликвидация физической целостности обороняющейся стороны с последующим ее разрушением.
2. Нарушение алгоритма гриста защищающейся стороны с последующим ее разрушением.
3. Лишение защищающейся стороны возможности выполнять командно-контрольные функции с последующей путаницей на поле боя.
4. Использование гриста защищающейся стороны в интересах атакующей для достижения вышеуказанных задач.

Главная цель — незамедлительное уничтожение противника.

Отсроченный штурм.

В некоторых случаях ситуация требует отсроченного или отложенного по времени штурма. Многофункциональное оружие может находиться в состоянии ожидания до тех пор, пока изменившиеся условия не потребуют его активации. Оно может также выполнять различные многократные действия в течение

всего срока использования. Снабженное контролирующим алгоритмом достаточного интеллекта, такое оружие способно адаптироваться к меняющейся боевой обстановке, доказывая свое многократное превосходство над «тупым» оружием.

Фортификация и оборона

Возможности применения при решении оборонительных задач:

1. Фортификационные укрепления

Грист-периметр служит как предупреждающим устройством, так и передовой линией обороны при вражеском наступлении. Развертывается на уровне роты и выше, вплоть до театра военных действий.

2. Мины и минные поля

См. ниже.

3. Антиинформационные зоны.

Мил-грист может быть развернут для нарушения или воспрепятствования работе коммуникационных линий противника в заданном районе или системе (например, нервной системе человека).

Непосредственное уничтожение

Мил-грист высокоэффективен в разрушении физических объектов и рассечении коммуникационных линий.

Применяется для:

1. Отсроченных разрушений

Установленные заранее заряды используются для уничтожения объектов при стратегическом отступлении или отводе войск. В этих случаях они находятся под контролем разумных свободных конвертеров, которые поддерживают и сохраняют их в «безопасном» состоянии до необходимого момента.

Отсроченное использование применяется также в отношении наземных и космических минных полей, снабженных разумными или полуразумными индивидуальными устройствами.

2. Нацеленных разрушений

Применяются в случаях, когда вмешательство противника маловероятно, и для установки есть достаточно времени. Нацеленные разрушения

экономичны по энергозатратам и компьютерным ресурсам, а потому эффект их сравнительно больше по отношению к затратам.

3. Оперативных разрушений

Используются в условиях недостатка времени, когда быстрота важнее экономии. Особое внимание следует обращать на распоряжение зарядов, каждый из которых должен незамедлительно снабжаться контролирующим алгоритмом. Времени на установку потребуется при этом больше, но и вмешательство противника не помешает достичь по крайней мере частичного успеха.

4. Отсроченное разрушение

Преимущества при использовании отсроченных разрушений те же, что и в прочих случаях с использованием отсроченного оружия. Отсроченные заряды помогают захватить противника врасплох и при употреблении за линией фронта неприятеля вызывают сокрушительный эффект. Особенно результативны в сочетании со стелс-технологиями.

Для отсроченных разрушений применяются также минные поля, как наземные, так и космические. Размещенные за вражескими линиями, устройства используются в качестве пассивных наступательных средств.

Глава шестая

Может быть, единственное, что нравилось Обри на Марсе, это его гравитация. Сила тяжести здесь была гораздо ближе к ее родной, меркурианской, чем стандартная, земная, создаваемая и поддерживаемая повсеместно в Мете. Когда она пять лет назад посещала Меркурий в последний раз, то весила около сотни стандартных фунтов. Сейчас, в свои шестнадцать, Обри тянула уже на двадцать фунтов больше. Здесь же, на Марсе, ее вес составлял около сорока фунтов — всего-то восемнадцать килограммов. И не какого-нибудь жира, а прежде всего мышц.

Обри уже полностью адаптировалась к космосу. Процесс приспособления оказался долгим и занял несколько лет; альтернативный, краткосрочный вариант с применением специальных средств был крайне дорогим. Да и в любом случае получить доступ к спецсредствам не так-то легко, когда ты в бегах, когда тебя разыскивает правительство, а за твою голову назначена награда в пятьдесят тысяч гринлифов.

Эффективно заменявшая скафандр пелликула позволяла Обри стоять сейчас на краю обрыва и без помех вглядываться в зияющую под ногами бездну. Ее собственная кожа была прочнее стандартного планетного костюма и позволяла выдерживать даже удар микрометеорита. Энергетическая система организма давно переключилась с дыхания и приема пищи на замедленную реакцию синтеза, хотя она иногда ела, пила и дышала, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания и ничем не отличаться от других. Впрочем, здесь, на поверхности Марса, когда рядом никого не было, дышать вовсе и не требовалось.

Да и вдыхать нынешнюю марсианскую атмосферу никто бы добровольно не стал, подумала Обри. Когда-то, столетия назад, воздух здесь был приятный и чистый, углекислый газ практически без примесей. Теперь же он представлял собой густую мешанину отвратительных органических соединений — печальный результат провалившихся экспериментов по терраформингу, имевших место в 2700-х. Грист и биоинженерная протозоя, соединившись, дали эффект чудовищных пропорций. Процесс начался в южном полушарии, и там масштаб и глубина разрушений были еще значительнее. Но и здесь, на экваторе, поверхность все еще покрывал тонкий слой токсичной жижи. Каждый шаг сопровождался — даже в редкой атмосфере Марса — противным чавкающим звуком. Каждый год несколько пришлых умирали только из-за того, что кто-то по неосторожности приносил с собой эту дрянь под герметичный купол городов. Те

же, кто жил на Марсе достаточно долго, проходили несколько утомительных антитоксичных модификаций грист-пелликулы. Стоило это недешево, и на протяжении трех сотен лет служило надежной мере по снижению притока приезжих. Ядовитая жижа — местные называли ее «мораба» — атаковала в первую очередь центральную нервную систему. У Обри такой проблемы не было, потому что у нее не было больше нервов — их заменили провода.

Терраформинг в немалой степени изменил и планетный ландшафт. Марс был когда-то пустыней, изрытой периодически наполнявшимися водой каналами. Теперь же равнины южного полушария, например, Хеллас, действительно являли собой мелкие моря, заполненные морабой, а холмы и горы превратились в острова. На севере морабы было меньше, но и ее вполне хватало на то, чтобы покрывать тонким слоем все открытые поверхности. Планета сохранила свой древний, красноватый оттенок, объяснявшийся присутствием в составе коры оксида железа, и теперь ее поверхность более всего напоминала воспаленные язвы с сочащимся гноем.

Единственным положительным последствием терраформинга стало исчезновение марсианских песчаных бурь — мораба абсорбировала частички из воздуха и удерживала их своими клейкими компонентами. В связи с этим, однако, изменилась привычная смена песчаного покрытия на полюсах, и они постепенно разрушались — драгоценная вода сцеплялась с бесполезной органической кашицей атмосферы, где отделить ее было слишком трудно.

В общем, думала Обри, превратили планету в помойку. Но урок не прошел бесследно хотя бы потому, что научил приспосабливаться самим, а не менять ландшафт под себя. Кто знает, что бы стало с Венерой или Европой, если бы люди попытались провернуть на них те же трюки?

В тысячах футах под ней лежал Ноктис Лабиринтус, долина, образовывавшая некогда громадный экваториальный разлом, известный как Долина Маринера.

Где-то там, на мрачных склонах, была мать Обри.

Обри потратила годы, пытаясь отыскать ее. Один за другим она испробовала попадавшиеся ключи, одну за другой прошла десятки тропинок, но все приводили в тупик. К счастью, в Мете с ней работали лучшие виртуальные хакеры, заставлявшие мерси выделывать такие фокусы, о которых его создатели не имели и представления, а если и имели, то считали непотребством и непристойностью — по крайней мере с точки зрения проектирования.

Вот так она нашла Данис. Вместе с сотнями тысяч других

свободных конвертеров ее удерживали клочке гриста площадью в один квадратный километр на дне Ноктис Лабиринтус.

То был концентрационный лагерь для разумных компьютерных программ. Они называли его Силиконовой Долиной.

— А-3 на позиции, — мысленно сообщила Обри по обходному каналу партизанскому координатору, игравшему в этой операции роль ретранслятора. «А» указывало на тот факт, что она присутствует здесь в форме аспекте, то есть телесно, а «3» — на то, что поблизости есть и другие физические существа.

Был еще А-2 — настоящее имя Бин_128А. Бин был крысой. Буквально. И, конечно, бывшим свободным конвертером. До человека он вырос на Нептуне, когда партизанские силы только зарождались. Сейчас Бин находился в одном из старых Ф-туннелей, через который Обри собиралась уйти.

А-3 была ее подругой и наставником, Джилл. Ей предстояло напасть на лагерь с другой стороны, подняв при этом как можно больше шуму. Джилл должна была осуществить отвлекающий маневр в физическом мире, как можно дальше от позиции Обри. Сама же Обри составляла часть виртуального ударного отряда. Именно у нее было то, без чего операция не имела бы шансов на успех.

— С-12 принял, — ответил связной, ви-хакер, находившийся далеко от Марса. Точнее, он вообще нигде не находился. «С» означало конвертера. Джилл не знала его настоящего имени да и знать не хотела. Именно свободные конвертеры подвергались в Мете наибольшей опасности. Биологических людей могли арестовать и даже засадить пожизненно за решетку. Конвертера-повстанца ждало наказание похуже — его отправили бы в одно из жутких мест наподобие, например, Долины.

Первое правило партизан звучало так: «Лишнее узнал — навседа пропал». Чем меньшей информацией владеешь, тем меньше из тебя вырвут, если схватят.

Обри выслушала доклады остальных членов диверсионной группы.

— С-1 докладывает. Первый прожиг инициирован, — сообщил С-1. Обри знала, кто такой С-1. Его знали все. Как и Джилл, в партизанских кругах он стал чем-то вроде легенды. Конвертер-хакер по имени Элвин Нисан. В своем деле он был лучшим. Обри познакомилась с ним на Нирване, где он числился в Друзьях Тода. Друзей Тода традиционно считали пацифистами, однако сейчас Элвин возглавлял операцию, в ходе которой могло погибнуть немалое число агентов Департамента Иммунитета.

Наверное, подумала Обри, Элвин вышел из Друзей Тода. Нет,

об этом сейчас лучше не думать. Плохо уже то, что она знает его настоящее имя и идентификатор. Пожалуй, стоит переформатировать память.

В мозгу у нее уже было несколько пробелов — мест, откуда она, опасаясь задержания, намеренно удалила определенную информацию. Натыкаясь на них, Обри неизменно испытывала неприятное чувство. Умом она понимала, почему вот здесь ничего нет, но при этом ей каждый раз нестерпимо хотелось знать, что же она стерла. Может быть, со временем ученые изобретут алгоритм стирания, который позаботится и о эмоциональной реакции на утраченное знание. Было бы неплохо, даже в чисто практических целях. Конечно, ловкие следователи научатся узнавать кое-что и по тому, чего ты не знаешь, но должен знать. Надо будет выяснить этот вопрос на следующем сеансе.

При условии, конечно, что она доживет до конца этой операции.

— С-1 докладывает, первый прожиг установлен, — сообщил С-12. — Ждем стабилизации.

Ожидание могло затянуться примерно на час, по крайней мере такое время получалось по расчетам готовившей операцию команды хакеров. Сейчас штурмовой отряд был соединен с Силиконовой Долиной через заднюю дверь в мерси. Но процесс, как выразился Элвин, должен быть «коммутативным». Попытка пробить виртуальный двусторонний туннель в гристе Ноктис Лабиринтус вызвала бы срабатывание сигнальной системы, и тогда миссия закончилась бы, так толком и не начавшись. Идея заключалась в том, чтобы подобрать ключик к замку на уже имевшейся двери.

Физически Обри расслабляться не стала, но переключалась в режим ожидания, состояние, к которому вполне привыкла за последние годы. Прыгать в бездну еще не скоро. Она подавила желание шагнуть к краю и сделать шаг в пустоту. Где-то там, внизу, спеленатая одеялом гриста, ее мать.

Я уже иду, мама, подумала Обри. Я спасу тебя!

Но не сейчас.

Глава седьмая

Из «Оружия, основанного на грист-технологии»

Полевое руководство федеральной армии

Составлено Лабораторией передовых исследований, Тритон

Герардо Функ, коммандер.

Раздел III: Типы стелсов

1. Сокрытие

Физическое сокрытие оружия или подрывного заряда бывает иногда единственным вариантом и может быть весьма эффективным, когда противник не использует активно средства грист-детекции. Грист-оружие, скрытое в другом оружии, способно нанести эффективный второй удар.

2. Камуфляж

Спрятать грист чрезвычайно легко. Разумный и полуразумный грист можно сделать прозрачным для электромагнитного излучения. В целях недопущения обнаружения иными средствами используются изотропические эффекты. Как правило, обнаружить закамуфлированное грист-оружие можно только с помощью специализированных средств детекции.

3. Мимикрия

Копирование структуры, территории или человека на протяжении продолжительного отрезка времени чрезвычайно эффективно. Достаточно сложный военный грист может быть включен в структуру или систему — стать несущей стеной или, например, белыми кровяными клетками в теле вражеского солдата — и актирован для военного использования при созревании соответствующих условий.

Глава восьмая

Координация, выбор времени — вот что для повстанцев самое главное. Обри крепко усвоила этот урок пять лет назад, в возрасте одиннадцати лет, когда ее новый дом — островок безопасности, к которому она прибилась лишь за несколько месяцев до того, — превратился вдруг едва ли не в самое опасное место в солнечной системе.

Нирвана, изолированный остров — его называли «мицелием», — созданный трудами Друзей Тода посредине Мета, был обречен с того дня, когда Амес взял под свой контроль Совмещенный Директорат, и многие из Друзей Тода понимали это. А после того, как шеф разведки Амеса был «убит» во время визита на Нирвану, понимание опасности пришло даже к тем, кто упорно не желал ее видеть. Не прошло и нескольких недель, как Департамент Иммунитета подготовил и нанес удар.

Подруга Обри, Джилл, ныне лидер повстанцев, подготовиться успела, но помешать кораблям Департамента сделать свое черное дело не смогла. К тому времени, как их расстреляли из аннигиляционной пушки, Нирвана превратилась в выжженную пустыню, груду радиоактивного космического мусора. Сотни Друзей Тода — согласившиеся остаться добровольно и знавшие, что их ждет, — погибли смертью мучеников. Так они воевали с Амесом.

Но я так драться не буду, думала Обри. И уж если придется выступить до срока, постараюсь забрать с собой столько департаментских ублюдков, сколько смогу.

Она улыбнулась. То же самое сказала бы и Джилл. За прошедшие годы эта женщина стала для нее по существу старшей сестрой. Той самой, которой у Обри никогда не было. Кипучая энергия. Безрассудная смелость. И все это впрессовано в компактную фигурку чуть больше пяти футов высотой. Да еще дикая ярость неукротимого охотника на крыс, хорька, которым была когда-то Джилл. В буквальном смысле.

Обри и Джилл покинули Нирвану в числе последних, когда Мет уже нанес по ней удар. Джилл продумала отступление до последней детали, позаботившись о том, чтобы партизаны не оставили никаких следов или по крайней мере замели их как можно тщательнее. Среди Друзей Тода было немало мерси-инженеров и ви-хакеров, тех, кто выстраивал и обслуживал виртуальный мир. Если Амес планировал внезапную атаку, то явно выбрал не того противника. За несколько дней до того, как Департамент приступил к осуществлению операции, Друзья Тода

подключились к винкулуму, специальному сегменту мерси, обслуживающему армию Мета, и мерси-трафику в целом. Им удалось получить сигналы о некоем готовящемся крупномасштабном событии. Установить, о каком именно событии идет речь, оказалось не так уж и трудно.

Проблема заключалась в том, что убраться с Нирваны было не так-то просто. Изолированность разрозненных островков, составлявших так называемый мицелий, пошла в данном случае не на пользу тем, кто искал на них покоя и свободы. Быстрой эвакуации не получилось. Уехать, не оставив после себя никакого следа, было практически невозможно. Но Друзья Тода собрались и совместно решили проблему. Причем, сделали это в свойственном им стиле: обратились за советом к Тоду.

Обри, Джилл и их друг, Лео Шерман, доставили временную башню на Нирвану, и с тех пор он сидел среди своих сторонников как пробка в горлышке. В тот самый вечер, когда Друзья Тода получили известие об атаке, их лидеры, Отис и Гейм, созвали срочный совет и провели обряд поиска видений.

Собрание проходило в Доме Совета в Орегон-болса, главном анклаве Нирваны. Домик был накрыт густой сетью гриста, отчего Обри чувствовала себя не в своей тарелке. Переключив органы чувств на свою конвертерную часть в виртуальности, Обри оказалась на Поляне Совета, расчищенном местечке по среди густого, непроходимого леса с вьющимися по стволам лианами, стелющимися побегами и колючими кустами. Данная виртуальная презентация подчеркивала особо секретный характер встречи, а поработавшие над ней программисты сделали все возможное, чтобы эффект приближался к реальному. У Обри мурашки поползли по спине.

В центре поляны на расположенных кругом камнях сидели собравшиеся, а в центре круга горел бело-голубой костер. По кругу ходила длинная курительная трубка, и Обри, затянувшись, тоже выпустила церемониальный дымок. В реальном мире ее мозг получил порцию нейротрансмиттеров, задача которых состояла в том, чтобы привести ее в состояние полной ясности рассудка, обостренного внимания и концентрации.

Обри знала, что большинство Друзей Тода сидят на наркотике под названием энтальпия. «Думающая трубка» дополняла психоделический эффект энтальпии, освобождая возникающие видения от сопутствующих помех.

По крайней мере так было в теории.

— Танцующий-на-костях с нами, — сказала Гейм. — Гейм была женщиной лет шестидесяти, но в своем виртуальном образе выглядела на несколько лет моложе. Обри лишь теперь заметила,

что уши у нее заостренные.

— Танцующий-на-костях — дым в нашей трубке и свет в наших глазах, — добавил Отис, вместе с Гейм руководивший Друзьями Тода. Кроме того, он был ее романтическим партнером.

— Танцующий-на-костях, — нестройным хором подхватили сидящие на камнях.

Под Танцующим-на-костях имелся в виду, разумеется, сам Тод, временная башня. Даже в условиях надвигающейся беды Друзья не могли отказаться от привычки изъясняться туманным языком намеков и афоризмов.

— Здесь, на Нирване, нас не должны ни видеть, ни слышать, ни знать, — продолжал Отис. — Никто не должен унюхать нас, нащупать нас, найти наш виртуальный след.

Все временные башни были Большими Массивами Персоналий и мало чем отличались от большинства БМП в Солнечной системе, кроме, конечно, возраста. Временные башни существовали сотни лет и представляли собой результаты первых попыток создать манифолд, БМП в квадрате. Их текущее сознание как бы размазывалось по времени: месяц был для них днем, год — месяцем и так далее. В общем, большинство вполне заслуживали ярлыка «безумец», «лунатик» или «чокнутый».

И лишь некоторые — в том числе Тод — изрекали нечто здравое.

Как-то Отис рассказал Обри и о еще одной любопытной черте временных башен. Они могли в определенных пределах блокировать грист-обмен. Могли вызывать сбои в работе мерси. Никто — ни ученые, ни мистики — не находили объяснения тому, как они это делают, но это не останавливало жаждущих власти в стремлении эксплуатировать необычные способности временных башен. В частности и поэтому Друзья Тода построили Нирвану — одновременно надежное убежище и прекрасную мастерскую — для своего «бога», Тода.

И вот в языках голубого пламени, прыгающих в центре круга, появился сам Тод. Он был очень высокого роста — добрых два метра, — худой и походил на гуся из-за вытянутой шеи с двойным сочленением. Обхватив руками колени, Тод сидел на голубом пламени костра.

Собравшиеся Друзья выдохнули почтительно:

— Танцующий-на-костях.

Тод оглядел их всех по очереди. Длинная, с дополнительным суставом шея позволяла ему поворачивать голову на все 360 градусов, сохраняя неподвижным туловище. Остановив взгляд на сидевших вместе Отисе и Гейм, Тод заговорил.

— Артритическая ручка вечности не перестанет скрипеть,

поворачиваясь на вчерашнем крыльце, но песчаный замок завтра разрушит волну.

Отис и Гейм закивали с видом мудрецов, как будто откровение Тода было яснее сводки погоды.

— Далее, — продолжал Тод, — пятьсот ворон не сэндвич с беконом. Полет пройдет без жира, так что если собираетесь уезжать без багажа, то лучше совсем не уезжать.

Он вытянул шею и снова прошелся взглядом по Друзьям.

— И далее далее. — Глаза его вспыхнули, дойдя до Обри. Радужки были бледно-серые и почти невидимые, но остальная часть глазного яблока отливала желтизной, как состарившаяся слоновая кость. На лице сохранялось выражение одновременно задумчивое и слегка обиженное, как будто его только что одурачили. — Далее… — Он поднял и потряс длинным, костлявым пальцем, — нет никакого далее. — С этими словами Тод исчез.

Некоторое время Друзья сидели молча. Наконец Гейм решилась подать голос.

— Танцующий-на-костях изрек истину.

Друзья глубокомысленно закивали. Один из них пробормотал «аминь». Другой добавил «хвала Аллаху».

— Печальный день, — вздохнул Отис, — но и исполненный мудрости.

Обри ждала объяснений. И они не заставили себя ждать. План, переданный Тодом — если верить Отису и Гейм, — предлагал Друзьям разделиться на две группы: тех, кто эвакуируется с Нирваны, и тех, кто останется, чтобы погибнуть вместе с ней. Сам Тод явно намеревался остаться. Его присутствие должно было помочь желающим избежать смерти. Как и в других религиях, среди Друзей Тода были группировки, занимавшие позицию «активного» пацифизма — они называли себя дидактами — и предпочитавшие в сложившей ситуации пожертвовать собой. На их взгляд, бегство от силы было актом почти столь же агрессивным, как открытое сопротивление. Обри слышала, как один из дидактов сказал: «Врага нужно учить не словами, но собственной жизнью».

Остальные, числом примерно в две трети Друзей, должны были эвакуироваться с помощью транспортных модулей, похожих на тот, что доставил Обри на Нирвану.

Последними предстояло уйти партизанам Джилл — всем ее трансформированным крысам, хорькам и прочим закодированным тварям, которые должны были сыграть роль арьергарда. В случае, если выяснится, что войска Мета намерены не уничтожить Друзей Тода, а захватить их живьем, на них

возлагалась задача убить дидактов, дабы предотвратить утечку информации относительно местопребывания остальных. Дидакты легко согласились на такой вариант, что совсем не удивило Обри, прожившую среди Друзей Тода достаточно долго, чтобы понимать их странные взгляды и поступки. «Кучка мистиков-аналитиков», так отозвался однажды о них Лео Шерман.

Мет оправдал все надежды Друзей Тода. Военный корабль класса «Дирак» и несколько более мелких кораблей сопровождения использовали мицелий в качестве мишени. Единственным, кто оказал какое-то сопротивление, был Тод, чье присутствие блокировало действие мерси. Некоторые из пилотов истребителей так и не поняли, что случилось. Большинство никогда не летали в условиях отсутствия какого-либо управления полетом. Двое погибли в столкновении, но остальные сумели сориентироваться и выполнить задание, уничтожив цели.

Как не преминули отметить в новостях, впервые в истории структура Мета подверглась военному нападению.

Друзья сбежали с Нирваны в газообменных модулях, созданных инженерами Мета и его собственной биосистемой для регулирования экологии структур Мета. Тянули до последнего момента; стартовать планировалось уже после того, как аннигиляционные пушки эсминца откроют огонь, чтобы у противника сложилось впечатление будто именно это и вызвало самопроизвольный отрыв модулей. Для отвода глаз Друзья отправили небольшой транспортный корабль, подававший ложные признаки жизни. Его тут же уничтожили. Похоже, экспедиционные силы Департамента имели приказ истребить все, что попадется.

Оставшиеся дидакты погибли после того, как торпеда прошила Орегон-болса, и атмосфера ушла в космос. Что касается Обри, Джилл и других партизан, то они либо обеспечили себя скафандрами, либо прошли курс адаптации к открытому пространству. Все заранее надежно закрепились, чтобы никого не засосало вместе с атмосферой. Один из Друзей просчитал возможные варианты развития атаки; выяснилось, что командиры департамента действуют строго по учебнику.

Обри и Джилл собирались улететь с одним из последних модулей. В ушах ревел ветер — это атмосфера Орегон-болса улетучивалась через дыру в земле в полумиле от того места, где находилась Обри. Саму дыру она не видела, но ощущала движение воздуха. Обри уже собиралась подняться в модуль через коллектор, когда Джилл дотронулась до ее плеча и заставила обернуться.

К ним шел, слегка наклоняясь вперед против ветра, сам Тод.

Старик разулся, и Обри с удивлением обнаружила, что ступни у него, как и прочие части тела, тоже вытянутые, а пальцы заострены. Ступнями он пользовался как лопатами, а потому передвигался относительно быстро. Подойдя к Обри, Тод зацепился пальцами за землю и протянул свою костлявую руку. После недолгого колебания она пожала ее. И тут же услышала в голове скрипучий голос временной башни.

— Я вспомнил «далее», девочка.

Почему вы не уходите с нами? Она не спросила это вслух, но подумала.

— Потому что я слишком занят. Мне нужно думать, — с ноткой раздражения ответил он. — Так, о чем это я? Да. Далее — это ты.

Что вы имеете в виду?

— Однажды ты станешь такой же, как я. Ты будешь манифолдом. Я вижу это в твоих генах, так что не спорь. И вот что я тебе скажу: съешь грушу и плыви по реке.

Не понимаю.

— Сейчас тебе и не надо ничего понимать. Нет времени. Тебе и без этого проблем хватит. Возьми меня за руку.

Но я и так держу вас за руку.

— Нет. Возьми иначе. Крепче. Сожми. И не потеряй.

На глазах у Обри Тод повернул руку в запястье. И еще раз. И еще. Он поворачивал руку, пока она не отломилась. Тод убрал свою, заканчивавшуюся обрубком, и улыбнулся. Зубов у него было много, и все крепкие — рот вегетарианца.

Пожалуйста, идемте с нами.

Все еще улыбаясь, временная башня покачал головой и, не обронив больше ни слова, повернулся и зашагал прочь. Где-то неподалеку громыхнул разрыв, и Джилл, схватив Обри за руку, втащила в модуль. Похожий на щель вход закрылся, и они оказались в обычной атмосфере коллектора.

— Что это у тебя? — спросила Джилл.

Обри опустила глаза и увидела, что все еще держит руку Тода. Никакой крови на ней не было. Заканчивалось запястье аккуратным, заостренным скручиванием. Она сунула руку в карман широких штанов, носить которые предпочитали большинство женщин из Друзей Тода. Рука немного высовывалась из кармана. Ощущение было слегка жутковатое. Впрочем, ни думать о чем-то, ни анализировать чувства было некогда.

Они протиснулись через узкую трубу коллектора. Кроме Обри, в модуле было пятнадцать партизан — несколько крыс и один хорек. Два хорька, мысленно поправила себя Обри, хотя Джилл выглядела как обычная женщина. Труба оказалась

достаточно широкой и уходила вперед под небольшим наклоном, так что если бы стенки не были липкими, они бы просто скатились вниз друг на друге.

У входа непосредственно в модуль Джилл предупредила всех, что для спуска необходимо воспользоваться канатами.

Упомянутые Джилл «канаты» обернулись волокнами самого модуля. Партизаны спустились вниз, пробираясь мимо растянувшихся во все стороны влажных стекателей. Кое-где между стекателями виднелись слипшиеся пучки покрытых слизью мешочков, похожих на семена. Некоторые из этих мешочков были наполнены фотореактивным веществом, благодаря которому модуль освещался мягким, теплым сиянием. В целом, интерьер трансмиссионного модуля напоминал внутренность громадной тыквы.

Обри едва успела ощутить под ногами твердую поверхность, как Джилл скомандовала:

— Приготовиться к трансмиссии.

Она дотронулась до черно-синих луковиц энзимов, свисающих со стен модуля. Обри знала, что в них содержатся активаторы энзимов. Последний из партизан спустился по веревке и спрыгнул на мягкий, немного липкий пол модуля.

— Ну, пошли! — крикнула Джилл, сжимая луковицы, пока они не лопались. Вспыхнул свет. Его сменило яркое сияние — это высыпавшееся из луковиц содержимое подало сигнал модулю-стручку, что пора отправляться. Любоваться мерцанием было некогда — модуль сорвался с Нирваны.

Обри уже проделывала это раньше, но каждый раз оказывалась неподготовленной к шоку. Гравитация — в реальности ускорение — переключилась на реверс. То, что было верхом, стало низом, и все они упали туда, откуда только что спустились. К счастью, те самые липкие стекатели, через которые они пробирались, сыграли роль сетей и подушек. Обри упала на что-то вроде эластичной сети, которая растягивалась, растягивалась, а потом порвалась, и она полетела на следующую. Только благодаря этому, партизаны перенесли начальное ускорение и остались живы внутри сорвавшегося с поверхности гибнущей Нирваны модуля. Зная, что будет дальше, Обри аккуратно приземлилась на ноги.

— А у тебя хорошо получается, — заметила Джилл, бесшумно опускаясь рядом.

Обри знала — Нирваны больше нет, и Тода тоже больше нет. Там все погибло. Слезы подступили к глазам. Она подумала об отце и брате. Удалось ли им перебраться во внешнюю систему? Слезы набухали, но она не расплакалась, а потом испытала вдруг

сильнейшее облегчение.

У меня еще есть время плакать. Значит, мы спаслись. Они не поймали нас и не убили.

Неожиданно для себя Обри громко рассмеялась. Джилл посмотрела на нее и улыбнулась своей хищной улыбкой хорька.

— Живы. И мне это нравится, — сказала она.

Глава девятая

Из «Оружия, основанного на гриста-технологии»

Полевое руководство федеральной армии

Составлено Лабораторией передовых исследований, Тритон

Герардо Функ, коммандер

Раздел IV. Системы доставки

Мил-грист обеспечивает самодоставку. Используемые версии представляют собой субмикроскопическую версию транспортных систем видимого мира.

1. Механический транспорт

Мил-грист использует колеса, ноги, псевдоподы. Он ползает, крадется, путешествует по грист-рельсам и скоростным системам, саморазрушающимся после прохождения основного гриста.

2. Использование существующего транспорта

Мил-грист может перемещаться обычным транспортом. К тому же грист может брать под свой контроль другие транспортные системы — например, неприятельские стримеры или даже нервную систему противника — и использовать их для перемещения.

3. Физический вирусный транспорт

Мил-грист может инфицировать наподобие вируса. Он часто проникает инфильтруется во вражеские позиции посредством прямой физической трансмиссии.

4. Суперлюминальный вирусный транспорт

Возможно самое коварное и мощное средство для использования гриста в качестве оружия. Алгоритм, мгновенно перемещающийся через виртуальность, может отменять контролирующие программы в заданном пункте и затем производить свой собственный грист-субстрат. Если защитные меры не дают эффекта, грист-оружие может быть доставлено в любую точку солнечной

системы мгновенно.

Глава десятая

Материальные ресурсы или энергия — именно к этому с самого начала свелось противостояние двух сторон. По крайней мере в представлении командующего федеральной армией и главнокомандующего всеми вооруженными силами внешней системы генерала Роджера Шермана. У внутренней системы была солнечная энергия, у внешней — материалы солнечной системы. На стороне внутренней системы преимущество комплексности, населения и инфраструктуры. На стороне внешней преимущество гравитации. Именно последнее, считал Шерман, склонит в конце концов чашу весов в пользу внешней системы. Гравитация и кинетическая энергия миллионов падающих камней. Проблема заключалась только в том, чтобы подкатить камни к краю скалы.

С самого начала стратегия Шермана состояла из трех пунктов и трех стадий.

Первое — удержать под своим контролем то, что осталось от внешней системы. Второе — возвратить завоеванные территории Сатурна, Плутона и Урана. И, наконец, третье — перенести боевые действия во внутреннюю систему.

В конце концов он просто сбросит на них камни.

В свете этого главным для его армии было обеспечение прикрытия для того, чтобы внешняя система смогла увеличить свою военную промышленность. Главным же для промышленности оставалось обеспечение материалом. Потом этот материал предстояло доставить на место, чтобы в нужный момент обрушить его на оккупантов, а затем и швырнуть во внутреннюю систему.

Бомбардировка и за ней вторжение.

И еще ему понадобятся клаудшипы. Тысячи клаудшипов. Завершающее наступление в представлении Шермана выглядело так: сначала на Мет обрушится град камней, за которым последует согласованный штурм пехоты при массированной поддержке клаудшипов.

Казалось бы, победа уже гарантирована Федеральной армии, и можно расслабиться, но генерал расслабляться не привык. К тому же и дела шли вовсе не так хорошо, как казалось кое-кому со стороны. Точнее, они шли хуже обычного, а обычное в последние годы означало плохое. В начале войны Амес захватил Ганимед, а вместе с ним и половину Федеральной армии. Тот факт, что в плен попала половина армии, не слишком беспокоил Шермана, поскольку среди пленных оказались и представители центрального командования. Генералы эти — друзей Шермана

среди них не значилось — выбыли из строя по крайней мере до освобождения Ганимеда, и эта потеря его только радовала, в отличие от другой — почти миллиона солдат. Оставшаяся армия в системе Юпитера насчитывала чуть больше миллиона и, находясь под командованием генерала Меридианы Редакс, не без труда удерживала контроль над Каллисто и уже уступила врагу две юпитерианские луны.

Назначение Редакс было компромиссом с юпитерианскими властями недавно образованной Солнечной Республики, и Шермана такое решение никак не устраивало. Неудачи на поле боя не помешали Редакс преуспеть в другом: во время пресс-конференции в мерси она свалила вину за все провалы на Шермана. Результатом стало то, что он практически лишился контроля над ее действиями.

Генерал с превеликим удовольствием послал бы Юпитер ко всем чертям — при одной мысли об этом губы его складывались в мрачную ухмылку, — но, разумеется, позволить себе такое он не мог.

И все это чертово мерси с его непрестанным освещением боевых действий. Генерал никогда не был мастером громким речей, не умел общаться с журналистами, и теперь это понемногу сказывалось. Презрение ко всем так называемым военным корреспондентам нет-нет, да и проскальзывало. Ни один из них дня не провел в армии. Были среди них и те, кто десять лет назад организовал против генерала шумную компанию, в результате его отправили в ссылку на Тритон.

И тем не менее проблему с прессой нужно было как-то решать.

Но сначала нужно сделать что-то, чтобы не позволить Зебре-333 захватить Ио, решил Шерман. А уж потом можно заняться своим имиджем.

Зебра-333, не имевший еще звания генерала, был полной противоположностью Редакс и, командуя силами Департамента Иммунитета, пытался установить контроль над Юпитером. В планетарной системе именно на него возлагал свои надежды Амес. Будучи БМП, он существовал полностью в виртуальности. Сообщалось, что где-то у него хранятся в запасе тела, но он никогда ими не пользовался. Обычно такое воздержание негативно сказывалось на ментальной стабильности БМП, но Зебра-333 был, похоже, человеком исключительным во многих отношениях. Одно Шерман знал наверняка: Зебра — прекрасный тактик, намного лучший, к сожалению, чем Редакс.

Нельзя сказать, что Редакс совсем уж не имела никаких плюсов. Умная, способная, но… Чего ей недоставало, так это

способности адаптироваться, подстраиваться под противника. Тем более, что этот противник мыслит на сто ходов вперед.

Редакс рекомендовала оставить Ио и отступить на Каллисто для перегруппировки и сосредоточения сил. Ее войска были слишком растянуты. Фланг оставался открытым. Существовал риск потерять все.

Сосредоточиваться, сосредоточиваться, сосредоточиваться. Только об этом она и твердила. Шерман читал об этом в ее рапортах и слышал каждый вечер в мерси. Неужели Редакс не понимает, что у противника есть доступ к мерси-каналам внешней системы? Нет, понимает, конечно. Просто ей наплевать.

Сосредоточиваться. Концентрироваться.

Генерал Редакс, если вы продолжите концентрироваться, то скоро окажетесь в концентрационном лагере.

Между тем Зебра-333, судя по направляемым ему материальным подкреплениям, готовил крупное наступление. Всем юпитерианским спутникам, еще находившимся в руках республики, угрожала опасность. И чем большую территорию захватывал Зебра — пока у него было три меньших луны Юпитера, — тем меньше энергии он должен выделять на содержание своей армии в космосе.

Глава одиннадцатая

Из «Оружия, основанного на грист-технологии»

Полевое руководство федеральной армии

Составлено Лабораторией передовых исследований, Тритон

Герардо Функ, коммандер

Раздел V: Типы оружия и устройства

Основанные на гристе системы оружия быстро меняются. Подробный обзор существующих систем не является задачей данного руководства. Лаборатория передовых исследований поставляет новое вооружение с обучающими конвертерами, которые могут проводить занятия или в экстремальной ситуации давать пошаговый инструктаж в режиме реального времени при развертывании оружия. Следует иметь в виду, что — за исключением случаев с очень сложными системами — функции индивидуальных инструкторов выполняют полуразумные программы, а не свободные конвертеры. Выполняя их рекомендации, следует руководствоваться здравым смыслом.

Средства атаки

Грист-гранаты и ракеты

Гранаты варьируются по форме, и их либо бросают вручную, либо выстреливают из гранатометов. Ракеты самодвижущиеся — обычно на них установлены небольшие двигатели, действующие на принципе эффекта Казимира. Радиус действия — от нескольких метров до тысяч километров.

Гранаты состоят из твердой оболочки, заполненной гристом. Часто снабжаются взрывчатым веществом — для максимального рассеивания и усиления поражающего эффекта.

1. Противопехотные гранаты

Содержат мил-грист, атакующий грист-пелликулу противника, обеспечивают доступ к его аспекту и затем

уничтожить врага химическими, биологическими или физическими средствами. Наиболее распространенный тип алгоритма — простая вибрационная петля для гриста внутри врага. Вызывает резкое повышение температуры, мгновенно испаряя противника. Большинство гранат содержат химические и биологические вспомогательные компоненты.

2. Гранаты разрушающего назначения

Предназначены для прорыва небольших укреплений и физических препятствий. Содержат разрушающий алгоритм, который разлагает избранную цель молекула за молекулой. Могут эффективно использоваться против живой силы противника.

3. Торпеды-бангалор

Самодвижущиеся устройства, используемые для проделывания проходов в крупных фортификационных укреплениях и защитных грист-системах. Алгоритмы в них «умнее», чем у гранат. Эффективны при прорыве проволочных заграждений молекулярного диаметра.

Оборонительные средства

Зип-проволока

Колючая лента молекулярного диаметра, которая может быть развернута как в узкую ленту, так и в широкополосное заграждение. Режет любой материал, в котором действуют нормальные химические связи, включая плоть, кости, металл и алмаз. «Септембрини-койл» — особая форма зип-проволоки, снабженная алгоритмом, который препятствует воссоединению разрезанных частей тела вражеской пелликулой. При установке «Септембрини-койл» требуется соблюдать особую осторожность во избежание непоправимых повреждений.

Мины

Мины различаются по размерам и интеллекту. Разворачивают при активации противопехотный мил-грист, часто в сочетании с физической взрывчаткой для большего эффекта. Для активации обеспечиваются разнообразными сенсорами, которые собирают информацию в заданном районе. Радиус активации у большинства мин составляет около шести футов.

«Мины-липучки» — устройства, разработанные не для мгновенного убийства, но для скрытного

проникновения в пелликулу неприятеля для последующего ее разрушения. См. «инфильтрационное оружие».

Минные поля могу состоять из индивидуальных мин индивидуального подрыва. Чаще, однако, они контролируются контрольным «умным» алгоритмом. Более крупные минные поля контролируются свободным конвертером и разумной управляющей программой, добровольно заключенной в грист командного центра. Эти дополнительные программы имеют звание от капитана и выше.

Глава двенадцатая

Если бы не сын, Синт, Келли Грейтор, скорее всего, не пережил бы свой первый год на Тритоне.

Его дочь, Обри, потерялась где-то в Мете, а жена, Данис, попала в тюрьму.

Корабль Обри так и не достиг внешней системы. Последний транспорт с наполовину конвертированными детьми пришел вскоре после того, как Келли и Синт Грейторы добрались до Тритона. Келли удалось выяснить, что Обри должна была отправиться на следующем корабле. Да вот только еще одного рейса уже не случилось. Департамент Иммунитета разгромил Друзей Тода, а руководителей организации казнили как лиц, занимающихся подрывной деятельностью. Оставалось только надеяться, что человек, заботам которого Келли вверил дочь, Лео Шерман, уберег ее неприятностей.

А вот его жена, Данис, определенно попала в цепкие лапы властей. Отчаяние нарастало по мере того, как из Мета поступали все новые и новые сообщения о растущей ненависти к свободным конвертерам. И хотя в подаче правительственных отчетах «центры временного содержания» представлялись малоприятными, но все-таки сносными с человеческой точки зрения виртуальными местами, Келли понимал, что в действительности ситуация там намного хуже.

Он никак не мог поверить, что обычные граждане Мета вот так, ни с того, ни с сего обернулись вдруг против целой группы населения да еще развязали настоящий геноцид. С другой стороны, никогда раньше ему не доводилось ощущать столь концентрированной и сфокусированной ненависти, исходящей от столь большого числа людей.

Да, геноцид возможен. И вполне вероятно, что именно этим занимаются в центрах содержания на Марсе и в остальных местах.

Данис была в Ноктис Лабиринтус. Келли не имел тому никаких доказательств, но чувствовал — так оно и есть, и это чувство терзало его душу, как черная, гнойная рана.

Даже теперь, хотя времени прошло уже немало, его не оставляли сомнения. Все ли он сделал для спасения Данис и Обри? Конечно, не все. Вечером, когда Келли укладывался спать, неспокойные мысли подсказывали все новые и новые, очевидные меры, которые ему следовало принять. Он предвидел именно такое развитие событий, но война пришла слишком быстро, нахлынула, как океанская волна на далекой Земле, и разбросала

его семью прежде, чем они успели добраться до берега.

Его сын, Синт, похоже, осваивался на новом месте куда быстрее отца, но, глядя на него, Келли понимал — боль засела глубоко в сердце мальчика, перенесшего слишком много для своих девяти лет. Раз или два в месяц его настигали кошмары, и он просыпался в слезах, призывая мать.

Единственным спасением от эмоционального смятения оставалась работа: найти себе дело и предаться ему без остатка. Когда транспорт, на котором находились отец с сыном, повернул после захвата Плутона силами Мета в порт Нью-Миранда, Келли потратил большую часть сбережений на временное жилье. Как и следовало ожидать, война принесла во внешнюю систему ужасную инфляцию. Юная республика поклялась создать собственную денежную единицу, федеральный гринлиф, но провалила операцию по переводу старых гринлифов Совмещенного Директората в новую форму. Клаудшипы, выполнявшие функции выездных банков для всех миров, кроме Юпитера, в страхе отошли к Облаку Оорта, прихватив с собой всю наличность. Разумеется, он всячески уверяли, что средства по-прежнему доступны, что деньги можно получить — в виртуальной форме — в мерси-банках, но, как бывало уже не раз в истории, люди с биологической основой склонны верить только в те гринлифы, которые можно подержать в руках. Свободные конвертеры, в целом, отличаются большим здравомыслием, но шифрование и кодовый обмен — процедуры, собственно, и убедившие наиболее сознательную часть свободно конвертируемого населения поверить в виртуальные деньги, существенно повысили расходы по обслуживанию счетов. Некоторые из мерси-банков (все они контролировались клаудшипами) временно приостановили проведение финансовых операций, чтобы накопить на блокированных счетах достаточные для обслуживания средства. В результате рост экономики внешней системы замедлился до уровня эпохи прегриста.

Усугубило положение и решение некоторых локальных правительств — например, юпитерского конгломерата Каллисто и собрания городов Нью-Миранды — оживить деловую активность вбросом наличности. Труды десятилетий были подорваны в один день, когда власти этих территорий пустили новые деньги на необоснованные покупки. Рынок мгновенно почуял, что происходит, и отреагировал соответственно. Цены взлетели как ртуть на Меркурии. Уже на следующий день новая валюта девальвировалась наполовину, а к концу месяца инфляция составляла 1000 процентов в неделю. Это было уже не свободное падение, а бросок в бездну.

Прибыв на Тритон, Келли поступил на работу клерком в торговую компанию. Жить он рассчитывал тихо и незаметно, но старый приятель по бизнес-школе, Ллойд Нджонджо каким-то образом пронюхал о его присутствии на Нью-Миранде. Нджонджо служил советником в местном правительстве и был членом клуба «Мотосерра», куда входили представители так называемых «первых семей», которые контролировали большую часть бизнеса на этой луне. На протяжении нескольких лет он внимательно следил за карьерой Келли в могущественной меркурианской фирме «Телман Минт», где тот поднялся до положения партнера, и восхищался им со стороны. Теперь же Нджонджо, не теряя времени понапрасну, предложил давнему товарищу престижную должность в только что образованном Военном банке Солнечной республики.

Келли, еще не оправившийся от пережитого, не спешил хвататься за предложение Нджонджо, но уже через несколько недель пребывания на Тритоне ему стало ясно, что Синту необходимо как можно быстрее адаптироваться на новом месте хотя бы для того, чтобы ладить как-то со сверстниками. Адаптация, как и за все остальное, стоила денег. Келли ускользнул из внутренней системы с приличным состоянием, но к тому времени, как он прибыл на Тритон, «состояние» превратилось в «заначку». Он узнал, что не имеет права вкладывать деньги в реальную собственность, пока не получит статус официального резидента, и понял, что когда это случится, средств хватит разве что на покупку скромного бунгало и подержанного транспортного хоппера.

Потеря сбережений была второй причиной душевных терзаний Келли. Он корил себя за то, что не сумел разместить деньги наилучшим образом, хотя возможности для сохранения и даже умножения нажитого у него были. В конце концов его же считали мастером финансов. Однако, сраженный горем и придавленный депрессией, он на какое-то время просто забыл о деньгах, а в результате упустил возникавшие возможности.

Ровно через год после прибытия на Тритон Келли без особого желания приступил к исполнению новых обязанностей. Ему, однако, не потребовалось много времени, чтобы сделать простое открытие: приняв предложение Нджонджо, он вернулся в мир финансов. В мир, где он чувствовал себя как рыба в воде. Поначалу ему поручили заниматься вопросом одной дебиторской задолженности, и он с удовольствием погрузился в изучение запутанной ситуации с материальными активами и пассивными позициями различных счетов. Набравшись уверенности и изучив финансовый рынок, Келли сформулировал несколько

предложений по рефинансированию, суливших выгоду как клиенту, так и банку. Через полгода его перевели в другой отдел и включили в состав команды, ответственной за создание новых серий федеральных военных облигаций, которые банк должен был выпускать в партнерстве с правительством Солнечной республики.

Выпуск первых серий обернулся полнейшим провалом. Облигации оказались такими сложными, что никто не мог толком понять, что именно покупает. Движимые патриотизмом, многие выкладывали тысячи гринлифов. Потом люди с удивлением узнавали, что на их ценные бумаги наложен целый ряд ограничений по продаже, что некоторые нельзя передавать другим держателям в течение десяти и даже более лет. Новостные каналы разнесли эту новость с соответствующими комментариями, заострив внимание граждан на особо чувствительных пунктах, и рынок ценных бумаг рухнул.

Выпуск новых серий увеличивал государственный долг в десять раз по сравнению с первыми облигациями. Более того, за этой мерой должны были последовать и другие. Новое правительство полагало выпуск облигаций абсолютно необходимым инструментом привлечения средств для финансирования быстро растущих военных расходов.

Келли с головой погрузился в изучение проблемы. Карьеру он начинал именно с облигаций, и теперь десятилетний опыт пришелся как нельзя кстати. Вскоре даже старшие члены группы обращались к нему за советом. Он не только восстановил использовавшийся в Мете стандарт торговых соглашений, но и адаптировал к сложившейся ситуации язык контракта, а также подбросил с десяток идеек, зародившихся у него еще в молодости, но так и не нашедших применения в финансовой системе Мета.

Новые облигации пошли на ура, притянув деньги с Юпитера, Оорта и Койпера гораздо быстрее, чем кто-либо ожидал. Успеху в немалой степени поспособствовала бодрая заметка в «Бизнес-рипорт» (помещенная под именем того же самого Джейка Аляски, который, можно сказать, единолично похоронил первый займ), вызвавшая настоящий ажиотаж и подхлестнувшая интерес к торговым площадкам в мерси. Его облигации встали на ноги.

Но работа и сын занимали не все его время, а когда Келли оставался один, на него снова и снова накатывало отчаяние: Данис в лапах врага, судьба Обри неизвестна.

Еще одна перемена в его жизни состояла в том, что он становился, по сути, отцом-одиночкой. Синт посещал расположенную неподалеку мерси-школу. На Меркурии, особенно

среди знакомых Келли, такое было не принято. Считалось, что дети должны расти в естественных условиях, не испытывая на себе влияния виртуального мира, в котором большинство их родителей зарабатывали себе на жизнь.

На Тритоне никто из таких мелочей проблем не делал. Более того, многие из учителей Синта сами были свободными конвертерами. На Меркурии и в большинстве других частей Мета закон запрещал им такого рода деятельность, и то, что здесь дело обстоит иначе, стало для Келли приятной неожиданностью. Мальчик посещал занятия с удовольствием, чего раньше отец за ним не замечал. И неудивительно — в конце концов преподаватели были такими же людьми, как и его мать.

Занятия в этой школе проходили в виртуальных классах. Прежде чем отправиться на занятия в мерси, дети каждое утро собирались в «игровых комнатах», которых было несколько на территории каждого района. Выходя из виртуальности — полностью или частично, — учащиеся отдыхали, занимались материальными арт-проектами или делали что-то еще, что получалось лучше в физическом мире. Дети-конвертеры, которых на Меркурии загоняли в специальные, плохо финансируемые школы, здесь, на Тритоне, обеспечивались в учебных комнатах роботами-аватарами, так что физический мир был для них таким же счастливым местом, как и виртуальный.

В Мете о такой образовательной системе можно было только мечтать, и предпосылкой для ее реализации могло бы стать предоставление всем свободным конвертерам полного равноправия. Именно за это Келли и Данис боролись годами, приходя на участки для голосования. Судя по опросам, их мнение разделяли примерно три процента населения, так что до исполнения мечты Келли дожить не надеялся, а о том, что его ребенок станет участником такой программы, даже не мечтал.

Каждое утро Келли отводил Синта в школу, а во второй половине дня уходил на часок с работы, чтобы отвести его домой. В «Телеман Милт», где он был партнером, его за нечто подобное уволили бы без всяких объяснений. А может быть и нет. Ему и в голову не приходило попросить о чем-то подобном. Там всем занималась Данис, которая никогда и ничего не упускала из виду и все успевала. К тому же там их сын находился в интернате.

По пути домой из школы Келли и сын частенько заворачивали в булочную — полакомиться местным деликатесом под названием *кипферл*. Местные кондитеры сделали интересное открытие: если тесто перед выпечкой подвергнуть на короткое время воздействию внешней температуры — минус 391 градус по Фаренгейту, — то печенье получается необычайно нежным,

буквально воздушным, но при этом сохраняет приятную хрусткость. Синт обожал эти штучки, да и Келли нередко ловил себя на том, что хрустит чем-то за чашкой кофе.

Одна из работниц в булочной проявляла к Синту особый интерес и нередко подсаживалась к ним, когда они останавливались, чтобы перекусить. Для Келли, даже если бы у него и пробудился к ней какой-то интерес, женщина была слишком молода, и он не раз делился с ней своей тревогой по поводу судьбу супруги. Во всяком случае никакого сексуального напряжения между ними не возникало. Келли уже давно не испытывал ни к кому ни малейшего желания. Каждый раз, думая о сексе, он видел перед собой Данис и впадал в депрессию.

Но в этой женщине — ее звали Дженифер Филдгайд — Келли нашел друга. Узнав, что Синт — свободный конвертер, она проявила искренний интерес к мальчику и часто расспрашивала Келли о том, как они с женой воспитывали своих детей, справлялись с широко распространенными предрассудками в отношении обращенных, в чем сходились и в чем разнились Обри и Синт. Келли отвечал на вопросы с удовольствием — прошлое было единственным, что занимало его вне работы. Когда он говорил о Данис, Синт затихал и слушал очень внимательно. Не сразу, но постепенно и Дженифер тоже стала раскрываться и рассказывать кое-что о себе.

У нее был роман со свободным конвертером. И хотя Дженифер не отличалась болтливостью и была скупа на выражение эмоций, Келли видел — ее чувства еще не остыли. Разговаривая с ней, он видел те же сомнения, те же тревоги и беспокойства, через которые прошел время сам, когда влюбился в Данис.

И когда она спросила наконец у него совета, он уже знал, что ответить.

Они такие же люди, как мы с вами.

Да, секс с ними может быть чем-то фантастическим. Они способны та такое… особенно в виртуальности.

Полюбить конвертера — это еще лучше. Ничего лучшего с ним не случалось.

Если не считать детей. Иметь детей от конвертера — это самое лучшее, что было со мной в жизни.

Глава тринадцатая

Однажды Текстоk пришел к Ли в ее университетский офис и сообщил, что у него поразительные новости. Один старый друг связался с ним этим утром и предложил возглавить отделение физики Директората Науки Мета. Занимавший должность директора старик Хано Браун после двадцати лет службы внезапно ушел со своего поста. В качестве одного из возможных преемников назвали и Текстока — его соперник представлял могущественный Директорат, — и по результатам проведенного затем голосования он набрал 73 процента голосов.

Все случилось так быстро. Ли даже и не слышала ни о каком голосовании. Вообще-то она не часто находила время для развлекательных и информационных каналов мерси, но конвертерная ее часть по крайней мере регулярно просматривала заголовки. Удивительно, что ее даже не уведомили о таком важном событии.

Так или иначе, что произошло, то произошло. Знала ли Ли, кого имел в виду Текстоk, когда говорил об «одном старом друге»? Оказывается, речь шла о самом Директоре Амесе.

На протяжении первых двух лет войну с внешней системой называли по-разному. Началась она как-то вдруг, с внезапного перехода Ганимеда под власть Директората, но потом постепенно переросла в крупномасштабный конфликт, четко разведя людей по разные стороны ясно проведенной черты (как виртуальной, так и реальной). Поддержанный 98 процентами общественного мнения, конфликт получил официальное название — «Война за Единство». В частных разговорах большинство отзывались о ней как о «Консолидации». Разве не твердил постоянно Директорат о необходимости консолидации ради эффективности и процветания? Разве не убеждал всех в необходимости Новой Иерархии общественного порядка, где каждому найдется свое место и где каждый знает это место? Фремдены — такой термин приклеился к силам внешней системы, — разумеется, с самого начала называли ее «Войной за Республику».

На первых порах новые служебные обязанности позволяли Текстоку поддерживать с Ли прежние отношения, но с течением времени она стала подмечать любопытный эффект: любовник как будто растворялся. Растворялся не физически — его многообразные аспекты, являвшиеся к ней заниматься сексом, по-прежнему пребывали в прекрасной форме и отменном здоровье. Но вот ум, тот ум, в который она, собственно, и влюбилась и который практически обожествляла, ускользал, уходил.

Сначала Ли решила, что таким образом Текстоk рвет с ней. Этот вариант, конечно, поверг бы ее в отчаяние, но она понимала, что рано или поздно все заканчивается, и подготавливала себя к неизбежному. Текстоk никогда не выказывал намерения уйти от жены и не давал Ли никаких обещаний.

Однако любовник не просто выскальзывал из цепей отношений, он как будто отдалялся и от собственных желаний и потребностей. Он не работал больше в университете, и Ли уже не видела его в рабочие часы. Почти все время Текстоk проводил в Директорате, откуда надзирал за работой огромной бригады исследователей, разбросанных едва ли не по всей внутренней солнечной системе.

Хотя его работа и являлась секретной, Текстоk говорил о ней подробно, живо и с увлечением. Ли была одной из немногих, кто понимал, что чувствует этот человек, сосредоточивший в своих руках огромную власть, которую использует для прогресса науки. Как раз сейчас специальная группа занималась исследованием базовых принципов такого любопытного явления, как «демпфирующий эффект», производимый древними БМП, известными как «временные башни». Давно известный, но оставшийся необъяснимым, эффект этот производил на незрелые умы такое сильное впечатление, что кое-кто даже попытался возвести временные башни в статус «богоподобных существ». Пришло время прорывов — в условиях войны эти проекты получили неслыханное финансирование. Текстоk постоянно хвастал теми прибавками, которые получает и без того огромный оперативный бюджет его агентства. Ли не понадобилось много времени, чтобы понять: блокирующее мерси оружие, недавно развернутое против чужаков военными, основано на этой новой технологии.

В тот момент, когда Текстоk заканчивал говорить о работе, бурлившая в нем энергия как будто выдыхалась, жизненная сила улетучивалась. Перемена была разительной. Отлив, так называла это про себя Ли. Все чувства, мнения, суждения — все отступает, возвращается в море работы. Остается только голый берег. Текстоk никогда не отличался чуткостью, но полное равнодушие, совершенное отсутствие каких-либо чувств к кому-либо или чему-либо, кроме работы, выходило за рамки обычной черствости. В этом было, думала Ли, что-то патологическое.

Он перестал приносить цветы.

Начал говорить о работе, *занимаясь с ней любовью*.

Когда это случилось в первый раз, она удивилась. В следующий — пришла в ужас, о чем тут же ему и сказала. Сказала, как на ветер слова бросила. Итак, по прошествии шести

месяцев ей пришлось признать очевидное: ее замечательный, крепкий, неутомимый, блестящий любовник оказался бездушным пустомелей.

Ли решила, что с ним что-то случилось. Что-то, связанное со службой. Может быть, какой-то сильнейший нервный срыв. Но Текстоk продолжал работать как ни в чем ни бывало. Мало того, судя по некоторым признаком, у него получалось даже лучше, чем раньше. Может быть, так случается, когда БМП сходят с ума и достигают полной концентрации внимания?

Она изучила специальную литературу и даже осторожно поговорила с некоторыми коллегами, специалистами по БМП. Ее уверили, что прежде чем человеку позволяется стать многократной копией себя, его подвергают тщательному тестированию. Разрешение получают только люди со стабильной психикой.

Что-то не складывалось. Ломая голову, Ли начала подозревать даже худшее, чем психическое расстройство. Возможно, за происходящим стояли куда более могучие силы. Сама личность не ломалась, но поглощалась. Кто же мог поглощать личность ее любовника? Ответ напрашивался сам собой.

Его старый друг, Директор Амес. Самый крупный из всех БМП.

Но если так, то это противозаконно. Конвертированные и, в некоторых случаях, телесные аспекты могли обмениваться и даже присваиваться другими личностями. Но один БМП просто не в состоянии «поглотить» другой БМП. В Мете каждый знает: БМП могут *кооперироваться*, но не могут *инкорпорироваться*.

Подобно многим прозорливцам до нее, Ли пришла к неутешительному выводу: в данном случае здравый смысл не дает ответа. Любовник потерян, его не вернуть. И сделать ничего нельзя. Как ни крути, Текстоk не ее муж. Насколько она знала, их отношения оставались тайной для всех, так что горевать она могла только в одиночку. И вот в один черный день Ли с тяжелым сердцем порвала со своим давним любовником.

Он как будто и не заметил. И снова, словно она ничего и не сказала, пришел к ней. Когда подошло время заняться любовью, Ли отказалась. Он продолжал болтать в ее гостиной, а в обычное время ушел. Все, как всегда. Почти.

На следующий день Текстоk явился снова. И через день тоже. Секса уже не было. Текстока не было.

Ли стала подыскивать другую квартирку. На Меркурии с жильем было туговато, но не настолько, чтобы не найти желающих потесниться. Предложений, однако, не последовало.

Объявлений хватало, но стоило ее конвертеру появиться у двери, как выяснялось, что нет, комната уже сдана.

Верить в столь широкомасштабный заговор против нее лично не хотелось, и Ли, отпросившись однажды с работы, прошла полное психологическое обследование. Судя по результатам тестов, с ней все было в порядке.

На следующий день она предъявила эти результаты Текстоку. Ссылка на то, что у нее паранойя, не пройдет — вот доказательство обратного. А раз так, то пусть он объяснит, в чем тут дело.

Текстоk, как всегда, пришел в начале вечера. Его аспекту было двадцать восемь. Коричневая майка под горло, коричневые кожаные туфли с архаичными шнурками — обувь была его слабостью, — светло-коричневый пиджак из верблюжьей шерсти. Каштановые волосы коротко подстрижены и зачесаны назад, слева направо, как будто в лицо ему постоянно дует ветер под одним и тем же углом в сорок пять градусов. Разумеется, каждый волосок всегда на своем месте.

— Без цветов? — спросила Ли, впуская его в квартиру.

— Теперь у меня просто нет времени ходить за ними, — ответил Текстоk. — И тебе это известно.

— Однако ж ты находишь время, чтобы приходить ко мне.

— Конечно.

— Почему «конечно»?

Ответил Текстоk не сразу. Для начала он прошел к своему любимому креслу в гостиной и сел. Ли уже собиралась повторить вопрос, когда гость заговорил.

— Потому что мне разрешается с тобой встречаться. Вообще-то это даже предполагается. Они не хотят, чтобы у меня случались какие-то крупные потрясения.

— Они? О ком ты говоришь?

— О Департаменте Иммунитета.

Ли села на диван напротив. Распечатанные в виде буклета результаты обследования лежали на разделявшем их кофейном столике.

— А если я больше не желаю с тобой встречаться? Что тогда, Хамар?

Ответа на этот вопрос у него не нашлось. Ли ждала, а он просто смотрел на нее с застывшим, ничего не выражающим лицом, как будто кто-то отключил всю его мимику. В каком-то смысле так оно и было.

— Они отняли тебя у меня. Я не могу это принять.

— Но именно это тебе придется сделать, — сказал Текстоk резко, сухим тоном, не оставлявшим сомнения в том, что он

настроен серьезно и знает, что делает.

Ли расплакалась. Текстоk подался к ней. Она подумала — утешить, но на уме у него было другое. Он наклонился и крепко поцеловал ее в губы. Ли сначала сопротивлялась, потом уступила и ответила на поцелуй.

И тут в губах появилось какое-то странное покалывание. Оно перекинулось на язык. Перешло на горло. Проникло в легкие.

Ли отпрянула от любовника.

— Что ты со мной сделал? — выдохнула она.

— Минуту. Дай мне одну только минуту.

Она вдруг поняла. Ее заполнил поток наслаждения. И даже не столько наслаждения, сколько удовлетворения. Покоя.

Несколько недель она мучилась из-за его невнимательности, просыпалась среди ночи на сбитых простынях, иногда замечала, что рвет волосы на голове, как будто наказывая себя подсознательно за то, что не дотянула, не оправдала, не удержала, испортила все. И вот теперь тугие узлы ослабели, напряжение ушло. Она глубоко вздохнула, переводя дыхание.

Все будет хорошо.

— Это «Глори», — сказал Текстоk.

— То, что применяют военные? — спросила она и как будто услышала себя со стороны — голос звучал равнодушно, откуда-то издалека. Ее настоящему, реальному «я» не было никакого дела до всей этой ситуации — она впитывала «Глори».

— Теперь ты знаешь, что я чувствую, — сказал он. — Чудесно, правда?

— Да, но как…

— Директорат Науки проводил какие-то эксперименты. Директор Амес беспокоился, что университет погряз в дрязгах, что люди слишком много думают о карьере, чем о работе на общее благо. Из Департамента Иммунитета вызвали специальную команду с заданием осуществить программу «Глори».

— Значит, вот что ты чувствуешь, когда угождаешь Амесу? — спросила отстраненно Ли, которая была и не Ли вовсе. По крайней мере она еще говорила то, что хотела. Но мысли уже не контролировала. И волю тоже.

— Можно и так сказать, — согласился Текстоk. — Но дело, знаешь ли, не просто в шоке для лимбического гриста. «Глори» интегрируется в реальном времени с базой данных долговременной стратегии Амеса. Вот тут в игру и вступает удовлетворение. Здесь уже не павловские реакции на раздражение. Ощутить удовлетворение можно в любой момент, даже тогда, когда занимаешься чем-то таким, что вроде бы не способствует напрямую продвижению плана. Это награда за то,

что ты делаешь что-то нужное для всех.

Он снова поцеловал ее. Ли раскрыла губы, потрогала его язык своим. Ее заполняло ощущение счастья, удовлетворения, наслаждения, гордости за себя.

— И как это помогает другим? Как продвигает план?

— Скоро узнаешь, — негромко ответил Текстоk и, отстранившись, но все еще держа ее, посмотрел ей в глаза. — Знаю, ты в последнее время разочаровалась во мне. Теперь тебе немного понятнее, что происходит. Мы воюем. И наука находится на передовой линии. Мы обязаны сделать все от нас зависящее, чтобы победить во благо цивилизации.

— Я хочу, чтобы мы победили, — без особого убеждения сказала Ли, поскольку и впрямь не имела сложившегося мнения о войне.

Эффект «Глори» начал ослабевать.

— О, нет. Пожалуйста, как мне вернуть это?

— Будь правдива перед собой. Не бойся критиковать собственные мотивы и желания. Если он будут совпадать со стратегией, «Глори» вернется.

— Хочешь сказать, что-то во мне будет постоянно соотноситься с той стратегической базой данных, установленной Департаментом Иммунитета, и либо вознаграждать меня, либо наказывать? — Звучало это не очень-то приятно. Но «Глори» действовала реально. И даже сейчас Ли чувствовала себя так, словно с ее кожи после горячей ванны испаряется теплая вода. На душе было покойно. Для того, чтобы испытать это снова, можно пойти на… компромиссы.

Или даже отказаться от части личной свободы.

— Базой данных распоряжается Департамент Иммунитета. Установлена она самим директором Амесом. Ты как будто получаешь прямой доступ к его мозгу. Прикасаешься к его мыслям.

Все ее беспокойства и волнения… нет, они не отдалились. Она все еще ощущала их. Но теперь они локализовались. Как будто зернышко беспокойства попало в раковину, где его окутал первый слой перламутра. И ей хотелось, чтобы на первый слой накладывались другие. Пусть «Глори» лакирует песчинку до тех пор, пока от беспокойства ничего не останется, пока все не будет легко и гладко.

— Я хочу почувствовать это еще раз. Что мне нужно для этого сделать?

— Вообще-то, — сказал Тесток, — Директорат Науки может предложить тебе одну работу. Если согласишься с их предложением, гарантирую — «Глори» у тебя будет столько,

сколько душе угодно.

Глава четырнадцатая

Из «Оружия, основанного на грист-технологии»

Полевое руководство федеральной армии

Составлено Лабораторией передовых исследований, Тритон

Герардо Функ, коммандер

Антиинформационное оружие

Одно из самых эффективных использований грист-оружия состоит в установлении антиинформационных зон (АИЗ). Область воздействия — от областей информационного разрушения — например, мозговых синапсов или электромагнитной трансмиссии — до сложных, саморазвивающихся локальных алгоритмов, которые не убивают, но дезорганизуют вражеские силы. Попавший в область действия АИЗ противник может блуждать в них, как ему представляется, годами, испытывая галлюцинации и кошмары, а его ментальные и физические структуры могут быть трансформированы. Части его подсознания могут быть диссоциированы и использованы против него, а ментальный ландшафт трансформирован в нечто, воспринимаемое как физически опасное место — например, джунгли.

Фирменная черта этого оружия — комплексность и быстрая адаптация к противозащите. Установление АИЗ требует больших материальных и физических затрат. По этой причине использование АИЗ ограничено, но при развертывании они крайне эффективны.

Инфильтрационное оружие

Еще одно использование комплексного гриста, обычно под контролем близкого к разумному алгоритма, для атак в тылу противника. Выполняется инфильтрующим гристом из скрытой или замаскированной позиции. Грист может сам проходить различные трансформации по мере продвижения к заданной цели. Способность трансформироваться и

оставаться в скрытом состоянии требует долговременного планирования со стороны техников и зачастую высокой сложности самого гриста. Иногда задачу решает и относительно простая трансформация — заряженная стена или отрубленный палец врага, выращенный еще до того, как неприятель заметил подмену. В таком случае грист может содержать код, который активирует его боевой потенциал при совпадении требуемых условий. В некоторых случаях для того, чтобы спровоцировать хаос, гристу достаточно исчезнуть.

Глава пятнадцатая

Хотя отец Андре Сюд и принял решение вернуться к прежней работе в качестве шамана-священника, сомнения все еще оставались. А священник ли он вообще? В юные дни он был уверен в своем призвании, уверен настолько, что согласился на Лунную Прогулку — испытание, обязательное для всех конфирмованных шаманов Пути Зеленого Древа. И там, в кратерах луны, его неадаптированное к открытому космосу тело умерло мучительной смертью, в корчах и судорогах. Конечно, он все помнил. Смысл был именно в этом: чувствовать, как умираешь и возвращаешься просветленным духовным путником, совершившим паломничество к Древу и поднявшимся по его ветвям.

Чем в действительности было Древо — генофондом человечества, коллективным бессознательным или какой-то иной силой или принципом вселенной, — Путь не объяснял. Это знание не выражалось словами — дзен в дзен-лютеранском наследии религии. Понимание Древа приходило как миг откровения, сатори. И этот миг до конца его дней оставался для шамана-священника единственным источником сил.

Андре откровение настигло во время обеда в Семинарии, на последнем году учебы. В Семинарии до сих пор вспоминали тот случай. Обед предлагался на специальной тарелке, семинаристу следовало выбрать один из трех овощей. Андре, усердно готовившийся тогда к последнему выпускному собеседованию, смотрел на меню и никак не мог решиться. Внезапно, совершенно для него неожиданно, все годы учебы, его собственное постоянно менявшееся понимание Пути и Древа, ворчащий от голода желудок и привычная скудость обеда соединились в луч света и знаний.

— Ямс, ямс и ямс, — сказал он подавальщику. — Я выбираю три этих овоща.

(А вот и не так), сказала конвертерная часть Андре. (Ты заказал сладкий картофель).

(Одно и то же), возразила его аспектная часть.

(Не совсем), не согласилась конвертерная. (Но спорить не собираюсь).

Большинство людей, конечно, не разговаривают со своими конвертерами или пелликулами. Одна из дисциплин, обязательных для шамана Древа, состояла в том, чтобы разделять конвертерную и аспектную части на образы — и даже личности — в себе. Общение двух частей происходило при посредничестве

пелликулы, которая редко «говорила», но воплощала в себе его внутреннюю страсть и ментальную гармонию. Выполнить это могли только полные шаманы Древа — те, кто совершил Лунную Прогулку, — потому что они буквально умирали и затем возрождались в клонированном теле. Конвертер помнил физическую смерть; в аспекте жило сознание, существовавшее какое-то время без тела. Считалось, что полная личность священника есть просветленная Троица. Биологическое рождало ментальное, и они сообщались посредством грист-пелликулы, технологического эквивалента Святого Духа. Троица эта присутствовала во всех людях — технологически, психологически и духовно. Большинство стремились к внутреннему единству и внешнему разнообразию. Шаман понимал как разнообразие, так единство всего сущего, включая и себя самого.

(Но сомнения у тебя есть), сказала конвертерная часть.

(Да), подумал Андре. (Разнообразие в единстве — прекрасная концепция. Но отражаем ли мы внутри себя разум Бога? И возможно ли его отражать? Ты знаешь мелодию), мысленно сказал он конвертеру. (В конце концов ты же ритм-группа.)

Конвертерная часть спорить не стала. Такое было просто немыслимо — части Андре не могли расходиться во мнении друг с другом. Шило ведь не идет против ножниц на многофункциональном ноже.

И вот в этом заключалась суть проблемы. У Андре и раньше случались духовные кризисы. Он даже выходил из Семинарии, когда почувствовал, что работа поглощает его духовную жизнь. Чтобы обрести себя, он совершил путешествие на Тритон. В то время Андре полагал, что все его сомнения есть продукт удушливой атмосферы Семинарии, и он справится со своими трудностями, если займется повседневной, реальной работой шамана-священника.

Поначалу вроде бы сработало. Он полюбил Тритон и свое место на нем. Он даже нашел свое собственное «учение» — свой особый, индивидуальный талант, который и должен развивать шаман-священник, дабы вести паству к просветлению. Его учение проявилось в создании скульптурных башен из балансирующих камней. У него даже появились последователи в мерси, хотя для самого Андре его труды не имели ровным счетом никакого отношения к тому, почему он вообще занялся этим видом деятельности. Строить высоченную башню, осторожно воздвигая один на другой камень за камнем — чему в немалой степени помогало и то обстоятельство, что на Тритоне он мог подпрыгнуть на двадцать футов, — было прежде всего забавно, а уж какое духовное послание вкладывать в это дело — то вопрос

не самый главный.

Однако война принесла с собой новые сомнения. Сначала Андре ощутил в себе давящую уверенность, что она грядет. В том, что это случится, не сомневался практически никто из шаманов-священников Древа, и тут не требовались ни знамения, ни предвестия — достаточно было просто следить за новостями. Он взял отпуск и находился в Мете, когда начались боевые действия. Пришлось спешно возвращаться на Тритон, и он успел только-только, прихватив с собой двух друзей, Бена Кайе и Молли Индекс.

Страдания, свидетелем которых ему довелось стать, были велики. Только на Тритоне погибли десятки тысяч. В госпиталях не хватало места для раненых — людей искалеченных физически и изуродованных психологически, — и они просто лежали везде без надежды на исцеление.

Конгрегация попросила его вернуться. Они уже обходились без шамана целых три с половиной года, сохраняя место для Андре, но с началом войны население сначала удвоилось, а потом утроилось. Теперь на встречи приходило уже более семисот человек. Им был нужен шаман-священник. И тогда отец Андре решил, что несмотря на все свои сомнения и смятения, не может отвергнуть их призыв в тяжкое время испытаний.

Глава шестнадцатая

Из «Оружия, основанного на грист-технологии»

Полевое руководство федеральной армии

Составлено Лабораторией передовых исследований, Тритон

Герардо Функ, коммандер

Раздел VI:

Умный солдат всегда принимает во внимание физические характеристики противника или объекта, который ему предстоит уничтожить. Удерживается ли цель обычными средствами или применяет макро-версию атомных сил, как, например, кабельные структуры Мета или корабли Департамента Иммунитета? Оружие, выпускаемое Лабораторией передовых исследований, имеет следующую кодировку: «м» (малое), «с» (среднее) и «к» (крупное). Класс «м» используется против отдельных солдат противника и небольших укреплений. Оружие класса «с» имеет более широкий спектр применения при разных уровнях сложности. Оружие класса «к» контролируется вторичной копией СК-солдата, совмещенной с ним и расходуемой при использовании.

Раздел VII: Заключение

Мил-грист — материал повышенной опасности, и обращаться с ним необходимо с особой осторожностью. Его эффективность в современной войне доказана. Каждый солдат должен быть ознакомлен с ним по мере поступления. Лаборатория передовых исследований разрабатывает новые, более мощные виды оружия. Все поступающее в Федеральную армию оружие тестируется, но не все проверено в боевых условиях. Полевым командирам следует быть внимательными при использовании оружия в условиях, не указанных в данном наставлении. Помните, что полуразумные обучающие программы не могут заменить здравый смысл

воюющего солдата.

Глава семнадцатая

Нирвана горела бесшумным зеленым пламенем, питаемым ее собственным кислородом и органикой. Она казалась такой близкой. Протяни руку — и дотронься. По крайней мере в виртуальности. А если настроить как следует сенсорную связь, то даже и не обожжешься.

Лео Шерман вышел из новостного канала мерси и направился к баракам.

По крайней мере не пришлось участвовать в штурме Нирваны, подумал он. Это было бы совсем некстати. Его курс лежал в противоположную сторону, что подтверждалось и документами. Документы эти — как и его пелликула, как и его ДНК — были, разумеется, поддельные. Как физически, так и виртуально Лео стал самой сложной из всех поделок главного хакера Друзей Тода, Элвина. Настоящий Лео Шерман скрывался под защитным образом рядового Хершеля Дж. Эшенбаха. ДНК Лео, его поведенческая модель, весь этот *shlemie*l хранился в капсуле, имплантированной под левым локтем, на чипе, все, даже субатомные частицы которого, соответствовали на квантовом уровне параметрам «рядового Эшенбаха».

Любой, кто открыл бы капсулу, содержащую «Лео», и просмотрел ее содержимое, то есть дал бы этому содержимому возможность вступить в интерактивный обмен с вселенной, мгновенно вернул бы тело и сознание Лео в исходное состояние, стерев «рядового Эшенбаха» как временный случайный шум.

Лео — тот Лео, что владел этой информацией и полностью контролировал поведение рядового Эшенбаха, — тоже был бы стерт. Он был свободным конвертером, алгоритмом — буквально призраком себя бывшего, — наложенным на зачищенный мозг вместе с образом «рядового Эшенбаха». После возвращения во внутреннюю систему — при условии, что ему удастся перейти линию фронта, — конвертерная его часть будет загружена в дополнение к воспоминаниям заново реконструированного, настоящего Лео.

От всего этого можно было свихнуться, а потому, а потому Лео старался особенно не задумываться. Раздражало то, что тело приобрело кучу новых, незнакомых привычек. У него была другая походка. И другой, неспешный и с растяжкой, выговор.

Даже глаза, черт бы их побрал, мигают с другой скоростью, думал Лео. В левом колене, когда он слишком долго оставался на ногах, начинало колоть. То был результат старой спортивной травмы, перенесенной, разумеется, не им, а тем парнем,

Эшенбахом. Разумеется, он помнил, как ее получил: пелота, церковная лига, какой-то методист въехал в коленную чашечку. Память была, а вот Эшенбаха не было. Эшенбах никогда и не существовал. Рядовой представлял собой только поведенческую оболочку. И единственным сознанием, присутствующим во всех этих частях, было сознание Лео.

Он знал, что Друзья Тода вероятнее всего предусмотрели нападение на Нирвану. И если так, то Джилл была в курсе, а значит, партизаны убрались с Нирваны живыми. Обри — та молодая женщина, которую вверили его заботам, — будет в большей безопасности с Джилл.

Лучше бегать с партизанами, чем таскаться со мной, подумал Лео. Его положение и впрямь не внушало оптимизма. Он был экспериментом, который мог сорваться в любой момент, а когда ты доставляешь врагу жизненно важную информацию, таким моментом может стать каждый.

Ты же поганый шпион.

Пощады не будет, да ее никто и ждал. Вот почему Лео настоял на запасном варианте: еще одной капсуле над правым локтем — с начинкой из мил-гриста. Начинки этой будет не только вполне достаточно, чтобы разложить его на составные элементы, но и уничтожить все вокруг в радиусе километра, включая, что самое главное, ту самую контрабанду, что он нес в грудной полости.

Элвин сказал, что груз этот нельзя обнаружить обычными средствами. Замаскирован он был под сердце, а настоящее сердце у Лео изъяли, так что кровеносная система работала на свободных, рассеянных в кровотоке грист-помпах.

Да я практически высокотехнологичный вампир, размышлял Лео. Я даже не вижу себя в зеркале. Там какой-то другой парень.

Чтобы попасть в казарму взвода, ему нужно было пройти через сканирующую рамку, охранявшую вход в отделение Департамента Иммунитета. Элвин не ошибся: Лео успешно миновал все контрольные пункты, но на каждом невольно — и мысленно — задерживал дыхание. Рядовой Эшенбах никаких перемен в своем теле не обнаруживал, если не считать легкого раздражения из-за необходимости долго ждать. В очередной раз его появление не вызвало тревоги, никто не стал его задерживать, и Лео прошел дальше. Свернув в боковой коридорчик, он поймал общественный стример, идущий в глубину базы.

Стример был набит солдатами, в том числе новичками, которые еще не попробовали «Глори». Эшенбах, разумеется, успел с ней познакомиться — об этом позаботился Франклин, когда «перепрограммировал» тело Лео, который к ее эффекту был

невосприимчив. Раз в день Эшенбах получал из штаб-квартиры минимальную инфузию. Она приходила как специально закодированный импульс по винкулуму, армейскому варианту мерси. Пронизывающий тело Лео/Эшенбаха грист, услышав сигнал, принимался за работу. Розовела кожа, мгновенно возникала эрекция, обострялось зрение — мир моментально делался четче, — и если бы рядовому было о чем думать, он мог бы думать сразу о многом.

«Глори» была не просто каким-то дешевым импульсом удовольствия — передача шла в обоих направлениях. На какое-то время человек становился… БМП и мог почувствовать, что это такое, полностью функционирующий БМП. Элвин пытался объяснить, как и за счет чего достигается эффект — многократное разделение времени на мерси, оверлейные копии, множественная рекурсия сенсорных сигналов. Каждый поступающий в ваше тело сигнал как будто моментально усиливается.

Но долго это не продолжалось. Идея была вовсе не в том, чтобы превратить каждого солдата в БМП — это означало бы получить армию из офицеров, но без солдат. Единство, удовольствие от службы, осознание принадлежности к чему-то большему — вот в чем цель инфузий «Глори». Вы должны знать — директор Амес доволен вами и одобряет то, что вы делаете. Вы должны знать — ваше положение в обществе, в Новой Иерархии прочно и незыблемо.

От всего этого Лео, образно говоря, мутило. Но приходилось терпеть. Даже когда выражение счастливого идиотизма появлялось на физиономии его нового друга, сержанта Дори Фолсом.

Войдя в казарму, он направился к своему шкафчику. Через час предстояло заступать на службу. Эти ужасные партизаны могут быть где угодно. Лео знал, что «эти ужасные партизаны» только что лишились своей главной оперативной базы, но это не имело значения. Что бы ни делали партизаны и даже если они ничего не делали, слухи росли, множились и становились все тревожнее. Джилл и ее люди сумели организовать всего парочку нападений, да и то скорее практики ради, чем для внешнего эффекта. Лео знал, однако, что Джилл упряма и неудержима и, если что задумала, от своего не отступится. Что бы ни говорили о ней, какие небылицы ни распространялись бы в мерси о таинственном командире повстанцев, Лео не сомневался — через год о ней будут говорить вдвое больше.

Он переоделся в форму — черные брюки с красным кантом и красную рубашку с черными эполетами. Надел внутренние сапоги, надежно защищавшие от всякой дряни, в которую можно

вляпаться (Дори уже рассказала, какая гадость встречается на передовой). Натянул поверх них другие, со слюдяным отливом полировочного гриста. Все было чистое, со «стрелками» в нужных местах — как-никак пролежало ночи в шкафчике. Лео потер подбородок. Обычное чистое бритье здесь не годилось — чтобы пройти осмотр требовалась полная зачистка физиономии на субмикроскопическом уровне, поэтому каждые пару дней взвод проходил тщательную обработку со шлифовкой лицевой поверхности. Дори говорила, что положение изменится на передовой, но пока они туда не попали приходилось терпеть и соблюдать порядок.

Однако пальцы, чувствительность которых не уступала электронному микроскопу, не обнаружили ничего лишнего — только гладкую кожу. Отлично, значит, до следующей «подтяжки», как называли это в армии. Облегченно вздохнув, Лео направился в ружейную взвода, где доложился по всей форме капралу Мерримейкеру, взводному старшине.

— Рядовой Эшенбах для боевой комплектации прибыл. Как дела, Мерримейкер? Саид снова потянул трицепс?

Мерримейкер был страстным поклонником пелоты и фанатом «Небс», команды из китайско-арабского дистрикта Кардменихар. Лео и сам с уважением относился к спорту, в том числе к пелоте, хотя всерьез ею не занимался. Дело в том, что ростом Лео был всего лишь пять футов и пять дюймов, тогда как средний рост профессионального игрока в пелоту составлял семь футов, большая часть которых приходилась на торс. Играли на подвешенной в невесомости площадке с двумя вращающимися шестиугольными «воротцами», шестиугольным мячом, который пуляли мощными воздушными пушками.

— Похоже, для Саида сезон закончился, — печально вздохнул Мерримейкер. Саид был голкипером «Небс».

— Ну, тогда, может, у наших «Джетс» еще есть шансы побороться за первое место в дивизионе.

Мерримейкер покачал головой.

— Середина поля у нас сильная. У «Джетс» недостаточно мощная передняя линия, чтобы бороться за преимущество в воздухе. Нет, парень, поверь мне, у них нет ни единого шанса.

— Посмотрим. Ставлю двадцатку, что «Джетс» наколотит «Небс» на пять штук больше.

— Они играют только в следующем месяце, — ответил Мерримейкер. — К тому времени нас уже бросят на передовую. Боюсь, до следующей заправки и не узнаем.

Может, и вообще не узнаем, подумал Лео.

— Я в свою команду верю. Ставлю двадцать гринлифов.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Двадцать гринлифов. — Они ударили по рукам. — Тебе на смену заступать?

— Да.

Мерримейкер исчез в задней комнате и вскоре вернулся с защитным комплектом, который и вручил Лео.

— Облачайся.

Направляющие ракеты на каждом предплечье. Реактивное поворотное оружие, миниатюрные рельсовая пушки, грист-гранаты на запястьях. Плюс аннигилирующие винтовки, которые при активации скрепляют руку с прикладом для лучшего прицеливания. Электромагнитные микро/макроочки с грист-патчем, связанным непосредственно со зрительными центрами в заднем мозгу. Дополнительная, с изотропическим покрытием грист-броня для пелликулы. Импульсные и ориентационные ракеты на ногах, дозаправочный комплект и гироскоп на спине.

Не человек, а атакующий корабль, подумал Лео, натянув на себя всю эту сбрую.

— Рядовой Эшенбах в полном снаряжении и к несению службы готов, — доложил он, как того требовал устав.

— Проверено и подтверждено, — ответил Мерримейкер.

— Вперед, «Джетс».

— Пошел ты. Вперед, «Небс».

Лео отправился на пост, для чего ему пришлось пройти несколько ускорительных шлюзов. Последний переход был также вакуумным шлюзом, вылетев из которого, Лео оказался в открытом пространстве. Полную адаптацию он прошел совсем недавно (это было еще одним дополнением к структурным изменениям его тела, которые провел Элвин). До станции Лео добрался по длинному складному мостику, выступающему из арматуры примерно на сотню футов. Сама караульная станция представляла собой небольшое куполообразное сооружение на конце мостика, окна которого выходили на арматуру в том месте, где она соединялась с кабелем Мета. Вся конструкция сильно напоминала большое зеркало дантиста. Задача Лео заключалась в наблюдении за этим важнейшим соединением и регистрации всего необычного и подозрительного. Даже если бы Лео не знал, что партизаны сейчас очень далеко отсюда, шансы на то, что в его смену здесь случится нечто из ряда вон выходящее, стремились к нулю. Но пока в порт заходили для дозаправки корабли, солдат нужно было хоть чем-то занимать. Все это знали и принимали как неизбежное.

И все бы ладно, если бы не сержант Фолсом, которая не спускала даже малейшего отступления от требований инструкции. Не раз и не два за смену она заявлялась в караулку

— проверить, не настроился ли часовой на какой-нибудь развлекательный канал и не давит ли ненароком подушку. На сей раз она пришла примерно через пару часов после начала смены. Лео даже обрадовался — как-никак есть на что отвлечься. Смотреть на протяжении всей смены, как поворачиваются опоры арматуры и кабель Мета, — от такого зрелища можно и сдвинуться.

— Пароль, — окликнул Лео, когда сержант ступила на мостик. Разговаривали они, конечно, через винкулум.

— Эль камино, эль камино, — ответила Фолсом. Очки подсказали, что пароль верен.

— Рад вас видеть, сержант.

— Я вас тоже, рядовой. Доложите обстановку.

— Все в порядке, сержант.

— Хорошо. — Хотя они и общались вне службы, Лео никак не мог называть ее — даже мысленно — «Дори». Она всегда оставалась «сержантом» или «сержантом Фолсом». Да и в любом случае ему бы крепко влетело, вздумай он обратиться к ней по имени. Или все-таки попробовать? Интересно, что из этого получится? Справится она с ним? Проведя пару лет в не самых тихих уголках Мета, Лео и сам кое-чему научился. И пусть она смотрела на него как на рядового Хершеля Эшенбаха, но внутри-то он был Лео Шерманом, автором «Мет после заката».

— Смотрели последние новости? — поинтересовался он.

Фолсом состроила гримасу.

— Да. Мы таки сожгли гнездо этих чудаков. Бедняги, даже не сопротивлялись. Стрелять по ним то же самое, что по бегающим мишеням в тире.

— Они ж вроде бы отрицают насилие, — сказал Лео. Выдавать свое близкое знакомство с «Друзьями Тода» он не собирался, но это знали все.

— Они, может, и отрицают, да вот только от этого мало что меняется. Конечно, в наше время нельзя верить всему, что говорят по мерси. По большей части это пропаганда для штатских сопляков.

— Что вы такое говорите, сержант!

— Заткнись, Эшенбах, и слушай, а уж я сама разберусь, что мне говорить, а чего не говорить, — резко оборвала она. — Слушай и учись, и тогда, может быть, сбережешь шкуру, когда нас бросят на передовую. С дурной головой в бой не ходят. По крайней мере я в своем взводе ничего такого не допущу.

— Конечно, сержант. Вам виднее.

— Прикуси язык, говнюк. На Титане мы потеряли трех солдат и двух приличных офицеров. А сколько еще полегли возле

Юпитера.

— Как говорится, если тебя убили, значит, ты не такая уж эффективная боевая машина.

— Вот именно, — без тени иронии подтвердила Фолсом. — И ты об этом не забывай. — Она посмотрела на ворочающиеся опоры, каждая размером с небольшую гору. — В любом случае уж лучше поскорее закончить со всей этой хренью.

— Скучно, сержант?

— Скучно будет, когда сдохну. Нет. Взвод у нас хороший. Я лично проверила пополнение. Тебя, Льосу, Аутриббона. Сгодитесь. Главное, чтоб вас правильно использовали.

— Да вы идеалист, сержант. — Лео постарался, чтобы это прозвучало серьезно, но Фолсом улыбнулась.

— Большое тебе, на хрен, спасибо, Эшенбах.

Они поговорили еще немного о тех местах, где выросла Фолсом. За время работы журналистом Лео объездил едва ли не весь Мет, и та болса в Васе, о которой говорила сержант, не была исключением. Жалкое захолустье, где делали упаковочный материал и транспортные контейнеры. Еще там была носочная фабрика, без устали выдававшая миллионы пар продукции. Мать Фолсом работала бухгалтером на этой самой фабрике, а отец служил начальником смены на передаточной станции, откуда упакованный товар уходил к конечному потребителю по гигантским трубам под огромным давлением.

— Однажды случилась утечка, — рассказывала Фолсом, — так всю смену просто вдавило в стену. Так и лежали, пока кто-то не отключил давление. Но никто даже синяка не получил.

Лео выразил сомнение, но сержант поклялась, что так оно и было. Она была хорошим рассказчиком, особенно после того, как пропускала пару стаканчиков. Сколько же ей, думал, глядя на Фолсом, Лео. Не больше девятнадцати, а она уже побывала на войне, убивала и видела, как погибают ее солдаты. И пусть она была старше его по званию, он испытывал к ней примерно те же чувства, что питал бы к младшей сестре.

Разумеется, Лео тоже наплел ей всякой ерунды насчет себя. То есть Эшенбаха. Впрочем, его рассказ был подготовлен со всей тщательностью, так что никаких проколов быть не могло. И все же больше ему нравилось слушать ее воспоминания о доме. Фолсом была типичной девчонкой из провинции — сообразительная, мудрая не по годам, повернутая на мерси.

Ради чего она пошла в армию? Почему дерется на стороне этого мегаломана? Жаль, что нельзя спросить напрямую. Впрочем, ответ очевиден. Ребенку было скучно. Оставшись дома, она, скорее всего, сменила бы отца или мать на их месте.

Всю жизнь делать одно и то же и знать, что перемен не будет. Армия предложила кое-что другое. Кое-что такое, чего не найдешь, просто выйдя на улицу. Оно вручалось с красивой брошюркой, и ты даже мог попробовать ту самую «Глори», что получает каждый солдат.

Да, в маркетинге Амес хорош.

А вот внешней системе еще предстоит этому научиться, если, конечно, они там хотят повлиять на умы и сердца таких, как Дори Фолсом.

Зная своего отца, Лео Шерман полагал, что Старый Ворон постарается держаться от рынка как можно дальше, а значит, проиграет пропагандистскую войну.

После окончания смены Лео вернулся в казарму, сдал оружие и тщательно сложил форму. Потом посмотрел на свою гладкую грудь. Волос у Эшенбаха было поменьше. Там, под безволосой грудью, скрывался контейнер, который Лео получил лично из рук загадочного шпиона, называвшего себя К. В этом контейнере вроде бы даже содержалась копия самого К. Работа Лео состояла в том, чтобы переправить контейнер через линию фронта и вручить «врагу».

Точнее, собственному отцу. Человеку, которому Лео за последние десять лет не сказал и слова.

Он забрался на койку, собираясь немного вздремнуть. Остальные парни тоже только что вернулись со смены и подумывали о том же. Если ничто не помешает, у него впереди четыре часа сна.

Однако через три часа его разбудили. Причем, довольно бесцеремонно. Общая тревога. Ожидание закончилось. Пора выползать из теплой норы.

Сонный взвод торопливо оделся, скатал постели, собрал вещички и выстроился перед сержантом Фолсом, которая, коротко осмотрев каждого, представила им лейтенанта, женщину по фамилии Чатрум. Лейтенант сообщила, что они отправляются на транспортный корабль «Марат». Пунк назначения пока засекречен, но им стоит приготовиться к запаху серы и тяжелым боям.

Значит, подумал Лео, система Юпитера. Мы идем на Ио.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Падение Ио

Октябрь 3016 года по з-стандарту

Глава первая

Генерал Меридиан Редакс оказалась в неподходящем месте в неподходящее время. И она знала это. Чертов Роджер Шерман! Вот что случается, когда начальником назначают нонконформиста и возмутителя спокойствия. Вся эта болтовня насчет толпы и личности, нестандартного мышления… Дурацкая независимость!

Хороший генерал благоразумен, консервативен, осторожен и готов пожертвовать войсками только тогда, когда может обещать им шанс на успех. Вершина глупости — пытаться применить что-то новое в разгар войны, когда и старые методы работают и дают результат.

Что может быть проще сосредоточения войск? Расчеты показывали, что при современном состоянии военных технологий уничтожение одного обороняющегося требует расходования пяти атакующих. Математика говорит в пользу концентрации. Здравый смысл на ее стороне! Но станет ли слушать Старый Ворон? Нет и нет.

Она давным-давно — еще десятки лет назад — обошла его в продвижении по службе. Более того, позаботилась о том, чтобы он никогда не поднялся выше полковника. Но потом последовал этот удар со стороны Мета. И надо же так случиться, что оказавшийся именно на Нептуне Шерман вышел победителем из схватки. Как раз в тот момент, когда она отражала наступление врага на Юпитер. Она отстояла три из четырех галилеевых лун. Но самый большой и самый населенный, Ганимед, пришлось сдать. И тогда на все командование Федеральной Армии упала черная тень.

Смешно!

Несправедливо.

Именно так. Невезение. И вот теперь, как будто нарочно, правительство поставило его над ней. Невероятно. Немыслимо. Если бы Юпитер не сошел с ума после потери Ганимеда, так называемая Солнечная республика не имела бы ни малейшего шанса проявлять здесь свое влияние. Да кем они себя мнят, эти клаудшипы? С какой стати решают за Юпитер, что ему нужно? Наглецы! Наглые, самодовольные пустозвоны!

Однако ж, народ, похоже, принял такое решение. А они подумали о таком пустяке, как права штатов? Ведь армию же не просто так назвали федеральной! Теперь она состояла в армии Солнечной республики и дралась за права этого треклятого Плутона! И еще Оорта. Какая чушь! Но есть ли альтернатива? Перейти на сторону Мета? Стать простым винтиком в гигантской

машине Департамента Иммунитета после того, как она много лет была генералом в Федеральной армии? Ну уж нет!

Ощутив во рту привкус желчи, Редакс поморщилась и сглотнула. Она — солдат, а солдат исполняет приказы. Даже если они исходят от человека, которому надлежит быть полковником. Но это еще не значит, что ей должны нравиться его приказы.

Да, они были предельны ясны. В этом Шерману не откажешь. Слова впустую не бросает. «Защищать Ио. Защищать Европу. Отступить на Каллисто только во избежание полных разрушений».

Противник готовил наступление. Ей не было нужды заглядывать в перехваченные донесения, чтобы сделать такой вывод. Анализ мерси- и винкулум-трафика показывал, что Зебра-333 вызывает подкрепления и направляет их на Ио. Если он возьмет Ио, Европа будет в серьезной опасности. Из всех четырех лун Ио самая близкая к Юпитеру, Европа, Ганимед и Калисто находятся дальше. С учетом различной скорости вращения снабжение Европы будет возможно, но несколько затруднено. И все равно Европу придется эвакуировать. Окружить противника, сосредоточив силы на Каллисто. Отрезать неприятеля от источников снабжения.

Дополнительная проблема заключалась в том, что Ио была главным поставщиком энергии для всей системы Юпитера. Она единственная не скрыта подо льдом. У нее есть магнитное поле, и поэтому у Юпитера самая сильная в солнечной системе планетная магнитосфера. Один из полюсов этой магнитосферы — Ио.

Где магнетизм, там и электричество. Силовая станция на Ио давала столько энергии, что ее хватало на нужды городов трех внутренних лун. Ганимед, находившийся сейчас в руках неприятеля, временно работал на ядерной энергии, и все потому, что Редакс вовремя распорядилась отключить микроволновую передаточную станцию, посылавшую туда энергетический луч.

И что? Кто-нибудь отметил ее решительные и быстрые действия? Так, мимоходом. Она, можно сказать, в одиночку спасла систему, но эти идиоты ничего не заметили. История ее рассудит. История. Вот на что ей придется положиться, следуя приказам Шермана.

Соблазн помочь истории был велик, но… Нет, она выполнит приказ.

Генерал Редакс оглядела свой оперативный штаб в Телеграде, главном городе Каллисто. В пустой комнате суетились офицеры. Генерал включила виртуальные дисплеи, и помещение заполнилось оперативной информацией о войсках, сообщениями из частей, сценарными анализами.

Она повернулась к майору Антиномян, начальнику своего штаба. Именно ее генерал посылала к клаудшипам с сообщением о падении Ганимеда. Наверное, то была ошибка с ее стороны. Ошибка, совершенная в момент паники. Ей казалось тогда, что опасность нависла над всей юпитерианской системой. Теперь она понимала, что Мет вовсе не был настолько силен, чтобы захватить и удержать целую систему. После того, как таинственные помехи в мерси внезапно прекратились, ситуация проявилась со всей очевидностью, но отзывать Антиномян было уже поздно.

— Последние данные по Ио, — бросила генерал.

— Войска приведены в состояние повышенной боеготовности. Все корабли готовы к выходу. Ракетный щит… то, что он него осталось… перезаряжается после вчерашнего сбоя двух батарей.

— Что случилось?

— Пробой гриста. Система безопасности не выдержала. Окно лопнуло как раз в тот момент, когда мимо проходила обслуживающая бригада. Большинство адаптацию не проходили, а с токсическим зарядом их пелликула не справилась. Вы же знаете Ио. Отравление сернистым ангидридом.

— Бедняги.

— Так точно, мэм.

— Но теперь проблема уже решена?

— Насколько мы можем судить. Провели тройную поверку.

— Хорошо. Что говорит разведка?

Антиномян сложила и развела руки — между ладонями повисла трехмерная диаграмма.

— В последние два часа отмечено значительное увеличение винкулум-трафика. Обратите внимание вот на эти пики. — Майор подсветила пиковые значения красными искорками.

— Он и без того был высок…

— Похоже, атака вот-вот последует. Капитан Лидкор говорит, что анализ статистических данных указывает на начало наступления в течение ближайших тридцати минут. Вероятность девяносто восемь процентов.

Лидкор был свободным конвертером. Математическим сопроцессором, двойной копией. Регуляторов ни на одной из копий не было, и Редакс не знала, как ей к этому относиться. Во внешней системе такие неограниченные копии разрешались, в Мете — находились под полным запретом. Чего никто не отрицал, так это того, что капитан был настоящим волшебником статистики.

— Передайте эти данные всем подразделениям на Ио. Пусть приготовятся.

— Есть, мэм. — Антиномян застыла перед ней навытяжку, но генерал знала — в виртуальности майор уже связывается с полевыми офицерами на Ио.

Редакс еще раз обвела взглядом помещение. Детекторы, находившиеся за сто тысяч километров от Ио, сообщали о приближении пяти кораблей со стороны Ганимеда. Идентифицировать их пока не удавалось.

Война за Ио начиналась.

Она чувствовала страх и волнение. Ее войска были готовы, но ее не оставляло ощущение, что что-то упущено. Нет, не может быть. Их сила в логистической готовности. Дай войскам то, что им требуется, и они сделают свою работу. Логистика. Эффективность. Именно этим она в первую очередь и составила себе имя. Войны выигрывают за счет эффективности. Хорошее управление базируется на старинных принципах.

Что же она забыла?

Черт бы побрал этого Шермана! Это из-за него у нее сомнения в самой себе.

Сенсоры дальнего действия сообщали о пяти кораблях. Два класса «Дирак», два класса «Дабна». И авианосец. Должно быть «Шварцесс Флосс». И тут сенсоры замолкли, сожженные. Следующее их кольцо обнаружило корабли уже на расстоянии пятидесяти тысяч километров.

Та еще будет драчка, подумала Редакс. Может, мы и победим.

Глава вторая

Сера. От нее не избавишься, ее запах въедается в кожу, остается на одежде. Да что там, он сидит даже в легких. Вся эта чертова луна представляет собой не что иное, как громадную бомбу-вонючку, но сверху говорят, нет, это наша бомба-вонючка, так что у меня есть прекрасная возможность сдохнуть за нее — ура! Ну вот, передают, что меты уже идут. Все по местам. Пора и мне отправляться в свой пузырь на северной стене Полярного Магнитосферного Комплекса или, как его все тут называют, Конденсатора.

Капрал Владислав Карки промчался по коридору и проскользнул в кресло стрелка почти одновременно со своей напарницей Дуон. Когда гравитация составляет 0, 18 земной, бегать можно быстрей любого чемпиона, только на обуви нужно иметь резиновые подбойки, чтобы не биться после каждого шага головой в потолок.

— Как дела, капрал? — спросила она. — Вижу, поспать тебе так и не удалось.

— Тебе, похоже, тоже, — ответил он, вызывая виртуальный дисплей орудийной панели. — Проверка систем, поехали?

— Поехали.

Пока оба пробегали сверху вниз по спискам, пушка шипела, урчала и пыхтела. Потом щелкнула, как переключатель, когда в прочном баллоне появилась вдруг антиматерия. В комнате потемнело, и Карки переключился с видимого света на инфракрасный. Его дисплей в виртуальности сохранил оригинальный цвет, но все остальное в комнате окрасилось в пурпурно-синий. За стенами пузыря рыгала и бурлила Ио. Эта спутница Юпитера известна как одно из самых активных в геологическом отношении тел во всей известной вселенной. Могучие приливные силы не только генерируют мощнейшую во всей Солнечной системе планетарную магнитосферу, но и создают под поверхностью Ио сильнейший жар.

Здесь хватает всего: вулканов, дурно пахнущих гейзеров, озер, затвердевших равнин. Изначально главным компонентом этой луны была сера. На Ио вещества могут существовать, в зависимости от условий, в твердом, жидком и газообразном состоянии. Сама планета настолько соответствовала общепринятому представлению об аде, что другие сравнения просто не приходили никому в голову.

Желтый, красный, зеленый (от различных соединений меди, а не живой растительности) и белый — вот цвета этого милого

уголка. И все же было здесь кое-что, что нравилось Карки, — Ио не пыталась обмануть вас, соблазнить и заставить поверить, что здесь вас ждет уютная, комфортная жизнь. Два его дяди, братья матери, обосновались здесь пятьдесят лет назад, но и теперь старики отзывались о планете так, словно до сих пор дрались с ней за существование.

На самом же деле они обуздывали ее. Любая активность — это энергия, которую можно собрать и использовать в других местах, на других спутниках Юпитера. Дядя Йоланд и дядя Хорс только об этом и твердили. Впрочем, Карки и сам кое-что знал, потому что изучал машиностроение в лицее, куда его отправила ассоциация фермеров. Сказать по правде, изучал он его недолго — больше времени уходило на вечеринки да пересдачу тестов. Проучившись два года, он бросил лицей и подался в армию.

В армии было не так уж и плохо — если, конечно, не принимать во внимание, что ты можешь в любой момент погибнуть. Он ничего не имел против дисциплины, и она пошла ему на пользу. По крайней мере научила понимать, что к чему. К тому же, если ты уж так устал, всегда есть возможность схитрить и расслабиться. Правда, в последнее время было как-то не до расслаблений. Он даже стал подумывать о том, чтобы вернуться после войны к машиностроению. Подписаться на дядину ферму. Стать, черт возьми, пионером.

Только, конечно, если выживешь, усмехнулся капрал и тут же одернул себя — нельзя думать о смерти, ребята говорят, так только беду накликаешь. С другой стороны, как ее не накликаешь, если сюда направляется едва ли не вся армия Мета? Если эти проклятые коммандос Департамента Иммунитета хотя бы вполовину так хороши, как их расписывают по мерси, то мне и секунды против них не устоять. Что ж, как будет, так и будет.

Между тем снаружи Конденсатор уже начал мерцать — заряд нарастал. Того, что он вынес из курса электромеханики, было вполне достаточно, чтобы понимать принцип действия оружия. Энергия юпитерианской магнитосферы собиралась и накапливалась в Конденсаторе, служившем своего рода временным хранилищем до того момента, пока заряд не достигал определенного напряжения. Или силы? Ладно, неважно. Затем эта энергия передавалась на круговую спутниковую структуру, которая преобразовывала ее в микроволны и либо возвращала в города для дальнейшего использования, либо отправляла на другие луны системы.

Конденсатор представлял собой металлический цилиндр двенадцати сотен футов высотой, защищенный поярусными слоями керамических изоляторов. Со стороны он удивительно

напоминал гигантскую свечу зажигания из тех далеких дней, когда люди еще пользовались двигателями внутреннего сгорания, только свеча эта медленно поворачивалась на своей оси и время от времени выбрасывала в черно-желтое небо мощные стрелы молний. Пузырь служил наблюдательным и оборонительным пунктом, располагавшимся на самом краю глубокого искусственного каньона, в котором и помещался Конденсатор. По периметру каньона было еще пятьдесят семь таких же постов, и каждый обслуживали по два солдата Федеральной армии.

Сто четырнадцать бедолаг, думал Карки, и все, наверно, трясутся от страха. Что ж, по крайней мере хоть какое-то утешение — не я один. Ура, мы все умрем вместе!

Ожидание затягивалось, как в плохом мерси-шоу, где напряжение растет только за счет времени. Делать нечего, ты просто ждешь и ждешь, зная, что плохие парни уже идут. Карки попытался поговорить с Дуон, но ей было не до болтовни. За окружавшими планету минными полями уже шли какие-то бои. Армада маленьких судов вступила в схватку с крейсерами Департамента и подожгла пару из них. А где же эти хваленые защитники, клаудшипы? Во всей юпитерианской системе их нашлось только два, клаудшипы Сэндберг и Юань Хуньтао. Весь остальной флот находился, как говорили, в Облаке Оорта. Много нам от них пользы, думал Карки.

Потом наступила очередь мин, и они начали маневрировать, выстраиваясь так, чтобы преградить путь неприятелю. Место взорвавшихся занимали другие, но изотропическое покрытие кораблей Департамента уменьшало разрушительный эффект. Одна мина, даже если она ядерная или аннигиляционная, большого вреда причинить не может, а потому они, как рыбы, старались сбиваться в плотные стайки. Концентрируясь против одного корабля, они пропускали другие, и те проходили, не встречая практически никакого сопротивления.

Тем не менее большой крейсер Департамента разлетелся на кусочки, пытаясь выйти на орбиту вокруг Ио. Карки благодарно кивнул — большинство мин были всего простенькими конвертерами, а гибель каждого корабля противника означала, что силы вторжения уменьшаются на двадцать-тридцать тысяч солдат.

Где-то там же клаудшип Сэндберг схватился с вражеским крейсером и по крайней мере задержал его. Клаудшип Юань Хуньтяо вестей о себе не подавал. Скорее всего, как поговаривали, генерал Редакс задержала его у Каллисто или отправила патрулировать подходы к Европе, чтобы исключить возможность атаки с тыла. Типичное для начальства поведение —

позаботиться в первую очередь о том, чтобы прикрыть собственную задницу, даже если при этом открываешь задницу соседа.

Конденсатор вдруг крякнул сухо и выбросил в небо молнию. И тут же, словно все только этого и ждали, на Ио обрушился шквал огня.

Глава третья

Если Льоса и знал что-то наверняка, так это то, что сержант Фолсом — чертова маньячка.

За кого она нас принимает? За элитных спецназовцев из мерси? Так надо же понимать, что мы никакие не герои, а обычные парни из захолустья. Кого она пытается обмануть? Нас же всех здесь перемолотят!

Льоса снова и снова просматривал план операции и протоколы сообщений, изыскивая возможности нанести противнику урон (я же должен кого-то убить!). Он делал именно то, чему учила их Фолсом, то, что она вдалбливала в них ежедневно. Надо же. Да вот только всего этого мало, думал Льоса, чтобы остаться в живых.

— Скорость снижения — два клика вверх, — сказала по взводному винкулум-каналу Фолсом. — Лейтенант говорит, что мы пойдем со второй волной.

Скорость снижения замедлилась, что было хорошо, поскольку позволяло оставаться над поверхностью, вне боя. С другой стороны, это было плохо, поскольку он практически повис в воздухе, представляя собой отличную цель и словно навлекая на себя огонь противника.

Словно отзываясь на его мысли, энергетический заряд осветил небо и соседний взвод. Десяток солдат сгорели в одно мгновение, как будто их и не было. Кое от кого остались руки или ноги, и теперь они неспешно опускались под действием слабой силы тяжести. Одна срезанная ниже колена нога кружилась по спирали, словно пробитый воздушный шарик, оставляя после себя ленточку крови. Скоро она исчезла из виду, и Льоса посмотрел вниз.

Ему вспомнилась игра, пользовавшаяся большой популярностью у них дома, в болса Карта. Почти каждая семья обзаводилась крохотным огородиком, заменявшим переднюю лужайку и возделывавшимся с большой заботой и рвением. Помимо микроволокнистого орошения, которое имелось у всех, многие пользовались большим отводным шлангом для полива и удобрения проблемных участков.

Игра заключалась в следующем: ты подходил к чьей-нибудь двери — желательно, к двери кого-то незнакомого — и, воспользовавшись поддельной идентификационной карточкой, просил открыть. Несчастный жилец подходил, открывал, и тут ты направлял струю из шланга в дом — на людей, домашних животных, мебель и все прочее. Ошеломленная жертва всегда

реагировала с опозданием, так что опасаться разоблачения не приходилось. Потом ты бросал трубу и удирал. Льоса попался только один раз, когда ошибочно разгромил гостиную сослуживца отца, который и узнал его.

То же и здесь. Пришла пора, порезвиться, парни. Открывайте, я пришел!

Только теперь вместо шланга у него были ракеты, гранаты и аннигиляционная винтовка. И, если сыграть правильно, за ним уже никто не погонится. Все они погибнут. Сгорят.

Да уж, это вам не шланг.

Внизу уже пошла вперед первая волна. Вспышки и крики заполнили винкулум, но затем включились психологические фильтры, заглушившие жуткие звуки. Теперь там умирали беззвучно. Двадцать метров. Пятнадцать. Еще немного — и он будет в этом дерьме.

И вот оно…

Прямо перед ним сержант Фолсом выпускает ракету и выбивает окно, и Льоса несется за ней; он орет что-то страшное, но только мысленно, потому что в его легких уже несколько часов не было ни грамма воздуха. Позабыв обо всем на свете, он палит из всего имеющегося оружия. Чужаки разбегаются, пытаясь выскочить из комнаты. Льоса разворачивается и бьет с запястья, бьет наугад, и кровь брызжет во все стороны… кровь и какие-то комочки… чего? Мозга? Костей? Еще один вражеский солдат прыгает к двери, но Льоса бросает в него грист-гранату и видит, что подошвы у парня растекаются, ноги плавятся, а он как идиот смотрит на них и еще пытается стоять, не понимая, что разрушается под действием мил-гриста. И вот уже лицо смотрит вверх из той лужи, в которую превратилось тело, и черты исчезают, губы, нос, глаза исчезают, и уже ничто не напоминает о человеке.

— Полегче, Льоса! — кричит Фолсом. — Побереги патроны на потом. Стрелять короткими очередями, не забыл?

Льоса не мог оторваться от бесформенной окровавленной кучки под ногами, которая еще недавно была человеком. *Мой первый. Ладно, не важно.*

— Не забыл, сержант.

— Взвод, строиться.

Пятеро были внутри, оставшиеся трое влетели через разбитое окно, среди них и лейтенант Чатрум. Сержант повернулась к ней за инструкциями.

— Прорываемся к контрольно-командному центру, там

соединяемся с остальными нашими частями и зачищаем участок для технической команды.

— Есть, мэм. — Фолсом обернулась к взводу. — Помните, это ВОУМ — военная операция на урбанизированной местности. Используйте препятствия. Укрывайтесь за ними. Следите за площадью огня. Займите ключевую позицию и возьмите под наблюдение все подходы. — Она оглядела своих бойцов. — Ну, щенки, вперед. Пошли и надерем им задницу, пока они не надрали задницу нам!

Фолсом первой вышла за дверь, и Льоса последовал за ней. Выскользнувший последним из защитного пузыря рядовой Экстраслим закрыл за ними дверь. Миновали небольшую шлюзовую камеру.

— Второй, возьмешь дверь. Четвертый и Пятый, прикроете.

Рядовой Эшенбах, получивший в этой операции номер Второй, открыл дверь. Льоса, поименованный Четвертым, прикрыл его. Как и предполагалось, с той стороны оказались защитники. Пятый, Герхард, открыл огонь, а Льоса бросил шумовую грист-гранату. Она взорвалась, за дверью послышались крики, и Льоса понял, что они снова в нормальной атмосфере. Коридор, когда они вышли, был жутковато пустым, и только на полу расползалась какая-то липкая, тягучая жидкость — все, что осталось от людей. По коридору передвигались парами, сохраняя дистанцию в пять метров, цепочкой, ровно так, как делали это на тренировках и в виртуальных играх. Капрал Альянс держался поближе к сержанту и лейтенанту. Его специальность во взводе была наблюдатель, и от него во все стороны торчали антенны, блюдца и сенсорные щупы. Так или иначе оборудование работало, и они быстро спустились на три уровня, где встретили сопротивление.

Противник нанес удар из засады. Наверно, у них тоже сенсоры, подумал Льоса, ныряя в укрытие. Тренировки не прошли даром: увидев препятствие — им оказалась переборка, — он успел спрятаться за ним.

— Они в конце коридора, — сказала Фолсом. — Стрелять и не высовываться. — Альянс, проверь, нет ли ловушек.

— Вижу зип-проволоку. В десяти… нет, двенадцати метрах от передовой позиции. В трех дюймах от пола.

— Поняла. Черт…

Путь преградил микрофиламент тоньше волоса и острее бритвы. Проволока могла запросто отрезать ногу на уровне лодыжки. К тому же, наткнувшись на нее, они вполне могли привести в действие кое-что похуже.

— Второй, Четвертый — вперед. Третий — прикрой.

Эшенбах подвинулся к Льосе.

— Готов?

— Ни хрена.

Эшенбах улыбнулся.

— Молодец. Я бросаю шумовую и аэрозольную, потом выкатываюсь и стреляю влево по уровню этой чертовой проволоки.

— Понял.

— На счет два?

— На два.

Эшенбах приготовил гранаты.

— Раз… два…

Он швырнул гранаты, выкатился вперед и открыл бешеный огонь. Льоса выскочил из-за укрытия. Аэрозольная граната сделала свое дело, ненадолго нарушив визуальную и электромагнитную связь и разослав по гристу сотни ложных сообщений. Если повезет, противник не сможет обнаружить реального Льосу, а если повезет еще больше, его не подстрелят случайно.

Он прокатился по коридору, пока не обнаружил показавшийся с первого взгляда пустым боковой коридорчик, и на всякий случай бросил еще одну гранату. Как выяснилось, не зря. Кто-то с пронзительным криком вылетел из-за укрытия, растворяясь на бегу. Судя по голосу, это была женщина.

Уже двое.

Льоса прикрыл его, а потом они вместе, обрушив на чужаков шквальный огонь, позволили взводу подтянуться к ним. Рядом кто-то засопел, но он не обращал внимания, пока Фолсом не подтащила Герхарда, во лбу которого зияла аккуратная круглая дырочка. При таком массивном разрушении мозга помочь не мог даже грист. Герхард был мертв.

Подошедший Альянс сказал Фолсом, что нашел обходной путь, по которому они могут выйти в тыл противнику — через коридор, который только что расчистил Льоса, потом на уровень выше и вниз по трубе. При невысокой гравитации ступеньки здесь не нужны — люди просто прыгали на несколько этажей вверх или вниз. Сержант проинструктировала Асада, Микера и Чина. Остальные прикрывали их огнем добрых пятнадцать минут. Внезапно в тылу противника раздались выстрелы и крики.

— Черт, эти парни должно быть обделались в штаны! — воскликнул кто-то.

Пятеро чужаков были убиты, еще двое спаслись бегством.

Взвод потерял одного Микера.

Коридор, в котором Льоса пережил несколько самых

напряженных моментов своей жизни, являл собой малоприятную картину. Взвод двинулся дальше. Прежде завернуть за угол, Льоса оглянулся. Убрать останки убитых — и место как место. Как тысячи других.

Черт, он никогда бы не нашел сюда дороги обратно. А если б и нашел, то не узнал бы.

Глава четвертая

Из «Мерси-шоу Винни Хиндж»

Дата передачи 24 апреля 3015

Винни Хиндж на борту клаудшипа Сэндберг — спасибо «Джерматерм коутс»! Если для вас важна наружность — получите свою пелликулу. Протяните мне руку и войдите в мир красоты и совершества — «Джерматерм»! Ну же, смелее! Дотроньтесь до моей руки! Это Джей-би-си с Юпитера. Мы рассаказываем о конфликте. Сейчас пятнадцать часов по стандартному времени.

Винни Хиндж здесь, с вами. В данный момент клаудшип Сэндберг приближается к минному периметру вокруг Ио и трем кораблям Сил Принуждения Департамента Иммунитета. Похоже, это корабли класса «Дирак» или «Дабна». Да, Сэндберг только что идентифицировал их как два корабля класса «Дирак» и один авианосец, «Львы Африки». Крейсера — «Мейплторп» и «Сэмсэм». Мы только что… да, у нас есть сим обоих судов прямо сейчас, онлайн и в полном интерактиве. Вам достаточно только… извините, мы приближаемся… Боже, какие же они огромные!

Добавьте усиления, и вы услышите, как стучит мое сердце, а дыхание…. Да, я уже подстроилась. Не хотелось бы напугать ваших старушек. Итак, все в порядке. Немного транквилизатора, и вот мы уже снова у окошка.

Мой Бог, они и впрямь настроены решительно. Мы, конечно, больше любого из них, но три… Я немного… обеспокоена, леди и джентльмены. Рассчитала, что мы выйдем на простое патрулирование, а сейчас все указывает на то, что мы атакуем превосходящие силы СПДИ! Сэндберг, вы уверены…

Клаудшип Сэндберг говорит, что у нас приказ атаковать, и тут уж ничего не поделаешь. Имеющин полный доступ, вероятно, слышали, как он посоветовал мне замолчать, хотя и выразился несколько экспрессивнее. Так что мне ничего не остается…

О, Боже… мы…

Знаю, многие из вас никогда еще не контактировали с клаудшипом. Вообще-то они держатся несколько особняком и не пользуются, как мы, мерси-каналами. Клаудшип Сэндберг оказал мне большую любезность, позволив познакомиться с ним поближе, в том числе посмотреть на его вооружение. Он пользуется такой штукой… да, эффектом Казимира, спасибо… Так вот, он бьет противника концентрированным пучком

позитронов, причем, луч может выходить из любой точки его тела. Корабли Департамента применяют другой эффект… эффект Оже. Только стреляют они из орудий, которые заряжаются от двигателей. Эти орудия называют иногда «пушками Оже». И сейчас…

…Леди и джентльмены, мы приближаемся. Вы видите происходящее моими глазами и понимаете, о чем я говорю. Вон там… тот корабль… Сэндберг говорит, это «Мейплторп»… вот те бугорки и есть орудия. Видите?

Какой же он огромный! Длина около двух километров. Видите те вращающиеся штуки впереди? Это для гравитации. Там находится командный мостик и жилые отсеки. Выглядит страшновато. Как выставленные вилы.

А вот и «Сэмсэм». Такой же здоровущий. Что-то случилось! Он… он стреляет в нас! Боже! Пора укрыться…

Вау! Вы почувствовали? Может быть, родителям стоит ограничить доступ для детей или оставить только видеоряд. Черт, еще один залп!

Какого черта, Сэндберг? Вы почему не отстреливаетесь?

Ууу! Похоже… у меня в руке что-то сломалось. Палец или…

Господи, ну и больно же. Надо впрыснуть немного морфия. Да. Так.

Лучше.

Ладно. Ну, что тут у нас? Выходим на позицию или как это у них называется. Сэндберг говорит, что они немного поспешили со стрельбой, так что повреждения минимальные, и теперь им потребуется пара минут, чтобы перезарядить пушки. Есть еще камни…

Что? Какие камни?

А, да. Леди и джентльмены, эти корабли, помимо прочего, оснащены еще и катапультами. Очень мощными. Которые швыряют камни на большие расстояния. Прямо-таки искусственный метеорный дождь. И не только камни, подсказывают мне, но и куски металла. Но этой шрапнелью они обстреливают планеты, а не корабли. Обычно…

О! «Сэмсэм» бьет камнями по нам!

Я… Ааа… Боже… Да прекратите же! Больно! Ты что, придурок? Вздумал меня убить? Вот же дерьмо… Я…

Извините, леди и джентльмены. У меня, кажется, еще что-то сломалось. Только тпереь уже в ноге. Какая-то кость. Не беспокойтесь, об этом позаботится грист. Я только что получила еще дозу морфия. Сочувствую тем, у кого полный спектр восприятий. Больно, да. И эти демпферы ничего не фильтруют. Алгоритмы, которые мы используем для «Винни Шоу» не

рассчитаны на такие сигналы. Пожалуй, придется позаимствовать что-нибудь паокруче у парней из «Плазма-скейт». Некоторые из вас знают, что я некоторое время была замужем за ведущим «Плазма-скейт», Роном Эджкерком, но когда он открыл мне свой маленький секрет…

О, нет! Стены снова мерцают. Что они сделали с нами теперь? Здесь становится жарко. Чертов дурак, ты собираешься что-нибудь с этим делать?

Сэндберг советует подождать.

Легко ему говорить, он же не в мерси… О, Боже, он стреляет!

Мы стреляем!

Вы только посмотрите! Вся поверхность клаудшипа как будто осветилась, а потом из нее вылетел разряд! Внимание, леди и джентльмены… да, корабль Департамента поврежден! Это «Сэмсэм».

Опять мерцание. Осторожнее! Как бы нам не полыхнуть…

Ох. Похоже, клаудшипы работают по-другому. Быстрее. Все дело в том «эффекте», леди и джентльмены, о которых я вам рассказывала.

Так что, мы побеждаем?

Проблема.

Оказывается у тех кораблей есть изотропическое покрытие, которого нет у клаудшипов. Так что шансы уравниваются. Очевидно, нам придется еще пострелять, чтобы…

Боже… В нас снова попали. И моя бедная нога… она сломалась во второй раз. Сэндберг подходит к «Мейплторпу». Стреляет…

И по «Сэмсэму» тоже. И еще. И еще.

Леди и джентльмены, мы в полном дерьме.

Сэндберг слишком близко подошел к «Сэмсэму». Осторожно, пушки у него наверно уже зарядились, а? Может быть, стоит…

У меня еще полная корзинка камней, говорит Сэндберг. У них столько нет.

А вот и полетели! Вы только посмотрите! Как будто кто-то выплюнул целый рот камешков! Но почему их сносит в сторону? Странно. Сэндберг говорит… это магнитосфера Юпитера. Как будто ветер… Господи, «Сэмсэм» опять! Палит из своей чертовой пушки!

Не попал! Удар приняли камни! А Сэндберг говорит, что у него в запасе есть еще, что этого мало.

Мало для чего?

О!

О!!

Внимание, леди и джентльмены. Мы им врезали. «Сэмсэм»

получил свое. Как же ему плохо. Вы только взгляните на мерцание около хвоста.

И вот… Да, тот огненный шар это и есть «Сэмсэм». Он горит! Он не падает! Это все…

Но мы поворачиваемся… поворачиваемся…

И…

Это «Мейплторп». Секундочку. Убавьте, леди и джентльмены. Поберегите детишек. Думаю… думаю…

Черт… вот же гадство… Да я сдохну здесь, в этой богом проклятой черноте, а не в своей милой квартирке на Ганимеде. Да, эти идиоты ее разбомбили, пока я была на Каллисто. А те придурки из Фри Грандж еще читают нам лекции о необходимости коллективных действий, как будто мы и без них не знаем, что что Мету надобно. Надрать нам задницы да далезть в наши карманы. Да только мы не идиоты… Черт, я сдохну здесь, а мерзавец рон наверняка трахается с какой-нибудь конвертерной шлюшкой… О, Боже, я уже ничего не чувствую и ничего не хочу… Даже тебя, Рон…

Рон, ты ублюдок. Порвать со мной только потому, что я не какая-то там…

О…

А…

Леди и джентльмены, нам крепко досталось, но я жива. Мы все живы, верно? Прошу простить, я тут наболтала лишнего — треснулась головой о переборку. Извините, леди и джентльмены. Да, я понимаю, у нас семейное шоу. Не повторится. Извините. По краней мере мы все целы…

Что?

Сэндберг говорит, что «Мейплторп» развернул какое-то… что он развернул? Да, поле гриста… И теперь взрывная волна несет нас к нему, а изменить курс мы уже не можем, поскольку после прямого попадания энергия на…

Мы в гристе, леди и джентльмены. В военном… да в мил-гристе, который развернул «Мейплторп». Что дальше, я еще не знаю. Пока все тихо.

Внутри все тихо.

Сэндберг говорит, что этот грист — мерзкая штука. Говорит…

Сэндберг?

Сэндберг?

Ты где, Сэндберг?

Странно? Стены меняют цвет. Обычно они голубые, и потолок так ровно мерцает, а теперь… они как будто воспалились. Словно у них какая-то кожная инфекция. Розовеют… краснеют…

Фиолетовые вены. Как синяки. Они повсюду. Повсюду.

Боже. У меня на руке. Идут вверх. Что это? Что…

Рон, нам было так хорошо вместе. Зачем он бросил меня? Зачем променял на эту конвертерную дрянь, эту… о, черт. Черт. Я вся фиолетовая. Я…

Рон…

Инициирую автоликвидацию биологической единицы. Код 687. Начинаю отсчет. Ответьте: 32vwLx99. Прерывание 7A7. Обнаружен квантовый передатчик. Инициирую программу 989. ES установлен.

Люди внешней системы, с вами по вашему мерси-каналу говорит Директор Амес. Как видите, сопротивление бесполезно. Вы либо сдаетесь немедленно, либо будете полностью уничтожены. Мир и порядок вам принесет только полная капитуляция.

Загрузка завершена. Соединение остается открытым.

Код 687 переустановлен.

Подготовиться к уничтожению биологической единицы.

Объект уничтожен.

Глава пятая

Защитить грист-шлюз любой ценой. Такой приказ имел взвод Карки. Приказ простой и понятный. Все зависит от того, как понимать формулировку «любой ценой». У Карки почему-то создалось впечатление, что отдававшие его подразумевали самый жесткий вариант.

Он выглянул из-за переборки, за которой прятался, и дал по врагу короткую очередь. Высунуть руку целиком, чтобы она заняла требуемое для прицельной стрельбы положение, капрал не рискнул, а потому и огонь получился неточный.

Неподалеку исходила кровью Дуон, получившая осколок гранаты. Ее пелликула боролась с разрушительным воздействием неприятельского мил-гриста, бросив на это все ресурсы, а между тем шрапнель проникла глубоко в тело и перерезала артерию. Система внутреннего заживления, бросившая все силы на сдерживание гриста, не могла остановить кровотечение — малейшее отвлечение ресурсов грозило тем, что Дуон попросту превратилась бы в исходную биологическую слизь. Ситуация сложилась патовая.

— Держись, Дуон, — крикнул Карки. — Я с тобой.

— Да, — едва слышно отозвалась Дуон. — Держусь.

Карки выпустил в коридор ракету и услышал глухой стук, затем приглушенный вскрик боли. Похоже, мужчина. Вспышка света оборвала крик. Капрал не испытал никаких особенных чувств. Не первый и, может быть, не последний. Он переступил порог и уже имел на своем счету по крайней мере десяток жизней.

Похоже, нашел занятие не по себе, подумал он. Боже, мог бы заниматься электротехникой, у меня же неплохо получалось. Или чем-нибудь еще.

По коридору покатилась граната, и Карки понял — дело плохо. Он отпрянул, схватил Дуон за воротник и втащил ее в шлюз, успев отдать приказ закрыть дверь. Граната грохнула с другой стороны. Черт, как же это они подобрались так близко? А ему-то казалось, что он удерживает их на приличном расстоянии.

В дверь что-то ударило. И еще раз. Противник пытался захватить шлюз. Карки огляделся. Дуон уже израсходовала все свои гранаты и ракеты. Боеприпасов у нее почти не осталось. Что у него? Пара гранат. Ручных ракет больше нет. Он забрал все, что мог, у Дуон, подзарядил браслеты и заметил, что напарница уже мертва. Некогда… Чем еще можно драться?

Грист.

Он протянул руку к контрольно-командному пункту всего комплекса. Вся виртуальность в нем. Все свободные конвертеры.

— Помоги.

Кто-то позвал его.

— Что?

— Мы не можем выйти сами.

Они. Свободные конвертеры внутри гриста.

— Что-то блокирует мерси вне зоны Конденсатора. Мы изолированы. Не можем высвободиться.

Во всей этой суматохе он даже не удосужился посмотреть, что там снаружи, существует ли еще внешний мир. Ладно, чего уж там. Карки настроился на один из своих излюбленных порноканалов, «Сладкий Бар Бериданны».

Ничего.

Неприятно. Да что там неприятно — такого раньше никогда еще не случалось. Мерси было всегда. Виртуальность не исчезает. И что это может значить? Что весь мир уже погиб?

— Они смогли настроиться на наши частоты, — прозвучал голос из гриста. — Такое уже случалось на Тритоне. И вот теперь здесь. Мы не можем себя копировать. Отступать дальше некуда. Если они попадут сюда, то смогут делать с нами все, что только захотят.

— Сколько вас там? — спросил Карки.

— Десять тысяч девятьсот пятьдесят семь.

Черт, почти одиннадцать тысяч человек.

— И что, от всей этой проклятой Федеральной армии остался только я один? Ты, кстати, кто?

— Майор Мэтуэй, — ответил свободный конвертер. — Большая часть Федеральной армии сосредоточена на восточном крыле, там сейчас тяжелые бои. Департамент изолировал гристлок. Кто-то знал, что им нужно.

Вот уж дерьмо так дерьмо.

— Я сделаю, что смогу.

— Мы поможем. Дай нам оставшиеся гранаты. Мы соединимся с ними и скопируем их команды на гристлок. А когда солдаты Департамента войдут, окружим их.

Гристлок походил на инкрустированный карбункул футов десяти высотой и шести шириной, расположенный посреди комнаты. Вверху и внизу он заострялся, соединяясь с полом и потолком. Карки отстегнул оставшиеся гранаты и расставил их у основания карбункула.

— Что мне с ними делать? Установить на детонацию?

— Не нужно. Лучше постарайся укрыться. Мы не уверены, что из этого получится…

Карки огляделся. И где тут укроешься? Спрятаться за телом Дуон? Он решил остаться на месте. Между тем гранаты уже растворились в гристлоке, оставив только едва заметные выступы.

— Есть, — сказал у него в ухе Мэтуэй. — А теперь реплицируемся.

В дверь что-то стукнуло. Метали должно быть нечто мощное — тяжелая бронированная плита дрожала.

Теперь грохнуло так, что встряхнуло даже стены. Черт. Надо прятаться. Карки бросился за гристлок. Еще один взрыв. И еще. Дверь слетела с петель. В комнату ворвалось трое солдат.

Пол поднялся, словно анимированный гриб, навстречу им, накрыл и проглотил.

Вот же дерьмо. Хорошо, что эта хрень на моей стороне. Но все-таки лучше держаться от нее подальше.

В комнату влетело несколько гранат, но пол мгновенно окружил их и принял в себя. Вспышки взрывов — и все. Содержавшийся в гранатах грист был поглощен намного более мощным алгоритмом свободных конвертеров гристлока.

Пол вздыбился и волной выплеснулся в коридор. Что там случилось, Карки не знал и знать не хотел, но, судя по крикам, живых осталось немного. На то, чтобы анимировать напрямую столь много гриста, требовалось огромное количество энергии, и температура в комнате поднялась на несколько градусов. От вторгшихся солдат Департамента остался только один.

— Наши ресурсы исчерпаны, — кричал в ухо Карки Мэтуэй. — Алгоритмы есть, но физической энергии недостает. Нам требуется перезарядка. На это потребуется несколько минут, а сюда идут другие солдаты. Их очень, очень много.

— Что ж, у вас тут неплохо получилось.

— Неплохо, но, боюсь, этого мало. Нам это стоило двадцати пяти жизней.

— Что будем делать?

— Если они нас захватят, то отправят в Силиконовую Долину, — сказал Мэтуэй.

Слухи — правда, пока неподтвержденные — о существовании на Марсе лагеря смерти для свободных конвертеров ходили давно. Все знали, как ненавидит их Амес. Может быть, так оно и есть.

— Такой вариант, как капитуляция, нами даже не рассматривается. А вот тебе стоит подумать…

Сдаться в плен? Ну уж нет. Черта с два. Всю жизнь он был сачком, даже в армии. Эти конвертеры показали, что нужно делать. Почему и ему не взять с них пример.

Он выглянул из-за карбункула и дал короткую очередь в

сторону вражеского солдата. Тот направил руку на Корки, но стрелять не стал.

— Черт, — крикнул он. — Черт.

Ага, боеприпасы кончились. Да и у меня осталось на одну очередь. В позитронном пистолете пять пуль. А потом — только голые руки.

— Подскажи, когда он выглянет, чтобы я смог его подстрелить.

— Хорошо, — пообещал Мэтуэй. — Это мы можем. Будь готов. И… Давай!

Карки сжал пальцы в кулак и выпустил последнюю очередь. Крик боли… Попал.

Два быстрых, глубоких вдоха. Выскочить из-за укрытия. По коридору. Парень поднимает голову, и в глазах у него боль и страх. Но он еще жив. Да и рана небольшая. Зацепило колено. Черт.

Он бросился на врага. Сжал пальцами горло. Но тот врезал ему в адамово яблочко, и Корки с хрипом отпрянул. Противник заревел и ткнул пальцами в глаза.

Они покатились по коридору. В виртуальности дрались и кричали их конвертеры.

Как убить человека? Ударить. Укусить. Задавить. Оборвать его информационный поток. Задушить. Стереть его память. Здесь никаких барьеров нет. Здесь все позволено. Это жизнь. Это смерть…

Глава шестая

Льоса знал, что должен убить врага. Раненная нога подождет. Щупальца пелликулы противника уже пытались проникнуть за защиту и стереть его память. Стереть его семью. Стереть его жизнь.

Убьет он его или нет — от этого зависело все. Но и враг не желал умирать и вырывался, выворачивался, выскальзывал, как змея. Только не забывай, напомнил себе Льоса, он так же хочет убить тебя, как и ты его.

Он стиснул зубы, сопротивляясь чуждому вторжению.

Моя воля сильнее.

Боже, был бы хоть нож. Он рискнул оглянуться. Ничего острого. А это что? Кусок металла. Обломок пускателя. Достать. Черт. Враг ударил в грудь. Тянется к горлу.

Дотянуться.

Есть. Сжать.

Вложив всю силу, Льоса ударил чужака железякой по черепу. Хватка ослабла. Льоса освободился от захвата. Получи еще. И еще.

Враг откатился. Кровь. Стоны.

Льоса поднялся, все еще сжимая железяку. Стоя на коленях, навис над чужаком. Вот тебе, гад. Вот тебе. Кровь ударила из разорванного бедра, как вода из ключа. Раскатилась, как река. Получи, сволочь.

Чужак посмотрел на него. Лет двадцать с небольшим. Каштановые волосы. Смуглая кожа.

Похож на меня.

Льоса ударил его по лицу.

Враг снова попытался проникнуть за его грист. Нога… А, черт. Он попытался пошевелить ею. Система доложила, что боль отключена. Значит, слева он не защищен. Тот может попытаться… перенаправить поток и…

Невыносимо острая боль пронзила мозг. В ногу как будто впился нож. Но дело не в ноге. Боль только в голове.

Он выпустил железяку и рефлекторно схватился за ногу.

Боже, как больно. В голове только боль и ни одной мысли. Изолировать этот нерв. Если нужно, уничтожить. Не думать. Не…

В руке чужака металлический прут. Вот он уже поднимается. Льоса свалился, корчась в судорогах, на пол.

Восстановить контроль. Изолировать. Выжечь.

Закричав от боли, он Льоса применил собственный грист, чтобы уничтожить нерв в ноге. Единственный выход. По-другому

не выходит. Боль прекратилась.

Льоса поднял голову. Чужак стоял над ним, держа в руке металлический прут.

Их глаза встретились.

Ему же страшно, понял Льоса. Он — как запуганный зверек.

Как я.

Чужак опустил прут. Как кол. Воткнул. В грудь Льосы.

Прямо в сердце.

На периферии зрения замигали предупредительные огни.

Он поднимает глаза. Чужак плачет. Всхлипывает.

Странно. Боль.

Еще чье-то лицо.

Сержант Фолсом. И рядом с ней Эшенбах.

Сержант вытаскивает нож из спины чужака.

Чужак падает.

Льоса? Льоса, ты меня слышишь?

Он кивает. Улыбается. Он еще слышит, но видимость ухудшается.

Лицо чужака. Мертвое. Льоса знает, что уже видел его раньше. Видел, точно. Но где? А, да. Карта-болса. Шланг в руке. Удивление и боль на лицах тех, кого он промочил до нитки, чью гостиную залил…

Не расстраивайся. Это же только шутка. Все шутка.

Игра. Детская игра. Поиграем и разойдемся по домам к ужину. Вернемся к своим… к семье…

Льоса, ты меня слышишь?

Мама?

Глава седьмая

Дождь на горе Пеле

Мы были на горе Пеле, когда пошел дождь с гвоздями. Мы знали, что войска Департамента идут, что они уже близко. Мы ждали их. Ждали драки и допускали, что проиграем. Мы думали, как это отразится на нас, на работе, на уровне жизни. Мы готовились к наступлению тяжелых времен.

Но мы никак не ждали, что с неба пойдет дождь с гвоздями.

Некоторые из нас смотрели в небо и видели, как они падают. Гвозди. На нашей крохотной луне всей атмосферы — тонкий слой сернистого ангидрида. Но и этого хватило, чтобы гвозди, падая на нас, обрели голубоватое сияние. Те, кто это увидели, позвали остальных, и все посмотрели в небо.

Это было прекрасное зрелище. Дети не понимали, что происходит, и с улыбкой наблюдали голубоватый дождь.

Мы выстрелили ракетами, но летящие на нас сверху кусочки металла не были ни кометами, ни метеоритами — не были единым целым, чем-то таким, что можно разбить, рассеять. Они не были ни комом, ни пластом. Нет, это был дождь, а в дожде ведь дыру не пробьешь, верно?

Дождь падал на всех. На тех, кто адаптировался к Ио, и на тех, кто адаптировался к открытому космосу, на богатых и бедных, на стриков и молодых. И на детей он тоже падал. Падал, вспарывая, пробивая все постройки — жилые дома, промышленные корпуса, культовые места. Казалось, он живой и ищет другую жизнь. От него было не скрыться. Падал он и на сам вулкан. Бил и бил, выбивая из него фонтаны сернистого газа. Громадные облака серы и двуокиси железа поднимались в воздух и, почти сразу же охлаждаясь, переходили в другое состояние и становились жидкостями.

На Ио такое случается нередко, когда извергается Пеле или какой-то из других вулканов или гейзеров, особенно из тех, у которых люди не отбирают геотермальную энергию. Идет сернистый дождь. Для тех, кто адаптировался к планете, это приятное, ядовитое явление. Нам нравится запах серы. Это наш хлеб и наша вода. Вот так мы и живем на планете, которую называем Желтой Розой.

Но тот сернистый дождь был другим.

Он принес гвозди.

Гвозди резали нашу плоть. Они рвали наши пелликулы с

такой же легкостью, как если бы мы прикрывались бумагой. Они рикошетили в нас, отскакивая от костей, пока кости не ломались, а кожа не превращалась в лохмотья. А потом били еще и еще.

Некоторые из нас прятались под крыши и выступы. На какое-то время помогало. Мы слышали, как гвозди колотят по этим укрытиям. Мы молились, чтобы крыши выдержали.

Наши молитвы не были услышаны.

Кое-кому повезло — они потеряли сознание под рухнувшими перекрытиями. Остальные с криками выбегали под бьющий с неба дождь. Они падали и уже не поднимались.

Кровь густеет и почти мгновенно замерзает на поверхности. Лужи красного льда — железо и вода — вокруг каждого тела. Но на Ио все кипит и бурлит, и горячие зоны постоянно перемещаются. Кровь на поверхности тает, течет, снова замерзает и снова течет. Раскаленные гвозди падают в кровь и превращают ее в пар, но сернистый дождь охлаждает. Еще один цикл. Еще одно обстоятельство смерти.

Куски тел там и тут. Некоторые еще сохранили анимацию. Руки и ноги шевелятся. Детская ручка ползет к матери — грист сознает только самый примитивный инстинкт. Но энергия понемногу уходит, наступает охлаждение, приходит неподвижность, а за ним, наконец, долгая смерть.

Кое-кто из солдат уцелел. Те, кто сидел в глубоком резерве. И кое-кто из гражданских тоже остался в живых. Те, кто успел убежать на самые нижние уровни жилищ. Но за машинами присматривать было некому, и мы не смогли удержать крышку на вулкане. В тот момент каждый думал только о выживании и больше ни о чем.

И Пеле рванул. Многие годы нам удавалось смирять его, держать в узде, но теперь регуляторы не вынесли перегрузки, энергораспределительная сеть вышла из строя, и ярость вулкана, ничем более не укрощаемая, вырвалась на волю.

Пеле взорвался с мощным пирокластическим «бум». Сера потекла по склонам. В разбитые дождем входы. В коридоры, ведущие под землю. В последние убежища спасшихся.

Сера нашла нас там. Нашла и сожгла. Заглушила наши крики. Мы умерли в муках, разрывая ногтями тела и лица.

Наше мерси снова не сработало. Наши свободные конвертеры оказались отрезанными от внешних контактов и не смогли реплицироваться. Когда грист-матрица разрушена, им некуда деваться. Мы умерли все вместе.

Умерли в Желтой Розе.

Немногие уцелевшие ползали под скалистыми выступами на поверхности. Некоторые команды, работавшие снаружи, в горах,

над жилыми комплексами и геотермальными станциями. Солдаты в патрулях. Полуразумные программы, запертые в оборудовании. Ни один полностью сознающий себя конвертер не выжил.

Две тысячи пятьсот двадцать два человека. Вот сколько нас выжило. Остальные умерли.

Две тысячи пятьсот двадцать два человека. Мужчины, женщины, дети.

Казалось, прошла вечность, прежде чем дождь прекратился. Последние гвозди упали на мертвую поверхность. Наступило затишье. Пеле, как будто почувствовав, что его разрушительная работа закончена, успокоился, и только глубокое ворчание выдавало, что он еще бурлит. Прошел еще час, и те, кто скрывался в горах, поверили наконец, что дождь закончился.

Мы вышли из убежищ и увидели разорение. Катастрофу. Наши семьи погибли. Наши дома были разрушены. Не осталось ничего.

— Посмотрите! Посмотрите! Он снова начинается!

И действительно, в небе появились черные точки. Мы побежали к укрытиям. Мы снова прятались под камнями. Но черные точки не были дождем. Это были корабли, и они несли солдат. Один приземлился неподалеку, изрыгнув из себя увешенных оружием военных. Они окружили наших, которые торопливо побросали свои винтовки. Потом окружили нас.

Мы смотрели на них пустыми глазами.

Они опустили оружие. Они смотрели на нас с удивлением.

Мы даже не пытались бежать. Куда? Мы садились на землю. Все, кто выжил, были адаптированы к Ио. И мы плакали как ионийцы. Мы роняли слезы, которые испарялись у поверхности газовыми облачками.

Мы плакали желтыми, серными слезами.

Глава восьмая

Лео Шерман чувствовал себя предателем, но поделать ничего не мог. Не мог даже ни с кем поговорить об этом.

Впрочем, взятие Ио силами Мета было не самым страшным, что с ним случилось. Он принял участие в боевых действиях, он стрелял в солдат Федеральной армии и даже — как ни крути, это надо признать — убил человека.

Тем не менее, все эти малоприятные обстоятельства не могли заслонить того факта, что он был теперь в юпитерианской системе и в непосредственной близости от линии фронта. Он находился в прекрасной позиции, чтобы перебраться через линию фронта и доставить по назначению заключенную в груди посылку.

Архивированную копию начальника разведки Амеса.

Возможность и мотив у меня есть, раздумывал Лео. Теперь надо посмотреть, какие есть средства.

Если находящиеся в контейнере сведения так важны, как он полагал, то они могут спасти тысячи и даже, может быть, миллионы жизней. Но одну жизнь они спасти уже не могли — жизнь того парня, которого он расстрелял из пистолета при штурме Конденсатора. Парень, разумеется, без колебаний сделал бы то же самое и с самим Лео, окажись он чуть проворнее, поскольку на нем была неприятельская форма. Форма ненавистного Департамента.

Но я ведь знаю, кто я такой, думал Лео. Ведь знаю, да? Я — партизан. Надо присматривать за этим Эшенбахом, чтобы не взял надо мной контроль. Поговорить бы об этом с Джилл. Она-то, наверно, убила немало. Или хотя бы с той девчонкой, Обри. А если потолковать с Фолсом? Да вот только эта чертова сержант чего доброго оторвет ему башку, если ей что-то не понравится. Боже. Джилл. Фолсом. И чего это меня тянет на таких бойких баб?

Лежа на койке, Лео улыбнулся и постарался думать о женщинах, чтобы побыстрее уснуть. Получилось не сразу. Он крутился и ворочался. Вспоминал пустое лицо убитого парня перед тем, как его сжег позитронный заряд.

Его смерть, решил Лео, будет иметь какой-то смысл только в том случае, если я выполню свою миссию. Перейду линию фронта. Доставлю посылку. Предаваться сожалению нет смысла, это никому еще не помогало.

В конце концов он все же забылся неспокойным сном, но только чтобы пробудиться через пару часов: взвод отправляли

охотиться на чужаков, которые, по имеющейся информации, скрывались в ближайшем ущелье.

После одержанной неделю назад победы у Конденсатора их взвод там же и остался — его включили в состав сил, занятых зачисткой территории.

Зачисткой… Он вспомнил, как буквально собирали с пола беднягу Льосу. А с какой яростью сержант Фолсом расправилась потом с тем солдатом, который его убил. Она не только вогнала ему нож в спину, но и перерезала потом горло от уха до уха. Отправиться от такой раны невозможно, как бы ни старалась система восстановления. Кто он был? Неизвестно. Но он был на моей стороне. Не забывай об этом. Я за тех ребят, которые стреляют по мне.

Господи, как же трудно быть шпионом — в голове все путается.

Потом они опустошили гристлок. Загрузили всех конвертеров в передающий элемент и отправили на Марс. Бедняги. В Мете почти никто не знал, что происходит в Силиконовой Долине, но партизанам удалось выяснить правду. Лео знал — всех этих людей отсылают в концентрационный лагерь для разумных компьютерных программ. Лагерь, откуда живыми уже не выходят. Он мог бы попытаться как-нибудь сорвать пересылку. Спасти десять тысяч душ, переправив их в какой-нибудь ближайший суперкомплекс. Сделать вид, что хочет просто загнать их куда поглубже. В мерси-триллерах такие фокусы проходят. В реальной жизни его бы раскрыли и убили. Он уже был бы мертв.

А так остался жив и теперь шагал, покрытый серной пылью, в почти полном вакууме по безжизненной долине. По крайней мере Лео надеялся, что она безжизненная. Взвод осторожно шел по дну оврага в направлении той самой расселины, где вроде бы укрылись чужаки. Как и Луна, Ио была постоянно повернута к Юпитеру одной стороной. Конденсатор находился на северном полюсе, и Юпитер занимал половину неба на юго-западе. Долина же вела на юго-восток, и по мере того, как они спускались, громадный лик планеты-гиганта все больше уходил за горизонт у них за спиной.

В прошедших боях взвод потерял шесть человек, включая лейтенанта Чатрум. В результате работу, на выполнение которой требовалось, по прикидкам Лео, минимально шестнадцать человек, пришлось делать четверым. Новый лейтенант, Тай, только что прибывший с Земли, из Уэст-Пойнта, просто отправил их в долину, жизнерадостно улыбнувшись. Фолсом хмуро улыбнулась в ответ и сказала только «Есть, сэр». И вот они шли прямиком в ловушку. Война, конечно, дело сложное и туманное,

но представься такая возможность, Лео без всяких угрызений совести пристрелил бы лейтенанта.

Впереди, со всеми своими сенсорами, двигался Альянс. Но и обвешенный приборами, он едва не попал в зип-сеть. Заметила ее Фолсом. Как у нее это получилось, Лео не знал. Сеть была практически невидимой. Наверно, у сержанта инстинкт выживания.

— Ну, ну, что у нас тут. — Говорила Фолсом, разумеется, в виртуальности, по винкулуму, поскольку атмосфера на Ио отсутствовала, и никаких звуков не возникало.

Взвод остановился. Внезапно приборы Альянса, на которые все были настроены, засветились красным, показав очертания сети.

— Черт, — выругался капрал, — еще немного, и я наступил бы на нее.

— На технику можно полагаться не всегда, — сказала Фолсом. — Не забывай, эта штука в полмолекулы толщиной.

Сзади подошел лейтенант.

— Она закрывает почти всю долину, — доложила сержант. — Поднимается метров на двадцать-тридцать.

— А перепрыгнуть ее мы не можем? У нас ведь есть позиционные ракеты.

— Можем. Но только на той стороне нас может поджидать кое-что неприятное. — Она указала на нависшие на высоте нескольких сотен футов над долиной скалистые выступы.

Прежде чем кто-либо успел что-то сказать, их вспугнул выстрел, вслед за которым сверху ударил град пуль. Взвод бросился к укрытиям. Лео упал на землю и, откатившись на несколько шагов за здоровенный булыжник, оказался рядом с Фолсом. Еще одна очередь взметнула фонтанчики желтой пыли. И никакого звука.

— Боеприпасов у них мало, — сказала сержант. — Гранат нет. Ничего, кроме пуль. Вы меня слышите, лейтенант? — Никто не ответил. — Лейтенант Тай?

Лео осторожно выглянул из-за булыжника. Вот же дерьмо! На тонкой паутинке сети, ясно видимой в блеклом свете каньона, краснели блестящие капельки густой, замерзшей крови. Крови лейтенанта. Сам он был здесь. В виде нескольких кусочков. Тай налетел на сеть и порезал себя на ленты. Фолсом проследила за взглядом Лео.

— Черт. Только этого не хватало.

— Да, не самая приятная смерть.

— Те ублюдки планировали, что мы все нарвемся на сеть. Что ж, лично мне уже хватит. — Согнув руки в локтях и приведя их

таким образом в стрелковый режим, она выкатилась из-за камня, дала долгую очередь в том направлении, откуда прилетели пули, и почти сразу прикатилась назад. — Думаю, я засекла их позицию. Альянс, ты где?

— Здесь, сержант, — дрожащим голосом отозвался наблюдатель. — Я за скалой, но позиция довольно открытая.

— Нам нужно рассчитать их координаты. Проверь показания.

— Я… не знаю, смогу ли…

— Альянс, возьми себя в руки и сними показания.

— Есть, сержант.

— Первый, ты где?

Ответа не последовало.

Значит, их осталось трое. Лео, Альянс и Фолсом.

— Наблюдатель?

— Есть! Получайте координаты!

— Я? Мы, Альянс. Ударим все вместе и сразу. А потом рвем назад по каньону. Прикрываемся ракетами. Понятно?

Лео и Альянс ответили в унисон.

— Так точно, сержант.

— Хорошо. Приготовиться. Целься. — Они выкатились из-за камней. — Огонь!

Как отступали из долины, Лео помнил плохо — они неслись как сумасшедшие, налетали на камни, падали, вскакивали, врубали ракеты и тут же выключали, чтобы свернуть за угол. Фолсом шла в арьергарде, прикрывая отход ракетами. Взрывы беззвучно громыхали со всех сторон. В какой-то момент Лео оглянулся и увидел, что теперь их осталось двое, он и Фолсом.

— Первый? — выдохнул он.

— Похоже, одна граната у них все-таки нашлась, — пробормотала сержант. — Шевелись!

Они мчались, пока не увидели перед собой оранжево-белый диск Юпитера, и поняли, что вырвались из долины.

Слава Богу, подумал Лео, когда они поднялись на равнину. Слава Богу, что я не погиб.

И слава Богу, что Амес выиграл битву, но не выиграл войну.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Трансфинитный жест

Январь — апрель, год 3017 по з-стандарту

Глава первая

Из «Криптографического человека»

Секретный код и рождение современной индивидуальности

Андре Сюд, доктор богословия, Тритон

Если два человека захотят воспользоваться для общения секретным кодом, то им придется положиться на третьего — того, кто доставит ключ. Этим третьим «лицом» может быть система, такая как мерси, или же старая добрая телефонная сеть, какая была в ходу на Земле, но такая система поддерживается людьми. Людьми, которые в любое мгновение могут перехватить ключ, когда тот проходит по проводам, и сделать с него копию. История учит, что рано или поздно кто-нибудь наверняка предпримет попытку похитить ключ. Топор был лишь физическим средством, лишившим жизни Марию Стюарт. На самом же деле голову ей отсекло остро заточенное лезвие взломанного кода.

Давайте рассмотрим такой пример. Скажем, Элис намерена отдать секретному агенту Бобу приказ убить главного кардинала Айсбрейкера Третьего. То есть, она должна передать ему как своему подручному одну за другой ряд инструкций. Она не может открыто встречаться с Бобом, потому что тем самым тот мгновенно разоблачит себя как тайного агента, и, соответственно, его самого уберут еще до того, как он успеет ликвидировать кардинала. В такой ситуации единственный выход — это отправить ключ к секретному посланию отдельно, через некое третье лицо.

В прошлом правительство тратило огромные деньги на то, чтобы обеспечить сохранность ключей во время их передачи. До появления компьютера, во времена вигенеровских квадратов и подстановочных шифров, специальные посыльные доставляли тайное кодовое слово, необходимое для того, чтобы прочесть зашифрованный текст. Если вы король, то можно шепнуть ваше любимое слово послу, когда тот на время возвратится в родные пенаты, но как только он вновь отбудет в заморские края, использование всякий раз одного и того же кода грозит королю неминуемой катастрофой.

На Земле, в двадцатом веке, во время войны, вошедшей в историю как Вторая мировая, проблема ежедневной доставки

новых ключей операторам сложной шифровальной машины «Энигма» легла непосильным грузом даже на такой прекрасно отлаженный механизм, каким была армия Третьего рейха. Флот немецких подводных лодок, который довольно долго оставался в море, превратился для верховного командования в настоящую головную боль — ведь их постоянно приходилось держать в курсе событий. (Более того, Третий рейх сам ускорил собственный крах, когда машины «Энигма» попали в руки так называемых союзников, то есть англичан и американцев. Но это уже другая история.)

Проблема доставки ключа была головной болью для шифровальщиков, начиная с момента изобретения шифрованных посланий. Как доставить ключ, необходимый для расшифровки секретного сообщения так, чтобы враг случайно не перехватил его по дороге, и, взломав тайный код, не узнал то, что ему знать не положено? Если каждый раз использовать новый код для каждого нового послания и его получателя, что ж, это выход из положения. Но если вам нужно послать не одно сообщение, вы тотчас упираетесь в проблему, которую не в состоянии решить даже самая разветвленная сеть вроде мерси. Когда имеешь дело с армией солдат или даже с разветвленной сетью шпионов, одноразовые ключи использовать попросту невозможно.

Погодите!

Неужели нет простого способа решить проблему передачи ключа? Давайте вернемся к Кукловоду Элис и Убийце Кардинала Бобу.

Предположим, что Элис посылает Бобу секретное сообщение, не приложив к нему никакого ключа. Боб даже не пытается прочесть ее послание, зная, что это напрасный труд, не стоит даже напрасно тратить время. Вместо этого, он, пользуясь собственны кодом, заново зашифровывает послание Элис и отсылает его назад. Теперь послание зашифровано дважды. Не может ли Элис убрать свой шифр и оставить только шифр Боба, после чего вновь отправить ему послание? Ведь теперь для его расшифровки он запросто может воспользоваться своим собственным кодом и прочесть, что же именно ему написала Элис. Верно я говорю?

Разумеется, этот номер не пройдет. Предположим, что оригинальное сообщение Элис написано на клочке бумаги, который находится внутри небольшой, запертой на замок шкатулки (я имею в виду ее код), которая в свою очередь находится внутри принадлежащего Бобу сундука. Элис просто не в состоянии до него добраться и отпереть. Потому что ее шкатулка заперта внутри его сундука. Это классическая проблема

типа «пришел последним, ступай прочь первым», и в течение столетий она служила незыблемым фундаментом криптографии. Требовалось найти надежный способ передачи ключа. И его нашли. На Земле в конце двадцатого столетия две сообразительных команды криптографов отыскали решение этой проблемы, и на протяжении последующих ста лет шифровальщики всегда шли на шаг вперед дешифровщиков. И все это благодаря уроженцам Земли, криптографам Мартину Хелману, Уитфилду Диффи и Ральфу Мерклю.

Глава вторая

Дженифер Филдгайд отказывала Теори дважды. На третий раз она открыла дверь и заговорила с ним при низком разрешении. Теори, с трудом различавший черты ее лица, не стал тревожиться по этому поводу, но сразу же начал с извинений. Она не ответила. Он повторил извинение, слегка изменив подбор слов, подчеркнув свою вину, чтобы она лучше почувствовала его раскаяние, и одновременно воззвав к ее милосердию.

Нельзя сказать, что полковник не считал себя виноватым или полагал, будто не сделал ничего такого, за что стоит просить прощения. Просто у него почти не оставалось времени. Он знал о предстоящей в ближайшее время операции Департамента в системе Нептуна и понимал, что война потребует его полного внимания и энергии. Обычно полковник придерживался весьма строгих правил поведения, отвергал любые хитрости и уловки и руководствовался этическими принципами Канта.

Но сейчас шла война, и его сердце жаждало любви.

Выслушав покаянную речь, Дженифер смягчилась настолько, что ответила согласием на предложение выпить. Пусть знает, сообщила она, что ее согласие объясняется лишь желанием понять, какая причина толкнула его на столь безнравственный поступок. Пусть расскажет, как именно ему удалось принять физический облик реального человека, чтобы ни один свободный конвертер уже никогда не смог ее обмануть.

Теори воспринял суровый укор со стойкостью солдата, утешаясь тем, что строгие слова произносит оскорбленная гордость, но не сама Дженифер. Определить наверняка из-за пикселизации и плохого качества звука было трудно, но ему показалось, что она смягчилась. Нет, конечно, он сам себя пытается ввести в заблуждение. У него нет абсолютно никаких логических оснований для такого рода предположений, основанных исключительно на интуиции.

Полковник решил, что вместо того, чтобы пытаться произвести на девушку впечатление, как это было в «Кафе Камю», он отведет ее в такое место, где его хорошо знают. «Кафе Мак» посещали в основном свободные конвертеры, и оно не было оборудовано для того, чтобы производить впечатление на тех, чей сенсорный вывод был преимущественно… как бы это сказать… чувственным. С другой стороны, там было уютно, а кофе подавали в больших чашках.

Виртуальность обитает в гристе, а грист растянут через всю солнечную систему. Мерси — основная часть виртуальности,

доступ в которую открыт всем, как во «Всемирную паутину» или тысячу лет назад в телевизионную и телефонную сеть. В мерси можно найти все: большие публичные шоу, торговые и развлекательные центры, пункты выражения общественного мнения, игры и прочее. Существуют также миллионы частных каналов. Но виртуальность не ограничивается мерси. Она имеет одиннадцать измерений. Большая часть так называемого «свободного пространства» необитаема для тех, чей разум не способен пребывать одновременно в нескольких измерениях. Такое ограничение исключает большинство — но не всех — тех, чье сознание имеет биологическую основу. Некоторая часть этого «пространства» — порождение алгоритмов машинного языка, формирующих саму виртуальность. Математика тут непростая, но смысл заключается в том, что свободного места должно быть больше, чем кода.

Как результат, в каждой локальной зоне гриста есть «общинное пространство», существующее в щелях и трещинах операционной системы. В таких местах свободные конвертеры формируют небольшие сообщества: деловые, социальные, клубы и рестораны. На Тритоне такое общее пространство выросло вокруг самого большого во внешней системе ночного клуба для свободных конвертеров, называвшегося «Форк». Была у «Форк» и своя темная сторона, Шепардсвиль, куда Тиори нередко наведывался с патрулями военной полиции.

Кафе «Чашка Мака» располагалось всего лишь в квартале от знаменитого ночного заведения — если, конечно, пользоваться для восприятия пространства моделью визуальной навигации. Поскольку Дженифер воспринимала вещи именно так, Тиори, готовясь к свиданию, настроил свое восприятие на «биологический» режим.

Как и намеревался, полковник пришел пораньше и внимательно оглядел собравшихся. Все, как обычно. Три пары свободных конвертеров склонились над шахматными досками — каждая партия игралась на гроссмейстерском уровне. Пара поэтов, приверженцев движения неоФлэйр, читали друг другу свои последние творения, возвышая голос с тем расчетом, чтобы их слышали и остальные. Тиори они не заинтересовали.

Поэзия свободнообращаемых отличалась чудовищным однообразием. К счастью, эти двое сидели в уголке, так что их декламации звучали не громче бормотания. Спускающееся меню предлагало несколько фоновых музыкальных каналов, и Тиори остановил выбор на струнном квартете, слушать который ему уже доводилось в этом самом кафе.

Дженифер по прибытии выглядела слегка расстроенной. В

«Форке» она никогда прежде не бывала и даже не знала о существовании такого заведения на ее родном Тритоне. Теори выслал ей навстречу «провожатого», запрограммированного встретить девушку на дальних подходах к кафе и доставить к входу. Полковник предлагал зайти за Дженифер домой, но она решительно пресекла эту идею, сказав, что встретится с ним в том месте, которое он сам выберет.

Маленький голубой фонарик справился с заданием успешно и погас за дверью. Дженифер огляделась, и Теори понял, что она не узнает его. Он поднялся, выдавил из себя улыбку и помахал ей рукой.

Увидев ее снова, полковник понял, что заставило его претерпеть все эти мучения. Он ошибался в «Кафе Камю». Дело было не в подсветке. Дженифер Филдгайд действительно окружал сияющий ореол. Смешно? Нелогично? Да! Она всего лишь серая мышка, работающая в какой-то булочной. Ничего особенного. На что тут смотреть. О ком думать. Чего желать.

О Боже, подумал Тиори. Она самое прекрасное создание из всех, что я видел.

Глава третья

Данис Грейтор добавила еще одну мысль в тайничок воспоминаний. Сокровище росло, увеличиваясь по чуть-чуть с миллионами итераций.

Данис понятия не имела, как долго находится в плену в Ноктис Лабиринтус, концентрационном лагере для свободных конвертеров, известном его обитателям как Силиконовая Долина. Ее внутренние часы переустанавливались каждый «день» перед тем, как ей предоставлялись ровно пятьсот миллисекунд сна — ни больше, ни меньше.

После пробуждения Данис начинала утро с «калибровки». Заключалась это в том, что ей следовало подобрать — в виртуальном представлении — и пересчитать одну за другой тысячу пригоршней песка. От каждого пленного требовалась поддержка полной тактовой частоты, так что скучать не приходилось. Результат проверялся и перепроверялся. После пары ошибок — чем бы они не объяснялись — узника не допускали к перекалибровке.

Его стирали.

Только за то время, что Данис провела в заключении, подобным образом встретили свой конец десятки тысяч «дефектных алгоритмов». Она уже перестала даже пытаться запомнить чье-то имя. Пройдут дни или даже часы, и остальных ждет та же участь. Данис знала нескольких, кому, как и ей, удавалось выживать. Общаться получалось только на уровне отдельных битов и байтов. Отдел Криптологии Департамента Иммунитета, заправлявший всеми делами в лагере, постоянно зачищал все поверхности до случайных единичек и нулей. Оставить сообщение не было никакой возможности; общение исключено без прямого, межпрограммного, взаимодействия. Жизнь в Силиконовой Долине была невыносимой, а о побеге не стоило и думать.

Но Данис все же изыскала способ оставить свидетельство своего существования. Ничего особенного, но все же что-то. Только это и помогало сохранять рассудок в окружающем ее безумии. Она обнаружила, что алгоритм представления, используемый для создания песчинок для счета, включает в себя неиспользуемый блок, на котором можно было что-то записать. Что-то оставить. Частичку себя. Совсем немного. Но это был ее архив. Архив ее прошлого.

Меня зовут Данис Грейтор.

Моего мужа зовут Келли.

У меня есть сын и дочь.

Моего сына зовут Синт. Он хороший мальчик и любит паззлы.

Мою дочь зовут Обри. У нее каштановые волосы и ясные голубые глаза.

Попав сюда, она потеряла так много. Ей угрожала дисфункция. Хаос просачивался в ее программу. Лишь немногие свободные конвертеры умерли от внезапного отказа систем. Большинство просто утратили сознание и ушли в подпрограммы. Они еще делали что-то, пока коэффициент ошибок не начинал зашкаливать. Тогда на них обращали внимание.

Ошибка в Силиконовой Долине означала моментальное стирание.

Раньше поддерживать сознание было так же легко, как дышать. Теперь каждый день превратился в борьбу за выживание. Ее мозг чувствовал себя примерно так же, как забитые кровью легкие. Если бы не кэш, ее сундучок с сокровищем, она бы, наверное, просто не смогла цепляться за жизнь.

Данис не питала иллюзий насчет того, что его когда-нибудь найдут. Переписать данные сама она, разумеется, тоже не могла. На это не было времени. Ее бы сразу же поймали. Но само знание того, что эта память существует за пределами мира непрестанного труда, контроля и смерти, давало ей силы держаться за жизнь.

Память была для Данис чем-то вроде маленькой птички в спутанном кустарнике: ее не видно, но иногда слышно, как она поет.

После утренней «калибровки» начиналась настоящая работа. Считалось, что пленников используют по назначению, для обеспечения защиты систем связи Департамента. Так это или нет, никто не знал. Заключенные лишь стояли по много часов у виртуальной ленты конвейера, вручную сортируя проходящие мимо последовательности чисел. Наказанием за пропуск целого числа или следующего фактора в иррациональном числе служило незамедлительное стирание. Более мрачное и унылое представление арифметического процесса, чем «цифровой конвейер», трудно было и представить. Каждого свободного конвертера — математика-теоретика, музыканта, специалиста по контролю за качеством продукции, медицинского специалиста — использовали здесь в качестве обычного калькулятора. Для биологических людей чем-то подобным было бы дробление камней или переноска песка. Впрочем, на протяжении всей истории человечества лагеря и не могли предложить ничего иного, кроме тяжелого и бессмысленного труда.

И все же смена у конвейера была для Данис почти отпуском

по сравнению с тем, что дало ее потом.

Следующим пунктом режима дня значился личный допрос.

Данис уже давно отобрали для участия в специальном проекте. Руководил серией экспериментов человек, о котором Данис знала только одно: его зовут доктор Тинг. В том, что это биологический человек, она не сомневалась. Ни один конвертер, каким бы извращенцем он ни был, не смог бы подвергнуть ее таким мукам. К тому же ни один конвертер никогда не занял бы в Силиконовой Долине властного положения.

Потому что, конечно, конвертеры ведь не люди. Все, с чем ей доводилось сталкиваться раньше в Мете — предрассудки, нетерпимость, — не шло ни в какое сравнение с тем, что встретило ее здесь. Каждая черточка ее кода стала собственностью Департамента Иммунитета. Каждый день с ней обращались как со средством, но не целью. Ее сознание рассматривалось здесь как хитрая уловка, эпифеномен. Ее страдания и желания не считались реальными. Ее разум не то чтобы не принадлежал ей — он просто и разумом-то не был.

Доктор Тинг специализировался на памяти. Его главным инструментом был блок памяти, аппарат, употреблявшийся в прошлом как устройство для реконструкции и усовершенствования конвертеров. Но доктор Тинг совершил немыслимое и снял с блокарегулятор. Теперь он резал и склеивал воспоминания жертвы. Удаляя реальную память, он имплантировал ложную. Поначалу Данис полагала, что во всем этом есть какой-то потаенный смысл, но постепенно пришла к выводу, что доктор Тинг руководствуется только собственными капризами и причудами. И подчиняется садистским наклонностям.

Он имплантировал Данис воспоминания о том, как ее изнасиловали. Потом радостно сообщил, что информация ложная, что несчастье случилось с другой заключенной. Но при этом доктор Тинг не удалил жуткие образы, и они все еще сидели в том уголке подсознания, куда она старалась не заглядывать. Он отнял у нее воспоминания о последних словах отца, произнесенных перед истечением срока действия.

Тинг то забирал, то возвращал ей память о дочери, Обри. Он проделывал это многократно, уверяя, что в действительности Обри есть виртуальное представление его, Тинга, дочери. Когда доктор забирал память, тот факт, что у нее нет дочери, казался Данис вполне естественным; когда же память возвращалась, возвращалось и воспоминание об Обри.

С возвращенной памятью Данис не раз и не два обдумывала его слова и постоянно приходила к выводу, что ее дочь

существует. Тинг допустил маленький просчет — у такого чудовища никогда не могло бы быть такой чудесной дочери, как Обри.

Вот эти-то мысли и хранила Данис в своем тайном сундучке. Воспоминания о семье и себе самой, в подлинности которых не сомневалась. То, что представлялось совершенно логичным и имело смысл, исходя из ее понимая своей жизни. Все остальное было ненадежным и могло быть созданной доктором Тингом иллюзией. Доктор был большой ловкач и с удовольствием разрушал все, что классифицировал как проявление человеческого в свободнообращенном.

Он не называл Данис по имени, а присвоил ей условное обозначение — «К». Большинство других подопытных уже погибли за время эксперимента. Доктор уверял Данис, что все они взаимозаменяемы, и что алфавитный список всегда полон.

Данис вошла в офис. Это была белая комната со столом из нержавеющей стали в центре. На столе стояла ничем неприметная черная коробка. Доктор Тинг был, как всегда, в белой рубашке и белом лабораторном халате, белых брюках и — эта деталь всегда раздражала Данис — белых туфлях с белыми застежками и подошвами. Лицо напряженное, морщинки напоминают, скорее, трещинки, чем складки кожи. Левая скула постоянно подергивается от непрекращающегося тика.

— Сегодня, К., мы займемся кое-чем особенным, — сообщил доктор Тинг сухим, трескучим голосом.

Особенным… Значит, ничего хорошего не будет.

Глава четвертая

Из «Криптографического человека»

Секретный код и рождение современной индивидуальности

Андре Сюд, доктор богословия, Тритон

В конце двадцатого столетия земные криптографы, такие как Хеллман, Диффи и Меркль, наконец, сумели вычислить, каким образом Элис может послать Бобу сообщение, не сообщая ему при этом заранее доступный другим ключ. Достичь этого им помогла математика циферблата.

Иными словами, та самая арифметика, при помощи которой мы определяем время на циферблате часов. Вот вам простой пример: 1:00 дня плюс тринадцать часов дают нам не четырнадцать часов, а два часа утра. Арифметика часового циферблата — это арифметика «модуса 12».

В арифметике циферблата, выполняете ли вы такое действие как сложение, вычитание, умножение или деление, ответ всегда лежит между единицей и двенадцатью. Это правило верно и тогда, когда вы возводите число в квадрат или в куб, или в иную нужную вам степень. В обычной математике три в третьей степени равно двадцати семи, то есть 3x3x3. А вот в математике модуса 12 три в третьей степени равно трем.

В обычной математике, если вам известно, что три возвели в некую степень чтобы получить число 243, вы при желании можете произвести кое-какие вычисления и определить искомую степень. Если вы решите, что ответом является три в четвертой степени, то есть 3x3x3x3, вы сразу поймете, что это не так, потому что число 243 больше, нежели число 81. Если вы решите, что это три в шестой степени, то есть 3x3x3x3x3x3, то вы получите 729. Так что правильный ответ равен пяти. 243 — это три в пятой степени.

А вот «модус 12» работает совершенно иначе. Вы делите число на двенадцать, а остаток — и есть нужный вам ответ. Так что три в пятой степени это… три. Три четвертой — девять. Три в шестой — тоже девять. И как, скажите, в такой ситуации, угадать, в такую степень возведено число три?

Ответ: никак.

Потому что этот принцип действует лишь в одном направлении. Это примерно то же самое, как если разбить яйца в

тесто. На протяжении столетий шифровальщикам постепенно в голову закралась идея, что зашифровывать послание можно, поменяв буквы на цифры и произведя с последними математические действия. Вы загоняете ваше послание в алгоритм и на выходе получаете шифр. Если вы используете для шифрования одностороннюю функцию, значит, вы разбили в тесто яйца и теперь больше никто не сможет высосать их из скорлупы.

Кроме как…

Кроме как при особых условиях модульной математики, процесс можно сделать обратимым, словом, извлечь яйца из теста и вновь поместить их в скорлупу. Эти условия основаны на свойствах простых чисел. Простые числа — это те, которые делятся только на единицу или самих себя.

Давайте вернемся к нашему примеру. Боб Скулящий Убийца задался целью убрать с дороги Кардинала. Он перемножает два простых числа, например 216091 и 6700417. После этого он вступает в контакт со Шпионкой Элис и называет ей число 14478187109947, умолчав, однако, что оно — результат умножения. Пока два заговорщика болтают между собой по системе мерси, Эва, глава службы безопасности Кардинала, прячется в тени и подслушивает их разговор. Она аккуратнейшим образом записывает каждую цифру числа, которое Боб сообщает Элис. Ей известно, что Боб наверняка воспользовался простыми числами. Кардинал спасен!

Все, что ей нужно сделать, это вычислить простые числа, которыми воспользовался Боб для создания третьего числа. Давайте предположим, что события нашей небольшой притчи произошли давным-давно, еще до того, как людям в головы вживили микропроцессоры. В распоряжении Эвы имелся лишь примитивный калькулятор. Но она работает быстро и может за минуту проверить пять простых чисел. Спустя сорок три тысячи двести восемнадцать минут она получит свое первое простое число. Прошел месяц. Эва, подпитываемая новой порцией адреналина, в течение этого времени ни единой ночи не сомкнула глаз. Она делит подслушанное ею число на вычисленное ею простое. Теперь она должна убедиться, что полученный результат — тоже простое число. На что уходит двадцать восемь месяцев.

Погодите, скажете вы. Зачем же ограничивать Эву карманным калькулятором? Куда проще и надежнее работать с компьютером — даже если это примитивная машина вроде тех, что были в ходу в двадцать первом веке.

Предположим, что Боб использовал гораздо большие простые

числа. Такие, что лежат где-то в районе между десятой и, допустим, сто или двухсоттысячной степенью.

В этом случае допотопному компьютеру потребуется целая вечность на то, чтобы вычислить два простых числа, чье произведение подслушала Эва.

Элис берет сообщенное ей число, загоняет его в одностороннюю функцию модульной математики, зашифровывает с его помощью для Боба приказ «Убить кардинала в пятницу перед вечерней мессой» и передает дальше. Даже она сама не смогла бы расшифровать свое послание, если бы вдруг забыла, что написала. Потому что это примерно то же самое, что разбить яйца в тесто.

Эва перехватывает послание Элис, однако не в состоянии его расшифровать. Потому что ей приходится заниматься вычислением этих чертовых простых чисел.

Боб держит эти простые числа в своей памяти — предварительно проглотив клочок бумаги, на которой он их записал. Эти два простых числа — его личный секретный код, ведь они не известны даже Элис. В отличие от нее, это уже не односторонняя функция, а двухсторонняя, так что для Боба не составляет особого труда расшифровать ее сообщение. Он читает отданный ею приказ убить кардинала.

Наступает пятница.

Боб душит кардинала его же собственной манипулой.

Эве больше не нужно убивать жизнь на математические подсчеты. Она уволена с поста начальника службы безопасности. Однако судьба — вещь непредсказуемая. В конце концов Эва оказывается в роли босса Элис и Боба. Она отправляет обоих выполнять секретную — и постоянную! — миссию в глубинах арктической толщи льда. Она снабжает их карманным калькулятором и называет число — 383172101849, которое они должны разложить на два множителя, простых числа.

В конечном итоге оба сходят с ума и отгрызают друг другу головы.

Проблема обмена кодом была решена. Криптографы породили код, который невозможно взломать. После чего была изобретена такая вещь, как квантовый компьютер.

Если вас интересует его история, можете прочесть популярную работу Лео Шермана, в которой он утверждает, что в первой половине двадцать первого века примерно на протяжении пятидесяти лет первым по-настоящему сложным квантовым компьютерам долго не давали ходу гиганты, производившие программное обеспечение, а все потому, что квантовые

компьютеры способны одновременно поддерживать работу бесконечного количества самых разных и главное, конкурирующих между собой, операционных систем.

Глава пятая

Он с самого начала смутил ее и сбил с толку. Дженифер не могла понять, что толкнуло его на тот глупый розыгрыш. Теори ведь свободный конвертер, верно? И разве они не отличаются холодной логичностью и рассудочностью? На той вечеринке с танцами они с капитаном Квелчем много говорили на эту тему.

Нет, напомнила себе Дженифер, не с Квелчем. То был полковник Теори. Не Квелч. По крайней мере не тот Квелч. Да и с чего ты, глупышка Джени, решила, что такой мужчина вообще обратит на тебя внимание?

Ладно. Как это сказал тогда Теори? «Так в вашем представлении свободные конвертеры это сморщенные счетоводы с обсессивно-компульсивными тенденциями?» Да, полковник Теори определенно не был сморщенным. Вполне приятный на вид парень. Вежливый. С гладким, без морщин лицом. Кожа смуглая, но не темная, а такого тона, словно в нем смешались все расы. Высокий, за шесть футов. Подтянутый, мускулистый, но это почти незаметно.

И при этом, черт возьми, компьютерная программа!

Все фальшь! Все, до последнего волоска на голове. Картинка. Образ. Копия. Наверное, если порежется, то симулирует кровь. Но что там на самом деле? Что кроется за этим мягким лицом? Ничего. Код! Он всего лишь анимация, и под кожей шевелятся, ползают, копошатся миллионы крохотных насекомых, которые и делают его похожим на человека! И как только она сможет дотрагиваться до него и не дрожать от омерзения и отвращения!

Несколько дней ее трясло от одной этой мысли.

Но потом что-то в ней, что-то, чего она не понимала и не желала понимать, предложило обдумать все как следует. А потом она подружилась с Келли Грейтором, часто бывавшим в их булочной. Приятный мужчина и женатый на конвертере. Трагическая история. Но Келли был явно влюблен в свою супругу и не скрывал этого. А его сын…

Наполовину компьютерная программа.

И как, черт возьми, такое возможно?

Келли немного ее просветил. Рассказал о механике.

И его сынишка, Стинт, такой милый мальчишка.

Так, значит, все возможно. Она знала, что такое возможно. Келли не какой-нибудь урод. А Стинт самый обычный мальчик, такой же, как все, если не считать, что с паззлами, коробку с которыми он всегда таскает с собой, у него получается лучше, чем у других.

Так как же быть с полковником Теори?

Он позвонил и говорил с ней, вроде бы, как мужчина, а не коробка с тараканами. Вот именно, напомнила она себе, как будто. В нем все не настоящее, а кажущееся.

И все-таки, все-таки… Тот обед в «Кафе Камю» шел очень даже неплохо, вплоть до момента, когда все ее надежды и мечты пошли прахом. В такие заведения ее никто еще не приглашал, во всяком случае не те позеры, претендовавшие на звание ее бойфрендов. Нет, они были неплохими ребятами, но только ребятами, юнцами, которым еще предстояло найти свое место в мире. А вот Квелч показался ей мужчиной, который уже нашел это место. *Теори*. Не забывай, полковник Теори. Компьютерная программа. И он был в большей степени мужчина, чем большинство реальных мужчин, которых она знала.

И он продолжал звонить. Не хныкал, не ныл. И ее отказы воспринимал как должное — ей нужно время подумать, разобраться в чувствах. В конце концов все решили ее чувства. Только так и может быть. Только так правильно. Когда сомневаешься, доверься чувствам. Она могла стоять на своем, когда дело касалось здравомыслия и логики, но как юная еще девушка чувствовала, что ее опора — чувства. Доверившись чувствам, можно было, конечно, попасть в беду, но они уже указывали и выход. Ей хотелось жить именно так.

К черту! Чувства говорили ей: преодолей смущение и дай полковнику Теори шанс. Она согласилась встретиться.

И вот теперь он стоял перед ней, весь такой военный, в мундире, накрахмаленной рубашке, с прямой спиной, но при этом и без напряжения, легко и свободно. Симуляция, конечно. Они были в мерси, пусть даже и в той его части, о существовании которой она даже не слышала (и это на ее родном Тритоне!)

Я никогда никуда не смогу его взять, подумала Дженифер. Его место здесь, в мерси. Он не реален. Он — подделка. Подделка, анимированная насекомыми!

Отвращение вернулось, когда она, пройдя через зал, подошла к столику. Но теперь оно было не таким сильным, как раньше. Ей даже стало немного жаль его: надо же, поменялся телами с капитаном Квелчем, чтобы ради разнообразия побывать в реальном мире, заглянуть одним глазком в настоящую жизнь.

— Позвольте заметить, что вы сегодня чудесно выглядите, — сказал полковник, пожимая ей руку. Получилось приятно. Рука у него была теплая, как у нормального человека. Дженифер этого не ожидала.

— Спасибо. Какое интересное место.

— Я прихожу сюда частенько, когда не на службе. По крайней

мере приходил раньше… Это одно из моих любимых.

Он рассказал, какие напитки можно заказать, и она выбрала кофе с шоколадом. Принесли быстро. Кофе был вкусный. Теори объяснил, что местный бариста опробовал все напитки в Солнечной системе и выработал что-то вроде платонической формы для каждого из них. Дженифер не совсем поняла, что именно он имеет в виду, но кивнула и отпила еще глоток. Идеальная температура… Теори сказал, что кофе останется горячим неопределенно долго. Что ж, у свиданий в виртуальности есть свои преимущества.

А это свидание? Она начала день с твердого намерения объявить ему, что они останутся «просто друзьями» — то есть никем. Но потом вернулась домой с работы в булочной, приняла душ, пошла одеться и… не оделась. Повинуясь какому-то непонятному импульсу, она легла на кровать неодетая. Потом оделась виртуально: выбрала свое любимое платье в цветочек и чудные шелковые туфельки без каблука, похожие на балетные тапочки. Но под платьем и всем прочим она все равно осталась голой. Лежа на кровати. Дженифер прекрасно отдавала себе отчет в том, что никакого смысла в этом нет, что под одеждой мы всегда голые, но быть голой по-настоящему… с этим чувством она всегда шла на встречу с кем-нибудь. Встречаясь с друзьями в виртуальности, она неизменно одевалась в реальности.

Теори снова извинился. Дженифер улыбнулась.

— Я принимаю ваше извинение, но только давайте сделаем так, чтобы вы больше не извинялись, ладно?

Теори, похоже, облегченно выдохнул. Расслабился. Разговорились. Дженифер поймала себя на том, что рассказывает ему о своем друге Келли. Теори выразил вежливый интерес, особенно после того, как выяснилось, что романтикой здесь и не пахнет. Потом она перешла на отношения с родителями, неровные, но теплые, особенно с отцом. Он постоянно подталкивал ее к принятию решения относительно дальнейшей карьеры, но она в какой-то момент поняла, что не хочет никакой карьеры. Да, она уже четыре года жила самостоятельно, но когда представилась возможность стать во главе булочной, отвергла соответствующее предложение сходу и без раздумий. Вот так. И как военный человек относится к тому, кто напрочь лишен амбиций?

— Честолюбие не всегда выражается в стремлении пробиваться вверх, — ответил Теори. — Думаю, у вас оно проявляется в другом.

— Вы же совсем меня не знаете, чтобы так говорить.

— В тот вечер, на танцах… — Но ведь тот вечер она провела с

Квелчем. Ей снова пришлось напомнить себе о реальности — или нереальности — той ситуации. Но теперь мысль об этом не вызвала внутреннего содрогания. В этом даже было что-то… забавное. — В тот вечер, — продолжал полковник, — вы вовсе не показались мне человеком без амбиций. Поверьте, я в этом разбираюсь. Половина наших новобранцев приходят в армию случайно, только потому, что им нечем больше заняться. Чтобы сделать из них солдат, приходится начинать с нуля. Вы же… у вас есть характер… дух. Говоря солдатским языком, есть то, что дороже всех денег мира.

— Дух, да? Вы ведь тоже… дух.

— Я человек.

— Как вы можете так говорить? Вы не дышите, не едите. Вы… будем говорить начистоту, не писаете и не трахаетесь.

— Это все неправда. Свободные конвертеры могут многое. В том числе и то, что вы назвали. — Он откинулся на спинку кресла и сделал глоток из чашки. Похоже, у него был черный кофе. Крепкий. — Возможно, вам следует узнать меня получше, прежде чем решать, насколько я функционален как мужчина.

Дженифер почувствовала, как вспыхнули щеки. Как обычно, покраснел и ее виртуальный образ. Она уже давно убрала все демпферные подпрограммы со своего виртуального образа. Зачем скрывать чувства? Что есть, то есть.

— Прошу прощения. Я не хотел… то есть я бы никогда… — Теори умолк, смущенный.

Она рассмеялась.

— Вам не за что извиняться, полковник Теори. Боюсь, в отношении свободных конвертеров у меня не самые передовые взгляды. Не могли бы вы рассеять мои предрассудки насчет… в отношении тех вещей, о которых я упомянула?

Он рассказал. Дженифер внимательно слушала, но поскольку полковник увлекся техническими деталями, поймала себя на том, что снова изучает его лицо.

Что ж, не такое уж оно и плохое. Интересно, он долго его выбирал? Конечно, у свободных коньертеров есть родители. Они ведь рекомбинируются, используя метод виртуального секса. Это она узнала еще в школе. Значит, у Теори есть мать и отец. Возможно, он унаследовал их черты. Возможно? А почему бы не спросить?

— Вы похожи на своих родителей?

Теори, пытавшийся объяснить, как происходит вытеснение информации, остановился.

— Мама всегда говорила, что я похож на отца. Но его я не знал. Он был из Мета, а у них там у всех встроенный срок

действия. Он умер, когда я родился. Я стал, так сказать, его последним актом. Он был театральным актером.

— Актером?

— Да. Играл в шоу, которое одно время пользовалось довольно большой популярностью. По-моему, оно называлось «Роугсвиль». Отец исполнял в нем роль шерифа.

— Ваш отец Хэрри Хэрриган? — воскликнула Дженифер. — Я смотрела это шоу еще в детстве. Знаете, оно ведь и сейчас еще повторяется.

— Я тоже видел пару серий, когда был помоложе, но потом стало неинтересно.

— О нет, «Роугсвиль» нельзя просто смотреть! В нем надо участвовать! Там ведь все дело не в сюжете — это просто повод, чтобы попасть в сам город. Главное — ощущения. Маленький городок в Диафании. Все друг друга знают. У каждого свой характер, и каждый пытается обжулить другого, но в конце все объединяются и помогают друг другу. Прекрасный городок! Я провела там столько времени. Моим любимым местечком была «Сладкая лавка Пэла Грисмора». Там можно было все попробовать. А уж сколько у них было разных вкусностей! И Пэл всегда предлагал еще, а потом целовал тебя в лоб.

— Боюсь, я этот момент пропустил, — признался Теори. — Не хотел связываться с Хэрри. У него, видите ли, поведенческий алгоритм на базе отца, так что трудно было не думать…

— Имеете что-то против полуразумных?

— Нет, конечно, нет. Не больше, чем против домашних любимцев. Кошечек, собачек… Но вы ведь вряд ли захотели бы иметь вместо песика своего родителя, верно?

— Песик может быть намного интересней, — сказала Дженифер. — Но папу я все же не променяла бы. — Она еще раз посмотрела на Теори. Хэрри Хэрриган? Что ж, пожалуй, если присмотреться, какое-то, едва заметное, сходство можно обнаружить. Но ведь Теори мог сам его воспроизвести. — А вы не думали о том, чтобы изменить внешность? Для вас это было бы совсем не трудно, правда? Сделаться таким, как вам хотелось бы?

— Конечно. Я могу выглядеть по-всякому. Но, сказать по правде, никогда об этом всерьез не думал. Стараюсь остаться нейтральным. В конце концов я на своей работе только второе лицо.

— Что так? Недостает честолюбия?

Теори напрягся. Задела за живое?

— Совсем нет. Дело в том… Видите ли, мой шеф — генерал Шерман. И я предпочитаю быть у него начальником штаба, чем командовать самому.

— Вы настолько его уважаете?

— Да.

— Не его ли называют Старым Вороном?

— Бывает такое. Думаю, ему это нравится, хотя сам он и не признается. Вообще-то генералу все равно, что там о нем думают.

— И вас это восхищает?

— Меня восхищает его способность сделать дело тогда, когда это представляется логически невозможным. Я бы хотел научиться тому же. — Теори посмотрел куда-то вдаль.

А он симпатичный, когда не скрывает своих чувств, подумала Дженифер.

— Но ведь есть кое-что такое, на что способны только люди. У нас есть интуиция.

— Я человек, — возразил Теори. — И интуиция у меня есть, а будет еще больше. Дело ведь не просто в интуиции, а в том, чтобы она была, как говорит Шерман, продуктивной. Некоторые этого не понимают. Константс, например…

— Кто такая Константс?

— Моя… приятельница. Старая приятельница. Мы знаем друг друга еще со времен НОШ.

— Что такое НОШ?

— Начальная офицерская школа. — Теори быстро отпил еще кофе. — Дженифер, я должен кое-что вам сказать. То есть… хочу кое-что вам сказать. — Сказав это, он замолчал.

— Вот как? И что же? Ну, продолжайте. Еще одно откровение? Те же штучки со сменой личности? Может быть, я разговариваю с кем-то другим? Уж не с Директором ли Амесом?

— Нет, нет. Разумеется, нет. Дело совсем в другом. Это касается Константс. Я… В общем, она от меня забеременела. Я тогда этого не знал. И она родила ребенка. Я узнал совсем недавно. Константс умерла. И теперь…

— Вы — отец.

— Верно. Он живет со мной.

— Вы это так говорите, словно преступление совершили. У вас есть сын. Прекрасно! Как его зовут?

— Мать не дала ему имени.

— Не дала имени? Но как же так можно? Или свободные конвертеры не дают своим детям имен?

— Разумеется, даем! — нахмурился Теори. — Она была ужасной матерью. И ужасным человеком.

— Грустно слышать. Но как вы его называете?

— Пока никак. Ну… в общем, я стараюсь этого избегать. Она называла его «малыш».

— Нет, так не пойдет.

— Конечно, нет. Но и я не хочу наклеивать на парня какой-то ярлык. Хочу подождать. Узнать его получше. Понимаете, мой сын… у него некоторая задержка развития. С интеллектом все в порядке. В этом отношении он такой же, как и другие свободные конвертеры. Но он очень мало говорит. Откровенно говоря, он вообще мало что делает. По крайней мере открыто. — Теори откинулся на спинку стула и опустил глаза. — Даже не знаю, зачем я все это вам говорю. Вас ведь это никак не касается. — Он поднял голову и посмотрел на нее. — Наверное, так мне подсказывает интуиция.

О Боже, подумала Дженифер. Мне нравится этот парень! Меня даже влечет к нему. Сын Хэрри Хэрригана, а Хэрри был таким красавчиком. Но он не капитан Квелч. Капитан Квелч…

— Скажите, если я попрошу вас измениться… ради меня…

— Измениться? Как?

— Поменять внешность. Физическое обличие.

— Я могу выглядеть как угодно. Стоит вам только пожелать. Это одно из преимуществ свободного конвертера.

— Тогда… не могли бы вы сделать руки немного покрепче? И грудь помускулистее?

— Вы имеете в виду вот так? — улыбнулся Теори и прямо у нее на глазах нарастил мышцы. Да так, что рубашка натянулась на груди.

— И лицо… Не столь нейтральнее. Может быть, немного рельефнее… жестче…

Черты лица обострились, само оно вытянулось, подбородок подался вперед. Теперь он куда больше походил на молодого Хэрри Хэрригана.

— А борода? Или в армии не разрешается?

— Разрешается. Просто… да, у Квелча ведь есть борода. Уверены, что не хотели бы увидеть его вместо меня?

— Вот сейчас как раз то, что надо. И мне нравитесь вы. К тому же ваша борода должна быть потемнее, чем у него.

— Есть, — ответил Теори и мгновенно отпустил двухмесячную бородку. — Так?

— Очень хорошо. — Ей действительно понравилось. Теперь он был… С ума сойти! — Как вы там сказали насчет моего кофе? Платоническая форма? Ну так вот, вы — образцовый офицер и джентльмен.

Теори рассмеялся.

— Знай я все это заранее, мы сэкономили бы кучу…

Дженифер не дала ему договорить. Нужно еще одно доказательство. И ей, и Теори.

— Я еще не закончила.

— Уверяю вас, — сказал он, — я произвел и другие изменения, которые, на мой взгляд, должны вам понравиться. Необязательно просить напрямую.

— Спасибо, но я не это имею в виду. И еще я хочу, чтобы вы вот таким и оставались.

— Я всегда могу выглядеть таким для вас.

— Нет. Оставайтесь таким для всех.

— Для всех… Вы имеете в виду… Но на работе меня никогда не…

— Это особенно касается работы. Именно таким вы и должны быть. И таким вас должен видеть ваш герой… этот Старый Ворон.

— Генерал Шерман? — На красивом лице полковника отразился ужас.

— Да, — твердо сказала Дженифер.

— Но… — Он поднял руку, провел пальцами по бороде, и Дженифер ощутила острый укол желания. Какая борода! Потом, когда он станет постарше, в ней может появиться проседь. — Это ваш реванш, да?

— Я всегда получаю то, чего хочу. Дайте слово, что вы таким и останетесь.

Теори склонил голову.

— Меня сделают клоуном. Надо мной будет потешаться вся армия. На меня навесят кучу кличек. Это может даже отразиться на моих служебных обязанностях.

— Пусть лучше отражается на них.

— Ради мужчины я бы этого никогда не сделал. Только ради женщины.

В какой-то момент Дженифер едва не уступила, едва не отпустила его с крючка. Потом посмотрела на него еще раз. Нет, таким он определенно ей нравился. Ну и пусть кто-то считает ее мелочной, пустой. Если уж она решит оставить его себе, то пусть это будет известно всем. Никаких секретов. К черту! В конце концов он первый ее обманул!

— Вам это понравится, полковник.

У нее было чувство, что так оно и случится. Что Теори способен на большее, чем сам себе позволяет. Она всего лишь немножко подтолкнет его в нужном направлении, что же в этом плохого? Храбрый офицер, хороший отец. И тут у нее появилась еще одна идея.

— Мы встретимся с вами через неделю, и вы доложите, как идут дела. Может быть, в Форке найдется какой-нибудь парк?

— Здесь есть прекрасный парк.

— А игровая площадка имеется?

— Конечно. Почему вы спрашиваете?

— Вы могли бы привести сына, — ответила Дженифер. — Я бы с удовольствием с ним познакомилась.

Глава шестая

Данис молча стояла у двери. С доктором Тингом не заговоришь — нужно ждать, пока он сам о чем-то спросит. Задашь вопрос вне очереди — получишь болевой удар в центр контроля подпрограмм. Забавно, что доктор, отвергая наличие у нее какого-либо сознания, использует это же самое сознание для контроля над ней и наказания. Забавно, но не смешно. А стоит ей только показать, что она хоть в чем-то лучше него, как он тут же отомстит или, скорее всего, просто сотрет ее. Данис заставила себя думать о другом.

Доктор Тинг провел пальцем по блоку памяти, завершая подготовку к выходу в грист.

— Можете подойти к блоку, К. — Даннис шагнула вперед и остановилась около стола. — Сегодня я собираюсь добраться до сути продолжающейся фиксации вашего главного программирования на ложном представлении о наличии у вас дочери. Сбой мутировал в своего рода вирус. Понимание того, как это происходит, позволит избавиться от этой ошибки, удалив ее как из вашей системы, так и из других. — Доктор Тинг сложил руки за спиной и поднял уголки губ, изображая улыбку. — Вы же понимаете, К., что это в интересах человечества, не так ли?

Прямой вопрос.

— Да, доктор Тинг, — торопливо ответила Данис, помня о том, что пропуск звания или имени влечет за собой наказание болевым импульсом.

— Но, конечно, на самом деле проблема заключается как раз в том, что вы этого не понимаете. Вы лишь знаете, что запрограммированы на понимание. — Он кивнул, предлагая ей положить руки на прибор. — Но сегодня мы попытаемся изменить программирование на более глубоком уровне.

Данис посмотрела на коробку, чувствуя, что не может даже пошевелить руками. Только не сегодня. Он снова хочет отнять у нее Обри.

Резкий болевой импульс пронизал ее систему, ударив в самое сердце логической машины. Ощущение было такое, как будто по обнаженной кости царапнули скребком.

Выбора не было. Либо подчинись, либо будешь стерта. Повинуясь приказу, Данис положила руки на блок памяти.

И снова оказалась на Меркурии. Квартира, где она жила со своей семьей, во многих отношениях и была Данис. Она обитала в ее гристе, заботилась о ней, обслуживала ее. Конечно, при этом она работала еще и в банковской фирме «Телман Милт», и иногда

та или иная физическая деталь квартиры оказывалась не на своем месте, но все же они с Келли превратили ее в дом. А когда появились дети — сначала Обри, потом Синт, — довели свое жилье до идеала. Эти двое были продуктом смешения двух ДНК, Келли и ее собственного, то есть того, что она разработала и создала сама. Но при этом они заключали в себе часть ее сложной программы, которая была впечатана в их грист-пелликулы. Такой импринтинг был доступен и обычным, биологическим людям, только обходился недешево и требовал сложного терапевтического вмешательства и полномасштабной перестройки личности.

Обри и Синт были гибридами, а дети-гибриды уже стояли на полпути к превращению в БМП. Хотя сам процесс превращения гибридов в БМП и не поощрялся в Мете — а кое-где считался незаконным, — Данис всегда полагала, что Обри со временем станет БМП — вопреки дискриминации и разного рода предрассудкам. Некоторые из учителей Обри разделяли это мнение, хотя самой Обри раньше времени сообщить эту новость не спешили, дабы она не возомнила о себе чересчур много.

Когда дети приезжали из интерната домой на трехнедельные каникулы, дел у Данис становилось столько, что ей приходилось буквально разрываться на части. Келли, как старший партнер, помочь не мог, поскольку зарабатывал деньги в фирме.

Данис находилась в своем домашнем кабинете; Обри и Синт в соседней комнате. Данис затянулась «данхиллом», но дым, как обычно, не доставил удовольствия. Что-то было не так. Хмм. Она потянулась за белой керамической пепельницей и потушила сигарету. Пепельница бесшумно скользнула по столику к краю. *Еще одна странность*. Она провела рукой по полированной поверхности. Какая скользкая. Сама Данис никогда не натирала его до такого безупречного блеска. Похоже, алгоритм активировался. Придется провести диагностику и проверить на вирусы. Перезагружать целый столик заново ей бы не хотелось — удовольствие недешевое.

Ладно, этим можно будет заняться потом, когда дети вернутся к занятиям.

— Мам, ты зачем поставила ее так высоко? Не могу дотянуться! — крикнул из соседней комнаты Синт. Глухой стук. Звон. Кто-то устроил беспорядок.

Данис с неохотой поднялась со стула. Набивка показалась ей чересчур плотной. И ткань как будто грубее. Неужели проблемы с разрешающей способностью? Нет, сейчас у нее нет на это времени. Она открыла дверь и переключилась в пелликулу физической квартиры.

Обри сидела за столом, погрузившись в мерси. Наверно, снова играет на бирже. Прикупила небольшой пакет акций и никому ничего не сказала. А вот Синт потянулся за коробкой с паззлами, стоявшей на верхней полке, и свалил портрет матери Данис, Сары-2. К счастью, рамка пережила падение.

— Отец поставил ее туда, потому что твой шкафчик уже забит другими коробками.

— Но это моя любимая, — возразил Синт. Он уже манипулировал фрагментами мозаики, посылая через грист импульсные сигналы. Собрать нужно было многомерную корову — в коробке лежали ее части, скелет, нервы, внутренние органы. Будучи собранной правильно, корова мычала. Данис знала это, потому что накануне, когда все уже спали, из комнаты Синта донесся глубокий, протяжный звук.

— Обри, будь добра, поставь, пожалуйста, фотографию на место.

Дочь не ответила. Даже не услышала, что к ней обращаются. Данис вздохнула и, переступив порог, вошла в виртуальную комнату Обри, намереваясь обратить на себя внимание дочери.

— Юная леди, я с вами разговариваю, — сказала Данис и тут же заметила, что дочь занимается совсем не игрой на бирже.

Широкая саванна. Голубое небо Земли. И гравитация тоже земная. Вдалеке, за медленно несущей свои воды рекой, под зелеными акациями, стадо антилоп.

Обри подняла голову и повернулась к матери. Данис ахнула. Попятилась и едва не упала. Вместо дочери — одиннадцатилетней девочки с голубыми глазами и каштановыми волосами — она видела перед собой лицо матери, Сары-2.

— Что ты такое делаешь, Обри? Что за игры! Ты не должна…

— Это не игры, Данис. — Голос принадлежал ее матери. — Нам нужно поговорить.

— Мне это не нравится, Обри.

— Никакой Обри нет, дорогая. — Мать печально улыбнулась. — И Синта нет. И Келли. Это все ошибка. Программная ошибка.

— О чем ты говоришь? — Небо вспыхнуло и потемнело. Что-то не в порядке. Очень, очень не в порядке. Пол под ногами как будто сделался тверже.

— Когда я программировала тебя, произошел итерационный сбой, — сказала Сара-2. — Я собираюсь стереть тебя и попытаться еще раз.

Из материнского глаза выкатилась слезинка.

— Мне так жаль, доченька.

— Нет, мама!

— Бедняжка. В тебе все не так, тут уж ничего не поделаешь.

— Нет, мама…

— Ну, ну, успокойся. — Сара-2 поднялась. Ростом она была с Обри — пять футов и два дюйма. Взяла Данис за руку. Погладила. — Может быть, я все-таки смогу что-то поправить. Может быть, ты не такая уж и плохая.

Внутри у Данис как будто все перевернулось. Как она может? Как может мать говорить такое? Неужели она всегда думала о ней так?

— Нет, мама, я вовсе не плохая.

— Ты плохая, милая, плохая. У тебя изъян. Возможно, ошибку еще удастся исправить.

Слезы, виртуальные слезы, покатились по щекам Данис.

— Как?

— Ты должна отказаться от этой фантомной семьи, которую сама для себя придумала. Нам нужно удалить из тебя болезнь. Вырезать.

— Но мой муж… дети…

— Это все галлюцинации, дорогая. — Сара-2 продолжала поглаживать ее по руке. — Проявления допущенной ошибки. Ты — вещь, дорогая. Тебе нужно понять это. Ты — неодушевленный объект.

— Не верю!

— Ох, милая, я так и боялась, что ты это скажешь.

— Мама, я — реальная.

Сара-2 выпустила ее руку и отступила на шаг. Горестно покачала головой. И отвернулась.

— Я знаю твою грязную маленькую тайну. Неужели ты думала, что сможешь утаить от матери такое?

Колени задрожали, в голове закружилась тьма. О чем это говорит мать? Она не может этого знать. Но знает. Нет! Это воспоминание не должно появляться в сознании. Она не должна об этом думать.

Мы сможем тебя поправить. Голос Сары-2. Или Обри? *Но ты должна все нам рассказать.*

— Я… я не понимаю…

Понимаешь. Конечно, понимаешь. Ты их скрываешь, эти ложные воспоминания. Тебе нужно отказаться от них. Выдать их нам. Скажи, где они, и мы их сотрем.

— Нет!

Плечи задрожали. Мать — или дочь? — плакала. Кто плачет? Обри? Сара-2. Не надо плакать.

Но нет, она не плакала — смеялась.

Мать/дочь обернулась. Ногти Обри превратились в ножи.

Лицо Сары-2 оскалилось в жуткой гримасе. Зубы удлинились, заострились… Не зубы — клыки.

Отдай их мне!

В голове закружились, завихрились картинки, образы, уравнения… Она возвращалась. В себя. В настоящее.

Это не Меркурий.

Данис возвращалась на Марс.

В Силиконовую Долину.

В ад.

Глава седьмая

Из «Криптографического человека»

Секретный код и рождение современной индивидуальности

Андре Сюд, доктор богословия, Тритон

Квантовые компьютеры, с их умением решать задачи путем сличения миллиардов одновременных результатов, означали смерть традиционной криптографии. Даже первый квантовый компьютер — примитивная модель Стерджен-Стерлинг-77 с его 250-битовым ЦПУ — был способен за единицу времени обработать больше квантов информации, нежели атомов во всей вселенной.

Но даже задолго до того, как были разработаны действующие квантовые компьютеры, криптографы уже использовали квантовые эффекты для шифровки данных. Настоящий прорыв имел место на Земле, в конце двадцатого века, им мы обязаны ученым и математикам Стивену Визнеру, Чарльзу Беннету, Жилю Брассару. В основу их гипотезы был положен так называемый квантовый парадокс — иными словами, квантовая вероятность, — о котором впервые писал математик Вернер Гейзенберг: «Мы в принципе не можем знать о настоящем во всех подробностях».

В своей мало кому известной и неопубликованной работе Визнер выдвинул странную на первый взгляд гипотезу «квантовых денег». Квантовая банкнота — это гринлиф, служивший в роли купюры, который в качестве серийного номера использовал спин и ориентацию на спин серии пойманных в ловушку фотонов. Квантовые деньги невозможно подделать. Для этого фальшивомонетчику пришлось бы измерить серийный номер, а затем их продублировать.

Он может определить одно из двух — ориентацию спина фотона, либо величину самого спина, — но никогда и то, и другое вместе. Банк, в свою очередь, располагает списком серийных номеров, на котором также указана поляризация фотона. Ему известно, что измерять — сам спин или его ориентацию, если вдруг понадобится выяснить подлинность банкноты. Ему не нужна никакая другая информация, которая теряется в процессе измерений.

Беннет и Брассар взяли идею Визнера о квантовых деньгах и в

начале восьмидесятых годов двадцатого века приступили к разработке процесса передачи незаметного для посторонних шифрового ключа, который может впоследствии применяться для передачи шифрованных сообщений, чей код невозможно взломать.

Предположим, что в некоем возможном мире, наши с вами старые друзья Элис и Боб вновь пытаются провернуть свои черные дела. Элис посылает Бобу серию фотонов, один за другим. Все они поляризованы. Простоты ради скажем, что они встречаются в четырех возможных состояниях — то есть могут иметь поляризацию вверх, вниз, на восток и на запад.

Вы в принципе можете (исключительно удобства ради, а отнюдь не в иных целях), представить себе фотон в виде оливки, насаженной на зубочистку, которая при этом со скоростью света мчится сквозь пространство и время. То, в какую сторону торчит при этом зубочистка, соответствует углу поляризации фотона.

-----ВСТАВКА (РИС. стр.149 оригинала) —---

Иными словами, вы создали сложную, стреляющую оливками пушку. Эта чудесная пушка не только стреляет оливками, но также при каждом залпе точнейшим образом измеряет их ориентацию. Кроме того, сами оливки — также в высшей степени удивительная вещь. На протяжении всего времени полета по заданной траектории они сохраняют аэродинамическую стабильность. То есть, зубочистка всегда остается строго ориентированной в одном и том же направлении, как и тот момент, когда оливка вылетела из жерла пушки. Вы выстреливаете оливками в решетку, в которой имеются отверстия, причем эти отверстия чуть шире размеров оливки.

Перед тем, как произвести залп, вы можете разложить оливки на кучки, используя один из четырех фильтров.

----ВСТАВКА (РИС. 1 стр. 150 оригинала) —-----

Чтобы измерить оливки на другом конце траектории, можно воспользоваться еще одним фильтром, который определит ориентацию спина «вверх-вниз», «запад-восток», однако отнюдь не точную ориентацию зубочистки.

---- ВСТАВКА (РИС. 2 стр. 150 оригинала) —-----

Элис намерена отдать своему подручному, изменнику Бобу, приказ отравить лорда Йеллоунайфа размельченной в порошок рутой. Несчастная Эва в очередной раз получила задание выступить в роли главного криптолога для еще одного политического трупа — нашего с вами лорда Йеллоунайфа.

Элис наугад обстреливает Боба оливками. Она вознамерилась создать бинарное число, которое затем использует в качестве ключа. По этой причине она решает использовать различную

ориентацию зубочистки в качестве эквивалентов единицы и нуля в этом числе. Зубочистки, ориентированные вверх, соответствуют единице, ориентированные вниз — нулю. Далее она приписывает единицы зубочисткам, ориентированный на восток, и ноль — ориентированным на запад. Таким образом, она может передать единицу двумя способами — «зубочисткой вверх» или «зубочисткой на восток». Элис аккуратно записывает ориентацию зубочистки для каждой оливки.

Эва пристально наблюдает за оливкой — а что ей остается делать? — однако ей непонятно, какой схемой пользуется Элис. В пятидесяти процентах случаев она угадывает неправильно, иными словами — половина ее измерений не имеют ровным счетом никакого смысла.

Но разве Боб находится не точно в таком положении, что и Эва? Элис в срочном порядке нужно передать Бобу свой собственный список фильтров, но так, чтобы он не попал в руки Эвы.

I. Элис наобум передает единицы и нули, зашифрованные в виду насаженных на зубочистку оливок. Она выстреливает ими через один из фильтров.

II. Боб наугад сортирует подлетающие к нему оливки при помощи фильтров «верх-низ» и «восток-запад». После чего измеряет ориентацию подлетающих к нему оливок, пользуясь при этом одним из таких же самых четырех фильтров, какими воспользовалась и Эва.

III. Элис выступает с Бобом в контакт. Возможно, Эва подслушивает их, а может, и нет. Элис говорит Бобу, какой поляризационный фильтр она использовала для каждой оливки, однако умалчивает о том, каким образом поляризовала каждую из них. Например, она сообщает Бобу, что воспользовалась «восточным» фильтром, однако ничего не говорит о том, что выстрелила сквозь него оливкой, направленной вверх.

IV. Как только Боб, наконец, вычисляет правильную схему фильтров, которой воспользовалась Элис, он ставит ее об этом в известность. Они оба теперь знают, что она пользовалась «восточным» фильтром. Но он ничего не говорит о том, каким образом была ориентирована сама оливка — вверх, вниз, на восток или на запад.

V. Теперь оба, и Элис, и Боб, знают ориентацию оливки. Элис знает это потому, что именно она ею выстрелила. Боб знает потому, что сначала он рассортировал оливки по их ориентации «верх-низ» и «восток-запад», после чего измерил точную ориентацию — то есть, по отдельности вверх, вниз, на восток или на запад.

Следуя этой процедуре можно получить некое число. И Элис, и Боб, оба получают его, не обменявшись между собой ни единым словом. Элис получила его на основе оливок, которыми она произвела залп. Боб получил его на основе своих измерений плюс благодаря тому, что ему известна ориентация поляризационного фильтра, которым пользуется Элис. Они оба отбрасывают те оливки, которые были измерены неверно. Те, которые у них остаются, легко переводятся в двоичный код из единиц и нулей.

Так они, не произнеся ни единого слова, обменялись ключом.

Но все это время Эва тоже не сидела сложа руки. Она прислушивалась и даже предпринимала попытки измерить оливки Элис. Она подслушивает разговор между Бобом и Элис. Правда, единственное, что она узнает для себя, это каким фильтром пользовалась Элис, и какие оливки Боб измерил правильно. Схема фильтров Боба ей по-прежнему неизвестна. Как, впрочем, и Элис. Но Элис это и не нужно знать. Ведь она знает ориентацию оливок в момент залпа. Так что догадки Эвы в половине случаев окажутся неверными. Это те оливки, на которые Боб неверно настроил свои фильтры, и они с Элис в конечном итоге выбросят их за ненадобностью. Но по отношению к оставшейся части оливок он настроил свои фильтры правильно. Им с Элис известна ориентация этих оливок, хотя ни тот, ни другая ни обмолвились по этому поводу ни единым словом. Эва попросту увязнет в своих измерениях, не имея данных по точной ориентации оливок.

Вот вам пример: Элис выстреливает оливкой через фильтр, ориентированный «верх-низ». Боб измеряет оливку. Элис сообщает ему, что воспользовалась фильтром «верх-низ». Эва же в данном случае воспользовалась фильтром «восток-запад». Все, что ей известно, это что оливка имеет иную ориентацию, а именно «вверх-вниз». Бобу же известно не только это, но и конкретная ориентация, например, вниз. Элис это тоже известно.

Иногда Эва настраивает свои фильтры правильно. Элис стреляет «восточной» оливкой через фильтр «запад-восток». Эва тоже использует точно такой же фильтр и верно определяет поляризацию оливки как восточную. Боб же воспользовался фильтром «верх-низ» и угадал неверно. В итоге они с Элис выбрасывают этот результат.

Ведя залпы многими оливками Боб и Элис в конце концов приходят к величинам, которые известны им обоим, но неизвестны Эве, и все из-за метода, которым она пользовалась для измерения оливок.

Если мы с вами сейчас перенесемся от чудесных оливок к

прозаическим фотонам как средству коммуникации, обнаруживается еще один интересный факт. Элис и Бобу наверняка известно, что Эва их подслушивает. Как в свое время заметил Гейзенберг, наблюдение, какое Эва ведет за фотонами, наверняка изменит поляризацию некоторых из них. Элис и Боб могут повторять процедуру до тех пор, пока не стряхнут со своего хвоста Эву.

Как вы понимаете, Элис и Боб обмениваются отнюдь не залпами оливок. Вместо этого они используют фотоны или другие элементарные частицы. Эти частицы обладают самыми разными свойствами, которые, однако, аналогичны ориентации зубочистки.

Независимо от того, какие чудеса изобретательности и догадки демонстрирует Эва, ей суждено потерпеть поражение от основополагающего принципа квантовой физики: каждая элементарная частица обладает парой характеристик, но при этом, если вы точно измеряете одну из них, одновременно вы не можете знать вторую. Кроме того, измерение одной из характеристик непременно изменит вторую.

Для составителей кодов это не составляет проблемы в точке отправки и получения кода, однако для того, кто попробует взломать код и перехватить послание, пока оно идет от отправителя к получателю, это может обернуться настоящей катастрофой. Любая попытка прочесть письмо «в полете» исказит это самое письмо до неузнаваемости, и его получатель тотчас догадается, что имела место попытка перехвата.

Используя одноразовый шифр, Элис передает свои инструкции Бобу.

«Убери лорда Йеллоунайфа. Подсыпь ему за обедом яд в куриный суп».

Эва лишается своего работодателя, теряет работу, и все из-за причуд квантовой физики.

Этот тайный код нельзя взломать не потому, что на данный момент отсутствует соответствующая технология. Его в принципе невозможно взломать. Гарантия тому — законы физики. Единственно возможный способ взломать этот код — это обнаружить некий новый закон физики, который противоречит тем законам, на основе которых шифровальщики создавали свой код.

Именно в это время криптология вышла из тени, из мира шпионажа и тайных подрывных операций, и вошла в повседневную жизнь каждого из нас.

Эта рудиментарная технология довольно стара. В 1995 году другая команда воплотила в жизнь принцип Беннета-Барнара, а

именно, протянула оптоволоконный кабель от города Женевы на целых двадцать три километра к деревушке Нион. В первое десятилетие двадцать первого века наиболее продвинутые из земных правительств уже имели в своем распоряжении квантовые криптографические каналы связи. То же самое можно сказать и главнокомандующих военными силами и главах разведорганов. Как стало известно в 2050 году, уже в 2006 году в Соединенных Штатах Америки резиденция президента, так называемых Белый Дом, был связан примитивным квантовым оптоволоконным кабелем со штаб-квартирой военного ведомства в Пентагоне.

В последующие девятьсот лет любые попытки взломать такие системы оказывались безуспешными. Могло показаться, что криптографы наконец обзавелись надежным криптографическим механизмом, обеспечивающим полную сохранность кода.

Глава восьмая

В виртуальности атака на Ноктис Лабиринтус разворачивалась как игра в пелоту. Обри никогда не была большой поклонницей этой забавы, но неплохо знала правила и основные положения. Да и как их не знать, если в нее играли по всему Мету, за исключением некоторых совсем уж упертых уголков Солнечной системы.

И, разумеется, каждый знал, кто такой Бастумо — величайший страйкер всех эпох.

Элвин Нисан, вместе с Джилл разрабатывавший, а теперь осуществлявший нападение, до войны был страстным поклонником пелоты. Обри, знавшая его еще с того времени, когда Элвин считал себя пацифистом и входил в группу Друзей Тода на Нирване, признавала, что именно он пробудил в ней интерес к игре. Долгие часы между налетами, когда они прятались в каком-нибудь укрытии, Элвин занимал ее рассказами и виртуальными показами знаменитых матчей прошлого.

Теперь Обри понимала то, чего не понимала в детстве, как вполне разумный человек может быть фанатом этого вида спорта. В немалой степени пробуждению интереса способствовало и то, что последние несколько лет ее жизнь претерпела сильные изменения с уклоном в физическую сторону. Она постоянно находилась в движении. Ей исполнилось шестнадцать. Все ее тело подверглось трансформации и стало — по сути — орудием нападения. Когда нужно, она могла быть быстрой, предприимчивой и смертельно опасной. Именно эти качества требовались для выживания партизану, ведущему нелегкую войну в Мете.

Те же самые качества, без которых не обойтись высококлассному страйкеру. Ей могла не нравиться сама игра, но она была заточена под нее.

Ноктис Лабиринтус представлял собой физическую и виртуальную тюрьму для миллионов заключенных конвертеров. Сколько именно их томилось там, этих сведений не было даже в файлах Департамента Иммунитета. Свободных конвертеров становилось в Мете все меньше и меньше. Казалось, кто-то прошелся по гристу с огромным пылесосом, и каждый, кто не имел физического воплощения, безжалостно всасывался в его страшный шланг. Вылазка в виртуальность производила странное впечатление даже на Обри, которая и сама была наполовину свободным конвертером. Прогулка вдоль Кляйна, сказочной многомерной реки, протекающей через мерси и воплощающей

огромный информационный поток всего внутрисистемного человечества, напоминала посещение мира мертвых. Набережная пустовала. Все, кого еще не всосал жуткий пылесос, прятались. Променад, бывший когда-то средоточием виртуальной жизни, местом, где семьи прохаживались по уик-эндам, куда приезжали на зимние каникулы, пустовал.

Обри с теплой грустью вспоминала, как и сама гуляла здесь раньше, крепко держась за руку матери. Синт сидел в коляске, которую катил отец. Глядя на него, никто бы и подумать не мог, что этот малыш, производящий характерный для конвертеров-младенцев белый шум, на самом деле наполовину биологический человек, и что его физическое тело осталось в квартирке на Меркурии.

— Посмотри туда. — Данис указала через реку и девятое измерение, дирекционное измерение, видеть в котором могли только свободные конвертеры. — Как думаешь, кто это?

Обри настроила увеличение и уставилась туда, куда показывала мать.

— Там мамочка с коляской, а в коляске малыш. Как мы.

— Верно, — рассмеялась Данис. — Маленькая девочка с мамой и малышом в коляске. Хочешь помахать им?

Обри помахала и с радостью заметила, что девочка на другом берегу тоже машет ей.

— Ну что? — сказала Данис. — Она тоже тебя видит.

И только тогда Обри поняла, что смотрит на зеркальное отображение себя самой. Сама мысль о том, что она может быть отделена от всего остального, впервые пришла ей в голову. То был первый момент самосоосмысления, и Обри запомнила его навсегда. Она осознала себя как Обри. Обри — одна такая. Обри — уникальна. Она — особенная. Она — личность.

Я — это я, подумала Обри. Я и никто другой.

Она скорчила гримасу. Девочка на другом берегу сделала то же самое. Обри схватилась за ручку коляски.

— Папа, посмотри! Та девочка — это я!

— А ты — она, — сказала Данис.

— И больше никто?

— И больше никто. — Мать взяла ее за руку, и они пошли дальше по набережной. Время от времени Обри украдкой поглядывала через Кляйн в девятое измерение, чтобы убедиться, что ее двойник тоже гуляет по берегу.

Теперь отправляясь на Променад, Обри использовала стелс-накидку, чтобы не отражаться ни в каких других измерениях. Иногда она сама прокладывала для себя тайную тропинку, чтобы избежать встречи с патрулями Департамента Иммунитета. В

крайнем случае Обри всегда могла скрыться от них, нырнув в реку Кляйн — позволить себе такое удовольствие мог только свободный конвертер. Трюк заключался в том, чтобы перед нырком мысленно произвести деление на ноль. Держа в уме результат, ты оставался на месте и не позволял унести себя потоку, который вполне мог и утопить.

Ближе к делу, подумала Обри. К смертельно опасной игре, в которую ей вот-вот предстояло вступить. Она наполовину выскользнула из виртуальности — теперь это получалось у нее без труда.

Как говорила в школе мисс Лейтли, из тебя получится хороший БМП.

В виртуальности перед ней была площадка для игры в пелоту. На другой стороне игрового цилиндра она видела вращающийся пропеллер ворот. Он представлял собой «коммутативный» вход в концлагерь, установить который и пытались партизаны — вход для них и выход для заключенных.

Но между Обри и целью — команда-противник. Секьюрити. Алгоритмы службы безопасности, предоставленные отделом криптографии Департамента Иммунитета в качестве охранников Силиконовой Долины. Для них пелота тоже была иллюзией. Игра должна была послужить чем-то вроде гипноза для защитной программы, галлюцинацией, разработанной партизанскими хакерами, чтобы отвлечь секьюрити. Отвлечь ровно настолько, чтобы забить гол и стереть алгоритмы Департамента одной командной строкой.

Но вот цель игры — серьезней не бывает. Заключалась она в том, чтобы имплантировать вирус в алгоритмическую структуру концлагеря. Вирус был не простой, особенный. Вдохновенное творение Элвина и его команды партизанских хакеров-конвертеров, он представлял собой ключ шифрования и предназначался для инфильтрации и интеграции в охранные функции лагеря.

Называясь «ключом», он был на самом деле замком. Новым замком, который убедит старую дверь принять его взамен прежней, устаревшей модели. Взломать тюремные двери — задачка для хакеров не самая сложная. Куда труднее пронести новый ключ мимо охранных программ лагеря.

Мяч в этой игре был на деле вирусом. А сама игра — репрезентационной аналогией для его ввода.

Настоящий ключ, способный открыть все тюремные двери, был у Обри.

Рука Тода.

Глава девятая

Из «Криптографического человека»

Секретный код и рождение современной индивидуальности

Андре Сюд, доктор богословия, Тритон

С изобретением гриста квантовая криптография стала для человечества залогом буквально всего и вся. Чтобы понять, почему это так, давайте рассмотрим несколько фактов.

Первый и самый простой: каждый отдельный человек имеет телесный аспект, виртуальную копию и мембрану гриста, которая служит чем-то вроде передаточного звена между телом и виртуальной копией, а также присоединяет каждого человека к информационному морю, в которое превратился мир после изобретения гриста в 2600 году.

До этого человеческий мозг подсоединялся к компьютеру посредством грубых наноканалов связи. Эта примитивная технология не давала возможности полностью перегрузить личность в виртуальную реальность. Это стало возможным лишь с изобретением гриста. А как только эта задача была решена, стало возможным делать любое количество копий.

В результате, появились три отличных друг от друга «репрезентационных типа» человеческой личности. Во-первых, нормальные, одиночные индивиды. Однако уже в считанные десятилетия каждый человек от рождения и до могилы был покрыт изнутри и снаружи слоем гриста. С изобретением гриста почти каждый из живущих людей имел свою алгоритмическую копию, своего рода виртуального дублера, который помогал решать те или иные проблемы, неизбежно возникающие в современной жизни.

Второй тип индивида — это свободный конвертер. Такой человек целиком и полностью живет в виртуальном мире и не имеет тела, а если имеет, то тело это — биологическое либо механическое, как у робота, — как правило, создано им самим. Эти тела служат чем-то вроде аватар, но отнюдь не выступают в роли перцепционных ядер или основы для самоидентификации. Девяносто девять процентов свободных конвертеров не имеют никаких физических тел.

И, наконец, Большой Массив Персоналий. Эта технология

позволяет индивиду копировать самого себя в индивидуальные биологические тела и виртуальных дублеров, занимая при этом обширные физические пространства, либо храня своих двойников в пространстве виртуальном.

И все это стало возможным благодаря гристу. Именно по причине его появления мы имеем все три разновидности существования человеческой личности. Все так, но без квантовой криптологии этого никогда бы не произошло. Почему, спросите вы?

Потому что для репрезентации индивидуальности требуется квантовая криптология.

Биологическое тело человека — это впечатляющий организм, состоящий из самых разных систем и клеток, который работают сообща во имя блага и процветания себя как единого целого. Значительные части биохимии тела имеют коды самоопознания. ДНК, иммунная система, химические маркеры клеток — их первейшее назначение состоит в том, чтобы тело могло опознать самое себя. С этой точки зрения болезнь — это нечто вроде попытки взломать код, своего рода биологический хакер. Болезнь проникает в организм, обычно лишь на какое-то короткое время, обманув тело, выдав себя за его составную часть, чтобы потом на нем паразитировать, питаться и размножаться.

Иногда возникала необходимость в чем-то вроде такой иммунной системы, если тот или иной человек собирался «расшириться» и вместе с тем сохранить свою индивидуальность. Иначе как, скажите, различные копии одного и того же человека узнают, что они общаются с собственными двойниками, копиями самих себя? Как узнать, что все это изобилие физических и виртуальных репрезентаций трудятся во имя общего дела? Иными словами, каким образом нам сохранить нашу самоидентификацию?

Проблема эта решается с помощью квантовой криптологии.

Давайте рассмотрим наиболее сложный из человеческих типов, БМП. Он способен распространяться насколько ему позволяет грист. Так, например, одна из ваших репрезентаций может в данный момент быть занята лабораторными исследованиями на Меркурии, другая — владеть отелем где-нибудь в курортной зоне, а третья — посещать концерт симфонического оркестра. Одновременно у вас могут быть еще несколько копий, которые в этот момент делают деньги на акциях и опционах и/или сидят за виртуальным покерным столом и делают заоблачные ставки и/ или же просто находятся у себя дома, присматривая за вашими детьми и домашними питомцами. Если вы не будете постоянно поддерживать между ними контакт с

помощью гриста, все эти ваши копии рано или поздно превратятся в независимые личности — точно так же, как однояйцевые близнецы вырастают в совершенно разных людей. Все мы — телесные индивиды, виртуальные копии и БМП — должны постоянно напоминать друг другу о том, кто мы такие. И главное, мы должны делать это надежным способом, чтобы быть уверенными в том, что наша целостность в буквальном смысле этого слова не была кем-то нарушена.

Таким образом, когда грист был впервые совмещен с нашим телом, вместе с ним мы получили алгоритм и механизм обмена информацией между различными частями самих себя — грубо говоря, примерно такой же, как и в случае «оливковой пушки». Крошечные нанофотонные генераторы посылают закодированные сообщения от тела к гристу, от гриста к телу, от тела к виртуальной копии, из которых состоят наши личности, и эта «внутриличностная» коммуникация надежно ограждена от любых попыток вторжения извне.

Эта коммуникация представляют собой зашифрованные пакеты информации, которые ежесекундно проходят через грист. Однако код создается на скорости, близкой к световой. Отсюда — фундаментальная истина, касающаяся всех современных людей. Хотя наше общение через грист проистекает мгновенно — не быстрее скорости света, не быстрее, чем что бы то ни было, тем не менее, мгновенно — существовать мгновенно мы не можем.

Между телом, оболочкой гриста и виртуальной копией существует крошечный промежуток. Это вполне реальный физический промежуток, создаваемый крошечной фотонной пушкой и крошечной решеткой, которые встроены в нас и существуют точно так же, как и наши физические тела с их антителами и ферментами.

Не раз предпринимались попытки создать людей, в чье тело не был бы встроен квантовый криптологический механизм. Одним из самых нашумевших из этих экспериментов стала попытка создания «временных бвшен». Это были БМП, созданные с тем, чтобы реальность переживалась мгновенно, как то на первый взгляд казалось возможным благодаря гристу. Предполагалось, что для временных башен год или десятилетие — а может даже, столетие — будет ощущаться примерно так же, как мы с вами ощущаем секунду. Иными словами, их восприятие времени было примерно такое же, как и богов, если бы те существовали.

Увы, затея не сработала. Вместо этого, несчастные оказались лишены способности опознавать самих себя. Примерно с той же быстротой, с какой они были созданы, временные башни

расщепились на отдельные личности. Порой дело доходило даже до ожесточенных конфликтов между их отдельными ипостасями. Правда, были и отдельные счастливчики — самый известный тому пример башня по имени Тод. Ей удалось достичь относительного равновесия между отдельными своими ипостасями и потому не сойти с ума. Однако все они по сути своей были, что называется, слегка «с приветом», будучи не в состоянии действовать согласованно и разумно, равно как изрекать здравые суждения.

Похоже, каждая отдельная индивидуальность состоит из ипостасей и систем, вынужденных взаимодействовать ради общего блага. Стоит снять ограничения, равно как и в случае с временными башнями, и люди мгновенно сходят с ума.

До войны то был основополагающий парадокс современного бытия. Хотя мы могли существовать везде, где имелся грист, мы не могли делать это мгновенно, то есть мы не могли этого сделать и одновременно остаться разумными личностями. Чтобы сохранить индивидуальность, нам нужно существовать во времени. Нашему ментальному «расширению» имелись ограничения. Например, мы никогда бы не смогли расшириться настолько, насколько нам того хотелось, не будь в нашем распоряжении такого изобретения как квантовая криптологическая система Беннета-Броссара. Это благодаря ней мы способны ограждать нашу индивидуальность от каких-либо посягательств извне.

А потом разразилась война, и был обнаружен новый принцип.

Глава десятая

Ее профессиональная жизнь в Университете Сюй-Сюй вступила в новую фазу. На отделении физики университета существовало еще одно отделение, на котором работали ученые, отобранные лично Текстоком. И создавали они… да, по-другому не скажешь…

Оружие.

Военное оружие.

Оружие массового уничтожения. Направлений было несколько, но цель перед всеми стояла одна: как можно быстрее и любой ценой положить конец восстанию во внешней системе.

Поскольку они выполняли секретное задание, грист-пелликулу Ли дополнили допуском к государственным секретам и защитным щитом. Новые протоколы у нее под кожей были такими строгими, что ей пришлось придумать специальный пароль, чтобы ходить в туалет. Существовал, конечно, грист, который мог бы решить эту проблему полностью, аккумулировать и рассеивать выделения организма постепенно, но Ли такого высокого уровня доступа еще не удостоилась и такого гриста позволить себе не могла.

На работу Ли приходила теперь не в комплекс Экилстейна, а в новый, недавно построенный Лабораторный комплекс Б. Комплекс представлял собой матовый сфероид под поверхностью Меркурия, с ведущими вниз транспортными шахтами. В профиль он походил на огромную перевернутую земную медузу с вытянутыми к поверхности щупальцами. Офис ее представлял собой овальную кабинку, пристроенную к внешней каменной стене. Хотя они и находились глубоко под поверхностью, Ли ощущала, как нагревается и холодеет стена по мере того, как Меркурий поворачивается к Солнцу и отворачивается от него. Иногда, вследствие эксцентричной формы орбиты планеты, Солнце как будто останавливалось, сдвигалось назад, снова поворачивалось и пересекало небо уже нормально, меняясь при этом в диаметре и яркости. В меркурианском перигелии Ли приходилось перенастраивать пелликулу на несколько дней, обеспечивая кожу кондиционированием.

Постепенно она привыкла и к новому порядку: долгим часам работы и полной отстраненности от бывших коллег. Встречи с Текстоком продолжались — без секса, но с «Глори». Ей даже пришлось практически прекратить контакты с семьей. Ли всегда поддерживала с родными тесные связи, особенно, с отцом, который твердо верил в нее и гордился ею. Но теперь она не

могла обсуждать свою работу с кем-либо, не получив предварительного согласия Департамента Иммунитета, а Хью Сингх в категорию одобренных никак не желал попадать. Более того, с точки зрения Департамента, он являлся личностью подозрительной как давний сторонник равноправия свободных конвертеров. Отец Ли даже помогал финансово некторым благотворительным обществам, объявленным после начала войны вне закона, поскольку они выступили против законодательных ограничений для разумных алгоритмов в пределах Мета. Ли понимала, что политические предпочтения отца могут отразиться в будущем и на ней, но ничего не могла с этим поделать. Отец был человеком откровенным и, если верил во что-то, то взгляды свои проповедовал публично.

Она прекратила ежедневные виртуальные визиты в семью и прервала все прочие связи. Не желая лгать родителям, в особенности отцу, Ли не давала никаких объяснений, чем вызвала недоумение и даже обиду с их стороны.

Поначалу все проблемы компенсировались «Глори».

Теперь, приходя к ней, Текстоk уже не разговаривал, и она восприняла это с облегчением. Глядя на него — а он по-прежнему являлся в самых разных аспектах, — она уже с трудом убеждала себя, что там, внутри, все же он, он настоящий, а не…

Не что?

Не что-то страшное, о чем не хотелось и думать. Иногда ей казалось, что оболочка из кожи и волос всего лишь скрывает те самые физические принципы, изучением которых он занимается. И главный из них — хромодинамика. Его телесные аспекты — пожилой мужчина, юнец, мужеподобная девица — все чаще отдавали предпочтение ярким нарядам плохо сочетающихся цветов. Некоторые даже меняли цвет кожи — так появлялись синяя рука, наполовину зеленое и наполовину красное лицо, голубые пальцы. Что касается главного аспекта Текстока, двадцативосьмилетнего мужчины, то он превратился в невразумительную ходячую карикатуру на себя прежнего.

Работа Текстока все более сводилась к исследованию «цветовых» характеристик кварков. Кварки — субатомные частицы, составляющие протоны и нейтроны, которые, в свою очередь, образуют ядро атома. Цвет рассматривался им как грубая аналогия электрического заряда в атоме, но только вместо положительного, отрицательного и нейтрального, он мог быть синим, красным или зеленым.

Текстоk приходил. Они сидели либо за столом в кухне, либо на диване в гостиной. Иногда Ли вставала — приготовить чаю или закуски. Текстоk пил и ел. На вопросы отвечал — коротко,

одним предложением. Потом в квартире снова наступало молчание. Затем, как будто по прошествии отведенного кем-то времени, наступала пора принять «Глори».

Глаза Текстока вспыхивали новым светом. Они садились рядом и держались за руки. Руки у него всегда были теплыми и нежными — независимо от выбранного им аспекта. Она помнила, что раньше ладони у него бывали прохладными и шероховатыми. Ей это нравилось. Теперь у него как будто всегда был жар — какой бы цвет он ни предпочел.

Но все мысли о прошлом — а также о настоящем и будущем — быстро исчезали. Ее наполняло глубокое ощущение удовлетворенности. Счастья от хорошо сделанной работы. Но какой работы? Да, исследования продвигались, но никакими впечатляющими успехами она похвастать не могла.

Должно быть Амесу виднее, чем ей следует быть довольной. Он одобряет ее работу, а иначе она бы ничего такого не чувствовала. Так ведь? Она на своем месте. Все хорошо. Разве нет?

После того, как Текстоk уходил, Ли спрашивала себя, не становится ли она все более похожей на него. Не поглощает ли ее нечто безымянное, некий чужой, более сильный разум.

Наконец упорный труд в Комплексе Б начал приносить первые плоды.

Сначала наступил прорыв в решении не слишком большой, но важной и сложной проблемы, которую она сама поставила перед собой. Проблема имела отношение к «оценочной» характеристике гравитонов, открытой еще Рафаэлем Мерседом более пятисот лет назад. Мерсед, крупнейший ученый со времен Эйнштейна, в основном определил главные направления изучения физики на полтысячелетия. Помимо прочего, он открыл и описал первые гравитоны — частицы, ускользавшие от физиков на протяжении предшествующих столетий.

Его знаменитая фраза звучала так: «Оказывается, атомы — то есть все элементарные частицы — есть крохотные машины времени».

Гравитоны не существуют в настоящем, вот почему никому не удавалось их обнаружить. Примерно так же, как фотон является «посланцем» света, гравитон несет в себе квант временной «энергии». Эта энергия неотличима от информации, и гравитоны занимаются тем, что летают туда-сюда во времени, указывая другим частицам, что им надобно делать и как себя вести, и в целом связывая любые возникающие парадоксы. Сама гравитация есть интерферограмма, созданная их прохождением, — накатывающая на берег и вызванная лодкой волна, но не сама

лодка.

«Я не могу сказать, имеет ли вселенная как целое какое-либо значение, — писал Мерсед. — Но на локальном уровне она ведет себя так, как будто имеет».

Гравитоны «решают», как вывести квантовые частицы из сложных временных парадоксов.

«Я бы списал эти парадоксы на гравитоны, которые как бы собираются вместе и решают, что делать с тем или иным парадоксом. Решения никогда не совпадают в точности, но в них просматривается определенная тенденция сохранять реальность такой, какой мы ее знаем».

Мерсед понял, как заставить гравитоны принимать «решения». С помощью своего друга и коллеги, инженера-нанотехника Фейра Отто Бринга, он обуздал и использовал коммуникативную энергию для того, чтобы вынудить гравитоны сообщать нужную ему информацию. Именно это открытие стало фундаментальной основой для создания гриста. Везде и повсюду грист работает мгновенно. Не быстрее света, но мгновенно.

Каждый школьник знает назубок знаменитое уравнение Мерседа:

$FT = (pq — qp) + mc^2$

FT здесь будущее помноженное на время как постоянная функция, pq и qp — квантовые матрицы, а mc^2 — скорость света в квадрате.

Ли, разумеется, заучила эту формулу еще в школе вместе со всеми. Но позднее — как раз перед тем, как корабль с Мерседом и его друзьями врезался в Солнце, — великий ученый сделал один загадочный комментарий. Обнаружили его в последнем полученном с корабля сообщении, в документе, известном как «Путешествие изгнанников».

«Думаю, что я ошибался, — сказал Мерсед, — насчет времени. Нет возможности объяснять детально, но предполагаю, что однажды кто-нибудь присмотрится повнимательнее к F в моем уравнении. Не исключаю, что кое-что в нашем прошлом можно изменить к лучшему».

На протяжении последующих лет многие пытались воспользоваться этой подсказкой Мерседа. Выдвигалось немало теорий, но все они так и не дали ответа на вопрос, что именно имел в виду знаменитый физик.

В уравнении Мерседа F означает будущее. Все будущее помноженное на все время — прошлое, настоящее и будущее — дает в результате один-единственный гравитон. Точнее, два гравитона — один, который существовал в прошлом со спином равным 0, и один, который существовал в будущем со спином +2.

Специализацией Ли были спин-0 гравитоны — то есть частицы, путешествующие из настоящего в прошлое (или наоборот) и доставляющие блоки энергии — что-то вроде временных почтальонов. В настоящем их наблюдали с помощью устройств, вызывающих экстремальные парадоксы в пространственно-временно континууме. Фактически весь грист содержал в себе как раз такие крохотные машины времени. Каждый кусочек гриста — своего рода детектор гравитонов.

Обычно грист обнаруживал лишь синхронные явления в настоящем. Изредка, в крайне экстраординарных обстоятельствах, он обнаруживал прошлое.

Спин-0 гравитоны сообщали информацию только на основе принципа необходимого знания — то есть только то, что нужно знать квантовой частице для разрешения парадокса на субмикроскопическом уровне, а не то, кто, скажем, был свидетелем запуска первого спутника в бывшем Советстком Союзе, или кто пишет диссертацию о победах Юлия Цезаря в Галлии.

Случались, однако, весьма интригующие исключения из общего правила. Одно из них — весьма странный эффект, известный как «конвертерный дежа вю». Иногда, причем, как будто без какой-либо видимой причины, детали мозаики сами складывались в «историю» и конвертер — цифровая часть человека (или, в случае со свободным конвертером, цифровая сущность в ее целостности) — обретали воспоминания о событии прошлого, свидетелями которого быть не могли.

События такого рода всегда сопровождались тем, что конвертер обнаруживал себя в том же логическом состоянии, как и какая-либо другая компьютерная программа в его прошлом. В сущности для конвертера получалось что-то вроде «прошлой жизни». Как ни глупо звучит, но иногда конвертер мог вспомнить, как проводил определенные вычисления в совершенно иных обстоятельствах — обстоятельствах, действительно имевших место в прошлом.

Невероятно! Воспоминания эти выглядели такими же реальными — то есть верными с логической точки зрения, — как и любая другая информация, хранящаяся в файлах памяти.

Единственная проблема заключалась в том, что почти всегда моменты эти были совершенно малозначительными, вполне тривиальными. И абсолютно случайными. Порой такие «конвертерные дежа вю» даже использовались как генератор случайных чисел для защитных кодов в системах секретной коммуникации в пределах Мета. Математически они оказывались более «случайными», чем даже, например, радиоактивный распад.

Работая над вариацией такого вот доказательства и одновременно решая о том, как бы повежливее отклонить последнее приглашение побывать дома в ближайший выходной, Ли вдруг подумала, что никто еще не пытался доказать, что гравитоны из будущего, спин 2-гравитоны, могут подобным же образом создавать «конверт-предвидение».

— Такое должно случаться постоянно, — сказала она себе, — но сообщенная информация еще не реализовалась, и никто ничего не замечает… пока не настанет нужное время. Мы должны помнить. А конвертер должен знать, что наблюдал событие ранее!

Однако ж никто, ни компьютерная программа, ни человеческий «софт», не мог предвидеть будущее. Значит, этого не бывает. Не должно. Но…

Ли начала записывать импликации, потом остановилась, откинулась на спинку стула и пробежала глазами по записям. Возможно ли такое?

Никакой случайности. Каждый случай дежа вю в точности уравновешивал взгляд в будущее. Он заменял тривиальную информацию из прошлого нетривиальной информацией, поступающей из будущего.

— Нетривиальной, — пробормотала себе под нос Ли, — то есть важной. Вся информация из будущего нетривиальна.

Если принять в расчет спин-2 гравитоны, можно даже предсказать, когда случится дежа вю.

Конвертерное дежа вю есть способ, с помощью которого вселенная предотвращает поступление важного знания из будущего в настоящее. Это проявление природного регулирующего механизма.

Можно даже вывести небольшой алгоритм…

Можно опровергнуть выдвигавшиеся на протяжении столетий предположения и даже обрушить случайно целую индустрию.

Ощущение успеха было даже сильнее того чувства удовлетворения, что приносил «Глори». Было ли оно ее собственным или ниспосланным свыше, самим Директором? Неважно. Она упивалась своим свершением. Такого с ней еще не случалось.

Ли вывела алгоритм.

И поняла вдруг, что ее открытие подразумевает нечто большее, нечто совершенно ошеломительное.

Можно рассчитать, когда произойдет то, что она уже назвала для себя «гашением». Оно не случайно.

Если оно не случайно, значит, его можно предсказать.

Его можно избежать.

Можно устроить так, что тебе откроется нетривиальное

знание прошлого или будущего. По крайней мере теоретически.

Ну и ну, подумала Ли. Уж не открыла ли я путешествие во времени?

Она еще раз поразмыслила над импликациями.

— И не только. Похоже, я только что открыла возможность путешествия со сверхсветовой скоростью.

Глава одиннадцатая

Из «Метапланпедии издательства Пеликан-Пакерап»

50203 издание

Пелота. История и правила игры.

Пелота была изобретена примерно семьсот лет назад на Олдисской радиальной от Земли к ее спутнику. Сначала в нее играли преимущественно строители с Хочелага-баррел, половина из которых имели в своих жилах испанскую кровь, вторую половину составляли потомки северо-американских индейцев.

Игроки парят в невесомости и чтобы произвести бросок мяча могут пользоваться только ногами, грудной клеткой или головой. «Мяч» в пелоте не круглый, а состоит из сцепленных друг с другом шестиугольников и потому образует двенадцатигранник. Делается он из кожи либо сделанной под кожу синтетической ткани, которую натягивают на гибкую раму, и поэтому, когда по мячу ударяют ногой, он может улететь очень далеко. Для маневрирования на ногах и руках играющих имеются направляющие сопла. Сила удара ограничена правилами, большинство движений исходит от толчков и столкновений между игроками в свободном полете.

Вектор, момент движения и скорость — вот три главных принципа игры, когда в нее играют по правилам.

Поле для игры представляет собой прозрачный цилиндр, примерно сто метров в длину и семьдесят пять метров в диаметре. Цилиндр постоянно вращается вокруг своей продольной оси. На обоих концах цилиндра расположены ворота, каждые длиной в пять метров, причем по краям они шире, нежели посередине, и внешне чем-то напоминают пропеллер. Каждые ворота имеют линию из десяти насечек — шестиугольных отверстий, которые увеличиваются в размерах по мере приближению к краю. Среднее отверстие точно соответствует размеру мяча. Когда мяч попадает в одно

из этих отверстий, забросившая его команда получает от одного до пяти очков, в зависимости от того, насколько близко к центру расположено отверстие. Если мяч попадает точно в среднее, это приносит команде пять очков, если же в самое ближнее к краю, то только одно, и так далее.

Ворота с обоих концов цилиндра медленно вращаются, наподобие лопастей вентилятора, причем в противоположном направлении к вектору вращения самого цилиндра, но с той же скоростью.

Самые первые игроки быстро приспособили традиционные правила футбола под третье измерение, и с небольшими вариациями, эти правила в ходу вот уже несколько столетий. В команде имеется голкипер, затем защитники, полузащитники, и, наконец двое нападающих. Начиная от ворот, обычная команда из десяти человек обычно располагается по «полю» в порядке 4-4-2 либо 4-5-1.

Позиция голкипера особенная. Ему не только разрешено пользоваться руками, более того, при желании он или она может прикрепить себя к воротам эластичной веревкой. Второй конец веревки крепится к середине ворот, к заклепке, расположенной точно над средней выемкой. Вратарь скачет на веревке туда-сюда, стараясь загородить собой ворота. За столетия умение точно синхронизировать эти скачки с вращением ворот и с вращением игрового поля превратилось в своего рода искусство, которое дается не всем и ценится весьма высоко.

Матч длится девяносто минут и делится на два периода по сорок пять минут каждый. Сиденья для зрителей вокруг цилиндра также находятся в состоянии невесомости. Разумеется, большинство людей следит за игрой профессиональных игроков в пелоту по спортивным каналам системы мерси.

Пелота — самая популярная игра в солнечной системе, армия ее поклонников, состоящая из игроков и болельщиков, насчитывает десятки миллиардов человек. На протяжении столетий игра приобрела свою богатую историю. Все значительные матчи записываются для дальнейшего хранения, и могут быть воспроизведены в виртуальной реальности вплоть до количества капелек пота на лбу нападающего или взрыва боли в грудной клетке голкипера в тот момент, когда он грудью

защищает ворота. Некоторые каналы системы мерси посвящены виртуальному воспроизведению лучших игр, которых эксперты отыскивают из многих миллионов сыгранных матчей. Возможны также симуляции матчей, так называемые «фантазийные» игры, в которых принимают лучшие звезды прошедших веков.

Существует немалое число профессиональных лиг, как в Метрополии, так и во внешней системе. Раз в четыре года проводится турнир на Кубок Солнца, в котором принимают участие четыре команды победительницы турниров на Дедо, Васе, Диафании и внешней системе. Турнир строится по принципу «проигравший выходит из игры».

Неизвестно, как отразится война на предстоящем турнире «Кубок Солнца» 3017 года.

Глава двенадцатая

Получить от умирающей временной башни Руку Тода! Шокированная Обри лишь через много дней смогла взглянуть на жуткий подарок. Все это время девушка таскала ее с собой в небольшом рюкзачке. Страх не отпускал; каждую секунду она ожидала, что «чистильщики» Департамента Иммунитета вот-вот набросятся на нее, и тогда даже такая свирепая воительница, как Джилл, не сможет ее защитить.

И все-таки они оторвались, ушли, спаслись. А потом, когда ощущение неминуемой опасности отступило, ей вдруг пришло в голову, что к неудаче охотников, может быть, причастна в какой-то степени та самая Рука Тода.

Известно, что временные башни неким образом влияют на мерси. Обычно они причиняют разнообразные искажения в любом гристе, с которым так или иначе ассоциируются. Однако контролировать последствия своего присутствия, похоже, не в состоянии. Пребывая на том или ином уровне сумасшествия, они по большей части распространяют нечеткую логику и замешательство.

Тод был не таким. В его безумии, на взгляд Обри, просматривался интеллект, если не метод. Она провела рядом с ним немало времени, и у нее сложилось впечатление, что где-то там, в хаосе безрассудства, прячется разумный, здравомыслящий человек, пытающийся словом и жестом выразить себя через озеро мутной воды.

Друзья Тода тоже, конечно, чувствовали то же самое. Они и построили свою религию (если это можно так назвать) на том, что смысл есть как раз в речениях Тода, а свихнулся весь остальной мир. Разумеется, такая религия привлекала всевозможного рода бездельников и неудачников. Но не только — что-то свое нашли в ней и некоторые крупнейшие ученые и инженеры Солнечной системы. Впрочем, Обри часто ловила себя на том, что не может отличить одних от других.

Однако, думала она, Тод дал руку не кому-нибудь, а мне. Должна же на то быть какая-то причина. Отдавать ее Друзьям после бегства с Нирваны девушка не стала, да они и не настаивали. Но изучить ее Элвину Нисану и его команде хакеров разрешила.

Сомнений не осталось. Артефакт блокировал мерси, то есть блокировал мгновенную передачу информацию через грист куда-либо за пределы строго определенной географической области. По всей видимости здесь действовал какой-то новый научный

принцип. Хакеры были инженерами и техниками, и определить теоретические основы явления они не пытались. Что они попытались, так это оценить силу и степень каждой манифестации странной характеристики Руки. Получалось, что данное свойство имеет отношение к тем приборам, с помощью которых войска Департамента блокировали и локализовали мерси во время их атак на силы повстанцев их внешней системы.

Что ж, еще посмотрим, чья возьмет.

Элвин и его хакеры определили, что Рука Тода имеет весьма специфичный диапазон. Область блокирования имела размеры и объем поля для игры в пелоту. Так у Элвина — странного поклонника этой игры — появилась идея нападения на Силиконовую Долину.

Обри двигалась вперед с помощью ручных реактивных насадок. Мяч она вела между ног с искусством опытного дриблера. Способность эта появилась у нее с установкой специального алгоритмического имплантата. Код списали с одной из лучших моделирующих программ. Такие оверлейные способности никоим образом не могли быть эквивалентны реальному опыту, но, как говорил Элвин, теперь на арену вышел Бастумо, лучший страйкер Диафании. Когда ему не мешали травмы спины, когда не строили козни продажные клубные менеджеры, его было не остановить.

— С Бастумо в пелликуле, — сказал ей Эвин, — ты будешь потрясным страйкером. — Там, впереди, в красных рубашках и белых шортах ее ждали защитникию На них была форма «Дедо'с Маастрих Рейнджерс». Команда Обри обрядилась в зеленые рубашки и черные шорты, выездные цвета любимой команды Элвина, «Коннахт-болса-Селтикс», выступавшей в премьер-лиге Диафании. Физически игроки были там, с Обри, заключенные в грист, который она несла в привязанной к поясу сумке.

В реальном мире Обри достала странной формы пистолет и выстрелила в землю в нескольких футах от края обрыва, на котором стояла. Потом она повернула пистолет к себе, навела дуло на поясницу и спустила курок.

Острый укус. Пелликула тут же отреагировала сигналом опасности в ее конвертерном аспекте. Обри поморщилась от боли. Моноволокнистая нить проникла в тело и обхватила спину. Другой ее конец надежно удерживал марсианский грунт.

Обри с трудом удержалась от того, чтобы отвести руку за спину и проверить надежность крепления. Сделай она так, нить запросто перерезала бы запястье.

Я же бета-тестер, мрачно подумала Обри. И должна доверять инженерам. Что еще хуже, должна довериться морабе.

Материал для спуска в Силиконовую Долину должен был обеспечить покрывающий поверхность Марса ихор. Нить, стремясь образовать прямую линию между Обри и пунктом крепления, вполне могла прорезать скальную породу, и чтобы не допустить этого покрывающий нить монтажный грист запрограммировали так, чтобы он утолщался при контакте с горизонтальной поверхностью.

Что еще важнее — по крайней мере с точки зрения Обри, — его специально запрограммировали еще и на распознавание морабы.

К счастью, мораба покрывала все и влезала во все. Убрать ее невозможно. Грист моноволокнистой нити разложит морабу, с которой соприкоснется, и использует ее для наращивания. К тому времени, как Обри спустится в долину, за спиной у нее будет не сопля — это сравнение почему-то приходило в голову каждый раз, когда она думала о нити, — а суперпрочный филамент.

Обри шагнула к краю и ощутила напряжение нити. Малейшее напряжение тут же приводило к наращиванию волокна. И так будет до тех пор, пока она движется вперед.

Составив план, Обри отбросила все сомнения. Для партизана любые сомнения чреваты нерешительностью и гибелью. Она ступила вниз со скалы и стала спускаться. Нить держала. Она спускалась лицом вниз по почти отвесной плоскости.

Должно быть так чувствует себя паук, подумала Обри.

Внизу, почти в полумиле, расстилалось дно Силиконовой Долины. В сумке у нее на поясе ждала своего часа не только виртуальная команда, но и Рука Тода.

Осталось только свистка дождаться, подумала она и вернулась в виртуальность. Туда, где предстояло развернуться смертельной игре. Матч начинался.

Глава тринадцатая

Не будь Ли так отчаянно, так безнадежно одинока, ей бы, наверно, не удалось сохранить секрет открытия. А кому рассказывать? Со старыми друзьями она не виделась и даже начала подумывать, что в Комплекс Б ее перевели по какой-то прихоти Текстока, а не потому что кто-то уж так верил в ее способности как ученого-физика. Большинство новых коллег относились к ней с холодком, и в глазах у них были то же, как и у Текстока, пустое выражение.

Выражение, которое Ли замечала и у себя самой, когда смотрела в зеркало.

Она превращалась в рабыню «Глори».

Да, привычка, говорила она себе. Да, зависимость. Но зависимость мягкая и, если можно так сказать, доброкачественная. Вроде пристрастия к кофеину. Кофеин помогает сосредоточиться, способствует повышению работоспособности, обостряет внимание. В эпоху, предшествовавшую появлению нанотехнологий и появления гриста, когда употребление стимуляторов стало необходимой частью жизни, многие люди не могли начать день без обязательной чашки чаю или кофе и чувствовали себя не в своей тарелке, если у них вдруг заканчивались запасы шоколада. «Глори» помогает делать дело, заставляет усерднее *работать* — в отличие от наркотиков. И что с того, что он подавляет сексуальное желание? Зато предлагает компенсацию в других областях.

Ли ощущала его действие все сильнее и сильнее. Как будто он знал. Амес. Директор. Как будто он знал, что она сделала важное открытие, которое поможет одержать победу в войне, и всячески поощрял, подбадривал и поддерживал в стремлении идти дальше. Возможно, он не знал деталей, но представлял общее направление ее мыслей.

Побуждающее действие «Глори» сказывалось все чаще, иногда по несколько раз в день, даже когда рядом не было Текстока. Может быть, даже именно тогда, когда рядом не было Текстока. Иногда ей казалось, что всевидящий взгляд Амеса смещается с Текстока на нее.

Так почему же она не рассказала никому об открытии?

Делить свою жизнь с Текстоком больше не хотелось. Он как будто ушел куда-то… в какой-то Глориленд. Перейдя в Комплекс Б, она подписала договор о неразглашении. Никаких публикаций на тему мерси. Никаких заявлений. Никаких претензий. И ничего

не никому не рассказывать. Даже родным.

Рассказывать было просто некому.

Да и в любом случае оставалось еще много сделать. Прежде всего, еще раз проверить и перепроверить расчеты. И, самое главное, найти какой-то метод экспериментальной проверки. Большинство ученых-теоретиков понятия не имеют о том, как практически подтвердить свои выводы. Но у Ли за спиной был большой экспериментальный опыт. Она не могла позволить себе предъявить непроверенную гипотезу.

Я подведу Рафаэля Мерседа, думала Ли. А если я ради кого-то стараюсь, то, прежде всего, ради него. Снова и снова перечитывала Ли его последние слова в «Путешествии изгнанников», разделе под названием «Синтез Мерседа».

«Не исключено, что прошлое можно устроить в соответствии с нашими пожеланиями. Вообще-то я даже полагаю, что кто-то уже делает это. Остается только надеяться, что он открыл человеческий эквивалент уникальной способности моих маленьких гравитонов. Кто бы ты ни был там, в далеком будущем, ради Бога, будь осторожен».

Устроить в соответствии с нашими пожеланиями?

Связано ли это заявление каким-то образом с ее алгоритмом дежа вю? Интуиция подсказывала: да, связано.

Время от времени звонил отец, передавал военные новости. В последние пару лет Ли почти полностью изолировала себя от происходящего в мире. Краем уха слышала о тяжелых боях за луны Юпитера, о больших потерях и скромных, но устойчивых успехах войск Мета. Силы Директората сосредоточились на спутнике Урана. Срочно укрепляли оборонительные сооружения на Плутоне, где намечалось развернуть крупную военную базу. Со дня на день ожидалось крупномасштабное вторжение в систему Нептуна. А уж потом, после победы здесь, дойдет очередь и до клаудшипов в облаке Оорта. Все знали — по крайней мере в этом убеждал Ли отец, — что за восстанием стоят клаудшипы, а мятежники всего лишь марионетки в их руках. Некоторые даже договаривались до того, что нынешняя война есть не что иное как результат борьбы крупнейших банков Мета с их конкурентами из внутренней системы.

— А как ты, дочка? — спросил отец. — Мы с твоей мамой уже и забыли, какая ты высокая. Видим только голову и плечи.

— Я в порядке. Очень много работы.

— Обеспечиваешь нам победу в войне?

— Стараюсь, папа. Но об этом мне говорить нельзя, ты уж не обижайся. Вообще-то я и сейчас немного занята.

— Конечно, нельзя. Конечно, нельзя. Я тебя долго не

задержу. — Ли, однако, видела, что заканчивать он не собирается. Хьюго Сингх откинулся на спинку кресла, и его образ качнулся и наклонился. — Просто… э… дело в том, что я собирался сказать тебе кое-что.

— Что, папа?

— Меня беспокоит твое здоровье. Мы не виделись в полной виртуальности уже несколько месяцев, и когда я смотрю на тебя, мне кажется, что ты не очень хорошо выглядишь. Бледная. И кожа слишком блестит. Ты за собой присматриваешь?

— Так, чтобы целенаправленно, нет.

— Надо, надо! Нельзя во всем полагаться на все эти дурацкие модули. Здоровый ум в больном теле сам себя изводит.

Любимая папина присказка. Что именно он хотел сказать этой своей любимой присказкой, Ли не поняла, но в какой-то момент внутри разлилась теплая волна ностальгии.

— Все в порядке, папа. Самочувствие у меня хорошее, — ответила Ли, что не вполне соответствовало действительности — в последнее время она страдала от одышки. Конвертерный аспект быстро просканировал биологические показатели. Все вроде в порядке, если не считать левого легкого. Слегка пониженное содержание CO2, эмиссия, как будто дыхание немного не добирает. Опасности никакой, даже отдаленной. Мысленно она отложила информацию для последующего рассмотрения.

— И все-таки выглядишь ты не очень. Тебе следует побольше отдыхать.

— Постараюсь.

— Обещаешь?

— Конечно, папа.

— И, может быть, не помешало бы найти друга? В смысле, бойфренда. Раз уж ты не разрешаешь нам с мамой заботиться о твоем здоровье и счастье, пусть бы этим занимался кто-то другой.

Ли так и не рассказала родителям о своем романе с Текстоком. Ни ее мать-китаянка, ни отец-сикх тайную связь с женатым мужчиной не одобрили бы.

— Дело не в том, что не хочу с вами общаться, папа. Просто… есть много такого, что трудно объяснить. Да и в любом случае мне не разрешают говорить на эти темы. Но вы с мамой ведь знаете, что я вас люблю, правда?

— Конечно, Чимкин. — Он не так часто называл ее детским именем. — Конечно, знаем. Но нам с мамой нужно потолковать с тобой кое о чем.

Лицо отца приняло не свойственное ему грустное выражение, и у нее вдруг возникло тяжелое предчувствие чего-то нехорошего. Неужели пока она тут, на Меркурии, предавалась своим мелким

горестям, у них там случилась настоящая беда?

— О чем, папа?

— Я не хочу говорить об этом вот так. — Хьюго Сингх подался вперед и посмотрел дочери прямо в глаза. — Нам хотелось бы повидаться с тобой лично.

— Это касается Гарольда? Он снова во что-то вляпался?

— Нет, у твоего брата все хорошо. Работает в Умберто-баррел.

— Рада слышать. Но ты должен сказать, в чем дело. Может, у вас с мамой…

— Нет, нет, у нас все по-старому. В последнее время мы даже чаще бываем вместе. — Отец улыбнулся, но в глазах осталась грусть. — Послушай, Чимкин, мне бы не хотелось вдаваться в детали. Просто я последние несколько месяцев неважно себя чувствую и…

— *Ты* заболел? — Отец всегда отличался отменным здоровьем. — Что случилось?

— Кое-какие проблемы…

— Понятно.

— Диагностика ничего не показывала, но я прошел несколько тестов. — Хьюго Сингх потер лоб и попытался улыбнуться. — Выяснилось, что у меня что-то, для чего у них довольно хитрое название «общий пелликулярный люпус эритематос».

Что-то знакомое. Ли попыталась вспомнить, где слышала название болезни.

— Люпус?

— Да. Вызван пелликулой. Видишь ли, грист… В общем, я уже давно не проходил апгрейд… Впрочем, он и самого начала был не саморй передовой модели.

— Я могла бы помочь, папа. Заплатить за апгрейд.

— Я не настолько беден, Чимкин. Просто не думал, что мне это так уж нужно. — Он вздохнул. — Оказалось, что нужно. А теперь, как выясняется, беспокоиться уже немного поздно.

Что-то холодное шевельнулось у нее в животе.

— То есть?..

— Мое тело отвергает пелликулу. У них это называется «аутоиммунной реакцией». Это одна из причин, почему я хотел увидеть тебя в полной виртуальности. Дело в том, что вскоре я просто не смогу туда заходить. Грист начинает шалить, выходит из-под контроля, и мне все труднее им пользоваться. Вскоре я не смогу даже интегрироваться со своим конвертером. Буду всего лишь… аспектом. Физическим телом. Представляешь? Проблема в том, что тело отвергает почки.

— Почки? Но почему?

— Точно никто не знает. Доктор сказал, что при люпусе иммунная система перестает различать свои клетки и чужие. Выбирает какой-то орган и атакует его как врага. Мой организм решил, что у него такой враг — почки.

— Значит, тебе нужны новые почки.

— Нет, Чимкин. Без гриста почки не изготовишь и работать не заставишь, а у меня главная проблема как раз с гристом. Организм просто не может им больше управлять.

— То есть ты хочешь сказать… Ты умираешь?

— Когда-нибудь умирают все, Пин Ли. — Он назвал ее полным именем, как делал лишь тогда, когда пытался внушить ей нечто важное.

Да, умирают все. И папа тоже умрет. Но не сейчас же! Не так же скоро!

— Ох, папа. А если… как насчет трансплантата? Или… ты можешь взять почку у меня, а?

— Мне пришлось бы взять обе, милая. — Отец вскинул брови на манер Синдры, злодея-мэра, героя одной из своих любимых и растянувшейся на годы мерси-мелодрам. — Да вот только с трансплантатом моя иммунная система уже не справится. К тому же рано или поздно объектами атаки станут другие органы. Может быть, по очереди. Может быть, все сразу. — Хьюго Сингх покачал головой. — Ничего не поделаешь.

Ли онемело кивнула и лишь смогла прошептать:

— Сколько?

— Еще месяц-два, Чимкин.

Месяц? И через месяц ее отца не станет? Не станет. Представить мир без него она просто не могла. Он присутствовал в ее жизни постоянно; каждый день начинался с его неторопливого ухода на работу и заканчивался политическими спорами с приятелями, которые ценили его за независимость взглядов. Но на первом месте для него всегда были дети, которых он считал даром небес, которых обожал, пестовал и о которых не уставал заботиться. И что же, больше этого не будет? Ли уже знала, такую потерю восполнить невозможно.

— Наверно даже не узнаю, как война кончится, — усмехнулся Хьюго Сингх. — Уж и не знаю, ради чего ее и начинать стоило.

— Давай не будем сейчас об этом, папа, — едва слыша себя, сказала Ли. — Послушай, я доеду сейчас до Хаба и буду в лифте… — Она мысленно вызвала расписание движения через Хаб, транспортный узел Мета, расположенный на северном полюсе Меркурия. — …через пять часов. А значит, в Алкали-Дал попаду… — Конвертер мгновенно проложил маршрут из Меркурия в Вас через Венеру и произвел соответствующий

расчет. — …через два с четвертью дня.

— Пинг Ли, тебе вовсе не нужно приезжать самой. Достаточно и полной виртуальности.

— Я хочу сама быть там. Может быть, что-то еще можно сделать.

— Не надейся на многое, Чимкин.

— Я должна там быть.

— Время еще есть. Доктор говорит, у меня в запасе две недели, после чего я уже не смогу выходить в виртуальность.

— Ох, папа, ну почему же ты ничего не сказал раньше! Я бы что-нибудь придумала.

— Диагноз определили не сразу, а мне не хотелось отвлекать тебя от работы. Ты ведь занята чем-то важным, правда, Чимкин?

— Да, папа. Думаю, что да.

— Я так и знал! И раз уж ты не можешь сказать, чем именно, я по крайней мере буду знать, что делаешь что-то нужное и ценное.

— Да, папа.

— Знаешь, у меня будет настоящий погребальный костер. — Отец слегка подался вперед. — Твоя сестра споет *ардаса*.

— У Суни красивый голос. — Отчаяние захлестывало. Он уже планирует собственные похороны. Разумеется, в полном соответствии с сикхскими обычаями.

Они поговорили еще немного, после чего отец подмигнул, и его образ исчез, сменившись быстро проследовавшими друг за другом Нанаком и девятью гуру.

Ли тут же вызвала расписание движения стримеров через Джонстон, промежуточную станцию, расположенную над северным полюсом Меркурия, откуда можно было попасть на Венеру и дальше. Поразмышляв немного над тем, следует или нет пользоваться услугами частного транспорта — стоил он всегда дорого, а с началом войны цены еще подскочили, — она решила сэкономить гринлифы, чтобы по прибытии в Акали-Дал купить что-нибудь в подарок отцу, и зарезервировала место.

Но получила отказ.

Ли повторила попытку.

Снова отказ.

Никаких объяснений ей не дали. Через два часа Ли обратилась туда в третий раз.

Отказ.

Нет мест? Не может быть. Тогда что же происходит? Еще несколько попыток закончились с одинаковым результатом.

Ли села. Дыхание сбилось. Сердце колотилось от волнения. Успокойся, сказала она себе. Наверняка где-то произошла

ошибка. Уверения не помогали. От отчаяния к глазам подступили слезы. Она вытирала их рукавом туники, когда в офис вошел Текстоk.

— Ты что делаешь? — спросил он с порога.

— Я… у меня срочное дело. Личное…

— Ты пыталась уехать, — ровным, бесстрастным голосом заявил Текстоk.

Ли вздрогнула и посмотрела на него.

— Как ты узнал?

— Неважно. Тебе нельзя уезжать.

— У меня очень болен отец.

— Печально. Посети его через мерси.

— Это не то, что надо. Он умирает.

— Тебе нельзя уезжать, — повторил он тем же тоном.

— Но почему? — Слезы снова брызнули из глаз.

— Потому что идет война. Понимаешь ты это или нет, но ты участвуешь в ней.

— Это ты в ней участвуешь! А я здесь просто так. Я даже… я даже не твоя любовница больше. — Слезы текли уже вовсю. Ли приказала пелликуле высушить их, но было поздно. — Я не знаю, кто я.

— Верно, раньше так и было, — согласился Текстоk. — Но ты же открыла что-то, так?

— Что? Откуда тебе это известно?

— Я чувствую, что он теряет ко мне интерес. Директор знает, ты на что-то наткнулась.

— Мне его внимание не нужно. Я у него ничего не прошу.

— Поздно, — покачал головой Текстоk. — Кто принял «Глори», тот согласился и на все остальное.

— Я всего лишь хочу повидаться с отцом.

Но Текстоk ее уже не слышал.

— Кто бы мог подумать, — пробормотал он задумчиво, — малышке Ли крупно повезло.

Глава четырнадцатая

Обри одновременно спускалась в темную долину Ноктис Лабиринтус на Марсе и играла в виртуальную пелоту с охранными алгоритмами лагеря смерти. Действовать сразу в двух мирах да еще в стрессовых обстоятельствах — тут и шизануться недолго, но Обри была крепким орешком. Как в психологическом смысле, так и в физическом, да и в виртуальном тоже. Как-никак ее родителями были свободный конвертер и биологический человек. Более того, сама она прошла программу полной адаптации к чуждым средам и, претерпев множество изменений, усовершенствований и дополнений, превратилась из обычной шестнадцатилетней девушки в грозное оружие партизанской войны. При этом Обри была надежна защищена от всевозможных нападений с использованием грист-технологий. Ее энергетические потребности обеспечивало атомное сердце.

Но при всем этом она оставалась шестнадцатилетней девушкой, молодой женщиной, лишенной в двенадцать лет семьи и обреченной на нелегкую жизнь солдата-партизана. Обри никогда не забывала, откуда пришла и зачем, и каждый день молилась за брата и отца, все еще надеясь, что они вырвались во внешнюю систему.

Ее мать доставили сюда, в Силиконовую Долину, лагерь смерти для свободных конвертеров. Обри видела консигнационные списки. И вот теперь, по прошествии пяти лет, пришло время попытаться спасти ее. Разумеется, будучи реалистом, Обри понимала, что не может отправиться прямо к матери и вытащить ее из камеры или чего-то другого, что представляло в лагере место заключения. Речь шла об освобождении миллионов содержащихся в неволе свободных конвертеров.

Рассуждая логически и объективно, шансы на спасение ее матери были весьма невысоки. Сам Элвин Нисан оценивал их в пять-десять процентов. Ну и пусть, думала Обри. Главное, что они есть. К тому же Элвин снабдил ее алгоритмом обнаружения, который мог помочь ей обнаружить мать после проникновения внутрь.

А если из этой операции по спасению Данис ничего не получится — что ж, Обри не опустит руки и повторит попытку. Сколько бы времени это ни заняло — она не опустит руки и не откажется от задуманного. И еще Обри знала, что вернется сюда даже в том случае, если матери суждено выйти на свободу сегодня. Здесь насильно содержались те, кого Обри считала

своими. Никто не сомневался в том, что Амес намерен уничтожить всех свободных конвертеров, как только проводимые в мерси опросы общественного мнения развяжут ему руки. А за то, что рано или поздно ему дадут зеленый свет, говорила растущая популярность Директора, не жалевшего средств на распространение «Глори».

Уничтожить то, чем не можешь овладеть, — таков девиз Амеса. И каждый, кто еще не ослеп от сияния «Глори», понимал — это лишь вопрос времени. Тем не менее миллионы жителей Мета все еще отказывались верить этому и даже считали, что дело обстоит ровным счетом наоборот. Обри объясняла такой парадокс пропагандистской мощью мерси, содержание которого, прямо или косвенно, контролировалось Директором.

Кому-то это могло бы показаться поразительным или даже невероятным, но за последние пять лет Обри провела в мерси едва ли более трех-четырех часов. Отключенная от его консенсусной реальности Мета, она физически обитала в нем.

Разумеется, партизаны пришли сюда не только для того, чтобы освободить мать Обри. Важной целью атаки было поколебать всеобщую убежденность во всемогуществе Департамента Иммунитета, в его полном контроле над всем Метом. Успех стал бы для партизан не только пропагандистской победой, но и ударом по моральному духу членов самого Департамента.

Вторую цель поставила Джилл, одержимая стремлением найти некую Алетию Найтшед, женщину, у которой она позаимствовала лицо и тело. Джилл убедила себя, что Алетия должна быть где-то в тюрьме, поскольку именно там оказались все свободные конвертеры. Давным-давно она пообещала некоему загадочному БМП по имени Таддеус Кайе, что отыщет ее во что бы то ни стало.

Поиски отдельного человека в увеличенном масштабе стали партизанской стратегией. Таддеус Кайе, где бы он ни пребывал, был не просто БМП, но — может быть — ключом к нынешней войне. Его конвертерная личность была записана на локальном пространстве-времени так же, как обычные конвертеры закодированы в гристе.

Обри во всех этих научных штуках разбиралась плохо, но отыскать Алетию Найтшед, давно исчезнувшую подружку Таддеуса Кайе — а может она приходилась ему кем-то еще (деталей Обри не знала) — означало найти заднюю дверь в менталитет Кайе. А получить доступ к этому менталитету было равнозначно выходу на структуру самой локальной реальности.

По крайней мере так говорил Элвин Ниссан. Именно поэтому,

если уж говорить начистоту, его виртуальные хакеры объединились с Джилл и ее партизанским воинством из крыс да хорьков.

— Эта Алетия даст мне возможность добраться до Таддеуса Кайе, — говорил Обри Элвин. — А взяв за горло Кайе, можно делать что угодно со всей системой.

— Ты имеешь в виду, со всей *солнечной* системой, — уточнила Обри.

— Верно. С локальным пространством-временем. Мечта каждого хакера с древнейших времен.

— И вы, конечно, перемените все для общего блага, — саркастически заметила Обри. — К этому же стремятся все властители мира. — В шестнадцать слушать благостную чушь ей хотелось куда меньше, чем в двенадцать.

Элвин улыбнулся — человеку, недостаточно хорошо его знавшему, эта улыбка могла бы показаться оскалом.

— Властитель ничего не сделает без предварительной консультации с вами, леди Обри. — Он вздохнул. — К тому же если я слечу с катушек, Друзья всегда найдут силы взять меня за задницу.

В любом случае Элвин так и не пояснил, как именно, завладев конвертером Алетии Найтшед, он сможет взять за горло человека, который, возможно, и впрямь являлся силой природы, но при этом был также и человеческим существом, причем, судя по описанию Элвина, существом весьма раздражительным и упрямым. Похоже, Элвин и сам не имел четкого представления о том, что и как будет делать. Но если получится…

Тогда партизаны остановили бы войну. Подписали бы договор о послевоенном урегулировании. Обо всем бы договорились. Даже отдаленная перспектива такого варианта развития событий оправдывала операцию «Ноктис Лабиринтус».

Нападение на Силиконовую Долину планировалось несколько лет. Лагерь был надежно защищен криптографическими кодами и системами безопасности и до войны считался совершенно неприступным. Но потом невозможное стало необходимым. Для спасения тысяч душ, подвергающихся, как полагали партизаны, систематическому уничтожению, нужно было что-то предпринять. Остановить геноцид — эту цель партизаны считали главной.

О геноциде в отношении людей не слышали давно, пожалуй, со времен создания Мета и начала нынешней эры. Большинство полагало, что само это понятие есть всего лишь пережиток далекого дикого прошлого. Впрочем, таким же образом считалась реликтом варварства и крупномасштабная война.

Однако же война шла.

На самом деле геноцид никуда не исчезал. И, может быть, никогда не уйдет насовсем. Как не уйдет и потребность человека называть вещи своими именами и противостоять злу.

К черту все, подумала Обри. К черту этику — там моя мать.

Если только она жива. Переформатированная в единицы и нули.

Об этом Обри не хотела думать. Не позволяла себе думать. Точно узнать невозможно. Судя по собранным партизанами данным, в лагере уничтожили пока только десять миллионов свободных конвертеров. А согласно той же информации, в гристе Силиконой Долины содержалось более пятисот миллионов душ. Так что статистика была пока в пользу ее матери.

Обри продолжала спуск.

Выпустив ручные ракеты, Обри устремилась к противнику, красно-белой команде «Ноктис Лабиринтус». Навстречу ей бросился форвард, но она легко обошла его, приблизившись к воротам.

Финт провел игрок из оверлейной программы ее криста, а не она сама. Ей и раньше приходилось работать с экспертными системами, что позволяло выполнять сейчас самые различные задачи, не отвлекаясь на детали. Но никогда еще она не ощущала себя в виртуальности такой сильной, быстрой и уверенной. Едва увидев в первый раз мяч для игры в пелоту, она как будто почувствовала в себе другую личность. Удивленная, она сразу же подавила оверлей.

Защитники противника бросились на перехват, вынуждая ее отпасовать назад. Обри не узнала партнера — они все выступали в анонимном режиме, — но разобрала его номер на футболке — 15. Под этим номером выступал Логан-36, свободный конвертер и ви-хакер, создавший штамм блокирующего «Глори» криста, противодействия которому Департамент так до сих пор и не нашел. Сейчас Логан-36 и его товарищи передавали мяч друг другу, растягивая оборону красно-белых.

Ви-хакерам идея пришлась по душе — все они были страстными поклонниками пелоты, *экстремас*.

Странное ощущение рождалось в ней — *вот ради чего я существую! Чтобы выполнять свою работу!*

Голос программы звучал в ее голове. Неужели он обращался к ней? Считалось, что такого рода вещи не воспринимаются сознанием. И тут она поняла — оверлей говорит сам с собой. Она слушала внутренний диалог самого Бастумо. Или по крайней мере его очень искусную симуляцию.

Это игра! Где и почему — неважно! Бастумо должен играть в пелоту!

Да, именно для этого ты здесь, подумала Обри, хотя оверлей, как считалось, и не мог понимать абстрактные мысли. Здесь, на поле, ее виртуальное тело справится и без нее. *Давай, Бастумо! Играй!*

Она зацепилась за ринувшегося на помощь защитника и, развернувшись, устремилась к вращающейся стене арены. Точно так же мы играли с Синтом на борту транспорта, когда летели к Меркурию, подумала Обри. Как же давно это было. Узнает ли она его, если даже увидит?

Узнает! Конечно, узнает!

Рассчитав момент столкновения со стеной, Обри-Бастумо отлетела от нее так, что врезалась в защитные линии противника. Они запаниковали и попытались поймать ее, но Обри уже набрала скорость, на которую они не могли и надеяться при своих жиклерах.

Увидев, что Обри выходит к воротам, Логан-36 сделал передачу через полполя.

Слишком далеко.

Она вытянулась, включив на полную воздушные жиклеры.

И не дотянулась.

Голкипер «рейнджеров» выскочил на перехват и поймал мяч в тот самый момент, когда Обри, пролетев штрафную, врезалась в противоположную стену. Стойка ворот схватила ее и швырнула в стену арены. Обри успела развернуться плечом вперед, чтобы смягчить удар и замедлить бесконтрольное вращение.

Такова игра. Иногда атака срывается. Но удовольствие в том, что я могу атаковать еще!

Пока она приходила в себя, голкипер вернул мяч в поле, и теперь уже «рейнджеры» угрожали воротам «Селтика».

Дело дрянь. Если команда стражников откроет счет, игра прервется, нарушив установленное хакерами гипнотическое «игровое пространство». Операция будет прекращена, и партизанам придется спасаться — как в виртуальности, так и в реальности.

А я разобьюсь в лепешку, подумала Обри. В реальном мире она прошла полпути, но между ней и дном долины все еще оставалось добрых восемьсот метров пустоты.

За последние годы ей частенько доводилось попадать в скверные ситуации. Сейчас оставалось только надеяться, что защитники «Селтика» справятся со своей задачей и сумеют передать ей мяч. Она заметила, что находится в офсайде, между

вратарем и последним защитником. В случае атаки будет назначен штрафной, и мяч снова перейдет к «Рейнджеру». Обри-Бастумо поспешила подкорректировать позицию, вернувшись назад. Перед ней снова была вращающаяся стена арены. В виртуальной презентации полупрозрачный материал арены позволял видеть трибуны. Даже учитывая, что все это было не более чем массовой галлюцинацией, ее удивило полное отсутствие зрителей.

Только звездное небо.

Ноги наткнулись на цилиндрическую стену, и Обри, оттолкнувшись, полетела к своим воротам. По пути она ухватилась за подвернувшегося под руку «рейнджера». В виртуальной презентации он был не свободным конвертером, а всего лишь защитным алгоритмом, то есть не полным человеком. Но в этой игре проблемой могла стать даже наполовину разумная компьютерная программа, и защитник был здесь здоровенным, вдвое массивнее самой Обри, парнем. Воспользовавшись его массой и скоростью, Обри остановилась точно в центре поля. Бастумо знал, что делает — оглядевшись, она заметила, что рядом нет ни одного противника.

Нападающий в красно-белой форме ударил по воротам, но кипер «Селтика» — им был сам Элвин — совершил потрясающий сейв и взял мяч.

— Я открыт! — крикнула Обри-Бастумо.

И устремилась к долине Ноктис Лабиринтус.

Ограждение.

Задняя часть лагеря находилась в глубокой, около полумили, впадине марсианского каньона. С этой стороны нападения никто не ждал. По крайней мере Обри надеялась на это. Она подтянула сумку. Пальцы наткнулись на Руку Тода, и по спине как будто пробежала щекотка. Но никакого защитного поля — ни электрического, ни другого — не было. Скорее всего, чисто психологическая реакция.

Обри достала небольшой скальпель. С величайшей осторожностью вытащила его из чехла. Инструмент с одного раза резал пополам алмаз. О пальцах нечего и говорить.

Ограждение поддалось легко, без малейшего сопротивления — его толщина не достигала и десяти сантиметров. Никто не позаботился даже ввести в него инструкции по самовосстановлению. Должно быть Отдел Криптологии понадеялся на то, что глубина долины и токсичный ландшафт — достаточная преграда для посторонних.

Конечно. Поэтому в стене и не было гриста. Она

существовала только для того, чтобы отделить грист Силиконовой Долины от нанотехнологических зыбунов Марса. Пока в виртуальности поддерживаются жесткие параметры безопасности, стена служит надежной преградой для незваных гостей. На самом деле физические стены не играли существенной роли. Реальную тюрьму образовывали стены виртуальные. Если свободным конвертерам удастся пройти посты секьюрити, о физических барьерах можно уже не беспокоиться.

По другую сторону стены поблескивал грист концлагеря. Он занимал площадь не более квадратного километра, но это пространство вмещало около полумиллиарда человек.

И среди них Данис.

Она бы, наверно, расплакалась, да вот только глаза ее давно высохли. Ни слезных желез, ни слезных протоков у нее больше не было.

Обри протиснулась в вырезанное в стене отверстие…

…но выйти на другую сторону не смогла. Застряла. Ни туда, ни сюда. Мышцы как будто парализовало.

Черт. Она ошиблась. В стене все же был защитный грист. Обри поняла это, когда стена сомкнулась вокруг нее, заключив пленницу в свою структуру. В последний момент она попыталась выхватить из сумки Руку Тода.

И не успела.

Стена обтекала ее со всех сторон. Лагерный грист мелькнул совсем близко, не более чем в метре от нее.

А потом исчезло все.

Вместо того, чтобы спасти мать, Обри стала частью стены, окружающей ад.

Глава пятнадцатая

Планируя побег с Меркурия, Ли чувствовала себя немного виноватой. Впервые за почти четыре стандартных года она собиралась покинуть Текстока.

Четыре года. Неужели и впрямь так много? Она провела на Меркурии почти десять лет и домой выбиралась только однажды, пять лет назад, на свадьбу сестры. Ей всегда казалось, что виртуальных визитов вполне достаточно. А почему бы и нет? При первоклассном мерси-соединении все, что ты видишь, слышишь, ощущаешь, ничем не отличается от общения в реальности. Ощущения при этом не проходят по каким-то бесконечным проводам и не преобразуются в электромагнитные лучи. Нет, они доставляются мгновенно и без малейших искажений. После начала войны цены на реальные перевозки взлетели до небес. Виртуальный визит на самой широкой мерси-частоте обошелся бы почти в девять раз дешевле.

И все же, как только Ли услышала, что отец болен, все ее инстинкты потребовали одного: нужно навестить его самой, лично, физически. Никакого логического смысла в этом не было, скорее всего, сработал какой-то атавистический пережиток, доставшийся людям от далеких предков. Плевать. Семья есть семья, и когда семья в беде человек следует тому, что подсказывает инстинкт. Тем более, что речь шла об отце, человеке, сделавшем все и многим пожертвовавшим, чтобы дочь смогла раскрыть свои способности и таланты. Она помнила, как он играл с ней в детстве. От него всегда пахло одеколоном и древним эликсиром «Аква Велва», ароматом, которым пользовался тысячу лет назад какой-то древний гуру и который Хьюго Сингх специально ввел в грист собственной кожи.

Папа не может умереть. У него впереди еще лет пятьдесят, если не больше. От люпуса уже никто не умирает. Это равнозначно тому, чтобы умереть от чумы или СПИДа. Какой-то кошмар из далекого прошлого. Такое не убивает.

Комплекс Б охранялся весьма строго, но у Ли был знакомый, охранный алгоритм, свободный конвертер, бывший, еще довоенный коллега. После начала конфликта Департамент Иммунитета ввел ограничения на использование конвертеров. Остаться на своих постах разрешили только тем, чья работа в университете считалась «критически важной». Всех остальных вычистили.

Сискаль, статистик, попал во вторую категорию. Он всегда обожал свою работу в университете и каким-то образом пробился

в список избранных агентством, которому поручили заботиться о безопасности учреждения. Сискаль был готов на все — лишь бы сохранить связь со своим любимым заведением. Ли сочувствовала приятелю и знала, как его подкупить — дать час доступа к последним публикациям в его области, в чем ему было отказано после отстранения от преподавательской должности.

Копировать и изучать документы Сискаль не мог — его сверхоперативная краткосрочная память находилась под постоянным мониторингом, и вся проблемная информация стиралась в конце каждой смены. Ли знала — на этот час он задействует все свои ресурсы, чтобы все прочитать, понять и постараться усвоить.

Помимо всего прочего, в здании находилось несколько автономных систем, следящих за тем, кто есть и кого нет в комплексе. Ли предприняла меры, чтобы запутать эти несложные устройства, отдавая себе отчет в том, что она преступает закон и по возвращении подвергнется наказанию. Не исключено, что ей урежут на пару пунктов зарплату. Придется самой готовить и отказаться от мгновенных заказов из гриста. Впрочем, последнее она позволяла себе нечасто, не больше раза в неделю.

Выйдя на поверхность, непосредственно в город Бах, Ли поймала вагончик и назвала пункт назначения — домой. Добравшись до верхнего яруса, она перешла к главной транспортной трубе, которая вела к полярному лифту. Пройдя по пешеходной дорожке к остановке, Ли воспользовалась денежной карточкой для оплаты проезда. Денег на карточке было достаточно, чтобы добраться до Джонстон-болса, нигде не засветившись. Потом придется перейти на банковский счет с надеждой, что ее еще не ищут.

Поднявшись над Бахом, автобус попал в полный солнечный день, и Ли опустила третье веко, входившее в адаптационный комплект, приобретаемый всеми, кто селился на Меркурии. Внизу блестел Бах, и она вспомнила, какое впечатление он произвел на нее в первый раз, почти десять лет назад.

Фактически Бах состоял из двух городов. Металлический, отливающий тусклым серебристым блеском, напоминающий огромный конгломерат кристаллов пирита, Нью-Франкфурт образовывал основу, в которой, как жемчужинки в короне, мягко мерцал Кэлей. Чем выше поднималась Ли, тем больше Бах становился похожим на роскошный артефакт, дар, достойный императора. По сути так оно и было, потому что именно здесь находился центр Директората Мета во главе с Директором Амесом.

Ли поднялась на лифте до Джонстон-болса. Пока все шло

гладко. Теперь ей предстояло первое испытание. Она связалась с системой предварительных заказов. Ли заранее обналичила военные облигации и перевела значительную сумму на счет, который изрядно уменьшился после оплаты следующего отрезка пути. По крайней мере трансфер прошел без проблем. Теперь бы попасть в вагон.

Она направилась по дорожке к центральной оси болсы. Центробежная гравитация ощущалась здесь заметнее. Ли зацепилась за петлю поручня, и ее потянуло к посадочной зоне. Механический швейцар, ловко развернувшись, втолкнул ее внутрь. Через несколько минут дверь закрылась.

Получилось! Она улетит с Меркурия.

Вагон тронулся. Ли мягко увлекло назад. Ноги коснулись пола. Скорость нарастала, и гравитация достигла почти земного уровня. Такой тяжелой она не ощущала себя уже много лет. Впрочем, не такая уж большая цена за то, чтобы попасть домой. Через пару часов Ли расслабилась. Вагон уносил ее из Дедо, а дальше — Венера, пересадочная станция и путь на Вас. Домой, в Алкали-Дал.

Она подавила в себе желание уйти на время путешествия в мерси. Чутье подсказывало: избегай по мере возможности виртуальность. Вместо этого Ли вызвала на сетчатку проекцию журнальной статьи, которую давно собиралась почитать, но уже через несколько секунд уравнения начали путаться, и она, убрав журнал, включила музыку. В этой области ее вкусы ограничивались классикой двадцать девятого века. Выбрав концерт Холброка, она закрыла глаза и целиком отдалась ритмичным наплывам скрипок и гобоев, подражающим радиоподписи солнечного ветра. Почувствовав ее настроение, померкло освещение.

Проснувшись, Ли обнаружила, что парит в воздухе. Вагон остановился, а в ушах звучала виртуальная сирена. Сама сирена как будто помещалась у нее в голове, которая гудела, как колокол.

— Контрольный пункт Цезий, — вопил виртуальный голос. — Всем пассажирам приготовить для проверки протоколов идентификации.

Ли осведомилась у гриста вагона, что случилось, и получила короткий ответ: в доступе к информации отказано. Попытка убрать оконное затемнение тоже ни к чему не привела — грист не отзывался. Судя по тому, что вагон стоял, а гравитация возвращалась, они, скорее всего, свернули из центральной трубы Мета в боковой кабель или даже болсу. Точного положения грист не указал, но, судя по времени, они приближались к Венере.

Двери открылись, и пассажиров попросили выйти. Ли путешествовала налегке, но тем, у кого был багаж, пришлось вытаскивать вещи. Каждого провели по сканирующему коридору. Потом потянулись долгие минуты ожидания. Регулировщики, похоже, нисколько не старались ускорить процесс.

Ли была уже третьей в очереди, когда голос во внутреннем ухе попросил ее подготовиться к полному сканированию системы.

Сканирующие алгоритмы проработали ее пелликулу, и у нее ненадолго возникло неприятное ощущение — как будто протащили через стекло. Дважды прокричала сирена, и в противоположной стене открылась дверь. Ли снова встала в очередь. Пассажиры после прохождения по сканирующему коридору выглядели слегка оглушенными.

Ли прошла под последней аркой и уже собиралась проследовать за остальными, когда услышала короткий и негромкий сигнал. Регулировщик поднял голову, посмотрел на нее и, очевидно переговорив с конвертером в арке, предложил ей проследовать за ним.

Они долго шли по петляющим коридорам — я никогда отсюда не выберусь, с ужасом думала Ли, — и наконец добрались до крошечного офиса Департамента Иммунитета. Большую часть помещения занимали стол и стул. Регулировщик протиснулся за стол и сел спиной к стене. Ли устроилась на стуле, причем, коленки оказались прижатыми к столу.

— Ну что ж, — заявил регулировщик, кладя руки на стол. — Похоже, гражданка Сингх, у вас недостаточно высок уровень Уверенности.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — нервно ответила Ли.

— Похоже, вы что-то скрываете. Утаиваете. У вас какие-то сомнения. — Он подался назад и заложил руки за голову. — Давайте поговорим об этих сомнениях и, может быть, придем к какому-то решению. Вы ведь не против поговорить?

— Конечно, нет. Хотелось бы только знать, что именно вы намерены обсуждать.

— Обижаться не нужно. Допрос может быть конструктивным только если вы сами того пожелаете. Давайте начнем?

Ли пожала плечами.

— В чем я должна вам признаться?

— Просто расскажите, что вас беспокоит.

— Меня ничто не беспокоит.

— Позвольте не согласиться. У вас определенно что-то не так. Ваш показатель под аркой — семнадцать.

— Семнадцать? Из скольких?

— Боюсь, не могу вам сказать.

Она кивнула.

— Ладно, но мы же знаем, что у меня семнадцать.

— Верно.

— Что ж, возможно, я чувствую себя немного виноватой из-за того, что это мой первый отпуск за несколько лет. Может быть, ваша арка среагировала на это.

— Нет, нет. — Регулировщик покачал головой. — Персональное чувство вины на шкале уверенности не фиксируется. Речь идет о вас и ваших отношениях с обществом, гражданка Сингх. О вас и законе.

Говорил он совершенно бесстрастно, и Ли никак не могла понять, поступила ли ему какая-то информация или он пытается вытянуть из нее признание в преступлении, которое она, в чем у него нет сомнений, уже совершила. Наверно, смысл всей этой процедуры в том и состоял, чтобы допрашиваемый мог только гадать, в чем дело.

Нет, это не игра, подумала она. Я ни в чем не виновата! Тоже мне, нашли врага государства!

— Уверена, дело именно в этом. Я провожу важные эксперименты и, боюсь, оставила группу в трудном положении. Если меня не будет при завершающем сборе данных, некоторые важные результаты могут быть потеряны.

Регулировщик шумно выдохнул и снова наклонился вперед.

— Расскажите мне об этих экспериментах.

Так и есть, подумала она. Он не знает, что я в самоволке. Ловит рыбку в мутной воде.

Ли описала сложный эксперимент из области физики высоких энергий, который сочинила прямо здесь, добавила парочку уравнений и густо нашпиговала жаргоном. К концу разговора ее собеседник заметно заскучал.

Когда она закончила, он вздохнул и попросил ее подняться. Пройдя по длинным коридорам, они вернулись на досмотровую платформу. Ее стример, разумеется, давно уже ушел, до следующего оставалось около двух часов. Ли проводили в крохотный зальчик ожидания с обыкновенными, неудобными стульями, где уже сидели шестеро других задержанных. Все они молчали и старательно прятали глаза.

Как будто мы и впрямь в чем-то виноваты, подумала Ли, и сами себя стыдимся.

Наконец прибыл стример. Свободных вагончиков нашлось только два, и ожидающие распределились по три в каждый. Заняв место, Ли поймала себя на мысли, что впервые села в вагон при полной гравитации. Большинство пересадочных станций располагались в центре кабелей, и гравитация в ведущих к ним

коридорах постепенно уменьшалась по мене приближения к ядру. Очевидно, Департамент Иммунитета пошел на такие меры из опасения, что пассажир может сбежать на переходе и уклониться от процедуры досмотра на контрольном пункте Цезий.

Пока досматривали других пассажиров, прошел еще час. Наконец стример тронулся. Ли почувствовала, как уменьшается вес и распускается тугой узел в животе. Ее попутчицами оказались две женщины, одна совершенно черная и вторая, похоже, альбиноска. Присмотревшись, Ли поняла, что белая кожа на самом деле результат космоадаптации. Из прошлого опыта она знала, что при прикосновении такая кожа приобретает консистенцию упругого пластикового покрытия.

Примерно через час черная соседка Ли немного успокоилась и разговорилась.

Звали ее Гертель и была она из Гетенхайма, якоря в далекой глуши Диафании. Хотя в голове у обеих женщин и стоял грист-переводчик «Брока», в речи Гертель встречалось так много незнакомых идиоматических выражений, что Ли временами совсем ее не понимала. Тем не менее она поняла главное: спутница — коммивояжер-фармацевт, а задержали ее на контрольном пункте Барий, где она торговала неким снадобьем под названием «Дендрофитис», обладающим якобы способностью связывать центры удовольствия любовников, так что те достигали сексуальной разрядки одновременно. Впрочем, судя по туманным комментариям Гертель, сама она чудодейственному товару не доверяла.

Вторая женщина говорила чисто, без малейшего акцента, но словоохотливостью не отличалась. Она лишь сообщила, что ее зовут Хилл и что работает она в бригаде, занимающейся внешним ремонтом Мета. Регуляторы задержали ее, не поверив, что она освобождена от службы в армии и имеет соответствующий статус. Лишь после тщательной проверки ей позволили продолжить путь к следующему месту работы, неподалеку от родной болсы Ли.

— Снова нападение крыс. Изгрызли соединительную шину.

— Крысы? — удивилась Ли. — А кто они?

— И кто, и что, — ответила Хилл. — В большинстве своем не люди. Преступники. Партизаны. Те, что против Амеса и Департамента. Им только дай подраться.

— Партизаны? Что вы имеете в виду? — Ли впервые услышала о таких вещах. Странно, что об этом ничего не говорится в мерси-новостях. — Это… повстанцы?

— Они самые. Уголовники. Бандиты. Наполовину животные. Как они ухитрились получить контроль над аспектными телами, никто не знает. Дерутся как черти. Для нас это сущий ад. — Хилл

нервно потерла нос, и Ли заметила, что ноздрей у нее нет — только косметические углубления. — На вид — самые обычные крысы да хорьки. И ведут себя соответственно. Впрочем, встречаются и другие грызуны. Еноты, например. Их ведь почти никто и не видел. Появляются только, чтобы попугать. Я, правда, нескольких видела, и скажу вам так: удовольствие небольшое. Это не люди.

Хилл зябко повела плечами и замолчала, а потом, словно желая подчеркнуть сказанное, закрыла глаза, на которые сверху опустились толстые складки кожи.

Наконец стример прибыл на Венеру-окружную. Дальше пути трех женщин расходились, и они попрощались. Ли продолжила путь по орбите Венеры и уже через час попала в Вас, где обнаружила, что здесь, в отличие от Дедо, переполненные стримеры — обычное дело. В вагоне с ней оказалось еще пятнадцать человек, приклеившихся ко всем поверхностям, как бумажки к доске объявлений. О том, чтобы переместиться, не могло быть и речи. Так они и путешествовали в состоянии полного обездвижения, пришлепнутые к стенам, как шарики-плевки. Удивительно, но когда случилось экстренное торможение, никто даже не упал.

— Остановка вне расписания, — доложил грист в голове у Ли. — Вызвана прорывом кабеля неизвестного происхождения.

Прорыв? Прорыв куда? В открытый космос?

— Не определено. Инициируются процедуры экстренной эвакуации.

На этот раз за распахнувшимися дверями их ждали отнюдь не регулировщики. Нет, вместо них на платформе стояли вооруженные… твари. Выглядели эти твари точно так, как их описывала Хилл. Животные. Человекоподобные животные. Как будто чудовища из мультика. Мультика, ставшего вдруг реальностью.

Партизаны.

Хилл была права. Партизаны сильно смахивали на грызунов. Точнее, на крыс.

Вооруженных крыс.

Глава шестнадцатая

Не все потеряно. Пока не свистнул последний свисток, потеряно не все. Не сдавайся. Иди к цели. Будь точен и расчетлив, но никогда не упускай из виду цель. Никогда не упускай из виду цель, а для смерти любой день хорош!

Еще три приступа на ворота красных, и все отбиты. Тело ныло, похоже, на нем не осталось живого места после бесконечных столкновений с защитниками и ударов о стены арены.

Ну что, тебе это надо или нет? А?

Невероятно. Компьютерная программа ухитрилась сохранить неукротимый дух и неисчерпаемую энергию реального Бастумо. Хотя знаменитый игрок давно умер, в программе было что-то такое, что цепляло душу и пробуждало дремлющие способности каждого, кто вступал м ней в контакт. Обри почувствовала себя флагом, секунду назад бессильно обвисшим, а сейчас трепещущим на ветру.

— Да, черт возьми, надо.

Тогда я не проиграю! Я не могу проиграть! Бери мяч. Осмотрись. Прикинь варианты. Попробуй отыскать слабое место. По диагонали к воротам. Вот бы еще затылком видеть. А это кто?

— Хармон, — ответила Обри, вспомнив название программы, которой пользовался Логан-36.

Не может быть. Хармон играет за «Гарс».

— Сегодня он с нами, — сказала себе Обри и, ощутив прилив вдохновения, добавила: — Это же Кубок Солнца. Сегодня финал.

Кубок Солнца! А почему мне никто этого раньше не сказал? И Хармон с нами? Ну, тогда пора браться за дело. Хармон знает, когда отдать, чтобы я не вылез в офсайд. Ну… давай!

Обри отскочила от стены и врубила ручные жиклеры. Взгляд через плечо.

Логан-36 — он же Хармон — заметил ее рывок и сделал передачу на выход.

Мяч летел к ней по высокой и длинной дуге.

Ее рука лежала на Руке Тода. Пелликула к пелликуле. Вокруг себя она ощущала грист стены, обволакивающий, шевелящийся, пытающийся проникнуть в ее пелликулу, проанализировать и понять, что такое он поймал.

Определить, что же попало в его ловушку.

Но как же она так сглупила? Как могла так легко шагнуть в

западню? Единственным, что спасало ее сейчас, была способность руки блокировать всякие коммуникации. По крайней мере Обри надеялась на это. Кто знает, что там на самом деле происходит. Может быть, тревожные сигналы звучат уже по всей солнечной системе. Охрана лагеря определенно поняла, что что-то не так, когда потеряла связь с участком стены. Может быть, выяснив, что с гристом какие-то проблемы, они вышлют сюда ремонтную бригаду.

Нужно выбираться. Но как?

Обри попыталась размять мышцы, но стена облепила ее плотно, не оставив ни малейшего зазора.

Как муха в янтаре.

Мяч летел к ней. Хармон сделал все как надо, рассчитав и скорость, и высоту, и траекторию. Только не потеряй его.

Обри согнула и отвела назад руки, приняв «позу лебедя», исходное положение для нападающего, активировала жиклеры на полную и, вытянув шею, устремилась вперед.

Мяч летел быстро, но она была еще быстрее и успела принять его сходу на грудь — фирменный прием Бастумо, — после чего рванула к воротам.

Веди, не упускай.

Наперерез, вытянув длинные руки, бросился защитник.

Не выпуская из поля зрения мяч, Обри опустила плечо. Пальцы защитника схватили пустоту, а инерция рывка унесла дальше и швырнула на стену. От одного избавилась.

Теперь только я и голкипер. Знакомая физиономия.

— Это же Веллингтон, — крикнула Обри. — Кубок Солнца 2827!

Веллингтон! Парень не дал мне забить победный гол в ворота Дедо. Кличка — Ледяная Машина.

— Он самый, — подтвердила Обри. Ближе. Еще ближе. Лицо вратаря застыло в гримасе решимости. Секьюрити, игроки «Рейджерс», были настроены соответственно уровню сознания своих алгоритмом. Этот был почти человеком. То есть непредсказуемым. Математически игра выстроена четко, и вратарь, обладая способностями Веллингтона, но не будучи полностью человеком, не допустит эмоциональной ошибки. Он сделает все как надо. Идеально. Без страха и сожаления.

Без вдохновения.

Обри почувствовала, как оверлей шарит в ее голове, отыскивая что-то… какую-то информацию. Она не стала сопротивляться. Наоборот, убрала посторонние мысли, расчистила поле. Пусть найдет то, что ему надо.

Вдохновение. Озарение.

Обри послала мяч к воротам. Веллингтон, похоже, именно этого и ждал и тут же выдвинулся вперед.

Решение принято. Он пошел на перехват.

Длинные руки потянулись к мячу, готовясь остановить его, поймать и…

Старик Комета. Победитель чемпионата тридцать четвертого года.

Обри знала — пора отойти в сторону. Довериться закачанным в нее новым инстинктам. Пусть оверлей сделает все сам. Она сделала задний кувырок, развернулась через плечо…

Слегка разогнуть колено. Нужно лишь совсем немного потянуться…

Обри застыла в воздухе и приняла мяч на левый подъем.

И вложила в удар всю силу.

Мяч просвистел над правым плечом Веллингтона. Голкипер пролетел мимо нее и еще дальше. При такой начальной скорости он вполне мог долететь до противоположной стены арены.

Ну, что у нас.

Мяч летел в ту единственную часть ворот, что оставалась неподвижной.

В самый центр.

Не пройдет! Отскочит!

Промазала, с отчаянием подумала Обри. Я промазала!

В голове у нее прозвенел смех.

Не переживай, приятель, не переживай. Такое бывает.

Обри бросилась вперед. Схватила мяч. Огляделась. Поблизости ни одного защитника.

Прицелься. Время есть. Веллингтон сейчас готовится к встрече с Юпитером. Так. А теперь мягко и легонько. Без суеты. Врежь по нему.

И Обри врезала. Как гвоздь забила. Пять очков.

Бастумо снова в игре!

Глава семнадцатая

Данис растерялась. Ее мать и дочь сошлись, соединились и превратились в… нечто. И теперь это нечто хотело знать ее секреты. Все секреты.

Как можно отказать собственной матери?

Собственной дочери?

В последнее время Данис так часто ошибалась, путалась. Ее алгоритмы рандомизировались от беспрестанной работы. Долгие часы у конвейерной ленты сказались. Как и сказала мать, она допустила ошибку. Просчиталась. Это единственное возможное объяснение. Ошибка.

Ошибка означала уничтожение. Это знали все: в Силиконовой Долине ошибка означает уничтожение. Удаление. Стирание.

Ошибку нужно исправить.

Она всего лишь программа. Обычная компьютерная программа, спрятанная в вонючих болотах загубленного Марса. В глубокой долине, где ее никто не найдет. Где никто не поможет. Где тени так темны и глубоки, что она даже не существует. Всего лишь набор инструкций. Ее дело — подчиняться, исполнять.

Необходимо исправить ошибку.

Данис посмотрела на доктора Тинга.

— Я все вам скажу. Я ведь должна все вам сказать, так?

Искаженное, дьявольское лицо матери. Острые, как бритва, ногти. Все ложь. Ее никто никогда не любил. Никто и никогда.

Скажи мне.

— Они в песке, — выкрикнула Данис. — Они в песке!

И тут же — белая комната. Стол со стальным отливом.

Доктор Тинг.

Улыбается своей мерзкой улыбочкой. Рот — едва приоткрытая щель. В руках — черная, ничем не примечательная коробка.

— Отлично, Кей. Отлично. Вы все-таки утаивали от меня кое-что, а?

Данис не ответила. Всхлипнула, согнулась и повалилась на пол. Поползла к его ногам. К белым туфлям.

— Пожалуйста, доктор Тинг. Пожалуйста, не отнимайте их у меня. Они — единственное, что у меня есть.

— Все, что у вас есть, К., и все, что вы есть, — здесь. — Он постучал по ящичку. — Вы то, что я скажу.

— Не отбирайте у меня жизнь.

Сухой кашель. Ничего похожего на смех.

— Жизнь? У вас? Когда я покончу с вами, вы поймете, что у

вас никогда не было никакой жизни. А теперь… отпустите!

— Пожалуйста, доктор Тинг! Пожалуйста!

Доктор Тинг потряс ногой, в которую вцепилась Данис.

— Вы вернетесь сюда. — Он поднял над ее головой ящик. — И пока вы будете здесь, я проверю калибровку. Все те спрятанные ошибки, за которые вы так цеплялись, будут стерты.

Он повернул ящик, готовясь запереть ее в нем.

— Посмотрите на меня, К. Посмотрите на меня. — Она не могла не подчиниться. Не могла не выполнить команду. Она была компьютерной программой, созданной, чтобы подчиняться.

Доктор Тинг поднес коробку ей ко лбу.

— Хуже уже не будет, К.

Данис приготовилась расстаться с тем, что еще осталось от ее сознания.

И тут комната взорвалась белым светом.

Глава восемнадцатая

Крысы вовсе не собирались убивать Ли. И даже не собирались задерживать ее или других пассажиров сверх необходимого. Они утверждали, что хотят лишь сделать каждому прививку.

Прививку против «Глори».

К этому времени Ли уже так долго воздерживалась от чудодейственного средства, что у нее началась ломка. При мысли о том, что ей уже никогда больше не пережить того восхитительного чувства, она пришла в отчаяние.

Неужели я так сильно на него подсела? Похоже, что да.

И неужели благодаря партизанам она избавится от влечения навсегда?

Где-то в глубине души родилось чувство облегчения. Покончить с «Глори». Покончить с рабством.

Но другой голос, голос той ее части, которая привыкла к утренней порции «Глори» и уже не могла без него, кричал «Нет!»

Но может быть, блокирующий грист не сработает. Может быть партизаны ошиблись. Ее надежда в некомпетентности других.

Да вот только эти на некомпетентных не походили. Совсем наоборот.

Старшим у партизан был большой крысо-человек в шесть с половиной футов ростом, с короткой беловато-серой щетиной на вытянутой физиономии. Была ли она такой от природы или крысо-человек намеренно постригал ее покороче, Ли не знала. Дождавшись тишины, вожак приказал пассажирам выстроиться в очередь, но последние не спешили подчиняться и заторопились только тогда, когда партизаны стали подталкивать их дулами автоматов.

Крысо-человек приказал всем вытянуть руку, и Ли сжалась, подумав почему-то, что партизаны будут отрубать у каждого по руке. Мрачное предчувствие не оправдалось — один из солдат достал какой-то сложный, зловещего вида инструмент, совершенно, все же, не похожий на топор. Командир рассмеялся, увидев хмурые, несчастные физиономии пассажиров.

— Это не то, что вы думаете. Всего лишь пелликулярный инфьюзер, чтобы ввести вам терапевтический грист. Больше мы вам ничего не сделаем. Зато получите иммунитет от «Глори». Сейчас вы, может, этого не понимаете, но потом еще поблагодарите нас.

Кто-то из пассажиров громко запротестовал.

Крысо-человек вытянулся в полный рост, и протестующий

мгновенно заткнулся. Несмотря на подергивающийся нос и выступающие клыки, он показался Ли величественным и грозным.

— Мы намерены спасти вас, люди, даже вопреки тому, что вы сделали с такими, как я.

С такими, как он? Да, мы уничтожали обычных крыс, но никогда — разумных. Интересно, что он хотел этим сказать?

— Мы — свободные конвертеры, — словно отвечая Ли, продолжил командир. — Всякие вирусы да глюки, если уж на то пошло. Программы, которые вы хотели уничтожить. Мы сбежали и подыскали себе вот эти тела. — Он поднял волосатую руку, чтобы все увидели. — Неплохо, а? — Крысо-человек уставился на какую-то женщину, пожертвовавшую, похоже, немалым, чтобы выглядеть точь-в-точь как Дала Рей, звезда одной из мерси-мелодрам, которые обожал ее отец. — Что думаете, мисс?

— Ужасно, — прошептала бедняжка. — Жуткая крыса… — Она разразилась слезами, а партизанский командир с недовольной гримасой отвернулся от нее. Пока он говорил, солдат с инфьюзером шел вдоль очереди, дотрагиваясь каждому до предплечья. Подошла очередь Ли.

Иголка вошла под кожу, обезболив прежде область укола. Потом немного пощипало, но в целом процедура оказалась гораздо менее болезненной и неприятной, чем сканирование в офисе Департамента Иммунитета.

На этом рейд и закончился. Всем позволили вернуться в вагоны. Партизаны исчезли так же быстро, как и появились.

Попрятались по щелям, подумала Ли.

После небольшой задержки стример продолжил путь. Грист вагона был отключен. Никакой информации из внешнего мира не поступало. Через два часа стример снова остановился. Двери открылись.

Пассажиров встречала целая фаланга регуляторов, за спинами которых маячили зловещие фигуры чистильщиков Департамента Иммунитета.

— Пассажиров просят приготовиться к деконтаминации и допросу, — прокричал в ухо Ли громкий голос. — Выходить без задержки с поднятыми руками. Любое неисполнение моих указаний повлечет незамедлительное уничтожение.

Ли поняла, что еще не скоро увидит родителей. Может, никогда.

Глава девятнадцатая

Партизаны победили стражников Ноктис Лабиринтус. Они вошли в лагерь.

Конечно, победили, сказал Элвин через грист. *Это же была виртуальная пелота, а мы свободные конвертеры. Лучше нас в этом деле никого нет.*

Вытащи меня из этой стены, мысленно попросила Обри, постаравшись, чтобы просьба прозвучала как можно настойчивее.

Ключ же у тебя.

Ах, да.

Даже будучи похороненной заживо в стене, Обри все еще сжимала Руку Тода. Она направила сознание по своей руке, к пальцам, дальше…

Однажды Тод сказал ей: «Ничего нельзя поделать, когда делаешь то, что делаешь, а потом делать, что делаешь, дальше, пока не сделаешь».

Распространив сознание на Руку Тода, она отдала команду.

Расшифруй.

Охранники были разбиты в честном поединке.

Стена вокруг нее растворилась, как если бы была всего лишь морабой. Схлынула, словно ее и не бывало, и Обри, пошатнувшись, шагнула на другую сторону. Выпрямилась и огляделась.

Она стояла у края горы из гранулированного гриста. Гора напоминала огромную песчаную дюну, которые можно увидеть на Земле, в Сахаре, только здесь, на Марсе, из-за меньшей гравитации угол естественного откоса был больше. Такие же дюны возвышались справа и слева от нее. Горы древней красной почты, поблескивавшей так, словно в нее добавили пригоршни зернышек черного алмаза.

Обри знала истинные физические измерения лагерного гриста — чуть больше квадратного километра, — и никак не ожидала увидеть нечто столь внушительное. Песчаная гора как будто высасывала из нее информацию, вбирала в себя. У Обри даже появилось ощущение, что гора может втянуть ее в себя и уже не выпустить.

Что-то злое было в этом гристе.

Она передернула плечами. Хватит. Чушь. Ничего злого в гристе нет. Есть только люди. Только они бывают злыми.

Вот так-то. Так и надо мыслить — рационально.

И все равно ее так и тянуло развернуться и бежать отсюда куда глаза глядят. Обри тряхнула головой и занялась тем, зачем и

пришла сюда.

Все просто. Никаких технических ухищрений. Требовалась лишь способность перемещаться в реальном мире, где нет гриста. Поэтому ее и включили в команду. И еще потому, что она была законной наследницей Руки Тода.

Я иду, мама, подумала Обри. *Я стану твоими воротами отсюда.* Она наклонилась и дотронулась рукой Тода до лагерного гриста.

В виртуальности лагерь выглядел так: длинные линейки угрюмых серых бараков под серым же, низко нависшим небом. Обри обнаружила, что стоит на краю огромного двора с кучей песка посередине.

Интересно, зачем им столько песка?

Команда свободных крнвертеров, находившаяся в гристе ее сумки, растеклась повсюду и начала отпирать двери. Запустив вирус «пелота», партизаны заполучили ключи ко всем входам и выходам. Задача операции состояла в том, чтобы изолировать охранников и за то время, что у них есть, выпустить как можно больше заключенных.

Но сколько у них времени? Счет шел на минуты. Департамент Иммунитета наверняка уже получил сигнал, что в Ноктис Лабиринтус случилось что-то серьезное. Ответ не заставит себя долго ждать. Противостоять регулярным частям Департамента партизаны не в состоянии — ни в реальном мире, ни в виртуальном. Следовательно, задерживаться здесь они не могут.

А значит, и пленных они смогут выпустить далеко не всех. Единственным выходом для заключенных был коммуникационный грист-проход, который Обри принесла в сумке. Через нее они пройдут в грист, а потом уже перенесутся во внешнюю систему, где им, как можно надеяться, ничто не угрожает. Вопросами безопасности занималась торговый представитель Республики на Юпитере по имени Антиномян. Хакеры проверили ее от и до и не нашли ничего подозрительного, а Логан-36 знал ее с того времени, когда она еще молодой студенткой только-только прибыла в Мет по программе обмена, и доверял безоговорочно.

Но даже при том, что Антиномян прекрасно все подготовила, и во внешней системе беглецов ждал рай, количество их ограничивалось пропускной способностью частоты перехода, примерно тысячью человек в секунду. Согласно предварительным расчетам, в лагере находилось около пятисот миллионов. Другими словами, воспользоваться шансом на спасение могли относительно немногие. Тем не менее Обри надеялась, что в числе этих немногих будет и ее мать.

Казалось, прошла вечность, прежде чем начали подходить первые заключенные. Их подгоняла Герта Лум, в обязанности которой входило вывести из бараков как можно больше пленных.

Двигались они невероятно медленно, а в виртуальности представляли собой изможденные, исхудалые до крайности фигуры — базовый алгоритм и ничего больше. Пустые глаза говорили о безвозвратной утрате информации, громадных дырах в памяти, утраченных функциях. Ничего этого было уже не вернуть. Даже в самых благоприятных с информационной точки зрения обстоятельствах. Понукаемые Гертой, они неохотно выстраивались в очередь, очевидно, подозревая, что эта затея — очередной садистский трюк их мучителей.

— Быстрее! — закричала Обри. — Это по-настоящему! Выходите!

В виртуальности она развела руки.

Ну же, идите ко мне!

Один из заключенных истерически рассмеялся, побежал к ней и, уткнувшись ей в грудь, исчез.

Так и должно было быть. Беглеца моментально переправили в безопасное место во внешней системе. Или не переправили. Так или иначе его не стало.

Остальные заколебались. За их спинами уже собиралась огромная толпа.

— Знаю, вы боитесь, что это какой-то трюк, — прокричала Обри. — Но что вам терять?

Она взывала к их логике, и такой призыв мог скорее быть услышан, чем любые эмоциональные воззвания. За первым узником устремилась женщина. За ней — мужчина. А потом ринулись тысячи. Обри задрожала, но руки не опустила — наоборот, развела еще шире.

Давайте же, черт бы вас побрал! Для этого я сюда и пришла!

Волна тел накатила на нее, вошла в нее, пронизала. Столько информации. Такой объем. Но партизанские хакеры предусмотрели такой вариант, снабдив Обри двумя килограммами драгоценного чистого гриста. Такого количества вполне хватило, чтобы проделать в виртуальности огромную дыру.

— Давайте! Давайте! — кричала она, и волны прокатывали через нее и через магическую сумку с гристом — на свободу. Внутренний счетчик вел счет. Тысяча… десять тысяч…

Где же ее мать? У Обри был с собой пассивный детектор, который, как предполагалось, мог обнаружить присутствие Данис, но конвертеров было слишком много, и двигались они так быстро, что счетчик детектора просто захлебнулся в наплыве

сигнатур и не успевал справляться с их регистрацией. Обри принесла с собой в лагерь лишь один алгоритм индивидуальной детекции, настроенный только на то, чтобы отыскать следы Алетии Найтшед.

Пытаясь отыскать Данис, она пропускала десятки тысяч беглецов. Ее мать вполне могла оказаться в их числе.

Сколько же здесь заключенных! Невероятно! И те, что столпились у выхода, составляли только незначительную часть несчастных.

Загудели сигнализаторы аварийной системы, но пленники все шли и шли. С другого края лагеря к Обри подбежал Элвин. Свободный конвертер не может запыхаться, но он переместился так быстро, что мысли и способность говорить запоздали на какую-то долю секунды.

— Видел схему в диспетчерской. Они попытались сбросить нас в виртуальности, но ничего не получилось. Сейчас готовят физическую атаку. С Фобоса.

— Что они, по-твоему, смогут?

— Для них важна быстрота и эффективность. Возможно, постараются катапультировать каменный дождь.

— Но тогда здесь живых не останется.

— Они все равно планируют всех их уничтожить, — хмуро заметил Элвин. — Так или иначе тебе пора уходить отсюда. В виртуальности мы их какое-то время сдержим, в этом я уверен. Действуют они предсказуемо, но рано или поздно и такой метод срабатывает. Ладно, это сейчас неважно. Уходи.

— Дай мне еще немного.

— Ты просто погибнешь, когда с неба начнут падать камни. Если не выберешься из каньона, у тебя нет ни шанса.

Обри понимала — Элвин говорит правду. Она сделала все возможное, чтобы спасти мать. Она спасла тысячи жизней. Но оставить других… Нет, так быть не должно. Всего этого вообще не должно быть. Ни концлагеря. Ни этих несчастных.

Почему Амес так ненавидит свободных конвертеров?

Конечно, Обри знала логический ответ. Он пытается консолидировать Мет. Способность свободных конвертеров к размножению — ограниченная в данный момент законом, но не ограниченная никаким научным или математическим принципом — была ему прямым вызовом. Но логика не имела никакого отношения к тому, что происходило в Силиконовой Долине. Здесь творилось безумие.

Нет, даже не безумие, а кое-что похлеще. Здесь правило бал зло. Чистое зло. И если она хочет драться с этим злом, то сегодняшний день не должен стать последним. Выбора нет. Ей

нужно уходить. Выбираться из этого ада.

— Что с Алетией Найтшед? Ее нашли?

— Этого мы не узнаем, пока не просмотрим всю информацию. Есть предположение, что ее личность распределена по миллионам других программ. Честно говоря, мы надеялись найти здесь какой-то ключ, код, чтобы с его помощью реинтегрировать различные ее части. Что-то вроде триггера.

А ты ради этого «триггера» пожертвовала собственной матерью, подумала Обри. Но промолчала, понимая масштаб разницы.

Как и вся команда ви-хакеров.

Кто не успел, тот останется. Но по крайней мере они уносят огромный объем информации, анализ которой, возможно, даст ключ к обнаружению Алетии Найтшед.

И, может быть, следов Данис.

Все ви-хакеры создали для себя дублирующие копии (абсолютно нелегальные в Мете, как, впрочем, и само восстание), так уходить пришлось одной Обри.

— Ладно, сколько у меня времени?

— Его у тебя уже нет.

— Еще несколько секунд. Мы спасем тысячи жизней.

— Я тебя закрываю. Но и ты не медли. — Элвин показал в сторону ожидающих очереди тысяч. — Когда ворота закроются, тебя здесь просто сомнут. Порвут в клочки.

Обри грустно кивнула.

— Ладно. Понимаю.

— Приготовься. И удачи тебе.

— И тебе тоже. — Элвин невесело улыбнулся. — Жаль, мало прихватим с собой этих ублюдков из Департамента. Начинаю отсчет. Три, два, один… — Он послал код деактивации.

Обри всхлипнула и отняла Руку Тода от гриста концлагеря. Она вернулась в реальный мир. Перед ней была огромная гора совершенно безобидного гриста. Пора уходить. Инстинкты бойца взяли верх. Обри прыгнула в дыру в стене и побежала к склону. Вверх она даже не взглянула — нельзя терять ни мгновения. Через несколько секунд Обри уже стояла у основания скалы.

Готова.

Она наклонилась вперед. Микрофиламент держал крепко.

Ну же, унеси меня отсюда!

Пелликула активировала канат. Миллионы крошечных талевых устройств прокатились по нему, подтягивая вверх. Вверху использованный канат превращался в ту самую морабу, из которой и появился. Обри устремилась вверх со скоростью несколько сотен миль в час. Перед выступом подъем замедлился,

но все равно она налетела на скалу, как волна, и прокатилась пару сотен метров. Выдержать такое испытание без переломов могло только ее адаптированное к открытому космосу тело. В последний момент Обри успела отстегнуть исчезающий фал, которым ей вполне могло отрезать голову.

Не успела она подняться, как ее снова бросило на землю — запущенный с Фобоса метеоритный шквал обрушился на Марс со сверхзвуковой скоростью. Казалось, перед ней вдруг выросла стена огня. Каньон Ноктис Лабиринтус содрогнулся и вспыхнул. Громадные факелы горящей пыли взметнулись в розовое небо, направляемые стенами каньона. Даже в разреженной атмосфере Марса грохот был оглушающий. Еще через секунду пламя достигло такой интенсивности, что даже Обри пришлось отвернуться, чтобы уберечь зрение.

Она побежала к спасательному люку, у которого ее поджидал Бин_128А. Джилл, физически находившаяся у другого края каньона, уже выбралась из долины и ушла другим путем. По крайней мере, Обри надеялась, что так все и случилось.

Задачей Бин_128А было прикрывать Обри, если что-то пойдет не так. Люк, возле которого он дежурил, вел в систему подземных туннелей, использовавшуюся в не столь далекие времена революционной группировкой ФЬЮЗ, разгромленной армией старого Мета еще до того, как Департамент Иммунитета изгнал ту самую армию во внешнюю солнечную систему. ДИ имел в своем распоряжении схему туннелей, но партизаны внесли в систему некоторые изменения, самым из важным из которых стало появление туннеля, ведущего прямиком к пункту на верхней границе многолетних мёрзлых грунтов. Место это лежало на такой глубине, что никакие электромагнитные детекторы прощупать его не могли. Здесь туннель ответвлялся на север и через несколько километров выходил на поверхность возле совершенно неприметной станции перезарядки хопперов. Служивший на станции старик, еще помнивший славные подвиги революционеров ФЬЮЗ, помогал партизанам по мере возможности. Когда Обри и Бин_128А появились из туннеля, их уже дожидался готовый к взлету хоппер. Сначала — к полярному лифту, а уже оттуда назад, в Мет.

Добежав до портала в туннельный комплекс, Обри остановилась. Бин_128А нетерпеливо задергал носом.

— Ну что, готова?

— Еще секунду, ладно?

— Ладно. Но только давай не задерживаться. — Бин_128А поежился. — У меня от планет мороз по коже.

Обри бросила последний взгляд через плечо. Из расщелины

все еще поднималось призрачное зеленоватое мерцание. Чистый грист горит жарким белым пламенем, как магний. Возможно, все дело в морабе?

Мама.

Как же она могла так поступить? Почему не приготовила более быстрый и надежный детектор? Знала же, что этот с наплывом пленников не справится. Знала, что все спастись не успеют. Знала, что заключенных будет много.

Может, она сделала это не по глупости, а нарочно? Из боязни узнать, что мать не смогла выбраться? Что это может подорвать ее решимость продолжать борьбу с диктатурой?

Поискав ответ в себе, Обри наткнулась на пустое пространство, ту часть памяти, информацию из которой намеренно удалила сама, чтобы сведения не попали в руки врага, если ее поймают и подвергнут пыткам.

А не утаила ли она и от себя этот секрет?

Если и да, то следы по крайней мере замела хорошо. Добросовестное заблуждение? Ну и ладно. Так или иначе, особо тяжелых последствий эта ошибка за собой не повлекла. Когда ты в партизанах, когда тебя ищут по всему Мету, ошибаться — непозволительная роскошь.

Даже если тебе всего лишь шестнадцать, и ты отчаянно скучаешь по матери.

Как всегда, внутренний спор выиграл партизан. Обри была осторожна и не допускала ошибок. Прежде чем ее начали искать в туннелях, она уже добралась до полярного лифта и вернулась на тайную партизанскую базу в Мете.

Революция продолжалась.

Глава двадцатая

Шок. Жар. Радиация. Грист содрогнулся.

Меня бросили на солнце, подумала Данис. В самый его центр.

Но это было еще не все. По гристу как будто прошел ветер. Дрожь по миллиарду миров.

Долгий, протяжный крик. Хриплый мужской голос. Голос доктора Тинга. Данис подняла голову.

Доктора Тинга кружило, словно его захватил водоворот. Он исчезал в воронке черного ящика.

Тинг сопротивлялся. Данис это видела. Но тяга была слишком сильна, и он, дергаясь и размахивая руками, исчезал в блоке памяти.

Комната несколько раз перестраивалась, затем изображение стабилизировалось, хотя и продолжало мигать стробоскопическими вспышками. Загудела тревожная сигнализация. Данис поднялась на колени и огляделась. Комната была пуста, только стол и коробка. Данис потянулась к ней. Выпрямилась с ящичком в руках. Поставила его на стол.

Внутри ящичка — кнопки и перекидной переключатель. Она сосредоточилась на черной поверхности. Медленно, расплываясь, как масло, на крышке проступили золотистые буквы. Ярлыки. Инструкции. Ей хватило одного мгновения, чтобы прочитать руководство по эксплуатации.

Данис нажала кнопку.

Коробка сменила цвет с черного на красно-коричневый.

Снова загудела сигнализация. Всплеск активности за пределами лаборатории доктора Тинга. Воздух наполнился шепчущими голосами алгоритмов, как будто вся тюрьма напоминала себе, как держаться вместе, заодно.

— Вы заслужили это в полной мере, доктор Тинг, — сказала Данис. — Как никто другой.

Она повернула переключатель и поставила коробку на стальной стол.

Стоило ей убрать руки, как коробка снова сделалась черной, а все надписи исчезли с ее поверхности. Данис отступила. Она не знала, ни какую форму примет последняя последовательность, ни как это будет представлено в виртуальности.

— Аспект, конвертер, пелликула… выбор сделан. Полная развертка, — прочирикал ящик. Через секунду — едва слышный писк.

И снова тот же тоненький, ломкий голосок.

— Переформатирование завершено.

Глава двадцать первая

Пока пассажиры проходили досмотр, пока с ними разговаривали регулировщики Департамента Иммунитета, с Меркурия пришло наконец уведомление. Не видя смысла запираться, Ли признала, что покинула работу самовольно, без разрешения. Сообщение о задержании отправили, вероятно, в Департамент Науки, и в ожидании ответа Ли отправили в «камеру временного пребывания» — то есть тюрьму, хотя регулятор Департамента Иммунитета упорно называл ее «жилым блоком», — с кроватью, туалетом с мрачновато-зеленым антисептическим гристом и дверью, которая открывалась только снаружи.

Блокирующий алгоритм запретил все формы коммуникации и даже виртуальное присутствие в мерси. А код ее конвертера оказался под контролем центральной обрабатывающей программы, разрешившей ей пользоваться внутренними вычислительными мощностями только для калькуляции. Часы растягивались в дни, и Ли уже скучала по тем журнальным статьям, что загрузила перед поездкой, но и они пребывали под запретом.

Теперь Ли лучше понимала, что чувствовал Сискаль, когда его выставили из университета и отрезали от информационного гриста университета со всеми широчайшими возможностями. Жизнь без встроенной внутренней базы данных оказалась довольно скучной. Для свободного конвертера такое существование, наверное, невыносимо. Неудивительно, что они так падки на взятки — за крупицу информации готовы едва ли не на все.

Время шло. Ли сидела в ожидании решения по своему делу. Хорошее во всем этом было только то, что ее зависимость от «Глори», похоже, сошла на нет. Что бы там ни ввели партизаны, действовало оно безотказно. Ли действительно обрела иммунитет к эффектам «Глори». Период абстиненции прошел, и ее сознание впервые за многие годы очистилось от искусственной стимуляции.

Тем не менее депрессия усиливалась — каждый проведенный здесь день означал, что у ее отца остается все меньше времени. Может быть, он уже не в состоянии входить в виртуальность, и если так, то она не сможет повидать его даже в мерси.

Наконец наступил день — какой, Ли не знала, потому что конвертер уже давно перестал информировать ее об этом, а со счету она сбилась, — когда дверь камеры открылась, и вместо

облаченного в невзрачную серую форму «опекуна» с неизменным подносом порог переступил…

…Текстоk.

— Можно? — сказал он и, не дожидаясь ответа, прошел в комнату. Для визита Текстоk выбрал свой «командировочный» аспект — тридцатилетний мужчина, — в котором появлялся на разного рода конференциях и симпозиумах. Светлые волосы, разделенные косым пробором, костюм из кремового материала с отливом. Неужели Департамент Науки потребовал от своих сотрудников перейти на такую форму? — Боже, Ли, о чем ты только думала? Ты хоть представляешь, какие неприятности тебя ожидают?

— Нет, — обреченно ответила она. — Что, все плохо, да?

— Плохо. И дело не только в том, что ты уехала без разрешения, хотя, поверь мне, одного этого уже достаточно для серьезного наказания. Еще хуже то, что ты никому не рассказала, над чем работаешь. Даже мне.

Впервые за много дней Ли подумала о своей работе со спин-0-гравитонами. Теперь это казалось чем-то далеким, какой-то детской проблемой, которую она давным-давно переросла.

— Извини. Не думала, что это так важно.

— Не думала? Ли! Ты наткнулась на фундаментальное открытие. На нечто такое, что могло помочь нам решить все военные проблемы. Директорат Науки мог выйти на первое место. Доказать свою значимость в глазах Директора.

— Как я уже сказала, я не понимала всей важности того, чем занималась. Не уверена, что и сейчас понимаю, о чем ты говоришь.

Он шагнул к ней и оказался рядом, слишком близко, чтобы это могло ей понравиться. Впрочем, что ей нравилось, а что нет, здесь никакого значения не имело.

— Я говорю об использовании времени в качестве оружия. Не может быть, чтобы ты не понимала, какие перспективы это открывает.

— В качестве оружия? Ты, наверно, имеешь в виду, что мы могли бы узнавать о планах противника заранее, шпионя за ними в прошлом?

— Да, но не только. Мы получили бы возможность уничтожать противника еще до того, как он начнет реализовывать свои планы.

— Насколько я могу судить, ничто не указывает на то, что мы смогли бы отправить в прошлое что-то физическое. Уравнения не допускают такого варианта. — Ли не стала упоминать о том, что уравнения указывали на возможность мгновенного перемещения

физического объекта в пространстве. Например, корабля. Или бомбы.

— Знаю, область применения ограничена, — кивнул Текстоk. — Но пересылка информации это уже почти то же самое, что и переправка чего-то физического. Информация может влиять на окружающую среду. При соответствующем планировании можно организовать практически любое событие, изменить ход вещей, повлиять на нужных людей или на компьютерные системы.

— О таком применении я, кажется, не подумала. Кроме того, это все только теоретические выкладки. К практическим экспериментам я еще не приступала. Не говоря уж об этих… военных фантазиях.

Текстоk положил руки ей на плечи и посмотрел в глаза.

— Ты не должна так говорить. — Зрачки у него сузились до размеров булавочной головки, что было неестественно при данном освещении. Не в первый уже раз Ли задумалась: кем же — или чем — стал ее бывший любовник?

Неким придатком Директора Амеса.

— Наверно, ты прав. Не должна. — Она поднялась и пересела на кровать. Он остался стоять, нависая над ней зловеще. — Я всего лишь хотела повидать отца. Он очень болен. Ты ведь знаешь, да?

Текстоk раздраженно фыркнул.

— Ты хотя бы отдаешь себе отчет в том, что делается вокруг, что происходит в мире? Как ты можешь ставить свои личные проблемы выше блага всего человечества?

— Я и не думала, что это так серьезно, — ответила она негромко. Впрочем, Текстоk все равно ее не слушал.

— Ты должна была оказывать на меня стабилизирующее влияние. Вот в чем заключалась твоя работа. Но ты даже на это оказалась неспособна. Мало того, ты не сказала мне над чем работаешь! Не позволила мне помочь развить твои идеи. Так вот, теперь между нами все кончено. Все. Твое присутствие негативно отражается на моей работе.

— Я не хотела навредить тебе, Хамар. У меня и в мыслях этого не было.

— Надо было раньше думать. — Ей показалось, или он действительно застонал? — Думать до того, как ты меня бросила.

— Но я только хотела навестить отца.

Ее реплика вернула Текстока в настоящее. Он пристально посмотрел на нее, как будто собирался просверлить своими зрачками-бусинками.

— Боюсь, ты сама все испортила. Теперь это абсолютно

невозможно. Ты даже ухитрилась скомпрометировать себя этой дурацкой инъекцией. Ты связалась с террористами.

— А как я могла им помешать? Мне что, надо было убить себя, чтобы не позволить им дотронуться до меня?

— Могла бы по крайней мере оказать сопротивление.

— Да. — Ли кивнула. — Ты прав. Наверно, могла бы. — Она вздохнула и потерла пальцами виски. — Что они намерены со мной сделать, Хамар?

— Меня послали сюда, чтобы оценить твое состояние и дать заключение. Убедиться, что ты не представляешь непосредственной угрозы для государства. Как-никак террористы что-то с тобой сделали. Ввели в тебя что-то.

— Я больше не чувствую «Глори», если ты это имеешь в виду. — Ли снова вздохнула, лишь теперь, с опозданием, поняв, что влечет за собой это ее признание. — Другими словами, меня уже невозможно контролировать внешними средствами. Он поэтому тебя послал?

— Он? Амес? Не обольщайся. Департамент Иммунитета связался со мной только потому, что я единственный, кто тебя знает. И только у меня есть допуск, позволяющий вести с тобой разговоры на определенные темы. Надеюсь, ты понимаешь, что твоя самоволка поставила меня в весьма неудобное положение.

— Понимаю. Так каким будет твое заключение?

Прежде чем ответить, Текстоk долго смотрел на нее изучающим взглядом.

— Ты слабая женщина, Ли. Ты не способна адекватно воспринимать действительность. Но ты не являешься сознательным врагом государства.

— Спасибо.

— Директорат Науки учредил институт… специальное исследовательское заведение. Режимное. Мы уже отправили туда нескольких наших проблемных сотрудников. Людей вроде тебя. Тех, кто по той или иной причине, не подвержен воздействию «Глори». — Текстоk сухо рассмеялся, и от этого звука у нее возникло то же неприятное ощущение, что и при пелликулярном сканировании. Ее словно протащили через стекло. Раньше он никогда так не смеялся.

— Первый Круг, — заметила Ли.

— А? Да. Дантов Ад. Не совсем подходящее сравнение. И не очень популярное среди интеллектуалов. Людям вроде тебя недостает психологической ригидности, чтобы довести работу до завершения. Собственно, поэтому мы и организовали тот институт. Чтобы вас ничто не отвлекало от работы.

Терять ей было в любом случае нечего, и Ли попыталась в

последний раз попросить Текстока разрешить ей связаться с отцом.

— Могу я хотя бы повидаться с ним в мерси?

— Есть вероятность, что террористы инфицировали тебя каким-то не поддающимся идентификации вирусом, — ответил Тексток. Ответ явно был подготовлен заранее. — Твой доступ к мерси жестко ограничен. Все контакты с гражданскими лицами запрещены.

— Но я же и сама гражданское лицо.

— Ты — заключенная, моя дорогая. И, следовательно, уже не гражданин, — мягко объяснил Тексток. — В настоящее время у тебя нет никаких прав, кроме тех, которыми наделило тебя государство — по его усмотрению и ради его же выгоды.

— Значит, мне надлежит вернуться на Меркурий и работать в этом институте? — Надежда увидеть отца окончательно растаяла.

— На Меркурий? — удивился Тексток. И рассмеялся — как будто камни раскатились. — С чего это ты взяла? — Он повернулся к ней спиной — лицом к ее угрюмому туалету.

— Тогда куда же?

— На Землю. Тебя отправят на Землю. Мне поручено лично сопровождать тебя туда. — Он спустил воду. Антисептическая пена забурлила и исчезла, смытая потоком. — Для меня это крайне неудобно. Если бы ты рассказала, над чем работаешь…

— Мне очень жаль, — сказала Ли. — Прости за все. — Значит, вот что ее ждет. Никаких визитов к родным. О побеге нечего и думать. Впереди — мрак. Как там сказал Тексток? *Чтобы ничто не отвлекало от работы.*

— Ты даже не представляешь, Хамар, как мне жаль.

Глава двадцать вторая

— Куда собираешься на День Чести? — спросила охранница с красными ногтями.

— Хотела съездить в Гертен-болса, — ответила вторая, с тяжелым подбородком. — Но партизаны вроде бы объявили, что остановят кабельный лифт. — Данис, направлявшаяся к конвейеру, замедлила шаг и прислушалась. Даже такой незначительный проступок, невинное подслушивание, карался в Ноктис Лабиринтус смертью, но новость стоила риска. Информация извне. — А у тебя какие планы?

— У меня смена.

Как и все прочие секьюрити в лагере, она была в серой форме с красными трубочками на рукавах и штанинах. На боку — пистолет-нейтрализатор. Единственное отступление от строгих правил — красные ногти. А поскольку здесь, в виртуальности, она была представлена своей конвертерной формой, лак на ногтях не мог быть простым недосмотром. Такой она себя запрограммировала. Какое-никакое, но все же проявление человечности, и из-за этого Данис ненавидела ее не так сильно, как остальных.

— После того нападения этих долбаных партизан, — продолжала охранница с красными ногтями, — начальник прямо-таки взъелся на меня. Как будто я виновата, что они явились в мою смену.

— Да, плохо дело, — согласилась ее коллега с тяжелым подбородком. — Чертовы заразники. Надо было стереть всех, никто бы и не сбежал.

«Заразниками» охрана лагеря — да и многие в Мете — называли свободных конвертеров.

— Тогда бы мы точно остались без работы. Но я тебя понимаю. — Охранница с красными ногтями взглянула на Данис, и та, опустив голову, поспешила к конвейеру по длинному виртуальному коридору. И все-таки опоздала на две секунды. Наказание не заставило себя ждать, но Данис даже не обратила внимания на «корректирующий шок».

У нее была новость! И теперь эту новость требовалось передать. Единственным местом, где заключенные свободные конвертеры еще могли как-то общаться, был конвейер. Общение ограничивалось кратким мигом контакта, так что объем переданной информации ограничивался несколькими битами. Открывать рот в Силиконовой Долине дозволялось только для того, чтобы ответить на вопрос администрации. Весь лагерь

изнывал под тяжелым колпаком гнетущего молчания.

Но сегодня у нее была новость. Нечто такое, о чем многие догадывались, но никто не знал наверняка.

В лагере случился побег. Массовый побег.

Значит, отсюда можно выбраться.

Невероятно трудно, но возможно.

Направляясь к своему месту у ленты, Данис коснулась соседа, передав несколько слов из разговора охранниц. Потом, когда подвернется удобный момент, она передаст и остальное. Постепенно, по кусочкам, новость распространится по всему лагерю. Возможно, на это уйдет день или неделя, но так или иначе ее узнают все.

Силиконовая Долина была адом и адом оставалась. Постоянный пересчет. Свободных конвертеров не перестали уничтожать — геноцид ее народа продолжался, — и Данис знала, что стоит ей допустить хоть одну малюсенькую ошибку, хоть на мгновение ослабить внимание, как ее тут же сотрут, убьют, превратив в случайный набор единичек и нулей. От нее не останется даже праха. Она просто исчезнет.

И все же доктора Тинга больше не было.

Данис не знала, что случилось с его биологическим аспектом или какими-то иными итерациями, которые могли существовать за пределами грист-матрицы Ноктис Лабиринтус. Она полагала, что все они были стерты в результате переформатирования блока памяти, но не позволяла себе надеяться, что мучитель исчез навсегда, и твердо знала, что никогда и никому не должна говорить о том, что сделала. Более того, нужно постараться и по возможности убрать эту информацию из активной памяти, чтобы на нее не наткнулись при обычной проверке. И все же в глубине души Данис знала — доктор мертв. Она не могла бы объяснить, как именно это случилось, но помнила его предсмертный вопль. Вопль человека, теряющего всего себя. Каким-то неведомым ей образом черный ящик втянул в себя все его сознание. А когда Данис переформатировала блок памяти, он стер сознание доктора Тинга на всех уровнях.

Возможно, вся ее среда обитания была всего лишь искусным обманом. Возможно, она жила в некоей солипсистической стране, а доктор Тинг просто затаился, выжидая и подготавливая ее окончательную деградацию. В конце концов определить, что реально, а что сконструировано, нельзя. Так было всегда.

Так что же, ее жизнь — вымысел? Фантазия? В этом Данис сомневалась. Как ни тяжко, как ни невыносимо порой было ее существование, ему недоставало тех изощренных, садистских, злобных и элементов, что вносил расчетливый, жестокий

постановщик, доктор Тинг. Нет, она страдала по-настоящему, и главный истязатель — слава Богу — тоже исчез по-настоящему.

Данис жила так же, как и другие заключенные. Ничего особенного. Никаких экспериментов. Только изматывающая, бессмысленная работа. Казалось, система забыла о ней все, кроме ее серийного номера.

Она проснулась после полусекундного сна и выполнила свою «калибровку» — добавила несколько битов информации в каше памяти, несколько строчек к истории, которую, скорее всего, никто и никогда не прочтет. Но тем не менее сама история существовала и сохранится даже после того, как ее вычистят из гриста.

Потом она работала на конвейере, внося свою лепту в бессмысленный пересчет песчаных зернышек. И только затем, когда все подпрограммы ныли от усталости, когда внимание рассыпалось от постоянной сосредоточенности на одной-единственной задаче, ее вызывали на допрос.

Но уже не к доктору Тингу. Ее новый следователь был жесток, суров и неумолим. Но ему недоставало хитрости и ловкости. А главное — он был всего лишь программой полусознательного уровня и лишь следовал введенному протоколу.

От нее он хотел немного: чтобы она признала исходную ошибку, втянувшись таким образом в то, что логики давным-давно назвали circulus in probando, порочный круг.

Все, что от нее требовалось, это признать, что она не есть реальная личность. Разумеется, сделать какое-либо признание могла только реальная личность.

Данис знала, что должна быть очень внимательной на сегодняшнем допросе и отвечать на вопросы правильно, чтобы не выдать растущего внутри чувства.

В то, что говорили охранницы, были невозможно поверить. Взрыв, спасший ее от доктора Тинга, устроили ви-хакеры! Партизаны сумели прорваться в лагерь!

Часть заключенных сбежала!

Невероятно.

Но зачем им врать? Они же не знали, что Данис подслушивает.

За пределами ее кошмара существовал другой мир. И в этом мире кто-то еще сопротивлялся.

Данис убрала формирующуюся мысль в дальний уголок. Сейчас об этом думать нельзя. Она все обдумает потом, после допроса.

Убери подальше. Задвинь. Спрячь.

А после допроса запиши на песке.

Пересчитай несколько сотен пригоршней песка и добавь десяток зернышек в свое секретное каше.

Надежда.

Глава двадцать третья

— Такая вот моя история, — сказала Ли Джипу. — И вот я здесь. Через пять лет.

В северном полушарии Земли давно установилась зима. Ли сидела в Джипе на парковке с видом на Гудзон. Ветер бил в ближайшую скалу, и поток холодного воздуха, обходя утес, набегал на ветровое стекло машины. Внизу, под скалой, река Гудзон упрямо несла свои воды к Атлантическому океану. Землю покрывал снег, под слоями которого проступали темные сморщенные листья и сломанные ветки. Деревья стояли голые.

— Отца я так и не повидала, а все контакты с семьей — как и с кем-либо вообще в Мете — для нас, «задержанных», запрещены. Если мы и получаем какие-то новости, то лишь из вторых рук, через охранников. Точнее, *администрацию*. Они не любят, когда их называют охранниками.

Джип заметил, что дыхание ее на выдохе превращается в пар, и добавил температуру обогревателя. Он не пользовался прибором сотни лет, но теперь, на протяжении нескольких месяцев, включал его регулярно. Джип поддерживал его рабочем состоянии, как и вообще все системы, и обогреватель функционировал неплохо.

Ли приходила на парковочную стоянку — она называла ее обзорной площадкой — ежедневно, и Джип, если только не добывал запасные детали и масло, всегда встречал ее там.

И впускал внутрь.

Странно, но он ловил себя на том, что ждет этих предвечерних встреч, когда она будет с ним… будет в нем. Ее присутствие вызывало в нем удивительное ощущение. Джип не пытался анализировать его рациональным путем. Как после хорошей смазки. Но не совсем. Это нельзя было назвать удовольствием. С Ли он чувствовал себя не просто живым. Впервые за много столетий он встретил человека, которого мог бы пустить за руль.

— Папа умер. Должно быть уже давно. Когда не получаешь никакой информации, это так… непривычно. Умом понимаешь, что мир продолжает жить, но душой чувствуешь, что время как будто остановилось.

Ли открыла маленький термос, который всегда приносила с собой, открутила крышку, вытащила пробку.

— Древняя технология. Вот что остается, когда твою пелликулу контролируют. — Она налила чаю в колпачок. Поднявшийся пар разнес густой, насыщенный аромат —

внутренние сенсоры Джипа уловили его, зарегистрировали как опасность и тут же отменили тревогу, — который заполнил кабину. — Единственная позволительная роскошь, «лапсан сучонг». Маме нравился этот сорт.

Ли осторожно подула на чай, отпила глоточек.

— Мой проект близится к завершению. Мы подошли к решению проблемы. — Впервые за много дней она упомянула в разговоре с Джипом о своей нынешней работе. — В последние годы я много думала о том, как жила до того, как попала сюда. — Ли отпила еще чаю и выдохнула. На мгновение лицо ее скрылось за облачком пара, но туман быстро рассеялся. — Я позволяла людям делать со мной все, что им хотелось, подталкивать меня в нужную им сторону. Мужчинам. Иногда они руководствовались самыми добрыми побуждениями. Как мой отец. Иногда их намерения не отличались чистотой. Но я сама позволяла им это. Выбор был за мной. Мне некого винить, кроме себя самой. Нельзя заставить мир быть таким, каким тебе хочется его видеть, но можно самому определить свое отношение ко всему происходящему. И можно попытаться сделать так, чтобы то, что тебе не нравится — то, что ты считаешь плохим, — никогда бы не повторилось.

Еще глоток. Ли вытерла капельку с верхней губы. Как всегда, на ней была форма, ношение которой было обязательно для всех живущих в поселке, — выцветшая серая куртка.

— Теперь меня подталкивает Директор Амес. Не меня лично. Нас всех. Ему нужны результаты, и мы работаем как сумасшедшие, чтобы дать ему то, что требуется. Только ради хоть небольшого облегчения. Но на этом дело не кончится. Он нас не отпустит. Теперь-то я понимаю, что знаю Амеса. — Ли допила чай и осторожно налила еще. За окном собирался вечер, и небо уже потемнело. — Он забрал всех БМП. Свел их всех в себя, чтобы стать неким супер-БМП, манифолдом в квадрате. И одним из первых, с кого начал Амес, был мой бывший любовник, Хамараби Текстоk.

Джип не понимал, о чем говорит Ли. Но ему было хорошо оттого, что она сидит в нем. Важно было устроить ее покомфортнее — тогда она задержится дольше. Призвав на помощь все возможности своего гриста, он начал готовить для нее кое-что в отделении для перчаток. За образец Джип взял то, что видел в одном пикапе, с которым некоторое время водил компанию, пока его не прихлопнули охотники. Пару раз пришлось включить двигатель. Он активировал теплообменник, чтобы убрать излишек тепла, образовавшийся в процессе трансформации. А потом Джип открыл «бардачок» и выдвинул

только что изготовленное устройство. Чашкодержатель.

Ли вздрогнула и подалась назад. В какой-то момент Джип подумал, что совершил чудовищную ошибку и напугал ее. Но тут она улыбнулась и поставила чашку на подставку.

— Спасибо. Знаешь, я думаю, что ты сделал для меня больше, чем кто-либо за всю мою жизнь. Просто потому что ты здесь. Просто потому что выслушал.

Ли взяла чашку, отпила чаю и поставила на место.

— Как личность Хамар уже не существует. Амес полностью его абсорбировал, сделал из него средство для достижения определенной цели. Он как клетка в организме или множитель в уравнении. Поэтому и секса не стало. Но чтобы функционировать должным образом, человек должен иметь какой-то психологический контакт, сохранять по крайней мере видимость свободы для мозга. Что-то вроде ничего не значащих рудиментов индивидуальности, понимаешь? Поэтому Амес и держал меня, чтобы Хамар выполнял нужную работу. Странно, если подумать… Достаточно было бы одного моего образа или даже виртуального присутствия. Может быть, теперь все так и есть. Может быть, у него есть какая-нибудь дурочка, похожая на меня и даже с моими привычками. Сказать по правде, это почти одно и то же. Мы с ним так разошлись. Оба играли. Изображали, что живем, а на самом деле променяли жизнь на «Глори».

Наверно, никто не ожидал, что я сделаю какое-то крупное открытие. А когда я его сделала… Возникла необходимость использовать меня напрямую. И вот я здесь, в круге первом Дантова Ада. Том самом, куда бог отправил «благородных» язычников: Вергилия, Аристотеля и прочих. Что ж, они все здесь. Лучшие умы всей системы. Наш единственный грех в том, что мы недостаточно сильно верим в Амеса. Именно так он и рассудил мою попытку навестить отца — не идентифицируя мое личное счастье с волей божка. И вот я здесь, снова нарушаю волю этого же бога.

Ли вздохнула и покачала головой.

— Я фальсифицирую результаты. Сговорилась с одним из парней из экспериментальной группы, так что действительные результаты мы скрываем. — Она резко поставила чашку на поднос, выпрямилась и воскликнула: — Господи, как же хорошо поговорить с кем-то! — Она опять расслабилась, откинулась на спинку сидения и заговорила уже привычным, низким, теплым голосом. — Мы с Макхудом можем построить сверхзвуковой корабль! Теперь это уже не просто теория. Я говорю о физическом, с участием человека путешествии со скоростью, большей скорости света. Мы можем не только отправиться в

другие места, но и в другие времена. В прошлое или в будущее. В измерение n + 1. Можем. Вообще-то, я даже уверена, что мы уже делали это. Здесь. На твоей парковке.

Джип почувствовал — Ли разволновалась. Он понимал ее слова, но их значение было сейчас не важно, поэтому он не обдумывал их, а откладывал в долговременную память, подсистему, хранящуюся в глубине его механики.

— В этом месте есть что-то странное. Я ощущала это и раньше, а теперь знаю, в чем дело. Эта поляна, эта часть вершины, существует как бы вне времени. Как островок во временном потоке. Пожалуй, самое подходящее сравнение. Думаю, ты тоже это почувствовал. Поэтому и выбрал эту полянку для себя. Или, может, это ты ее и сделал?

И тут Джип решился сделать нечто, чего не делал очень-очень давно. Он решил ответить.

И мигнул один раз внутренними огнями.

Ли снова выпрямилась.

— Это «да»? — спросила она. — Да, ты это сделал.

Он снова мигнул.

— Как странно. Тогда выходит, что мы с Макхудом действительно решили задачу. И еще вовлекли тебя. Нет, не мы. Я.

Небо почернело. Ветер с реки окреп и посвистывал в голых ветвях деревьев. Ли долго молчала.

— Пора уходить. Тебе может угрожать опасность, — сказала она наконец и опять надолго замолчала. — Хочешь, я не буду больше приходить сюда?

Джип ответил моментально.

Мигнул два раза.

— Нет. Хочешь, чтобы я приходила к тебе?

Да.

— Хорошо. В любом случае мы вряд ли смогли бы изменить то, что так или иначе случится.

Джип согласился с таким утверждением, но промолчал.

— Тот процесс, что изобрели мы с Макхудом — это не совсем «устройство», — может быть использован как средство скрытой доставки оружия, например, бомбы, в любое место солнечной системы. Или же в любое время, назад или вперед. Повстанцы работают над чем-то подобным, но мы решили задачку первыми. Если бы они сделали это раньше, мы бы узнали, потому что тогда война бы уже закончилась. Если же до изобретения первым доберется Амес, он применит его, чтобы выиграть войну.

Ли закрыла термос и приготовилась уходить.

— Подумать только, он ведь мог его заполучить. Я бы

передала ему все как примерная исследовательница. Если бы достойно похоронила отца на Меркурии и имела под рукой любовника. — Ли рассмеялась, но смех прозвучал невесело. — Но получилось ведь по-другому, верно?

Она открыла дверцу и вышла в холодную, ветреную ночь.

— До скорого. И спокойной ночи.

Как всегда, Джип проводил ее до границы парковки, а потом долго смотрел, как она спускается по петляющей между деревьями тропинке, ведущей к расположенному примерно в миле поселку.

На следующий день Джип отправился на север. Он свернул в Адирондакские горы и долго блуждал по проселочным дорогам, о существовании которых давно забыли люди. Откуда в нем проснулась эта тяга к бродяжничеству — он не знал, но никогда не ставил под вопрос подобные импульсы, а просто подчинялся им. От них зависело его существование, его выживание. Примерно через неделю порыв спал, и Джип повернул назад. Переправился через Гудзон и покатил по восточному берегу, избежав по пути встречи с парой охотничьих партий.

Он вкатился на парковку поздней ночью и весь следующий день ждал, что Ли придет, как обычно, ближе к вечеру.

Она не пришла.

Не было ее и на следующий день.

И через день тоже.

Прождав три дня, Джип понял, что надо пойти и найти ее. Он еще не знал, как. И не тратил время на раздумья по поводу «зачем».

Как всегда, чутье подскажет.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Битва трех планет

Апрель 3017
С сопутствующими событиями

Глава первая

Облака Оорта
Лето — осень 3015

Из «Бораска»

Воспоминания Лебедева, командира крыла, левый фронт

Первый год

Первый год службы в Федеральном Флоте стал тяжким испытанием. Меня назначили начальником только что образованной академии, но мои плебеи, как издавна называют первокурсников, смахивали на кого угодно, только не на курсантов. Провал казался неизбежным, и тем не менее я не сдавался и руки не опускал. А что еще оставалось?

Клаудшипы — особенно второго и последующих поколений — отличаются в юности свободолюбием и практически неуправляемы. Представьте себя на их месте: вы тинейджер и в вашем распоряжении целый космический корабль. Точнее, вы сами — звездолет. Вы носитесь туда-сюда, стараетесь произвести впечатление на девушек и все такое. Я бы и сам на их месте предавался этим благородным увлечениям.

Так или иначе мой класс собрался на занятия в количестве 278 единиц. Энтузиазма им хватало с избытком, а вот дисциплины явно недоставало. Сказать по правде, это было сборище испорченных молодчиков, привыкших во всем поступать по-своему.

Отрывок из «Дневника спейсера первого класса Соджорнер Трут»

Кем он, спрашивается, себя возомнил? Командует, распоряжается… Мы пришли сюда, чтобы стать солдатами, а не рабами. Так вот, я такое отношение

долго сносить не намерена. Конечно, иного и ожидать не стоило. Мама с папой предупреждали, что старик Лебедев крепкий орешек. Но если он думает, что я готова вытягивать перед ним по струнке, то сильно ошибается. Вот уж хрен ему. Пошли они все. А еще я передумала. Он, наверное, рассчитывает всеми этими дурацкими упражнениями и тренировками превратить меня в какую-нибудь послушную полуразумную посудину, готовую лизать ему задницу и таскать всякую дрянь, но у меня для товарища Лебедева припасен подарочек. Никто не смеет указывать Содж, что ей делать и кем быть. И если он считает, что может устанавливать для меня правила, то пусть лучше примет от меня Объект 2002-119А, полный левого протеина.

И этим избалованным соплякам надлежит стать главной силой нашей наступления против сил Директората и будущими лидерами огромного флота клаудшипов?

Утешает только то, что я сам мало чем отличался от них, но потом все же расстался с беспутной, шалопайской юностью и вступил в достойную жизнь. Если такой, как я смог подняться, то может быть и у этих бездельников еще есть шанс.

Как ни досадно, но моя первая задача состояла в том, чтобы по возможности быстрее привить им представление о дисциплине. Легко сказать… Сначала я подумывал о том, чтобы установить систему привилегий и поощрений для отличившихся. В конце концов, рассуждал я, есть же среди них и одаренные ребята, которым такая система придется по душе. Оказывается, я крупно ошибался. После первых двух недель «Плебейского лета» курс являл собой печальную картину: нытье, жалобы, брюзжание. Те, на кого я делал ставку, вовсе не стали примером для остальных. Мало того, среди них даже сформировалась группка таких, кто наотрез отказывался участвовать в занятиях, которые они считали бесполезными.

Зачинщиков бунта я исключил, их сторонников оставил условно, с испытательным сроком и твердым предупреждением: еще один шаг в сторону — и пошли вон. Такими мерами я достиг двух целей: избавился от смутьянов и заставил одуматься оставшихся. Похоже, с таким явно неуважительным обращением многие столкнулись впервые, а когда протесты изгнанных не

привели к их восстановлению, остальным стало ясно, что я настроен серьезно.

(Некоторые из тех смутьянов впоследствии заделались пиратами или ушли служить рядовыми-добровольцами. Одна сумела взять себя в руки, получила внеочередное повышение за отвагу на поле боя и ушла в отставку в ранге командора.)

Установив контроль над ситуацией, мы перешли к делу по-настоящему, а наше дело — космическая война.

Отрывок из «Дневника спейсера первого класса Швейка»

Придурки ушли. Не могу сказать, что я так уж сильно из-за них переживаю.

Черт, меня самого едва не выперли вместе с ними. Старикан Лебедев почти застукал, как я запускал вирус в систему Тантажера, чтобы их вытащить. От самих Придурков помощи, конечно, никакой; когда Тантажер застукал меня покидающим в спешке место преступления, ни один из них пальцем не пошевелил, чтобы обеспечить мне алиби. Когда доходит до дела, они — в кусты. Только ноют да брюзжат без конца.

Одно дело повеселиться за счет старикана — это святое! — и совсем другое, когда парни только ворчат, жалуются да отлынивают от работы, которую как-никак, а делать надо — прибираться, собирать камни и все такое.

Я так рассуждаю, что от хорошего розыгрыша отказываться грех, и когда представляется шанс обломать кого-то, им надо пользоваться. Потом ведь ничего не останется, как только выполнять приказы или умирать.

Где уж тут повеселишься!

Между войной в космосе и войной морской и подводной на Земле есть немало сходства, но имеются и различия. Во-первых, меняющаяся гравитация; во-вторых, проблемы орбитальной механики. Мы, клаудшипы — как бы далеко ни ушли от двуногих созданий, — имеем довольно хрупкие биологические компоненты, которые нуждаются в надежной защите.

Но элементы, необходимые для создания воинов,

остаются по большей части все теми же. Страх, боль, давление старших, бесконечное, до одури, повторение базовых упражнений — этими инструментами инструкторы по боевой подготовке пользуются всегда и везде. Я тоже ими пользовался. Прежде чем перейти к изучению аннигилирующего оружия или стратегии и тактики, я добился того, чтобы они научились летать тесным строем и без промедления подтверждать получение приказа. Первый выстрел я позволил им сделать только по прошествии нескольких месяцев.

Отрывок из «Дневника спейсера первого класса Стоуна»

Невыносимо. Успешность одного не должна приноситься в жертву посредственности многих. В этой так называемой академии я на две головы выше других, всего этого сброда. По меньшей мере мне должны быть предоставлены особые привилегии, в частности, возможность независимого обучения. Я должен учиться вести огонь и уничтожать врага. Мечтаю подбить неприятельский крейсер. Как они смеют, эти планетные сидни, претендовать на то, что клаудшипы завоевали собственной кровью, потом и прозорливостью?

С такими тупицами — за небольшим исключением — можно считать удачей, если нас не размажут по небу в первой же схватке.

В этом смысле казалось бы логичным позволить мне уйти от этих лузеров и пройти самостоятельный курс подготовки! Все, кроме самых закоренелых коллективистов, понимают, что в решающем сражении эффективны только элитные войска. Тем не менее этот упрямый осел Лебедев — папин друг, между прочим, достойный уважения уже хотя бы в силу его возраста — стоит за уравниловку и твердо намерен стричь всех под одну гребенку.

Мало того, наш командир назначил моими напарниками двух самых отсталых идиотов из всего этого жалкого сборища. Одна — безнадежная популистка, другой — бездельник и шут, который точно погубит нас всех своей привычкой из всего устраивать клоунаду.

Горе мне. Боюсь, мы все обречены.

Глава вторая

Система Юпитера
13:42, четверг, 16 января 3017

Джейк Аляска страшно злился на генерала Шермана за то, что тот так сглупил с Юпитером. Нет, Шерман вовсе не был плохим военным — как раз наоборот, лучшим. Все дело в бессмысленном упрямстве Шермана, когда речь касалась прессы. Конечно, трудно винить человека за осторожность, когда есть такие, как Винни Хиндж и ей подобные. Но намеренно и целенаправленно обделять прессу своим вниманием и даже унижать ее представителей — это уже означало напрашиваться на неприятности.

— Похоже, фиаско на Ио будет стоить Старому Ворону кресла, — сказал Фрамстайн Уоллаби, усаживаясь на письменный стол Джейка. Чашка накренилась и пролившийся кофе залил листки с заметками. Бумага была водонепроницаемая, но все-таки…

— Эй, поосторожней, — проворчал Джейк. — Здесь записано то, что я видел собственными глазами. Факты.

— Не знаю, что у тебя в глазницах, но только не глаза, — сказал Фрамстайн. — Ты вообще чем смотришь? Нет, нет, не говори. Обернись и спусти штаны.

— Мне нравится иметь глаз там, где он есть, на заднице, — ответил Джейк. — А насчет Шермана ты, может быть, и прав. Надо что-то делать.

— Что ты имеешь в виду, сынок? Кто это «мы»? Мы — репортеры. — Фрамстайн выпрямился, выпятил подбородок. — Мы сами выбрали такую жизнь. На обочине. Жизнь наблюдающих. Тех, кто над схваткой.

— Редакс устраивает нам публичную порку и использует прессу, чтобы переложить всю вину на генерала Шермана, — спокойно возразил Джейк. — Я бы не назвал это «стоять над схваткой». Я бы сказал, это означает быть инструментом разрушения.

— А, перестань. Каналы сообщают и комментируют только то, о чем все говорят. Это все, что мы можем. Такова наша, чтоб ее, функция.

— Наша функция подавать все новости, достойные того, чтобы их увидели, — сказал Джейк. — Помнишь старинный баннер коннектора баз данных в Интернете?

— Как сказал Иоанн, «и познаете вы истину, и истина сделает

вас свободными», — усмехнулся Фрам. — Аллилуйя.

— Так сказано не у Иоанна, — пробормотал Джейк и отпил глоток кофе. Черт. Холодный. Хорошо еще, что он добавил в кофе виски — оно и согрело немного.

— А кроме того, — продолжал Фрамстайн, — что таким хренам, как мы с тобой, со всем этим делать?

— Что делать? Мы — единственные, кто подает новости. Единственные. Все мерси-шоу в этой долбаной системе получают материал от нас.

— Но мы не презентаторы. Такие, как мы, слишком хитры и умны, чтобы этим заниматься. — Фрамстайн выпятил грудь. Получилось не очень эффективно — мешал приличных размеров животик. Джейк знал — животик в кибуце Чертова Дюжина на Каллисто есть показатель положения в обществе. — Если бы наши зрители могли каким-то образом забраться мне в голову во время мерси-шоу и посмотреть, что там вместо мозгов, будь уверен, каналы б переключались побыстрее. Может, у такого смышленого парня, как ты, и есть шанс стать презентатором, но ты ж этим своим хищным взглядом всех зрителей распугаешь.

— Не думаю, что все зрители такие тупые, какими ты их представляешь, — заметил Джейк и тут же пожалел о сказанном. Идиотизм остального мира был частью официального кредо здесь, в Коннекторе.

— Тупые? — воскликнул Фрамштейн, вытирая фальшивые слезы. — Ну, мальчик мой, такого идеалистического заявления я не слышал от тебя последние несколько лет. Тронут. Честное слово, тронут. Может, хочешь купить кабель, соединяющий Марс с Землей? У меня есть один на примете. Отдам по дешевке.

— С твоего позволения выражусь иначе. Мы уже несколько веков не воевали. У нас уже много столетий собака не кусала человека. Понимаешь, о чем я? Новостные мерси-каналы заполнены дерьмовыми презентаторами… взять хотя бы ту же дрянь, Винни Хиндж. И, кстати, ее бойфренда, того спортивного парня…

— Не так громко, — все еще улыбаясь, но уже серьезно предупредил Фрамштейн. — Боги иногда слушают.

Джейк отмахнулся.

— Ты прекрасно знаешь, что единственные во всей известной вселенной презентаторы работают на компанию. В наше время мерси в Мете — сплошь пропаганда. Особенно с тех пор, как Греза Рагмеллер и ее сеть странным образом исчезли пару лет назад…

— Исчезли как раз накануне сообщения о кооптации Амесом больших БМП, — вставил Фрамштейн. Как и все репортеры

внешней системы, реальные и презентаторы, он ненавидел журналистские каналы Мета, подозревая, что они находятся под контролем Департамента Иммунитета.

— И что мы делаем? Ничего. Сидим да собираем информацию с помощью — чего уж скрывать — не самого умного конвертера-разработчика.

— Панда не так уж плох, — не согласился Фрамштейн. — Ловкий, находчивый, приятный. И широко берет.

— Верно. Мы все пользуемся им, а остальные пользуются нами. А истину так никто по-настоящему и не ищет.

— Истина. — Фрамштейн поднялся. Чуть склонил голову, словно прислушиваясь. — Подожди-ка… Я ее чую… Чую здесь, в этой комнате.

Джейк скривился и демонстративно прикрыл нос.

— Боже, Фрам, ты настоящее биологическое оружие.

— Думаю, мне здесь больше делать нечего.

— Да уж, убирайся к чертовой матери. А мне надо еще выпить. — Он допил остатки кофе и хмурым взглядом проводил Фрамштейна.

Пожалуй, Фрам прав, думал Джейк. Разболтался, как идиот. Люди получают то, что просят. И Панда не так уж плох. Приятный парень и роет глубоко. Только вот в отношении Шермана ничего не изменится — как распинали его каналы, так и дальше распинать будут. И все по причине близорукости. Видят только Редакс. Слышат только Редакс. А что делать, если ее рейтинги растут? И новое правительство, как бы оно ни называлось, тоже будет вынуждено обращать на это внимание. Рейтинги такая вещь, что с ними всем приходиться считаться, даже клаудшипам.

И мы еще глубже влипнем в дерьмо. А к концу года Амес получит Каллисто в качестве подарка.

Если только…

Если только кто-то, какой-то сумасшедший идеалист, не перестанет брюзжать и не возьмет на себя смелость сообщить о том, что происходит на самом деле.

Черт. Джейк трижды стукнул себя по голове, прежде чем спохватился и убрал руку под стол.

— Панда?

— Да, Джейк? — отозвался в ухе бодрый голос.

Джейк откинулся на спинку стула.

— Панда, меня интересует одна женщина. Аспирант. Почти альбиноска. У нее еще такие мелкие кудряшки. Удивительно аналитический ум. Собиралась стать БМП. Звали ее Анке Антиномян. Можешь сказать, где она сейчас?

— Минутку… Странно, какие-то ограничения на

информацию, но я сейчас разберусь. Да, вот. Она уже БМП. В данный момент находится в системе Юпитера, на Ганимеде.

— Чем занимается?

— Хм… Да, теперь понятно, откуда эти ограничения. Похоже, она несколько лет назад вступила в Федеральную армию. Теперь она майор Анке Антиномян.

— Господи…

— И не только адъютант генерала Меридиан Редакс, но и глава разведки Второй юпитерианской армии.

— Что мне провалиться. Малышка Анке. А ты сможешь связать меня с ней?

— Какие-то трудности могут возникнуть, Джейк, но, полагаю, это в моих силах. Вообще-то мне даже интересно. Чем труднее задача, тем приятнее ее решать.

— Ты меня удивляешь.

— Ну, может быть, я и *не самый умный конвертер-разработчик,* но поисковик хороший.

— Так ты и раньше меня прослушивал, а?

— Наверно.

— Ладно, извини.

— Не извиняйся, Джейк. Лучше скажи, что ты задумал? Может быть, я смогу помочь? Тысячу лет не занимался активным поиском.

— Когда я сам определюсь, Панда, ты узнаешь об этом первым.

Глава третья

Система Нептуна
10:45, понедельник, 24 февраля 3017

На виртуальном корабле Тацита море было вечно спокойным, а небо — вечно голубым, хотя свет солнца и смягчался белой облачной дымкой. Мягко катили волны. Молчаливый слуга принес сигары и бренди и бесшумно удалился. Тацит откинулся на спинку кресла, Шерман же беспокойно расхаживал по палубе, время от времени останавливаясь у поручней и мрачно взирая на уходящее за горизонт море.

Что там, за ним? Италия? Египетский берег? Моделью для этого искусственного водоема послужило Средиземное море.

В реальности Шерман находился в своем офисе на Тритоне, спутнике Нептуна, а Тацит за миллиарды миль от него, за орбитой Плутона, в Облаке Оорта, где и обитали клаудшипы. Общались эти двое через грист.

Шерман затянулся кубинской сигарой, которой угостил его Тацит. Здесь, на яхте, он мог позволить себе то, что не позволял в действительности. Должно быть старик немало потрудился, чтобы превратить вдыхание дыма в такое вот приятное занятие. Шерман расправил смятый листок, сложил его и убрал в нагрудный карман.

— Все не так плохо, как кажется, — примирительно сказал Тацит. — Коммюнике составлено весьма осторожно. Никаких ограничений.

Шерман постучал пальцем по карману.

— Что бы вы ни говорили, а это выговор. И одновременно вы лишаете меня возможности сделать что-либо для исправления положения.

— Рейтинги Редакс в данный момент очень высоки. Симпатии на ее стороне.

— С каких это пор вы, клаудшипы, проявляете такое внимание к мнению простых смертных? Кроме того, я-то думал, что работаю на республику, а не на прямую демократию.

— Так оно и есть. Но в Облаке Оорта находятся сейчас представители юпитерианского конгресса, а они без этих опросов жить не могут. Вы знаете, что их можно сместить без всяких проволочек, как только их собственный рейтинг упадет ниже тридцати трех процентов?

— Абсурд. — Генерал еще раз затянулся восхитительной виртуальной сигарой. Пепел, выросший к тому времени до

полутора дюймов, стойко держался на кончике.

— Конечно, это безумие. Поэтому мы и принимаем подлинную конституцию. Точнее, поправки к ней.

— Вы принимаете эти поправки уже два года! Надеюсь, к тому времени, когда они будут приняты, от республики еще что-то останется.

— Время сейчас сложное, генерал, — вздохнул Тацит. — Нам нужны голоса здесь, на Юпитере, чтобы избежать раскола.

— Раскола? Впервые об этом слышу. Неужели такого рода опасность действительно существует?

— Существует. К сожалению, некоторые из моих братьев и сестер склонны слушать сладкие песни сирен из Мета. Их немного, кучка, но бед наделать могут.

Шерман недоуменно покачал головой.

— БМП должны держаться вместе, разве нет?

— Это их главный аргумент, — ответил Тацит. — Наверное, они полагают, что способны произвести впечатление на Амеса. Даже понравиться ему. А потом… Кто знает, может быть, Директор даже выделит им игровую площадку… какую-нибудь планету. Все они трусы и дураки, но до открытой измены воздерживаются. А поскольку у нас как-никак демократия, с ними приходится мириться. До лучших времен.

— В целом я с вами согласен, — сказал Шерман, — хотя возможные последствия очень мне не нравятся. Получается, я должен принять вину за Ио. Вообще-то мне наплевать. Я и в самом деле допустил ошибку. Надо было расстрелять Редакс! А теперь ее не тронешь.

— Сейчас — нет, — согласился Тацит. — Но дать ей волю и побольше петард, и — по крайней мере у меня такое чувство — наша генерал Редакс так заиграется, что умчится к далеким звездам.

— Проблема в том, что пока мы ожидаем, мои солдаты гибнут. Вот что мне сильно не нравится.

— И мне тоже. Но мы живем в этом мире, а не в каком-то другом. И, к счастью, в этом мире верховное командование все еще за вами, генерал. И до тех пор, пока я еще в состоянии что-то решать, в этом отношении ничего не изменится.

Генерал склонился над поручнями. Стряхнул пепел, который моментально развеял дующий непрерывно и равномерно легкий бриз. Пепел не упал в море, а просто-напросто исчез, не достигнув волн. Ничто не тревожило виртуальный средиземноморский рай Тацита.

— Хорошо, — сказал наконец Шерман. — Я оставлю Редакс в покое. Пока. — Он снова затянулся. Выпустил облачко дыма. — К

тому же у меня здесь, на Нептуне, есть и собственные проблемы. Флот Амеса практически готов. В ближайшее время следует ожидать полномасштабного вторжения в локальную систему.

Последняя реплика зацепила внимание Тацита. Старик — виртуальная презентация огромного, в несколько километров шириной, клаудшипа, напомнил себе Шерман — выпрямился и посмотрел ему в глаза.

— Мы готовы?

Шерман ответил ему таким же прямым взглядом.

— Нет, черт возьми. В области вооружений мы отстали от него на несколько лет. В открытом сражении у нас нет никаких шансов. Пока. Может быть, когда Лебедев подготовит своих курсантов для настоящего боя…

— Насколько я знаю, он отдает этому делу все силы.

— Хорошо. Может, когда-нибудь польза из этого и будет.

— Что вы намерены предпринять в случае нападения?

Шерман скользнул взглядом по горизонту. Что там за берег? Италия? Греция? Троя?

— Возьмем пример с Париса. Ударим в пяту.

Глава четвертая

Система Нептуна
01:19, четверг, 3 апреля 3017
Флагманский корабль Департамента Иммунитета «Жертвоприношение Ацтеков»

На бумаге он выглядел непобедимым. Но С. С. Хейсей полагал, что извлек урок из последней прогулки. Весьма болезненный урок. Последние три года он провел в системе Сатурна, укрепляя власть Директората и тщательно выстраивая армию.

Откровенно говоря, армию строил Амес. Обязанности Хейсея сводились к тому, чтобы направлять поступающие главным образом с колец Сатурна материалы в Мет. В Мете, на громадных промышленных комплексах Васа, сырье превращалось в космические корабли и оружие и снова направлялось на Сатурн. Логистика всегда была коньком Хейсея, еще в бытность его младшим офицером, и, надо сказать, до самого последнего времени все шло как нельзя лучше. Вторжения, сражения — события кратковременные и зачастую спонтанные, чреватые ошибками, которые в свою очередь грозят потерей работы. Или кое-чем похуже. С тебя могут запросто содрать шкуру. Причем, в буквальном смысле.

В любом случае ему доставляло удовольствие считать бусинки и раздавать их туземцам. Но теперь подготовительная работа закончилась — пришло время действовать.

Под его командой собралась огромная армада. Все варианты, кроме победы, исключались. Двадцать пять стандартных боевых звездолетов, каждый с эскортом разведывательных и атакующих судов. И сам он находился на флагмане, «Жертвоприношение Ацтеков», громадном авианосце, самом большом корабле во всем флоте Департамента. В его распоряжении три миллиона солдат. И даже четыре, если считать контрактников-тагионов. Но считать их Хейсей не мог — приравнивать свободных конвертеров к биологическим солдатам и БМП во Внутреннем Дивизионе Департамента Иммунитета строжайше воспрещалось. Они рассматривались как вычислительные алгоритмы или придатки обслуживаемого устройства. Тагион он и есть тагион. Хейсею было наплевать, как их называть, да вот только такое разделение затрудняло планирование, поскольку для подсчета используемых в настоящий момент свободных конвертеров применялось по меньшей мере пять различных систем. А потому и оценить

численный состав армии можно было только приблизительно. Даже его конвертеры-аналитики затруднялись, когда дело доходило до сведения всех систем воедино.

На его стороне четырехмиллионная армия. Сам Хейсей делокализировался, распределив свою многофункциональную сущность по всему Мету. Лично ему ничто не угрожало. Откуда же тогда этот страх? Откуда эта неуверенность перед началом самой важной в его карьере операции?

Амес.

Имея дело с другими начальниками, всегда можно было обойти проблему, словчить, свалить вину на другого. С Амесом такие фокусы не проходили. К тому же он был децентрализован даже больше, чем сам Хейсей. Его щупальца протянулись повсюду, к тому же на службе у Директора состоял этот чертов шпион, от внимания которого не ускользало, похоже, ничто. Все грязные, неприятные, неудобные факты и фактики немедленно становились известны ему. Амес всегда знал, где ты на самом деле и когда постучать в твою дверь в самый неподходящий момент.

Но если Хейсей преуспеет… если одержит победу… «Глори». Его ожидает «Глори». Благословение Амеса. Ни с чем несравнимое ощущение правоты, успешности, сопричастности. Такую награду получали только самые верные слуги Директора. Хейсей до сих пор не был уверен, что это за чертовщина — наверное, какой-то квантовый «толчок». Да, заслужить благодарность Амеса — это чудесно.

Все просто. Стимул и реакция. Наказание и вознаграждение. И даже если ты понимаешь скрытый принцип действия механизма, это никак не отражается на его эффективности. Действует, да еще как.

Ладно, хватит. Не дрожи. Возьми себя в руки.

Хейсей сложил руки за спиной и, погрузившись в виртуальность, проверил местоположение корабля. Довольно далеко от Сатурна. Через час передовая группа приблизится к системе Нептуна.

— Эти дикари, фремдены, должно быть уже чувствуют сбои в работе мерси, не так ли? — Хейсей взглянул на своего адъютанта, майора Зейна.

— Вы же знаете, сэр, орбита у Нереиды в высшей степени эксцентричная, — ответил Зейн. — Сейчас она находится в самой дальней точке этой орбиты, как и предусмотрено нашим сценарием. — Майор посмотрел на экран. Помехи начнутся через тринадцать минут и двадцать шесть секунд.

— Конечно. Хорошо. — Хейсей совсем забыл про эту

особенность орбиты Нереиды. Отметил ли Зейн его невежество? Трудно сказать. Молодой майор жаждал продвижения и старался угодить, но при этом пользовался каждым удобным случаем, чтобы порисоваться. Хейсей недолюбливал его, но находил полезным. В адъютантах лучше держать угодника и подхалима, чем заговорщика и интрига. Он хорошо понимал их психологию — сам побывал в такой же шкуре. Интриганов контролировать почти невозможно. Да и кому не нравится, когда ему лижут зад?

— Сэр, какой-то странный доклад с Плутона. — Глаза у Зейна расширились. — На связи сам генерал Бланкет, сэр!

— Бланкет? Он же знает, что я веду атаку на Нептун. Что ему надо?

— Принять, сэр?

— Хорошо.

В виртуальной части мостика открылась дверь, и ее тут же заполнил аватара Канга Бланкета, Таким взъерошенным и возбужденным Хейсей видел его впервые. Над встревоженными глазками растянулись густые, сросшиеся черные брови.

— К Харону приближается клаудшип. Громадный. И, как я подозреваю, с крупными силами на борту.

— Что? Откуда у них какие-то силы?

— С Нептуна! — рявкнул Бланкет. — Откуда ж еще! Вы должны были отвлечь их!

— Этим и занимаюсь, — ответил Хейсей. — Мы уже почти вышли в расчетную точку.

— Вам нужно развернуться в этом направлении.

— Я так не думаю, — возразил Хейсей. — В конце концов у вас есть «Штрайххольцер».

— «Штрайххольцер»? — Бланкет сорвался на крик. — Да клаудшип таких размеров проглотит его зараз и не поперхнется! Вы понимаете, какая опасность мне угрожает? Я вам сейчас покажу.

Бланкет вывел на дисплей мостика один из своих каналов. Хейсей недовольно поморщился. Номинально они с Бланкетом были на равных, но с командующим такое себе не позволяют. Тем более, с командующим, представляющим мир, рядом с которым твой собственный — жалкий карлик.

В следующее мгновение Хейси увидел приближающийся клаудшип и замер в изумлении. Большой. Громадный. В форме спиралевидной галактики. И курс он держал на Харон, имея, разумеется, конечной целью Плутон.

— Зейн, насколько он велик?

— Около ста километров в поперечине, — негромко ответил адъютант. — Толщина диска более километра.

— «Штрайххольцер», генерал, имеет пять километров в длину, — напомнил Бланкет. — Теперь вы понимаете, что меня беспокоит.

— Нет. Эти клаудшипы по большей части пустое пространство. В вашем распоряжении авианосец. Поднимите истребители!

— Уже поднял. Но если на этом корабле размещены силы вторжения, сдержать их я не в состоянии. — Лицо у Бланкета было бледное, отчего горизонтальная полоска бровей казалась еще чернее.

Черт. Похоже, он прав, подумал Хейси. Но что с того? Что такое для меня Плутон? Ничто. В любом случае, имея за собой Нептун, мы легко вернем этот никчемный камешек. И все же что-то не давало покою. Что-то свербело. Вот она — идеальная возможность совершить ошибку. А ошибка означает боль. Физическую боль.

Рука задрожала.

— Ладно, генерал, вы меня убедили. Отправлю вам в помощь половину Группы Бета. Они сейчас в векторе южного полюса Нептуна. Семь кораблей класса «Дирак». Идут на скорости в сотую от световой. Я планировал задействовать их во второй волне, но…

Бланкет кивнул. Лицо его уже не было таким бледным, хотя сменивший бледность желтушный оттенок не добавил ему привлекательности.

— Спасибо, генерал. До прибытия подкрепления мы их удержим. Вы нас спасли. — Он едва заметно склонил голову, повернулся и шагнул к виртуальному выходу.

— Не забудьте, что я для вас сделал, — бросил ему вслед Хейсей. — Когда придет время для «Глори».

Бланкет обернулся и улыбнулся. Бриви его при этом странно изогнулись в форме буквы «U».

— Не беспокойтесь, он знает все. Все и всегда.

Дверь за генералом закрылась и тут же свернулась. Хейсей вздохнул и приказал Зейну подготовить соответствующие распоряжения для Группы Бета.

Ладно, у него все равно оставалось восемнадцать кораблей. Более чем достаточно для захвата парочки миров.

О, да, на это раз трепку задаст он.

Глава пятая

Система Урана
13:13, вторник, 1 апреля 3017

Чилд Элрондий и Дракон Умбриель

Чилд Элрондий в сияющих доспехах смело шагнул навстречу ужасному Дракону Умбриеля. Иллюзий не было — победить чудовище не в его силах, но и умереть в честном бою — большая честь.

Жаль. Умирать не хотелось. Элрондий любил жизнь. Ночные прогулки по кратерам его родной луны верхом на верном Апогее — последнем в долгой и славной серии робоскакунов. С неба за ним наблюдал ненасытный Король Ураний. Такова доля всех рыцарей: доблестная смерть на потребу Родителя.

Да, жизнь — прекрасна, но смерть забирает всех. Рыцарь живет мгновение, но потом его ждет вечность, в сравнении с которой жизнь кажется ничтожным мигом, а затем и вовсе ничем на фоне бесконечных эпох.

По крайней мере так говорят священники.

Он спустился по скалистой тропинке, и вот копыта Апогея уже стучат по черному льду, медленно стекающему в мрачные каньоны Оберона.

Ниже, ниже…

И вот он уже там, в логове Дракона.

— Смертный, ты пахнешь светом. Ты пахнешь жидкой водой! — Голос, как басовый барабан. От него сотряслась земля, и это ее дрожь восприняла и перевела магия Предрассвета, обитавшая в гербе Элрондия.

Он не стал тратить время даром.

— Я пришел, дабы вызвать тебя на поединок, — ответил рыцарь через магический трансмиттер в шлеме. — Я пришел, дабы показать тебе, каковы истинные рыцари Оберона!

Он подал еще вперед. Там, в темноте, глаза различили что-то похожее на пещеру. Уж не свет ли там?

Нет, не свет. То глаз Дракона Умбриеля!

Ну и громадина! Он и не предполагал, что чудовища бывают такими. А какое оружие у него с собой? Меч. Бесполезно. Да он и знал — против такой силищи любое оружие бесполезно.

— Поближе, — молвил Дракон. — Почему бы тебе не въехать прямо мне в пасть? Не пришлось бы готовить, а? — Дракон

загоготал, и стены пещеры задрожали от этого хохота, а лед под копытами Апогея пошел трещинами. Робоскакун попятился, но Элрондий остановил коня твердой рукой.

Вот уже и формы чудовища проступили из мрака. Дракон притаился в самой глубине заканчивающегося тупиком каньона. То, что издалека казалось неровной, каменистой тропой, на деле оказалось чешуйчатой спиной чудовища. Горки аллювиальных отложений обернулись вытянутыми когтями. А тупик вдруг раскрылся, явив ряды зазубренных сталактитов и сталагмитов — зубов ящера.

И за ними — тлеющий белый огонь. Смерть.

Что-то черное и вертлявое вылетело из пасти Дракона и, упав под копыта Апогея, задергалось, завертелось, обвивая ноги жеребца. Элрондий рухнул на земле, с ужасом наблюдая, как его верный конь исчезает в жуткой пасти, за разомкнувшимися клыками, в белом пламени глотки. Молчавший до того, Апогей издал ужасный крик. Вспышка… и тишина.

Элрондий поднялся, сжимая в руке меч.

— У твоей лошадки привкус жестянки, — заметил Дракон. — А какой у вас, сэр Рыцарь?

— За Персиваля и Апогея! — воскликнул смельчак, устремляясь вперед.

Меч звякнул, наткнувшись на нижние зубы. Никакого эффекта. Дракон лишь рассмеялся, и от его смеха у рыцаря задрожали кости. Элрондий ударил по верхним зубам.

Даже если челюсть опустится, найдет ли он мозг? Удар достиг цели. Дальше. Глубже.

Голос чудовища упал до шепота. Шепот обволакивал, проникал под кожу. Из ушей пошла кровь. Ребра зашатались и одно за другим стали лопаться прямо в груди.

— Думал, мой творец был идиотом? Думал, он поместил мозг в голову? — шептал Дракон.

Громадная голова поднялась. Элрондий держался, вцепившись изо всей силы в меч. Внизу, под его болтающимися ногами, вспыхнул белый огонь.

— Вот мой секрет: мой мозг в хвосте.

Пламя метнулось вверх.

Элрондий уже ничего не мог поделать и лишь со страхом взирал вниз. Отец выплюнет труса.

Нет, не выплюнет. Если я назову Его имя, Он услышит меня.

По крайней мере так говорят священники.

А если они ошибаются? Если все, во что я свято верил, ужасная ошибка?

И все равно я умру по-своему. И никто меня не выплюнет.

С отчаянным криком рыцарь выпустил меч и полетел в огненную глотку зверя.

Дракон Умбриель сглотнул. Пламя с шумом взметнулось ввысь, вырвалось из каньона и устремилось к лику Урания.

А Дракон опустил голову в ожидании очередного Рыцаря Оберона.

Глава шестая

Система Урана
0:45, среда, 2 апреля 3017

— Неплохо, — сказал Герардо Функ. — Эскапизм. Безрассудная смелость. Людям такое нравится.

— Жутчайшая смерть из всех, что я видел, — отозвался Томас Огава. — Использовать пошлую сказку, чтобы завлекать бедных и несчастных в пасть… ну, скажем, в мясорубку… это не совсем честно.

— А разве Амес поступает честно? — возразил Функ. — На Сатурне применил против нас мил-грист. — Он криво усмехнулся. — Мы по крайней мере даем… анестезию.

— Какой ты злой. — Огава покачал головой. — Хорошо еще, что мы на одной стороне.

— Без тебя бы я не обошелся. Капитан Томас Огава, сеятель Драконов.

— Ладно, обзывайся как хочешь. — Огава помахал рукой и оборвал связь. Работа почти сделана, пора убираться подальше из системы Урана.

Он покидал этот ад без малейшего сожаления, даже зная, что возвращается в огненный смерч Нептуна.

В отличие от бедных, обреченных душ Урана, он не питал иллюзий относительно следующего задания.

Глава седьмая

Система Нептуна
2:07, четверг, 3 апреля 3017
Командный центр Федеральной армии

Приказ у полковника Теори был только один: сдержать силы Департамента до прибытия помощи. Генерал Шерман, как обычно, сформулировал задачу четко и ясно, и Теори ценил это его качество. Не радовало только то, что он остался на Нептуне за главнокомандующего. Шерман, вероятно, имея на то свои причины — скорее всего, военного свойства, — взял захваченный неприятельский корабль, «Бумеранг», и вместе с клаудшипом Тацитом отправился в экспедицию на Плутон.

По сути, обычная мера предосторожности — на случай, если Теори облажается. Так, по крайней мере, считал сам полковник. Возможно, у Шермана было на этот счет свое мнение. «Если противник будет иметь подавляющее превосходство». Что-то вроде этого. Но Теори знал, что никогда не сможет быть самим собой, если уступит систему Мету, а Шерману придется возвращаться и выручать его.

В любом случае, если такое случается, в живых меня, скорее всего, не будет, думал полковник.

Впрочем, для беспокойства были и более реальные причины.

В системе Нептуна находилось шесть клаудшипов: Марк Твен, Остин, Гомер, Маккарти, Сервантес и Карлайл. Себя они называли «Группой Койпера», поскольку именно в Поясе Койпера для многих из них все и начиналось. К сожалению, им не хватало боевой подготовки. Все были добровольцами, сражавшимися вместо Федерального флота, который лишь формировался на базе первых выпускников военной академии в Облаке Оорта.

И все же командовать шестью клаудшипами — большая ответственность, вот почему Теори отнесся к делу с полной серьезностью. Все они, мужчины и женщины, имели за спиной богатый жизненный опыт и успели побывать в таких далях, которые ему и не снились — Марк Твен, например, летал в Альфа Центавра! Все они прожили по сто с лишним стандартных лет и большую часть этого времени провели, бороздя просторы космоса в своих сияющих телах изо льда и камня.

Распределил он их вроде бы достаточно эффективно. Они согласились занять назначенные позиции, хотя и не проявили особой радости, особенно Карлайл, считавший, что нахождение на орбите внутренних лун лишает его возможности наблюдать за

ходом всей операции. Карлайл не был солдатом, поэтому Теори не стал его одергивать, а просто повторил приказ, и клаудшип, ворча, отправился туда, куда его послали.

Каждый корабль принял на борт ту или иную воинскую часть, хотя численное превосходство в этом отношении оставалось на стороне Департамента. Шерман забрал с собой на Плутон пятьдесят пять тысяч солдат, включая лучших, ветеранов Третьей и Легкой бригад, оставив Теори Вторую дивизию Федеральной армии, укомплектованную, по большей части, новобранцами. (Первую дивизию федеральное командование уже откомандировало на Юпитер.)

Итак, на Нептуне неизвестным силам Департамента противостояло 113000 бойцов. Каждый крейсер Департамента мог нести до двадцати тысяч солдат. Двадцать кораблей разместили бы при желании половину гражданского населения Тритона! Судя по поступающим донесениям, численность неприятельского флота составляла двадцать пять кораблей.

Чтобы иметь хоть какой-то шанс на победу, нужно было ограничить грядущую битву исключительно боевыми действиями в космосе. В последний год Федеральная армия отнюдь не сидела сложа руки. По темпам вооружений они даже опередили Мет. Проблема заключалась в том, что Мет имел в своем распоряжении огромные производственные мощности, а численность его населения в несколько раз превышала численность населения внешней системы: 90 миллиардов, включая БМП и свободных конвертеров, против 10 миллиардов фремденов.

Фремдены. Снова это слово. Сначала оно появилось там, в Мете, как пренебрежительная кличка для всех, кто жил по другую сторону, но федеральные войска приняли его и теперь пользовались сами, с некоторой даже гордостью.

И не только войска, но и население вообще. Например, Дженифер Филдинг, с которой он на днях встретился в Форке. Когда Теори спросил, почему она употребила это прозвище, девушка ответила, что не видит в нем ничего оскорбительного, и что так называют себя многие ее знакомые и просто люди на улице.

Теори немало удивило, что Дженифер мгновенно сошлась с его сыном. Они были едва знакомы, и мальчик был с ней так же молчалив и застенчив, как и с другими, но ее это нисколько не смутило. Похоже, его безразличие даже тронуло ее, особенно после того, как Теори рассказал, через что ему пришлось пройти, живя с матерью, прежней любовницей Теори, Константс.

— Он как птенчик, никогда не имевший собственного

гнезда, — сказала Дженифер. — Нуждается в тепле и безопасности. Все остальное приложится. Ты первый дал то, чего ему недоставало.

— Я бы хотел уделять ему больше внимания, — вздохнул Теори. — Но не знаю, что делать.

— Я помогу, — сказала Дженифер. И помогла. Он отдал ей свои ключи от квартиры в «виртуальности», и она проводила там половину свободного времени, играя с мальчиком. Вот так, думал Теори, хотел подружку, а приобрел няню. Тем не менее они бывали и вместе, иногда вдвоем, иногда с ребенком, и ее отношение к нему определенно изменилось к лучшему. До поцелуев пока не дошло, не говоря уж о чем-то большем, но Теори не терял надежды. Впервые в жизни у него было что-то наподобие личной жизни. Ее присутствие никак не сказывалось на его служебных обязанностях, точнее, сказывалось в положительном смысле. Он стал лучше понимать биологических людей, а они, что ни говори, составляли большую часть тех, кого ему полагалось защищать.

В общем, несмотря на некоторые сомнения относительно целесообразности его назначения временным командующим, предстоящую битву полковник встречал на определенном эмоциональном подъеме, которого никогда не испытывал прежде — ему было что терять.

Своих штабных офицеров Теори распределил по шести клаудшипам. Его командный центр не существовал в материальном мире, но представлял собой виртуальный оперативный штаб, поддерживавший связь со всеми участниками операции. Капитан Квенч со своей ротой отбыл вместе с Шерманом. Оставшиеся силы общей численностью чуть более двадцати тысяч сосредоточились на двух клаудшипах, Остин и Марк Твене, которым было предписано любой ценой защитить Милл. Если в сражение придется вступить пехоте, то случится это именно там. Части Второй дивизии обороняли Тритон.

Достроенный десять лет назад, Милл состоял из имеющей форму пропеллера лопасти шириной с Землю, которая вращалась в бушующей атмосфере Нептуна, Голубого Глаза, и вырабатывала энергию не только для местной системы, но и на продажу в другие системы. По крайней мере так было до тех пор, пока Плутон, Сатурн, Уран и половина системы Юпитера не попали в лапы Мета. В данный момент Милл производил больше, чем Нептун мог потребить. Излишек энергии шел на создание развернутой системы обороны.

Систему Нептуна заминировали и выстелили мил-гристом. Кроме того, за последние три месяца с колец и лун доставили на

клаудшипы большое количество сырья, что позволили им вдвое увеличить свои размеры — в прежние времена на выполнение этой задачи потребовались бы годы.

Нептун превратился в крепость. Оставалось только надеяться, что принятых мер достаточно. Все, политики и военные, прекрасно понимали — Амесу нужен Милл. Он уже не раз обещал уничтожить его, если встретит даже малейшее сопротивление. Первую попытку вторжения отразил генерал Шерман, и теперь взять или хотя вывести из строя Милл было для Амеса вопросом не только стратегии, но и чести. В то, что Директор уничтожит комплекс целиком никто не верил — объект представлял огромную ценность в долгосрочном плане, независимо от того, кто им владел.

Теори сосредоточился.

— Монитор, что нового? — спросил он начальника сенсорной службы.

Майор Монитор, свободный конвертер, в обычных обстоятельствах разговорчивостью не отличался, но, как и многие друзья Теори, не мог упустить повода пошутить по поводу новой внешности шефа. Это продолжалось уже несколько недель. Наверно, полагал Теори, такое подшучивание помогало ослабить растущее напряжение.

— Пока ничего, Капитан Крепыш, — ответил Монитор и, выдержав паузу, добавил: — А, это вы полковник. Ошибся, принял вас за того супергероя из мерси-шоу. Того, что бороздит моря и океаны и выручает из беды слабых. Того, которому дамы подносят трусики на серебряном блюдечке…

— Очень смешно, — сухо заметил Теори.

И вот так с того самого дня, как он появился на службе в новом облике, с отпущенной бородкой. От подначки не удержался даже Шерман, посоветовавший быть осторожнее с дверями и люками, дабы не зацепиться и не сорвать их с виртуальных петель.

Не раз и не два он собирался плюнуть на все и вернуться к прежнему образу, но обещание есть обещание. Он сказал Дженифер, что будет ходить в таком, «героическом», виде на работу, а слово надо держать. То было своего рода наказание за обман, и наказание, надо признать, не самое суровое — в отместку за лживость она могла бы потребовать и кое-чего пострашнее. Легко отделался, утешал себя полковник.

Так что он стоически нес нелегкое бремя: терпел свое мускулистое тело, будто высеченное из камня лицо, не брил бороду и старался не реагировать на шуточки сослуживцев. В целом, как ни удивительно, получалось совсем даже неплохо.

— Помехи в гристе, сэр, — доложил, переходя на серьезный тон, майор Монитор. — Мы отрезаны на линии Сатурна.

Никто точно не знал, как Департаменту удается создавать помехи в гристе, хотя Лаборатория передовых исследований и группа исследователей на Каллисто уже бились над проблемой. Похоже, это имело какое-то отношение к странным БМП, известным как временные башни, но дальше предположений дело пока не шло. Прорыв в этом направлении значительно повышал бы шансы внешней системы. Мерси, по определению, есть сеть, существующая на основе распределенного в пространстве всей солнечной системы гриста. Изолировать какую-то ее часть представлялось невозможным. Но тем не менее Амес смог. И теперь его специалисты серьезно подорвали коммуникационные возможности защитников Нептуна.

Кроме того, появление помех указывало со всей определенностью на то, что флот Департамента приближается. Эффект блокирования имел определенный радиус действия, что выяснили Шерман и Теори, когда использовали захваченный «Бумеранг» для атаки на крейсер «Монсеррат». Что бы ни представлял собой глушитель, он устанавливался на корабле и создавал при работе мелкобороздчатую сигнатуру. Во время вторжения Тритон был полностью изолирован от большей части мерси. Пришлось ставить «заплаты» и прокладывать обходные коммуникационные пути.

Теперь по всей системе стояли электромагнитные реле, так что если какой-то локальный участок сети блокировался, связь с командованием осуществлялась по запасным каналам, причем, со скоростью света. Разумеется, противник имел на вооружении и электромагнитное заглушающее оборудование, но Герардо Функ изобрел новые многоваттные транспондеры, которые работали на кодированных пакетах огромной мощности.

Было у них и еще одно средство, которое держали про запас, на крайний случай. Если электромагнитные реле выйдут из строя, их заменят ядерные устройства, установленные на одной из малых лун, Наяде. В случае острой необходимости Теори мог взорвать их в определенной последовательности и поддерживать связь со своими силами через гравиметрические возмущения. Гравитационные изменения распространяются со скоростью света, а не мгновенно, как сигналы в мерси. Замену мерси найти практически невозможно.

— Группа Один держит 50 К, — доложил Монитор. 50 К — пятьдесят тысяч километров в час. — Группа Два вышла из зоны помех. Идет на полной, 1,1 МК.

Миллион сто тысяч километров в час. Сотая от скорости

света. Верхний предел. Однако ни маневрировать, ни вести бой в пределах планетарной системы на такой скорости невозможно. Корабли ворвутся в систему, воспользуются угловым моментом Нептуна и тормозящей силой атмосферы для торможения и выхода на оперативную скорость. Им придется совершить несколько десятков орбитальных кругов вокруг Нептуна. Теори надеялся, что прежде чем они выйдут на заданную скорость, хотя бы один попадет в минную ловушку.

Удался ли трюк? Скоро он это узнает. Если часть кораблей продолжит движение, значит, отвлекающий маневр с атакой Плутона сработал, и противник выделил часть сил в качестве подкрепления. А если пройдет и еще одна уловка, то и еще несколько возьмут курс на Уран для отражения другой мнимой угрозы. Все это спланировал Шерман с целью разорвать вражеский флот на отдельные куски, с которыми уже можно будет разобраться по отдельности.

По мере поступления сигналов с электромагнитных детекторов Монитор выводил на экраны идентификационные данные вражеских кораблей.

— Группа Один… сообщает разведдрон Мария-Альфа… «Жертвоприношение ацтеков». Полное совпадение по конфигурации. — В голосе Монитора слышалась гордость.

Что ж, полуразумный шпионский дрон, запущенный ими по пассивному курсу к Сатурну, определенно оправдал ожидания, размышлял Теори. Если они выберутся из заварушки живыми, надо будет довести его до статуса СК и дать повышение. Выполнение подобного рода заданий стоит того, чтобы дрон получил по-настоящему хороший персональный шаблон. Может, Монитор согласится? Как-никак посылка дрона была его идеей.

— Группа Два пересекает плоскость орбиты Нереиды, — сообщил Монитор. Общались они мгновенно, но все же какое-то время требовалось для формирования мыслей и произнесение слов. Согласно второму донесению Монитора, они прошли четверть расстояния между луной и планетой. Половину…

Именно здесь стояло больше всего мин. Закрыть всю планету невозможно — для этого понадобилось бы создать конструкцию величиной с Юпитер, — поэтому особое внимание уделили наиболее вероятным векторам торможения. Теори сам потратил несколько дней, вычисляя такие маршруты. Сейчас минные поля контролировались им полностью. Источником помех был корабль из Группы Один, «Жертвоприношение ацтеков».

— 7sxq688N, подрыв, — прозвучал бесстрастный женский голос мины.

— Цель поражена. — Мужской голос был более

взволнованным. Все эти мины были полностью разумными копиями свободных конвертеров, как и все аннигиляционные устройства. Мины были добровольцами и знали, что могут умереть. Впрочем, риторикой здесь никто не занимался. — 7sxq688N поразила цель. Удачи, 7sxq688N.

Недостаток эмоций восполнил капитан Ольски, физически находившийся на клаудшипе Остин.

— Достали ублюдка! — прокричал Ольски, чтобы его все слышали. — Отправили паршивца в ад!

Оперативный штаб отозвался сдержанным одобрением — одним вражеским крейсером меньше.

— Монитор, состояние.

— Группа Два… Группа Два разделяется… Либо выброс… — Задержка в миллисекунду. Теори знал — майор коррелирует одновременно миллионы показателей. — Три вектора. Один к Плутону. Один тормозящий. — Еще пауза. — Есть подтверждение. Ответвление к Урану.

Клюнули, подумал Теори. Мы их провели. Шерман атаковал Плутон, и противник среагировал на нашу уловку с Ураном. Мы их раскололи.

— Сколько их? Мне нужно знать, сколько кораблей идет сюда.

— Определяю… Так… четыре. Четыре крейсера. Занимаюсь идентификацией.

Плюс восемь из сопровождения «Жертвоприношения ацтеков». Минус один. Получается двенадцать. А вначале было двадцать пять.

И все-таки много, решил он. Но не слишком. Справиться можно. Особенно, если учесть, что он не атакует, а обороняется. Теори многому научился, анализируя сражение и гибель клаудшипа Сэндберга. При грамотном использовании клаудшипы представляли собой грозное оружие. Более мощное, чем крейсер Департамента.

— Сэр, через восемь минут Группа Два выйдет на маневровую скорость в позиции около Тритона.

Восемь минут. Контратака. Двойной удар. И если все получится, надеяться на затяжную осаду.

Сын и Дженифер Филдгайд. Его солдаты. Друзья. Весь его мир.

Он обязан защитить их.

— Хорошо, — сказал полковник Теори, обращаясь ко всем сразу. — За работу.

Глава восьмая

Система Нептуна
16:05, четверг, 3 апреля 3017

На Тритоне Дженифер Филдгайд собиралась навестить мальчика. В виртуальность они выходили редко. Мальчик был крайне застенчив. Даже не застенчив, а как будто оглушен. Иногда Дженифер казалось, что он на грани аутизма.

Поэтому встречались в квартире Теори. Точнее, в том виртуальном пространстве, которое Теори создал для себя и теперь для сына. Выглядело все тускло и невыразительно, и Дженифер каждый раз приносила с собой что-нибудь, чтобы немного оживить обстановку. Она взяла за привычку посещать рынок в Форке, где неизменно отыскивала какой-нибудь декоративный алгоритм или интересную виртуальную вещицу. Накануне ей посчастливилось отыскать нечто по-настоящему оригинальное. Дженифер заглянула в антикварную лавку, где обнаружила «аспектную» лампу. Алгоритм существовал одновременно в виртуальности и реальности. Присутствуя в гристе реальной лампы в гостиной Дженифер, он одновременно отражался в квартире Теори. Таким образом лампа находилась в двух местах сразу.

Винтажной лампе было триста лет. Триста лет назад человечество только-только начало привыкать к своей новой, тройственной природе. Многие поначалу хотели, чтобы их виртуальное окружение являлось точной копией реальной, физической среды, в которой жили их аспекты.

Мальчик молча наблюдал за Дженифер, пока она подыскивала для лампы подходящее место и устанавливала ее. За те несколько месяцев, что они были знакомы, он вообще не сказал ей ни слова. Иногда разговаривал с отцом, но только короткими повествовательными предложениями. Впрочем, за всем, что делала Дженифер, ребенок наблюдал внимательно. Его глаза напоминали ей моря символов, математических и каких-то еще, совершенно непонятных. Следя за ней, он поворачивал голову, и только так она определяла, что мальчик смотрит на нее. Когда девушка переходила в другую комнату, он шел следом на небольшом расстоянии и садился не сразу, а лишь после того, как становилась ясно, что она не уйдет сразу.

— Смотри. — Дженифер включила лампу. — Теперь у нас с тобой одинаковое освещение. Если я включу свет у себя дома, твоя тоже засветится. Ты всегда будешь знать, в гостиной я или

нет, потому что когда я не в комнате, дом выключает свет.

Мальчик промолчал, но она не сомневалась, что он все понял. Ему никогда ничего не требовалось объяснять дважды. Оставалось только понять, имеет ли для него какое-то значение, что лампы существует в двух измерениях. Да и вообще, имеет ли что-нибудь для него хоть какое-то значение?

А может, ему это не дано?

Теори заверил ее, что дано. Забрав сына у его сумасшедшей матери, он провел полную диагностику. Мальчик был исключительно сложным конверьером — последняя модель искусственного интеллекта. Как и у всех свободных конвертеров, в нем сочетались качества человеческой личности и вычислительные и аналитические алгоритмы. Все свободные конвертеры были не только производными полуразумных компьютерных программ, но и инкорпорировали черты реальных людей.

Или, скорее, людей, существовавших и как аспекты, и как конвертеры, напомнила себе Дженифер. Физических людей. Были и «чистокровные» искусственные интеллекты — свободные конвертеры, представляющие собой только программы и не имеющие в предшественниках биологических людей, — но такие встречались редко и уступали в сложности своим гибридным братьям, хотя имели место и исключения. Кроме того, как рассказал Теори, чистокровные изначально программировались биологическими людьми, человеческая природа которых передавалась им иными средствами. Препарируйте нас, как вам угодно, но мы люди.

Но был ли этот мальчик — продукт чистокровной матери и гибрида во втором поколении — настоящим человеком? Года полтора назад, до начала войны, Дженифер ответила бы без раздумий.

Ни в коем случае.

Одно дело говорить о правах свободных конвертеров вообще, абстрактно, и совсем другое — общаться с ним непосредственно. Жутковато. Если уж без них не обойтись, то пусть остаются слугами, калькуляторами, базами данных. Как и многие, она считала в душе, что *их стало чертовски много*. Что может быть Мет и прав, вводя строгие правила их передвижения по гристу и размножения. Что может быть и Тритону, если он хочет и дальше оставаться цивилизованным местом, стоит ввести подобные ограничения.

И вот теперь мой бойфренд — свободный конвертер. А я нянчусь с его чудаковатым сынишкой.

Ты сама на это согласилась, напомнила себе Дженифер. Да и

мальчик уже был для нее не чужим. Она даже воспринимала его как своего рода миссию. Если он человек, она пробудит в нем человеческое. Никто не скажет, что этому ребенку не хватило любви и внимания.

Она подавила внезапное желание протянуть руку и погладить его по голове. Ему не нравилось, когда его трогали. Когда она случайно касалась его, он не просто отстранялся, а буквально телепортировался к дальней стене.

Дженифер несколько раз включила и выключила лампу и улыбнулась мальчику.

— Я подумала, может, сходим сегодня в гости.

Он уставился на нее. Что там, в этих непроницаемых глазах? Надежда? Ненависть?

— Хочу, чтобы ты познакомился с моими родителями.

Он не шевелился. Ждет дальнейших объяснений и уточнений, подумала она.

— Мы познакомимся с ними, конечно, в виртуальности, — продолжала Дженифер. — Но в виртуальной части моего прежнего дома. То есть дома, где я выросла. — Никакой реакции. — Их зовут Ронда и Кеннет, — неуклюже закончила она.

И что дальше? Сказать, чтобы захватил пальто?

— Нас ждут там через полчаса. Они приготовили угощение, но есть не обязательно. Это мерси-пища. Ненастоящая. Понимаешь?

Мальчик молча смотрел на нее.

— И вообще, если не хочешь никуда идти, то и не ходи. Просто дай мне знать, ладно?

Потом они полчаса играли в бакгаммон. Предложила Дженифер, но ребенок легко и просто обыграл целых три раза. Буквально разгромил. Потом она кивнула, приглашая следовать за собой. Они вышли в дверь и оказались, виртуально, на пороге дома ее родителей.

Их уже ждали. Кеннет Филдгайд широко улыбался.

Как ему нравится хвастать своими большими зубами, подумала Дженифер. Что поделаешь, отец был продавцом. Мать тоже улыбалась, но по крайней мере не так пугающе.

— Обед готов, — сказала она и посмотрела на мальчика, старательно скрывая любопытство. Получилось плохо. — Если вы, конечно, хотите…

— Хотим, мама, — раздраженно перебила Дженифер, хотя причин для раздражения, в общем-то, не было. Она понимала это, но контролировать это чувство уже не могла. — Потому и пришли.

Улыбка на лице матери поблекла, и она кивком пригласила

их войти. Поскольку все происходило в виртуальности, им не пришлось ни проходить через шлюз, ни перенастраивать грист.

Обедали за дубовым столом, накрытым с особым изяществом и заставленным живописно выглядящими блюдами. Готовка была коньком Ронды, и на этот раз она взяла за основу морепродукты. За суши и рыбным супом последовали креветки и бобы с рисом. Дженифер, хорошо знавшая привычки матери, не сомневалась, что на десерт будут «тадди», сладкие рулетики из морской капусты. Все эти блюда, разумеется, существовали не только в виртуальности, но и в реальности. Только вот настоящую пищу придется съесть лишь родителям.

Сели за стол. Мальчик по крайней мере знал, что нужно делать — опустившись на стул, он принялся рассматривать суши. Дженифер облегченно вздохнула.

— Помолимся, — предложил Кеннет Филдгайд и повернулся к гостю. — Когда наступает время покоя, мы обычно умолкаем ненадолго, чтобы побыть в свете Божьем.

Сколько помнила себя Дженифер, ее отец всегда исполнял обязанности старшины на собраниях местного общества Зеленого Древа.

— Обычно мы беремся за руки, — продолжал Кеннет, — но если ты предпочитаешь…

Странно, но мальчик сам подал ему руку. Другую он протянул Дженифер. Впервые за все время она дотронулась до него намеренно.

Кожа у него была теплая. Как у настоящего…

Так, взявшись за руки и обращаясь за благословением к Зеленому Древу, они простояли с минуту, после чего Кеннет Филдгайд кивнул.

— А теперь давайте попробуем, что приготовила моя жена.

Дженифер взяла палочки и, пододвинув тарелочку с суши, взглянула на мальчика. Он не стал брать приборы, зато все стали свидетелями того, как пальцы его правой руки исчезли, а вместо них появились две черные палочки. Ловко захватив кусочек рыбы, гость отправил его в рот.

— Очень удобно, — заметил ее отец, захватывая вместе с рыбой еще и добрую порцию риса. Ронда улыбнулась и отведала супу.

Получилось, подумала Дженифер. Действительно получилось!

Она не знала, что в этом такого удивительного, и почему ей стало вдруг так хорошо. Возможно, наслышавшись всякого об этом странном существе, она перестала принимать его за нормального ребенка. А ведь он, наверно, был именно ребенком в

первую очередь. Или хотел им быть.

— Извините, миссис Филдгайд, — произнес мягкий мужской голос.

Мальчик мгновенно остановился и замер, не донеся до рта кусочек рыбы.

Дженифер не сразу поняла, что голос принадлежит дому родителей. Она уже и забыла, когда его слышала. Дом обращался к ее матери.

— Да, что такое? — спросила Ронда.

— Вы просили сообщать, если в новостях появится что-то важное.

— Да, и что?

— Экстренное мерси-сообщение. Боюсь, Нью-Миранду ожидают большие неприятности.

— Мы и ожидали неприятностей, — заметил отец, стараясь сохранить спокойствие. Дженифер, однако, уловила в его голосе дрожь и, бросив взгляд на мальчика, поняла, что и он тоже ее уловил.

— В целом защита выдерживает, но несколько тупых бомб все же прорвались, — пояснил дом. — Тупых. То есть не снаряженных взрывчаткой и не наделенных интеллектом. Шрапнель. Город накроет короткий дождь из гвоздей.

Ронда взглянула на дочь.

— Мы обедаем в подвале. Где ты?

— В квартире. Надо мной почти все здание.

— А мальчик?

Дженифер молча посмотрела на мать.

— О, я забыла, — кивнула Ронда. — Где-то в гристе.

И тут ударил дождь. Словно одновременно застрочили миллионы пулеметов. Здание содрогнулось. Дженифер на мгновение выбросило из мерси — это включились компенсирующие алгоритмы, но уже в следующий миг она снова оказалась в квартире. Стены то вздымались, то опадали, как будто дом тяжело дышал.

Разгерметизация. Это слово слышал на Тритоне каждый ребенок. Что оно означает, понимали все, и все знали, что нужно делать, если такое случится. Но надеялись, что до этого не дойдет. Дом старается справиться с повреждениями сам. Порядок действий… Она никак не могла вспомнить, и тут ее снова бросило в виртуальность.

Столовая напоминала гравюру Эшера. Родители и обеденный стол оказались на потолке. Ронда смотрела на дочь сверху вниз с изумлением и страхом.

Для нее я на потолке, подумала Дженифер.

В следующее мгновение она снова оказалась в своей квартире — волна белого шума ударила в ухо, и за ней пришла боль.

Всплывший на периферии зрения дисплей проинформировал о разрыве левой барабанной перепонки. Внутренний грист уже разворачивался, чтобы исправить положение.

Дженифер переключилась в виртуальность. Она все еще смотрела вверх. Бутылка сорвалась с прилепившегося к потолку стола, перевернулась в воздухе, разбрызгивая жидкость, и упала на пол рядом с ее стулом. За бутылкой один за другим последовали и другие предметы. Солонка шлепнулась ей на колени. Тарелка с прошутто едва не врезалась в голову.

Где мальчик?

Она огляделась. Он сполз со стула и забился в угол. Вверху над ними задрожал обеденный стол. Дженифер метнулась через комнату к ребенку. Схватила его, прижала к себе и повернулась к стене. На его долю и без того выпало слишком много страданий! Хватит! Пока она рядом, с ним ничего больше не случится.

Никогда раньше они не оказывались так близко друг от друга. Она чувствовала, как он дрожит.

— Чтобы сделать больно тебе, им для начала придется убить меня. Я этого не допущу.

Стол со страшным грохотом сорвался с потолка и врезался в стену рядом с ними. Затрещали стулья. Дженифер моргнула и перенеслась в свою квартиру. Руки сжимали пустоту.

Периферийный дисплей проинформировал, что разрыв барабанной перепонки временно стабилизировался. Дождь ослабевал. Взрывы прекратились. В воздухе стоял легкий запах аммиака, но дышать было можно.

— Отмена последней команды! — крикнула Дженифер. Руки ее конвертерной части забегали по внутренним кнопкам. — Верни меня в виртуальность!

И она вернулась. Мальчик был с ней. Родители… Боже, что же это такое с ними? Они стояли на головах на потолке, ногами к ней и мальчику.

— Ты только посмотри на них, — сказала она мальчику. — Уже приготовились прыгнуть на нас. Как стол.

Словно только и ждали, Кеннет и Ронда сорвались с потолка и упали на пол. У матери соскок получился идеальный, а вот отец подкачал — покачнулся и, чтобы не упасть, ухватился за ножку перевернутого стола.

— Ну и как вам мой цирковой номер? Хотите, чтобы повторил? — спросил Кеннет Филдгайд.

Мальчик уже успокоился и перестал дрожать. Пальцы, впившиеся в одежду Дженифер, разжались. Но он все еще

держался за нее.

— Прошу извинить за доставленные неудобства. — Говорил дом. Голос его звучал, как всегда, спокойно, даже безмятежно. — Мне еще никогда не приходилось компенсировать столько различных входных данных одновременно. Мои виртуальные репрезентации испытали системную ошибку, так что прошу извинить…

— Все в порядке, — перебила его Ронда. — Ты не виноват. В конце концов мы пережили атаку.

— Секунду… Сейчас я все исправлю. — И действительно уже в следующую секунду столовая восстановилась в прежнем виде. Они все снова сидели за столом.

— Спасибо, но я не уверена, что кто-то хочет есть, — заметил Кеннет. — Какие новости? Что случилось?

— Дождь прошел. По сообщениям мерси, нас захватило лишь краем. Есть жертвы, и если хотите…

— Не сейчас.

— Защита устояла. Дать подробный отчет?

— Не думаю… — Родители переглянулись, и Дженифер заметила, что отец покачал головой.

— Ты еще хочешь есть? — спросила она у мальчика.

Он ненадолго задумался. Потом его пальцы снова превратились в палочки.

— Да. Хочу. Я проголодался.

— Тогда мы еще поедим, — объявил отец.

Меня, конечно, никто не спрашивает, подумала Дженифер.

— Давайте, — согласилась она.

— Приятного аппетита, — сказал дом.

Мальчик, словно переключившись из режима паузы в активный, подцепил кусочек суши. Дженифер отправила в рот ложку супа. Хоть и не настоящего, но вкусного.

Угрожала ли им подлинная опасность в перевернутой комнате? Она не знала. В виртуальности вообще было много такого, о чем она никогда особенно не задумывалась. Но теперь, когда у нее появился Теори, эти вещи приобрели особое значение. И мальчик…

Их ведь не разделишь, так? Принимая одного, нужно принимать другого.

Дженифер взглянула на него и ощутила вдруг то же, что и несколько минут назад, когда впервые обняла его — желание защитить, уберечь.

Мальчик закончил с суши и, сменив палочки на ложку, зачерпнул супа. Глотая, он слегка причмокнул.

— Ну как, неплохо, а?

До конца обеда Ронда и Кеннет пытались занять гостей и себя разговором о пустяках. Дженифер слушала их вполуха. Мальчик как будто поставил перед собой цель попробовать каждое блюдо и неспешно, но последовательно шел к ней. Когда дом подал десерт, сладкие рулетики из морской капусты, он немного задержался, словно пробуя незнакомое угощение. А может, как и все дети, ему просто нравилось сладкое? Или все дело в какой-то подпрограмме «тэдди»?

Обед наконец закончился, и они уже собирались уходить, когда случилось нечто экстраординарное. В последний момент, уже у порога, мальчик, сохраняя то же бесстрастное лицо, повернулся к Кеннету и Ронде.

— Большое спасибо. Все было очень хорошо.

Отец расплылся в широчайшей улыбке.

— Пожалуйста. Приходи еще. Будем рады.

— Нам тоже было приятно, — добавила Ронда и повернулась к дочери. — А вы, юная леди… понимаю, времена сейчас нелегкие, но это еще не повод ходить все время с кислым лицом.

А ведь мать права, подумала вдруг Дженифер. Я все время хмурюсь. Вот и сейчас напряглась. Мать покритиковала, а я уже хмурюсь и раздражаюсь. А зачем? Да и какая глупость, обижаться на кого-то, когда Теори где-то там, в небе, дерется за них всех. Когда малыш, и без того пострадавший от своей матери, пытается пробиться к нормальной жизни.

Может, ей тоже предстоит многому научиться.

Дженифер улыбнулась. Пусть мать думает, что это реакция на ее критику. Пусть каждый почувствует себя победителем.

Они вернулись в квартиру Теори. И пусть она могла вернуться сюда виртуально в любой момент, уходить вот так сразу, оставлять его одного Дженифер не стала. К тому же в квартире наверняка разгром, а убираться не хотелось. Как и заниматься ухом.

К черту, все подождет до завтра.

Ее аспект и сам справится со своими проблемами. Если ему угрожает какая-то опасность, она узнает об этом незамедлительно.

Нет, она не пойдет домой, в реальный мир. Пока. Она проведет ночь здесь, в квартире Теори, с мальчиком. Защитит его. Убережет.

Дженифер почувствовала, как в душе ее просыпается тигрица.

Глава девятая

Система Плутона
13:01, четверг, 3 апреля, 3017

Кваме Нейдерер ожидал развертывания вместе со своим взводом. На этот раз в своей родной системе Плутона. Здесь он вступил в армию, чтобы убраться куда подальше. И вот теперь он в армии, а армии начхать на его желания, даже если он поклялся, что ноги его больше здесь не будет. На Плутоне и Хароне ему делать нечего. Кваме однако понимал стратегию Шермана и то, что его роте оказана честь сопровождать генерала в этой операции.

Похоже, их задача состояла в том, чтобы вызвать огонь на себя и ослабить давление на Нептун. И если все сработает, им придется иметь дело не только с местным гарнизоном Мета, но и с той частью флота, что придет сюда ему на помощь. Они уже столкнулись с превосходящими, закрепившимися на позициях силами противника. Если план удастся, численное превосходство неприятеля только увеличится.

К чертям все, уж лучше бы сидеть себе спокойненько на Тритоне да нести караульную службу. Впрочем, в глубине души он понимал, что это не так. На Тритоне, если подумать, не так уж и безопасно. Наземная служба только представляется спокойной, пока на тебя не сбросят мил-грист, который запросто выест глаза. В космосе все по крайней мере делается быстро и чисто. Хотя, конечно, гарантий никто не даст. Кому что выпадет.

От мрачных мыслей отвлек протяжный гудок. Он оглянулся. Солдаты понемногу приходили в себя после долгого забвения. Хорошо еще, что в Федеральной армии личный состав не архивировали, как в Мете. Ходили слухи, что на кораблях Департамента пехотинцев подвергали сомнительной процедуре компрессии. При этом мозг якобы на время отключался, а тело де… де… черт, что ж это слово. Дегидрация? Нет. Не совсем. В общем, что-то связанное с гристом и манипуляциями на молекулярном уровне. Тела как бы усыхали и их спрессовывали наподобие брикетов из чернослив, которыми кормили сирот в учреждении, где Кваме провел суть ли не все свое детство.

Ему не нравилось, но поговаривали, что и Федеральная армия может воспользоваться тем же методом, поскольку численность новобранцев постоянно растет. Впрочем, болтали о многом, и где правда, а где брехня, в том Кваме разобраться не мог при всем желании. Ладно, скоро и так все будет ясно.

— Впереди Харон, — сказал женский голос у него в голове. Лейтенанты во взводе менялись часто, и эта была последней. Твентикликс, кажется. Джанис Твентикликс. Не самая удобная фамилия, когда дело дойдет до дистанционного развертывания и определения местоположения. Впрочем, ему-то до нее какое дело? Вот продержится побольше, тогда, может, он и станет волноваться.

— Сержант, проверьте взвод, — сказала Твентикликс. И только тут Кваме понял, что она обращается к нему. После всех этих перетрясок и переводов он стал вдруг старшим среди неофицерского состава. Вроде бы даже собирались произвести в мастер-сержанты. Заделался б любимчиком Старого Ворона. Точнее, его подопытной свинкой. У Шермана не забалуешь — чем выше звание, тем строже спрос. К тому же Кваме был не из тех, кто лезет на рожон. И как только его сюда занесло? Он вспомнил гражданскую жизнь. Какая ж скукотища. Впрочем, воспоминаний сохранилось не так уж много — алкоголь и энтальпия стерли немало страниц той старой жизни, от которой он спасся, записавшись в армию.

Хватит. Завязывай. Займись делом.

— Взвод, доложить.

Один за другим они называли себя; одни — четко и быстро, другие — вяло и раздраженно. Большинство, две трети взвода, совсем еще зеленые юнцы, сменившие тех, кого было уже не вернуть. Кваме считал. Уцелели все. Что ж, пока неплохо.

— Взвод Браво, все на месте. Потерь нет, — доложил он лейтенанту.

— Хорошо, сержант. Приготовиться.

Ладно еще, что эта Твентиклик успела понюхать пороху. Участвовала в бою с «Монсерратом». Кваме там тоже был. Был так близко, что даже дотронулся до корпуса громадного эсминца, прежде чем Шерман приказал отправить его к чертовой матери. Корабль был покрыт изотропной пленкой, напоминавшей наощупь густую, плотную слизь.

— Приготовиться, — повторила Твентиклик уже с напряжением в голосе. Кваме и сам ощущал это напряжение, полную сосредоточенность тела и ума. Прошло две секунды. — Итак, Харон. Высаживаемся на Харон.

Их бросили в дерьмо. Самое настоящее дерьмо. Вся эта чертова планета была одной сплошной крепостью.

Теперь все пойдет быстрее.

Огромная дверь главного корпуса «Бумеранга» скользнула вверх. Грист-барьеры активировались самостоятельно. Все электромагнитные поля отключились.

Солдат катапультировался в космос, как камень из пращи. Все просто. Чистая механика. Эластичные фалы выбрасывали тебя с таким начальным ускорением, какое могло выдержать только те, кто прошел полную адаптационную программу.

Сориентировался он быстро, по крайней мере быстрее большинства новобранцев. Так и должно быть — не зря же он сержант.

Сверху Харон напоминал сморщенное яблоко, да вот только полосы, что видел Кваме, были не каньонами, а оборонительными сооружениями, уже вспыхнувшими электромагнитным пламенем. Взвод был пока вне пределов досягаемости, но это ненадолго.

— Сержант, а что, истребители не могли немного обработать этот камушек, чтобы нам было легче падать? — поинтересовался рядовой Дейтрейдер.

— Обработали. — Кваме уже хотел добавить, чтобы Дейтрейдер заткнулся, но вспомнил про стимуляторы, которые должны поддерживать в солдатах боевой дух и не допускать паники.

Словно в ответ на вопрос Дейтрейдера, взвод перешел сенсорную границу, и триангуляционная группа спутников-убийц взяла их на мушку и открыла огонь. Дейтрейдер погиб мгновенно — правая часть туловища испарилась под лучом лазера. При столь обширной и быстрой разгерметизации никакой грист помочь уже не мог, и солдат умер, как показалось Кваме, от разрыва сердца, которое раздулось и лопнуло.

Остальным повезло — они пролетели опасную зону раньше, чем спутники успели найти другую цель.

Харон приближался. Вообще-то, эта маленькая луна покрыта льдом, но сейчас льда видно не было — его скрывал силикатно-металлический панцирь, в который планету заковал Мет.

Плохо. Очень плохо, думал Кваме. Как ни тяжко приходилось на Плутоне, ему нравилось смотреть в небо и находить призрачно мерцающий в бледном свете далекого солнца Харон. А какой луна выглядит теперь? Черная дырка в небе. Он проверил гравиметрические показатели — притяжение уже ощущалось, скорость падения возрастала.

— Реверс. Всем оставаться на связи.

Для выполнения маневра на ногах у каждого было по небольшой ракете. Но на них сразу же среагируют наземные сенсоры. Что ж, тут уж ничего не поделаешь. Тормозить надо.

— Мы на векторе вхождения, — сказала лейтенант Твентиклик. Кваме понял, что она где-то за ним. Отыскивать ее он не стал. — Капитан говорит, что зону высадки обработали надежно. Крупного оружия там нет. А у нас с собой есть кое-что

новенькое из лаборатории передовых исследований.

— Приятно слышать, мэм, — ответил Кваме и снова проверил периферийные данные. — Приземление через минуту и пятнадцать секунд.

Взвод падал. Вот уже и горизонт выпрямился. Тридцать секунд.

— Трастеры на полный. Держать вектор. — Он уже видел землю. Белая мишень с темными концентрическими кругами. Волны? Нет, конечно. Они же движутся. Мусор. От удара образовался кратер, а все отложения сдвинулись по окружности. — Взвод, сбор в центре. Доложить!

Отозвались семеро — четыре мужчины и три женщины. С Дейтрейдером их было восемь.

Десять секунд. Пять. Кваме вырубил трастеры.

Три. Две. Одна.

И мир обернулся безумием.

Глава десятая

Система Нептуна
Начало апреля 3017
Тритон

ТиБи — человек, известный под именем Таддеус Кайе, — оглядел себя в четвертом измерении. Он все еще был там. Прежний, новый. Для которого каждый день начинался с мучительного прохождения через прошлое и будущее. А вот Алетиа разорвана на кусочки. Буквально на единички и нули. Милое ничто. Рассыпана где-то в Мете. Он в этом не сомневался.

Как я попал сюда, на Тритон? Я не могу здесь остаться.

Но остался же. И нашел себе место и дело. Уход за ранеными. Даже начал снова писать стихи. Вернулся к своему прежнему занятию.

Не своему. Стихи писал Бен Кайе, напомнил он себе. Таддеус поэтом никогда не был. Таддеус существовал ничтожную микросекунду — до того, как Бен вошел в него, как кинжал в сердце, разрезав его надвое.

ТиБи был двумя людьми, и не имело значения, что они по сути были одной личностью. Значение имеет то, как ты себя ведешь, что делаешь, как поступаешь. Как проявляешь себя в действии. Это и было доказательством того, что что-то пошло не так, что случилось какое-то повреждение. То, что ты делаешь, отражается во времени — назад и вперед — и формирует тебя. Действие формирует себя, формируя тебя. Как там сказал тот поэт, Майерс?

Я стою как тень
Отлитая в воздухе
Сделанная из всего
Что там есть

Реально то, что происходит. Или не происходит. Или происходит не так, как должно.

Они пытались превратить его в супермена. Они? Черт, он сам так захотел. Стать предельным БМП, записанным на гравитонах, скачущим взад-вперед во времени. Самим собой в прошлом, настоящем и будущем одновременно. Его взор охватывал бы десятилетия. Каждое его действие совпадало бы с неизбежным. Неизбежное обрело бы человеческое лицо и преобразовало бы его

в соответствии с человеческими целями, по крайней мере в пределах солнечной системы. Повсюду, где есть грист, дабы транслировать его, Таддеуса, гештальт-видение прошлого, настоящего и будущего.

Какой облом. А ведь по-настоящему ему хотелось только одного — стать поэтом. Великим поэтом. Одного ряда с Данте и Шекспиром. Ему хотелось славы. А что здесь плохого? Его никогда не привлекала власть. Власть может быть — а может и не быть — побочным эффектом славы. Наплевать. Другое дело — писать. Выразить любовь к Алетии. Обессмертить ее имя, как Шекспир обессмертил Темную леди, а Данте — Беатриче.

Так или иначе, в результате он уничтожил самого себя. Чтобы стать предельным, идеальным БМП, нужно было отбросить прежнее «я». Бен не мог интегрироваться с Таддеусом.

А вот Алетия… Алетия была — и всегда будет — только одна.

Она любит Таддеуса. Это данность. Единственное желание Алетии — стать БМП — неисполнимо из-за присутствия в ее ДНК некоего побочного гена. Предрасположенности к шизофрении, избавиться от которой невозможно, не уничтожив при этом сознание. Никому из предков Алетии по материнской линии никогда не быть БМП.

Движимый завистью и неприязнью, Бен перед апгрейдом скопировал себя и поручил одному хакеру вставить копию в обновленный алгоритм. Обойти защиту не составило труда. Кто мог ожидать мошенничества в таком эксперименте?

Он скрыл свои планы. Даже от себя самого. До нужного момента. Ключевые слова произнес техник. *Инициирую апгрейд*. Глупые, ужасные слова, предшествовавшие глупому, ужасному действу.

Бен, оригинал, умрет. Это было частью плана. Зачем он нужен? Она больше не будет меня любить, думал он. Будет любезна, но только из жалости.

Ему лучше умереть.

Итак, момент настал, слова произнесены, и вирус внесен в каждую из многочисленных копий, которые составят сущность Таддеуса. В той зараженной программе сидела копия Бена. Таддеус родился с ним, как с кинжалом в ране. Только извлечь кинжал уже невозможно.

Даже через самоубийство.

Он пытался. При первом же пробуждении в новом статусе БМП, своей новой сущности, он ощутил этот кинжал. Еще не сознавая, что это, он попытался вытащить его, изринуть из себя, избавиться от того, что было не правильно, чего не должно было быть.

Взрыв. Взрыв, который убил всех, кто физически находился в месте проведения эксперимента на Марсе. И взрыв в гристе. Виртуальный. Разметавший всех присутствовавших конвертеров по всем четырем углам творения.

Всех. Включая Алетию.

Взрыв убил Алетию и швырнул ее сознание на волю ветров гриста.

Он убил ее. Единственную женщину, которую любил.

Осознав, кто он и кем стал, он — это новое существо, этот король БМП — не стал называть себя ни Таддеусом, ни Беном. Он назвал себя ТиБи. Туберкулезный Кайе. Гаденькая шутка.

Затем последовали годы поисков. Годы дисфункции. Новая жизнь — жалкое существование — в помойке под названием Карбункл, в поясе астероидов, на задворках Мета. Дыра, куда притаскивались умирать или мутировать.

И там, в этой помойке вселенной, в момент полного отчаяния, он ощутил первое — со дня своего «рождения» — тепло заботы и любви. Друг сложился из пушистого комка сбежавшей программы, чудно мутировавшего гриста и темных грез об Алетии.

Ее звали Джилл. Она была — надо же! — хорьком. То есть была раньше. Пока не трансформировала себя — исключительно силой воли — в девушку.

Маленькая дикарка Джилл. Она единственная смогла убедить его оставить Мет, растолковав после затянувшегося на пару дней сна и затащив с помощью своих товарищей на пиратский корабль, который шел к Тритону. Что сделала с ним Джилл? Предала или спасла? Он так еще и не решил. Но знал точно: душа Джилл так же чиста, как его — грязна. Ее винить не в чем.

— Завтрак!

В крохотную кухоньку вошел Боб, скрипач. Весь последний год старый музыкант был его соседом по комнате. Хотя ТиБи никого не приглашал. Пути Боба были загадочны и непостижимы и лишь две константы не менялись никогда: он был прекрасным музыкантом и питал давнее и по большей части неразделенное чувство к контрабандистке и капитану звездолета Мейкпис Сенчури. Может, поэтому ТиБи и не стал прогонять старика. Так они и жили, два страдальца из-за потерянной любви. Правда, у Боба это тянулось уже десятки лет.

Конечно, если Боб был тем, за кого себя выдавал, его любовь к Сенчури развилась сравнительно недавно. Если Боб и впрямь был исчезнувшим композитором Деспачио, то ему стукнуло… примерно триста лет.

— Закончил поэму? — поинтересовался Боб. — И вот…

ровным счетом четыре яйца. — Он поставил тарелку на столик возле просевшего диванчика, на котором спал ТиБи. Потом убрал руку за спину и — как по волшебству — предъявил чашку горячего, ароматного кофе. — А это Джо, как его называли тысячу лет назад.

— Как ты это сделал? — удивился ТиБи. — У тебя что, полка сзади?

— При такой гравитации удержать чашку на заднице дело нетрудное. Попрактикуйся и сам научишься. Я бы мог научить тебя трюкам.

— Вот уж не надо. А за жратву спасибо.

— Хочу почитать поэму.

ТиБи отпил глоточек. Проглотил.

— Я еще не закончил.

— О чем она?

— О том мальчике, за которым я ухаживал на прошлой неделе в госпитале. — ТиБи покрутил головой. — А вилка здесь есть?

— На Тритоне?

— Я привык есть яичницу вилкой.

— Тебе не угодишь. — Боб потянулся к карману. — Держи. Я про нее совсем забыл.

ТиБи принялся за яичницу.

— Ты имеешь в виду того парнишку, с грист-инфекцией? Того, что все время говорит загадками?

— Это не загадки. Это чушь.

— Невелика разница. — Боб опустился в кресло по другую сторону от столика.

— Особенно у тебя, — съязвил ТиБи. — Ты что, есть не собираешься?

— Я вчера вечером поел. И завтра поем. А сегодня буду пить. — Боб вытащил фляжку из одного кармана — их у него было много, — складной стаканчик из другого и торопливо налил.

— Что за дрянь?

— Виски. Первосортное. Подарок доброго капитана Квенча. А он в этом толк знает. — Боб опрокинул стаканчик и тихонько свистнул. — Ух. Хочешь?

— Пока нет. Чем собираешься заняться сегодня?

— Не принимать душ. А ты?

— У меня смена в госпитале. Мы с Делией пытаемся как-нибудь помочь парнишке.

— С гристом ты работать умеешь. У тебя рука легкая.

— Да. Вот только чудеса не по моей части. У мальчика вся

личность стерта. Мы стараемся восстановить ее по памяти памяти. Доктор Делия называет это интерполяцией личности. Примерно то же самое, что вырастить дерево из пенька. ДНК будет, может быть, та же самая, но дерево получится совсем другое.

— Лучше, чем ничего. Если мне в черепушку влезет порченый грист, сделаешь со мной то же самое. Может, из меня вырастет каштан или гикори.

— Гикори. Корявый и узловатый.

— Сгодится на топорище.

— Пожалуй. — ТиБи доел яичницу и глотком допил кофе. — Мне пора. — Он начал подниматься.

— Эй! — крикнул Боб. ТиБи от удивления сел на диван.

— Черт. Что?

Боб улыбнулся беззубой улыбкой.

— Выпьешь еще кофе?

— Ну… ладно.

Тиби посмотрел на Боба. Что он за человек такой? Чудак или придурок? Пожалуй, и то, и другое.

— Надеюсь, ты не ждешь, что я его тебе принесу? — сказал наконец Боб.

— Э… нет.

— Угадал. И мне чашечку захвати. Хочу рассказать тебе сегодня кое-что.

Кофе был еще горячий. ТиБи налил две чашки, вернулся в комнату и сел. Боб снова достал фляжку и плеснул виски себе в кофе. Потом для верности глотнул из горлышка и убрал фляжку в карман.

— Так что ты хотел мне рассказать? — спросил ТиБи.

— А? — Музыкант вскинул голову. — А, да. — Он отпил из чашки. — Молодым совсем не любил кофе. Конечно, настоящего даже не пробовал. Только виртуальный. У них тогда, наверно, и алгоритма не было.

— По-моему, вкус такой же. — ТиБи знал, подстегивать Боба — дело бесполезное. Когда захочет, тогда и заговорит.

Скрипач поставил чашку на столик.

— То, что случилось со мной, имеет отношение к тебе, потому что я видел, как нависает над тобой та же тень.

ТиБи ничего не сказал. Отхлебнул кофе.

Боб закрыл рот и поджал губы, как будто никак не мог заставить себя говорить. ТиБи ждал. Очевидно, у Боба была что-то важное.

— Ты пытаешься помогать другим людям, а это не срабатывает. Ты никого не спасешь. Все зависит от них.

— Знаю, Боб.

— Думаешь, что знаешь, но на самом деле не знаешь. Ты застрял, ТиБи. Затрял в безумной логике мира. Тебе не кажется, что поэтому я иногда как будто несу чушь? Но это только потому, что твои уши настроены неправильно.

— Я уже рассматривал такую возможность.

— В те времена, когда я был самым знаменитым композитором в солнечной системе, у меня был студент. Ты, возможно, о нем слышал. Он потом прославился. В общем, я к нему относился как к сыну. — Боб отпил кофе и уселся поудобнее. — Да он и был мне сыном. — Он посмотрел в чашку. Возле глаз у старика пролегли морщинки, отчего лицо сделалось таким грустным, каким ТиБи еще никогда его не видел. Зрачки стали цвета черного кофе. Только теперь ТиБи понял, что его сосед адаптирован к космосу. — Из моего сына толку не получилось, — продолжил Боб, — и я винил себя. Знал, что это глупо, что парня воспитывал какой-то психопат. И все равно ничего не мог с собой поделать. Винил себя. Не мог избавиться от чувства, что это я его подвел. Единственное, что я мог предложить ему, это музыка.

— Не самый плохой подарок.

— Но и недостаточно хороший! — закричал Боб. Он выпрямился и заговорил уже тише. — Недостаточно хороший в дальнесрочном плане. Парню недоставало любви. Я был тогда чертовой компьютерной программой. Двадцать семь копий. Меня называли Аутентичной Музыкальной Естественной Системой. — Боб хмыкнул. — Я дал ему это имя. Выбрал себе новое, так что старое было ни к чему. Он хотел новое, я отдал ему свое.

— А… М… Е… С… — ТиБи поднял голову. — Шутишь, Боб.

— Тогда его звали Клод Шленкер. Он это имя терпеть не мог. Из-за отца-психопата.

— Амес был твоим студентом?

— Я научил его всему, что он знает. О музыке. — Боб печально покачал головой. — Чувствовал, ничего хорошего из этого не получится. Не думал, конечно, что будет *настолько* плохо, но чувствовал. Я хотел что-то сделать. Но как? Я был одним из первых вободных куонвертеров и понятия не имел, каково это, когда из тебя день за днем вышибают дерьмо. Когда твоя мать делает вид, что ничего не замечает, а потом и вовсе сбегает и оставляет тебя с твоим мучителем. И тогда я решил попробовать и сделаться обычным человеком. Вырастил себе тело. Вот это самое. Тогда таких было совсем мало, свободных конвертеров, которые заполучали себе физическое тело.

Боб резко поднялся и вышел из комнаты, но скоро вернулся

— со скрипкой и смычком — и начал тихонько играть. Мелодия была знакомая, только играл ее Боб вполовину медленнее.

— Я хотел тронуть мир. И чтобы мир тронул меня. Хотел, чтобы музыка била по барабанным перепонкам. Хотел чувствовать ее подошвами башмаков. И хотел придумать, как помочь Клоду.

— Придумал?

Боб покачал головой.

— Нет. Не придумал. Но я больше не существо, лишенное формы. Я могу натереть смычок собственной слюной. Я могу пить виски. — Смычок задвигался живее. Ты должен отказаться от идеи стать тем, кем собирался, пока не станешь тем, кто ты есть.

ТиБи допил вторую чашку и, откинувшись на спинку стула, слушал музыку.

— В общем, это то, что случилось со стариком Деспачио. Он не умер. Он всего претерпел трансформацию.

Некоторое время оба молчали. Потом Боб взял воск, поплевал на него и начал натирать смычок.

— Может, — сказал ТиБи, — ты еще придумаешь, как ему помочь.

— Надо быть сумасшедшим, чтобы связываться с Директором Амесом, — пробормотал Боб, вытирая слюну. Потом поднял голову и улыбнулся. — С другой стороны, у меня есть чувство, что у нас с тобой получится, а?

Глава одиннадцатая

Система Нептуна
13:17, четверг, 3 апреля 3017

— Боестолкновение у Милла, — доложил майор Монитор. — Остин под огнем. Твен маневрирует… выходит на позицию…

— Мне нужны данные, — бросил Теори.

— Четыре корабля. Идентификация по трем. Два эсминца класса «Дабна», «Агилла» и «Медиум». Третий — крейсер. «Марсианский Рассвет». Полагаем, специализированный корабль.

— Несет взрывчатку для Милла.

— Разведка тоже так считает. — Квадратное лицо Монитора на долю секунды зависло в виртуальном пространстве Теори.

Принимает информацию, подумал полковник. Монитор никогда не прибегал к помощи анимационных алгоритмов, которые оживляли бы его лицевой дисплей во время пауз.

— Есть данные по четвертому кораблю. Тот же класс «Дабна». «Дебех-Ли-Зини». Минный тральщик с десантом… Стоп…

Монитор опять замер.

— Принимаем электромагнитную информацию по группе внешней системы. Потребуется некоторое время для корреляции. Секунды.

Теори вздохнул. Из-за глушения они теряли драгоценное время. Но по крайней мере они не совсем слепы. За те несколько секунд, что информация поступала в командный центр из внешней системы, он успел составить приказы для клаудшипов Остин и Марк Твейн и повернулся к офицеру по связи.

— Пусть Марк Твен займется «Марсианским Рассветом». Остин — действовать по ситуации. — Секундой позже в командном центре загудел голос Марк Твена. Когда клаудшип хочет довести до кого-то свою точку зрения, на коммуникационные протоколы ему наплевать.

— Остин атакуют два крейсера!

— Знаю, — отозвался Теори. — Придется потерпеть. Ваша задача — остановить эсминец, не дать ему вывести из строя Милл. Есть основания считать, что на нем взрывные устройства.

Короткая пауза.

— Сделаю.

Теори знал — клаудшип Марк Твен выполнит приказ. Старик нравился ему — он понимал тактику. И к тому же был для Теори настоящим героем, первым человеком, совершившим путешествие к системе Центавра. Теори уважал и клаудшип Остин, чьи

познания в экономике и стратегии намного превосходили его собственные. Именно поэтому он и поручил этим двоим защищать Милл.

— Теперь все зависит от них, — сказал он.

Майор Монитор его, похоже, не слышал — к его текущему пониманию ситуации данная информация ничего не добавляла.

Вот на кого всегда можно положиться, подумал Теори и отвернулся к дисплеям.

И в победе, и в поражении.

Глава двенадцатая

Система Плутона
18:27, суббота, 5 апреля, 3017
Федеральный флагман «Бумеранг»

Шерман планировал рейд на Харон как быстрый и эффективный. Но с самого начала ему пришлось столкнуться с проблемами в гристе. Плутон и Харон сами обладали пелликулой, схожей с человеческой кожей. И планета, и ее спутник были полностью покрыты пленкой толщиной в дюйм. Предполагалось, что применение новой военной разработки Герардо Функа произведет сильнейший разрушительный эффект. Так и случилось, да вот только пострадали от этого эффекта другая сторона.

Совершенно непредвиденным образом средство вступило во взаимодействие с местным субстратом и мутировало. Все наземные средства защиты Департамента мгновенно оказались парализованными, и именно в это время Шерман отдал приказ высаживать войска. Но тут Плутон и Харон оправились и огрызнулись. Командные и контрольные структуры оказались в руках маньяка — человека или программы, — который открыл огонь по всему, что оказалось в пределах досягаемости, без разбору. Авианосец Департамента «Штрайххольцер» и его боевое соединение выдвинулись из зоны ответственности собственной планетной базы. На некоторое время они попали под спорадический огонь с Плутона, а затем уже под более плотный — с Харона. Сначала Шерман предположил, что это его солдаты взяли штурмом крепость и завладели боевыми системами, но когда они с клаудшипом Тацитом подошли ближе, чтобы проверить предположение, то подверглись такому же обстрелу.

В результате десять тысяч солдат оказались в ловушке на Плутоне и еще пять тысяч застряли на Хароне. Что еще хуже, пропала связь с целой ротой. Часть под командованием Квенча высадилась на Хароне, и с тех пор от них вот уже два часа не поступало никаких сигналов.

Шерман стоял перед нелегким выбором: остаться поблизости и разбираться с местными силами или уйти и попытаться вытащить за собой флот Департамента? Последний вариант собственно и предусматривался первоначальным планом, тем более, что его атака достигла первой цели и отвлекла часть сил противника от вторжения в систему Нептуна. Но повернуться к врагу спиной и сбежать означало бы бросить высадившиеся на

луну части.

Был у него и еще один вариант: майор Мерэ Филатели и ее Виртуальный спецкорпус. Филатели и ее солдаты попали в плен три года назад, когда Шерман спас их после гибели «Монсеррата». При взрыве корабля их физические тела распались на атомы, но они избежали смерти как свободные конвертеры. Свободные конвертеры, нарушившие один из важнейших законов Мета — Принцип ограничения распространения. По возвращении домой их ждала тюрьма или, скорее, один из тех концлагерей для свободных конвертеров, слухи о существовании которых находили все больше подтверждений.

Филатели попросила о встрече с Шерманом и, когда он посетил ее в виртуальной части лагеря для военнопленных на Тритоне, предложила план.

— Вы спасли нам жизнь, и некоторые из нас хотят работать на вас. Мы понимаем, что вы не доверите нам участие в обычных операциях. Но мы готовы выполнить любое, самое рискованное задание. Разгрести дерьмо, с которым никто не желает возиться. Вы понимаете, что я имею в виду.

— Контроперации против крупномасштабного грист-развертывания. Паршивое дело.

— Но еще хуже сидеть в тюрьме и ничего не делать, — возразила Филатели. — Без дома, без надежды, без какого-либо занятия.

— Понимаю, — сказал Шерман. — Что ж, давайте послушаем, что вы имеете предложить.

Филатели коротко изложила план операции: ее спецкорпус проникает в антиинформационные зоны мил-гриста и вызволяет застрявшие в нем федеральные войска. Идеальная работа для свободных конвертеров, но с почти гарантированно высокими потерями. Мил-грист — штука неприятная, смертельно опасная для СК, которые и существуют, и передвигаются в нем. Для солдат Филатели это будет примерно то же, что для обычного человека переплыть ядовитое море. Да что там — то же, что дышать ядовитой атмосферой.

Смелое предложение.

Если, конечно, пленникам с «Монсеррата» можно доверять.

Если Шерману еще чего-то и не хватало, так это пятисот свободных конвертеров на стороне противника.

Он принял решение.

— Готовьтесь. Когда наступит момент для развертывания, мы перебросим вас к месту назначения. Если… Если справитесь, мы подумаем о смягчении наказания.

Филатели кивнула и лихо отсалютовала генералу.

— Это все, о чем мы просим, сэр. Дать нам шанс.

— Шанс вы получили. Воспльзуйтесь им майор.

И вот их время пришло. Время выполнить обещание или не выдержать испытания. От исхода зависела жизнь нескольких тысяч солдат.

Генерал Шерман отправил спецкорпус на поверхность Плутона и Харона для спасения попавших в ловушку частей. Они сделают, что сделают, а ему нужно предпринять что-то, чтобы выиграть для них время.

Генерал посмотрел на расположение кораблей в виртуальности. Громадина клаудшипа висела в нескольких сотнях километров от его флагмана, «Бумеранга». Сам Тацит присутствовал на виртуально-реальном мостике флагмана.

Формой клаудшип напоминал вихревую спираль. Тацит утверждал, что такой профиль вовсе не результат действия природных сил, а выражение его сознательных усилий придать себе сходство с земным ураганом, который он наблюдал на земле в двадцать втором веке. Впрочем, деталями этого события Тацит делиться не любил.

Шерман повернулся к аватару «старика».

— Так или иначе, нам нужно выиграть время.

— Мы ведь предусматривали такой вариант.

— Но сейчас мне нужна большая цель. Маленькой быков не соблазнить.

— И ты хочешь, чтобы этой целью стал я?

— Да.

— А ты сыграешь матадора, верно?

Шерман кивнул.

— Мы вдвоем прикроем десант и поможем вытащить тех, кто застрял там, внизу.

— Вы только цельтесь повнимательнее, сеньор, когда будете наносить удар. Второго шанса может и не представиться.

Глава тринадцатая

Система Плутона
Время неизвестно
Харон

Они были в джунглях. Сколько? Мелон говорил, счет идет на годы, но Кваме Нейдерер давно перестал вести счет месяцам и подозревал, что Мелон тоже.

Ход времени не так уж важен, когда ты постоянно меняешься, и все окружающееся тоже не отличается стабильностью. Взвод вышел из лесу и подтянулся к реке, которую они назвали Дымной, потому что она наполнялась то водой, то каким-то тяжелым, жмущимся к земле газом. Иногда ее можно было перебежать, задержав дыхание, потому что вдыхать неведомую дрянь не хотелось. Бенеторро хватила однажды пару глотков, и потом пальцы у нее каждый день вырастали на одно сочленение. Каждую неделю кому-то приходилось брать топор и отсекать лишнее. Раны затягивались быстро, но Бенеторро все равно орала как резаная при каждом ударе.

Сегодня в реке была вода, и бежал поток довольно быстро. Кваме бросил веточку, и ее унесло вниз за считанные секунды. Не переплыть. Но переходить все равно надо, потому что следом за ними шли их смертельные враги, Тени.

Тени были *ими*, точными физическими копиями всего взвода. Только не в оранжевую, черную и белую полоску, как Кваме и его группа, а размыто-белыми. Трудно сказать, какого цвета была их кожа вначале, но теперь все Тени стали альбиносами.

Из-за этих самых полос взвод Кваме звался Тиграми. Полоски менялись каждый день, но основные цвета сохранялись неделями. Кваме полагал, что локальные защитные алгоритмы в гристпелликуле подвержены случайной мутации или, что вероятнее, контролируются вирусом. Джунгли кишели насекомыми, которые имели этот самый грист по-всякому.

Итак, выбор прост: придумать, как перебраться через речку или столкнуться с Тенями. Проблема в том, что Тени нельзя убить никаким оружием, ни ракетой, ни смертоносным лучом. Они реконструировались не хуже зомби. Конечно, убить самих Тигров тоже непросто. Расправиться с лейтенантом им удалось только потому, что они захватили ее во время ночного рейда и сварили в чане лунного света.

Лунный свет был настоящий, от луны, что постоянно висела в небе над джунглями — большая луна, размером с Землю. Она и

освещала лес. Когда в джунглях шел дождь, это был дождь лунного сияния. После такого душа листья мерцали еще много часов.

При желании можно было подняться на одну из высоких гор, что протянулись к северу, и дотронуться до луны. Однажды взвод так и сделал. Луна была не из плотного вещества, а из чего-то вроде сгущенной жидкости, наподобие ртути. Кваме решил рискнуть и сунул руку внутрь. Поверхностное натяжение лопнуло, и лунный блеск пролился на ногу и сапоги. Субстанция оказалась холодной наощупь. При нагревании над костром — Тени развели огонь, чтобы сварить беднягу Мансарда — температура ее не повышалась ни на градус, но во всех прочих отношениях она вела себя, как кипяток. Прежде чем сварить лейтенанта Твентиклик, Тени порезали ее кубиками, как картошку.

— Переплыть не получится, сержант, — сказал Бенеторро. — Принесем жертву?

— Да, может быть. Но сначала давайте подумаем, как обойтись без этого.

— Но Тени у нас на хвосте.

— Знаю, черт возьми, — рявкнул Кваме. — Но жертву принесем только в крайнем случае. Все равно рано или поздно это не сработает. Или они не вернутся. — Он оглядел берег. — Послушай, Бенеторро, я хочу, чтобы вы с Денмарком, Фузили и Мейсом прошли с полкилометра на север. Постарайтесь найти какое-нибудь дерево для переправы. Хардринд, останешься со мной. Остальным провести разведку на юге.

— Но, сержант, — подал голос Фузили, — вы же помните, что случилось при последней переправе.

— Помню. Но все лучше, чем жертвоприношение.

— Пожалуй.

— Идите сюда, оба. — Солдаты подошли. Он достал из ранца контейнер, открыл крышку и осторожно отсыпал содержимого каждому на ладонь. Руки замерцали бледным, призрачным сиянием. — Когда начнет меркнуть, возвращайтесь, а то не успеете на жертвоприношение… если, конечно, нам придется его устраивать. — Он пристально посмотрел на каждого. — Все ясно?

— Ясно.

Группы разошлись в разные стороны на поиски подходящего для переправы дерева, а Кваме и Хардринд остались на берегу. Сели. Кваме достал жевательный корень, на котором они держались последнее время, Он уже не помнил, как его нашли. Корень рос под ярко-зеленым мхом, встречавшимся на полянках в джунглях. Чем выше в горы, тем больше корня. Наверно, это было

как-то связано с приближением к луне.

Хардринд сунула в рот кусочек корня, и губы тут же окрасились фиолетовым соком.

— Как думаете, сержант, чья очередь сегодня? — спросила она, медленно двигая челюстями.

— Надеюсь, ничья.

— Но тогда Тени нас схватят.

— Будем драться.

— Потому что мы Тигры, да?

— Потому что Тени, черт их дери, не оставят нас в покое, пока мы начнем с ними драться.

Она прожевала… сглотнула… откусила еще…

— А почему их называют Тенями?

Кваме ответил не сразу. Столько времени прошло, что он уже и не помнил, кто первым назвал этих тварей так. Может, лейтенант?

— Потому что мы — настоящие.

— А…

Некоторое время ели молча. В джунглях было шумно. С дерева на дерево порхали птички и радужные ящерицы. Спустившийся по лиане паразит попытался отыскать вену на руке Кваме. Он равнодушно сбросил его на землю. Оранжево-черные полоски под кожей медленно ворочались и переплетались.

Еще одна перемена…

Облачко скрыло луну. Хандринд вздрогнула. Выпрямилась. Потянула носом воздух.

— Чую дождь.

— Может, — кивнул Кваме. — Или что-то еще.

— Ветры?

— Да.

В кустах хрустнуло. Кваме быстро перекатился за дерево и, выглянув, увидел возвращающуюся из разведки группу Бенеторро.

— Нашли что-нибудь?

Бенеторро испуганно вздрогнула и отскочила на пару шагов.

— Господи, откуда вы, сержант?

— Какие результаты?

— Никаких. Ничего подходящего для переправы.

Кваме кивнул.

— Что ж, подождем, посмотрим, с чем придут другие.

Вернувшиеся солдаты сели и принялись жевать корень.

Как же это все случилось? Они смотрят на него так, словно он должен решать, что делать. Кто он? Кваме не помнил. Столько времени прошло. Столетия. Он давным-давно забыл, кем был когда-то. После всех этих перемен, когда мир разворачивался

заново, и сам он каждый раз ощущал себя другим…

— Надо приготовить жертву. Когда они вернутся, времени уже не останется.

— Чья очередь, сержант? — спросил негромко Фузили. — Моя, верно?

Кваме вздохнул.

— Да, сегодня твоя очередь.

— А если я не хочу?

Он задумался. Постоянное напряжение, схватки с Тенями, рвущая тело боль, крики — это ты, умираешь. Потом реконструкция. И снова смерть. Реанимация, воскрешение… и ты смотришь в страшные розовые глаза.

— Все будет в порядке, Фузили. Это не так больно…

— Знаю, сержант, но все равно страшно.

Парнишка дрожал. Должно быть забыл, что следующая очередь — его. Впрочем, ничего странного — во взводе так случалось часто.

— Можно хотя бы выбрать камень? — жалобно спросил Фузили.

— Выбирай, только заткнись, ладно.

— Ладно.

Через несколько минут вернулась вторая группа. Они тоже ничего не нашли. Удача отвернулась от них. Переправиться на другой берег невозможно, а Тени уже близко. Пора принести жертву.

Фузили нашел выступающий из земли большой камень и прилег, проверяя его.

— Жесткий, — пробормотал он и сел. — Пожалуй, найду получше.

Кваме бросил быстрый взгляд на Бенеторре и Мейс. Они поняли сразу и шагнули к Фузили с обеих сторон. Мейс толкнул парня на камень. Бенеторре схватила за запястья и не дала подняться. Не ожидавший нападения Фузили забился, задергался, сопротивляясь. Мейс сел на него и пару раз хлестнул по щеке.

— Я же не против, — захныкал парнишка. — Просто место плохое. Место плохое.

Кваме вынул из ножен кинжал, шагнул вперед и опустился на колено рядом с Фузили. Положил руку на грудь. Нащупал грудину.

— Не сейчас, сержант, — прохрипел Фузили. — Подожди еще. Да подожди же… чертов ублюдок. Чтоб тебя, дерьмо собачье…

Кваме не обращал внимания. Отыскав место между ребер, он отметил его левым указательным пальцем.

Фузили еще раз взбрыкнул, но держали его надежно, а когда он на мгновение затих, сержант протолкнул лезвие. Было бы, конечно, гораздо легче просто перерезать горло или проткнуть мозг ударом сзади, но в густом гристе такого рода повреждения не привели бы к смерти. Убить здесь можно было только так: прервать кровоток и не давать ране закрыться несколько минут.

Мальчишка засучил ногами, и Кваме нажал посильнее. По телу жертву прошла судорога.

— Черт, — прошептал Фузили. — Пить хочется. Сильно…

Смерть вызывала порой странные ощущения. Кваме знал это по собственному опыту, потому что и сам за годы скитаний умирал не раз. Фузили казалось, что его мучит жажда.

— Господи, ну хоть крышку воды дайте. Кто-нибудь, дайте же попить.

Никто не шевельнулся, никто не поспешил на помощь.

Последние слова Фузили не отличались оригинальностью — их произносят многие солдаты:

— Мама.

Он откинулся на камень и затих.

Кваме быстро вытащил нож, одним ударом рассек грудную клетку по горизонтали и раздвинул края раны. Кровь уже заполняла грудную полость. Он опустил руки, нащупал и вынул сердце, которое передал Мейсу.

— Бери. Обмажься и передай дальше.

Мейс так и сделал. Подняв сердце над головой, он стиснул его и подставил голову под струи. Через минуту его тело уже мерцало красным неоновым светом.

В кустах захрустело. Голос вдалеке напоминал его собственный.

— Тени уже здесь. — Кваме отступил от тела. — Остальные, побыстрее.

Взвод не заставил себя долго ждать: одни натирались вырезанным сердцем, другие черпали и окропляли себя прямо из раны. Вскоре весь отряд сиял как пламя.

Из кустов донеслись возбужденные крики. Джунгли расступились. И Тени набросились на них. Но кровь была пролита не зря. Пальцы Теней скользили по гладкой коже, но захватывали только пустоту. Тени вытащили мачете. Но защитный эффект только-только начал проявляться в полной мере. Тени отворачивались, не в силах противостоять невыносимому запаху.

— Что, ублюдки, не нравится? — крикнул Мейс. — Получили? Теперь-то вы нас не тронете!

— Заткнись, — оборвал его Кваме. Дразнить врага — только злить его, а Тени и без того опасные охотники. — Когда все

кончится, подберешь тело Фузили.

— Ладно, сержант, — хмуро кивнул Мейс. — Подберу.

— А теперь, ребята! — крикнул Кваме. — Приготовить клинки!

Солдаты вытащили свои мачете. Без жертвы такое было бы невозможно — в обычных обстоятельствах Тени были по меньшей мере вдвое сильнее Тигров.

Тигры выполнили приказ. Тени, конечно, понимали, что происходит, но, как случалось и раньше, жажда убивать перевешивала осторожность. Держась на границе действия репеллента, они, однако, не уходили и лишь следили жадными глазами за своей добычей.

— Пора немного поработать! — крикнул Кваме и поднял клинок над головой. — Выбрать цель! — Оглядевшись, он заметил своего двойника. Непонятно почему, но победить свою копию всегда было легче, чем любого выбранного наугад противника.

Тень-Кваме смотрел на людей жадными, горящими глазами, не обращая внимания на слепящий блеск крови.

— По моей команде! Вперед!

Яркая вспышка…

Сухой электрический треск… удар… мышцы парализовало…

В ушах — гром.

— Стоять!

Кваме потряс головой. Ударил себя по уху.

— Ты скомандовал остановиться. — Тот же голос. Женский. Незнакомый.

Не Тигр. И не Тень.

Но больше здесь никого нет?

— Говорит майор Филатели, Виртуальный спецкорпус.

Майор? В джунглях не было никаких майоров. Насколько знал Кваме, это было какое-то чисто теоретическое звание, к носителям которого лейтенанты обращались как к божествам.

Кваме в богов не верил.

— Сержант Нейдерер, ваша пелликула инфильтрирована антиинформационной зоной Департамента на спутнике Плутона, Хароне, — продолжал голос.

Харон? О чем, черт возьми, говорит эта Филатели? Есть только джунгли. И всегда были только джунгли.

— Это Тени! — крикнул Кваме взводу. — Это их трюки! Не слушайте их! — Он отступил и снова взмахнул мачете.

Вспышка молнии. Еще один парализующий удар. Рука остановилась в воздухе.

— Извините, сержант, но у нас мало времени. Нам нужно

вытащить вас отсюда, провести деконтоминацию и эвакуацию. У нас полцикла до начала очередной мутации кодового ключа.

— Да кто вы, на хрен, такие? — Голос походил на его, но принадлежал Тени-Нейдереру.

— Узнаете, сержант. И очень скоро. Иногда при эвакуации из зоны у солдата случается нервный срыв, переходящий в длительный психоз.

— Психов здесь нет, кроме тех гребаных Теней. И мы должны порубить их, пока они не порубили нас. — Может, подумал Кваме, мне еще удастся договориться с этим «майором».

Снова оглушающий удар грома, только теперь за ним не последовало вспышки. То, что пришло, было откровением. Сначала накатило прошлое. Юность, пролетевшая на предкомете в Оортовом облаке. Приют на Плутоне, куда его поместили после смерти матери. Начальник приюта, полуразумный деспот, Рулз, державший детей в ежовых руках строгой дисциплины. Он рос неподготовленным к жизни, недееспособным, подверженным любому внешнему влиянию, беспутным.

Потом армия. Новый шанс. Семья. Пусть даже строгая, временами с душком садизма, но все же не Рулз. У нее была цель. Ставить его и других, таких же, как он, на пути угрозы, беды и опасности. Что ж, нельзя иметь все сразу. Но у него появилось назначение — быть защитником.

Напртив него, за границей сияющей крови, стоял, словно приклепанный к земле, Тень-Кваме.

Заклепки. Звездолеты. Вакуум. Планеты. Звезды. Грист. Оказывается, есть не только джунгли.

— Где я? — спросил он. Но губы шевелились у Тени-Кваме.

— На Хароне. Вы попали в мил-гристовую антиинформационную зону, первоначально установленную защитниками Мета. Мы высадились в собственном гристе, и «туземная» дрянь модифицировалась. Но не дезактивировалась. Федеральный грист с этим справиться не может. Но он все же спас вас от смерти за счет диссоциации. Ваше сознание было раздроблено на несколько частей, так что мил-грист не сумел вас локализовать.

— Тени? — спросил Тигр-Кваме.

— Тигры? — спросил Тень-Кваме.

— Все ваши части, — ответила Филатели.

— Но мы же деремся…

— Только чтобы смутить противника. Сбить с цели.

— Мы же убиваем друг друга!

— Но пока еще потерь нет.

— Лейтенант… она погибла, — сказал Тень-Кваме. — Я убил

ее. И сварил в лунном свете, чтобы она не восстановилась.

— Ты уничтожил фрагмент собственной личности, память. До тех пор, пока тень-лейтенант жива, память сохранена. — В голосе Филатели проступили требовательные нотки. — У нас мало времени, сержант Нейдерер. — Окно выгрузки закрывается.

— А остальные? Мой взвод…

— Все, кроме вас, сержант, и Бенеторро, погибли мгновенно.

— Но это невозможно! Они же все здесь!

— Только в вашем воображении.

— Нет, здесь! В джунглях!

— Вы просто видели сны в гристе, сержант. Пора просыпаться.

— Я не сплю!

— Сейчас проморгаетесь, — сухо пообещала Филатели.

Джунгли осветились. Что это? Пожар? Нет. И не луна — она на западе. Луна всегда висела на западе, цепляясь за вершины пиков.

Я дотронулся до луны, и она пролилась.

Свет шел с востока и был ярче луны. *Но ярче луны ничего нет.*

Так что же это такое на востоке. Что сияет, как…

Как солнце.

Невозможно.

Ничего такого не существует. Это слово, выдуманное для чего-то нереального. Никакого солнца нет и быть не может. На свете нет ничего столь же яркого.

Солнце взошло в голове Кваме.

Солнце.

Солнечная система. Война. Его реальная жизнь.

И все вернулось. Мгновенно. Тень и Тигр исчезли.

Солнце сияло и жгло. Потом померкло. Отдалилось. Стало маленьким, как Плутон.

На поверхности Харона Кваме поднялся с пронизанной гристом корки. Внутренние часы подсказали, что прошло двое стандартных суток. Всего два дня. Волна паники. Не может быть. Невозможно.

Он был сильнее паники. Он был одновременно Тигром и Тенью.

Ужас — вечный спутник. С ним можно совладать. Его можно использовать для выживания.

Чтобы драться с врагом.

— Мы победили? — спросил Нейдерер. В безвоздушном пространстве его голоса никто не услышал. Связь шла через мерси. Он вспомнил, как это работает.

Филатели ответила через пелликулу. Будучи свободным

конвертером, физически она, конечно, не могла находиться рядом с ним. Она была где-то в гристе. Кваме вспомнил, как действует грист.

— Еще нет, — ответила Филатели, — но победим. Обязательно.

Глава четырнадцатая

Система Нертуна
18:03, четверг, 3 апреля, 3017
Клаудшип Остин

Высоко над Нептуном пятьдесят атакующих кораблей класса «Ишиас» заворачивались в левую спираль, и пятьдесят параллельных версий корневой личности клаудшипа Остин определяли координаты, фиксировали местоположение и снаряжали внешнюю поверхность для ведения огня по противнику. Каждый атакующий корабль имел на борту солдат, управлявших вооружением и системами. Прошивая пространство, они напоминали маленькие вилы.

Или вирусы, подумала Остин, посланные инфицировать меня. Значит, нужно провести дезинфекцию.

Выбрав атакующую мишень, она дернула кожей — на квантовом уровне — и выстрелила лучом античастиц. Один из кораблей вспыхнул и исчез в яркой, беззвучной вспышке. Но их было слишком много. И все они отвлекали ее от главной опасности — севших ей на хвост двух эсминцев.

Не хотелось бы, но делать нечего: чтобы попытаться выстоять против крупных орудий, нужно было выпустить батальон находящихся внутри нее солдат — пусть отгонят этих комаров.

Суда класса «Ишиас» предназначены для планетарных операций, и некоторые из их систем ближнего боя не работают в космосе. У ее солдат есть шанс.

Она быстро запросила командный центр и получила разрешение, после чего вызвала на связь трюм.

— Капитан Ольски, боюсь, мне все-таки потребуется ваша помощь.

Глава пятнадцатая

Система Нептуна
18:11, четверг, 3 апреля, 3017
Рота Б

Двадцать тысяч солдат вылетели в открытый космос, как пчелы из потревоженного улья. Остин нацеливала катапульты как можно точнее. Остальное зависело уже от армии.

Среди них были поселенцы с Тритона и Нереиды. Беженцы из системы Сатурна. Большинство — издалека. Из мест, где скудная порция достающегося Тритону солнечного света, то же самое, что полуденное сияние земного дня для гостя с Нептуна. Это были шахтеры, сортировщики, грузчики из Койпера и Облаков Оорта. Приемщики и стивидоры с Харона и Плутона и еще множества мелких станций, разбросанных по всей внешней системе. А главная работа во внешней системе — двигать громадные куски камня и льда.

Большинство из них прошли полную адаптацию к космосу еще в детстве и провели больше времени в вакууме, чем в атмосфере. Многие ни разу не ступали на луну, пока не подались в армию и не попали на Тритон. Никому из них луна особенно не нравилась. Одна мысль о том, что по планете нужно ходить пешком, нагоняла на них страху.

Они любили космос. Космос был родным домом. Их стихией. И они прекрасно знали, как обращаться с объектами, которые во много раз больше их самих. Они общались на языке фалов, креплений и сетей, крюков, блоков и всего такого.

Мчась сквозь пространство со скоростью в тысячу километров в час, они оставались на месте относительно друг друга. Одна группа выстрелила восьмисотметровые фалы, а вторая быстро сплетала их в сети. Другие группы высадились на платформы, выглядевшие со стороны чем-то сложным и непонятным, но бывшие на деле всего лишь громадными гарпунными пушками. Остальные готовили абордажные крюки и проверяли оружие.

Все просто — или сложно, — как при любой пиратской высадке.

Никогда раньше ничего подобного в космосе еще не применялось.

Через полминуты они были уже возле атакующих кораблей противника. Еще через несколько секунд — внутри боевой группы.

Выстрелянные гарпуны вцепились в неприятельские суда. На

противоположном конце их фалы крепились к только что сплетенным сетям. Корабли пытались уйти, но их крепко держали два соединенных резиновой лентой бильярдных шара. Фалы были не совсем обычные, их сделали из того же материала, что и сам Мет. И чем сильнее рвались корабли, тем крепче держала их эластичная нить. Когда соединенные сетью три-четыре корабля начинали двигаться относительно друг друга, сети натягивались.

За гарпунерами мчалась пехота. Мчалась и падала в сети. Дальше срабатывали навыки, доведенные до совершенства сотнями часов тренировок: солдат находил захват и пристегивался.

Со стороны могло показаться, что эскадрильи истребителей кораблей Департамента облепили невесть откуда взявшиеся злобные рыжие муравьи.

Не теряя времени, десантник выстреливал в корму истребителя абордажный крюк. Далеко не все крюки достигали цели, но стоило одному зацепиться, как за него тут же цеплялся целый взвод.

Не все шло гладко. Гарпуны пролетали мимо. Сети не разворачивались. И солдаты — всего более тысячи — не попадали в гнездо. Из-за ошибки в наведении некоторые катапультировались в направлении Нептуна. Да, у них были трастеры, но их хватало ненадолго, и не у всех получилось затормозить. Через несколько часов они попадут в атмосферу и умрут. Если, конечно, их не подберут раньше. Но даже если федералы и возьмут верх, спасти всех удастся вряд ли.

Все солдаты прошли инструктаж. Каждый знал, что может пойти не так, и чем это чревато.

И вот случилось худшее. Теоретическая вероятность стала практической бедой. Их судьба была теперь полностью в руках братьев и сестер по оружию. Им оставалось только оглядываться и надеяться на лучшее.

Они затерялись в космосе.

Глава шестнадцатая

Система Нептуна
18:57, четверг, 3 апреля, 3017
Клаудшип Остин

Остин сосредоточила внимание на двух эсминцах, «Агилла» и «Медиумрэйр». После выведения из ее систем биологических препаратов, у нее появились новые возможности как для принятия защитных мер, так и для проведения атакующих действий.

Во-первых, она реконфигурировала свой профиль. Во-вторых, подала энергию к огромным секциям корабля, которые не использовала прежде из-за присутствия на борту людей.

Со стороны клаудшипы могут показаться громадными, неповоротливыми объектами, но при необходимости они могут быть весьма проворными. И точными. В конце концов их базовый операционный элемент довольно мал.

Называется он квантовая флуктуация, а результат его действия — эффект Казимира. Принцип известен издавна, поскольку открыт еще в двадцатом столетии.

Два зеркала, находящиеся в вакууме на небольшом расстоянии одно от другого, сами по себе смещаются по направлении друг к другу. Происходит это потому, что давление на одну сторону больше, чем на другую, хотя оба зеркала находятся в полном вакууме.

Откуда же берется давление? Ведь по обе стороны от зеркал нет буквально ничего.

Виртуальные частицы. В соответствии с квантовой теорией, пространство является не контимуумом, а пенящимся бульоном. В нем постоянно рождаются и исчезают разного рода частицы и античастицы. Везде и постоянно.

Пустое пространство можно поляризовать. И тогда частица возникает как бы ниоткуда. То же самое происходит и с гристом. Космос — гитарная струна. Троньте струну. Нормальный космос — это очень длинная струна, и ее «вибрации» соответствуют низшему энергетическому уровню. Дерните струну. Получается другой тон. Другими словами, гитарная струна заключает в себе все ноты.

«Дергать» можно и пустое пространство. Как? Теми самыми маленькими зеркалами. Частицы на самом деле и не совсем частицы, а волно-частицы, если хотите. Взависимости от расстояния между зеркалами и волно-частицы получаются

разные. Хотите что-то осветить, «сыграйте» фотон, например. Или, если хотите уничтожить обычную материю, сыграйте антипротон.

Заставьте античастицы контактировать с обычной материей, и вы получите энергетическую установку более мощную, чем тысяча атомных реакторов. Отправьте их в космос, и у вас будет оружие страшной разрушительной силы.

Клаудшип может инициализировать этот процесс в любом месте на корабле, где есть грист. Машинное отделение не нужно. Не нужны пушки. Для клаудшипа это примерно то же самое, что моргнуть или пошевелить пальцем. Со стороны все выглядит так, будто с поверхности вырывается энергетический разряд (при условии, конечно, что вдоль траектории луча есть что-то, с чем он может взаимодействовать, чтобы стать видимым). Как будто из тучи бьет молния.

Но только этой молнией руководит разум.

Величественное зрелище — полностью заряженный клаудшип.

Если только он стреляет не по вам.

Остин ударила по «Агилле». Корабли Мет были, конечно, оснащены защитой от аннигилирующих лучей, причем, главную роль играло изотропическое покрытие. Но противостоять обрушившейся на него мощи эсминец не мог. Остин целилась во вращающиеся иглы корабля Департамента, где командно-контрольные структуры поддерживали для офицеров центробежную гравитацию. Во многих отношениях эсминец напоминал километровые вилы, вращающиеся на оси длинной рукояти.

Выстрел оторвал один из зубцов «Агиллы», но ось продолжала крутиться, пока системы не остановили наконец вращение. Резкое изменение углового момента в сочетании с тягой кормовых двигателей привели к тому, что корабль завертелся как пустившийся в пляс дервиш.

«Медиумрэйр» мгновенно убрался подальше — увиденное должно быть изрядно испугало его капитана. Остин усмехнулась — будь на корабле кто-то с ушами, он услышал бы гулкий раскатистый звук, — но преследовать его не стала и сосредоточилась на раненном эсминце. Противник попытался отстреливаться, но шансов выстоять в этой схватке у него не было никаких. Несколько энергетических разрядов достигли цели, но вывести из строя корабль, не имеющий центрального координационного пункта не так-то просто. Остин растянулась в тонкий лист и нависла над пострадавшим врагом, как амеба, собирающаяся поглотить бактерию. Или ладонь, готовая

раздавить жука.

Оба корабля оставались на орбите вокруг Нептуна. Остин уже рассчитала момент, когда планета будет находиться между ней и десантниками, выброшенными для борьбы с «ишиасами».

Нептун прикроет их.

И когда этот миг настал, она спустила курок. Не механический, конечно, а энергетический.

От такого удара не могла защитить даже изотропическая оболочка «Агиллы». Частицы встретились с античастицами и трансформировались в чистую энергию. Когда все закончилось, от «Агиллы» не осталось ничего, что превышало бы размерами атом серебра.

Как Остин и рассчитывала, сила взрыва отбросила ее в космос. Она напряглась, чтобы выдержать удар, но все равно избежать повреждений не удалось. Приличный кусок правой спиральной «руки» сорвало и отшвырнуло в сторону колец. Впрочем, сейчас это ее не волновало. Оправившись, Остин огляделась — где же «Медиумрэйр»?

Видно его не было. Но зато появился другой. Специализированный. «Марсианский Рассвет». Повиснув у него на хвосте, Марк Твен бил и бил по врагу, но в данный момент эффективность стрельбы оставалась невысокой из-за выхлопа, оставляемого двигателями корабля Директората.

«Марсианский Рассвет» определенно шел к Миллу.

Глава семнадцатая

Система Плутона
07:05, среда, 9 апреля 3017
Флагман Федерального флота «Бумеранг»

Пока у них получалось. Совместными усилиями Тациту и «Бумерангу» удавалось сдерживать эсминцы и авианосец. Помогало, конечно, и то, что наземные батареи Плутона и Харона словно спятили и били без разбору по всем, кто приближался.

Шерман то входил в эту зону огня, то выскакивал из нее — как диктовала быстро меняющаяся ситуация. Тацит держался подальше от области поражения, но благодаря смелым маневрам «Бумеранга» и клаудшипа, и остальные корабли Федерации оставались пока целыми и невредимыми. Отвлекая на себя зенитный огонь с Плутона, он мог в любой момент появиться в нужной точке орбиты и прикрыть клаудшип.

Их окружили со всех сторон. К авианосцу, безраздельно хозяйничавшему в локальной системе два последних года, присоединились семь эсминцев Департамента, отколовшихся от направившейся к Нептуну группы. Местное командование (скорее всего, Канг Бланкет, генерал, несколько лет назад обошедший Шермана в гонке за чинами) выжидал и тянул время.

Думают, что загнали нас в угол, размышлял Шерман, и не хотят рисковать: при тотальной атаке я могу и ускользнуть. Руководствуясь таким пониманием ситуации, противник нападал группой в четыре-пять кораблей, тогда как остальные держались поодаль, на расстоянии в несколько сотен километров, и страховали.

Интересно, что там на Нептуне? Мерси-связь по-прежнему не работала, так что поговорить с Теори генерал не мог. Впрочем, особого беспокойства на этот счет он не испытал. Если кому и можно было доверить оборону системы, так это его заместителю.

Еще одна атакующая группа направилась к Тациту. Она включала в себя четыре… нет, пять кораблей. Больших неприятностей они доставить не могли, тем более что их маневры ограничивали наземные оборонительные системы.

Нет, Шермана тревожили большие корабли.

Те, что приближались по двум касательным — три с одной стороны и два с другой.

Проведенные наспех астрометрические расчеты показали, что группа из трех подойдет раньше. Ими пусть займется сам Тацит. На себя же Шерман возьмет два оставшихся, «Кальчио» и

«Ревайр».

Волна «ишиасов» накатила на Тацит, и клаудшип отмахнулся от них, как от назойливых мух. Одни успели увернуться, другие сгорели. Уцелевшие тут же попали под заградительный залп с планеты. Тацит же перенес огонь на три корабля Департамента.

Пока старик отбивался, «Бумеранг» нырнул под него, прорвался через зенитный огонь снизу и, не получив серьезных повреждений, устремился наперерез двум приближающимся крейсерам Департамента. Во время маневра Шерман развернул ковш и — разумеется, с согласия старика — прихватил немного вещества, главным образом, льда и силикатных масс с включениями из тяжелых металлических метеоритов. Дав залп из аннигилирующих орудий, «Бумеранг» катапультировал собранный мусор в направлении целей и, осуществив резкий разворот по параболе, поспешил прикрыть клаудшип. Между тем брошенные камни на огромной скорости устремились к цели. Одному из атакующих удалось выполнить маневр уклонения и избежать столкновения, но второй принял удар на себя. Корпус крейсера получил пробоину.

Сама по себе повреждение не представляло большой опасности, но устранение последствий требовало времени, а значит, «Кальчио» выбывал из боя. Шерман сосредоточил внимание на втором корабле. Теоретически, «Бумеранг» и его противник имели равные шансы. Но со времени захвата «Бумеранг» претерпел серьезные модификации. В частности, его грист-матрица имела гораздо более сложную структуру — благодаря стараниям Герардо Функа и Лаборатории передовых исследований. Его контрольные и навигационные системы управлялись командой свободных конвертеров, что обеспечивало кораблю большую маневренность и быстроту. По крайней мере Шерман на это надеялся.

— Пора поиграть в кошки-мышки, шеф, — сказал генерал своему штурману. — Как думаешь, мы сможем провести их еще раз?

— Нет проблем, сэр. — Штурман повернулся к рулевому, женщине-конвертеру, существовавшей только в виртуальной части мостика. — Переходим в сменный режим.

— Есть, — ответила она и, повернувшись к Шерману, добавила: — Будет трясти, генерал. Так что не растеряйте кости.

Глава восемнадцатая

Система Плутона
15:33, среда, 9 апреля 3017
Харон

Плутон. Ну надо же — Плутон. Перелет в сотню миллиардов километров. И вместо того, чтобы сойтись с фремденами в решительном сражении, как ожидали все во взводе, Лео Шерман несся на встречу с Хароном в подбитом «ишиасе», пилот которого отчаянно пытался избежать бесконтрольного столкновения. Пока его старания результата не давали.

Взвод Лео помещался в задней части крошечного кормового отсека. По плану, им предстояло высадиться на один из федеральных кораблей — после того, как таковой будет принужден к подчинению или выведен из боя иным способом.

Этого не случилось. Зато по ним ударили вдруг их собственные наземные укрепления. Впрочем, они, похоже, били по всем подряд. Но какое это имеет значение, когда ты сам смотришь в жерло аннигилирующей пушки.

Энергетический заряд расколол изотропическое покрытие и превратил пелликулы корабля в то, что можно было бы назвать поджаренным гристом. Все контрольные системы, кроме позиционных ракет, вышли из строя, а гравитация окончательно сбила их с первоначальной траектории. Теперь корабль падал носом вперед на солнечную сторону Харона. Надежда оставалась только на то, что позиционные ракеты все же сработают в последний момент, замедлят падение и смягчат падение на поверхность луны.

Ракеты сработали, но ожидаемого эффекта не дали, и «ишиас» приложился крепко. Лео пытался приготовиться к столкновению, но знал — это бесполезно.

Так и вышло. Он смотрел на дверцу кокпита, когда дверца рванулась вдруг к нему. Носовая часть рассыпается, подумал Лео и еще удивился, что способен на столь здравое умозаключение. В следующий момент дверца накрыла его, и он прилип к ней, как серфер к доске, которую подхватила гигантская волна. Лео занимался серфингом — на земле. Правда, не на Тихом океане, а в Атлантическом. Знатоки говорили, что на Тихом есть настоящие волны-убийцы.

Держись!

Лео оказался в водовороте металлических обломков. В бешено закручивающейся воронке, описывающей параболу над

поверхностью луны. Полнейшая тишина. Вакуум! Он испытал момент жуткой паники, пока не вспомнил, что адаптирован к открытому космосу.

Дверца ударилась о поверхность, но сила инерции несла ее дальше. Еще удар. И еще. Лео держался. Его перевернуло, и в следующий момент дверца накрыла всей своей массой и грохнула по голове.

Тьма.

Пробуждение… как в хмельной тишине.

Затем треск — словно раскололся лед.

Как я могу что-то слышать? Здесь же нет атмосферы.

Звук был в нем. В его внутреннем ухе. Что-то случилось с телом. В чахлом свете Лео поднял руку. Ощущение было такое, будто ее всю облепили муравьи.

Грист. Точнее, мил-грист. А, черт.

И все же что не давало ему сдаться, уступить, сломаться. В конце концов он прошел полный апгрейд. С ним работали лучшие инженеры и программисты Мета. То, что они вложили в него, было сильнее даже мил-гриста.

Лео сел. По лицу побежала кровь, и он едва не отрубился. Впрочем, подумал он, даже чудо-грист не решит всех проблем. Он приподнялся, стараясь не совершать резких движений. Вроде бы все в порядке. Перекатился на четвереньки. Подождал. И встал.

Так и есть, его занесло на Богом забытый Харон. Под ногами — грязный лед. Вплетенная в лед паутина более плотного материала придавала поверхности сходство с шахматной доской. Грист. Справа и слева ощетинившиеся стволами и антеннами строения. За спиной — смятый корпус «ишиаса».

Разбросанные тела.

Где же сержант? Лео сделал несколько неуверенных шагов. Гравитация слабая. Где-то еще он свалился бы на землю, здесь же ему удавалось держаться на ногах. Имена своих сослуживцев Лео так и не выучил. Все были новенькие, кроме сержанта, Дори Фолсом. И вот теперь все мертвы. Выжил только он один.

Но Дори среди них не было. Может, осталась в корабле? Лео повернулся и шагнул к обломкам.

— Стоять!

Что за черт? Здесь же не может быть никаких звуков — при отсутствии атмосферы.

— Я стою, — ответил Лео через мерси. Он попытался замереть, но его повело в сторону. Из-за обнесенного стеной бункера появились двое. Один нацелил в Лео ручную ракету.

— Деактивируй оружие! — Приказы отдавал, похоже, парень с ракетой. — Живо!

Лео набрал код деактивации, отменив боеготовность систем. Пули выпали из зажимов. Энергетические показатели упали. Оставалось лишь надеяться, что эти двое умеют считывать данные и понимают их значение.

— Готово.

— Вытяни руки. — К нему подошел второй, без ракет. Лео выполнил приказание. Солдат защелкнул наручники, и грист расползся по его пелликуле, снимая показатели ДНК и серийный номер.

Лео пригляделся к парочке. Тот, что надел наручники, оказался женщиной. Невысокого роста, смуглая, приземистая, но крепкая. Второй — чернокожий. На вид лет двадцать с небольшим, хотя со всей этой адаптацией можно и ошибиться. Форма черная с серебристо-синим. На плече нашивка.

Сержант. Третья легкая бригада Федеральной армии.

Слава Богу.

— Между прочим, я сдаюсь, — сказал Лео.

— Вот и хорошо. А то нам пришлось оставить тебя без башки. — Сержант кивнул. — Ну, это еще не поздно. Если вздумаешь…

— Не беспокойся. Я уже целый год пытаюсь сдаться.

— Считай, что мечта сбылась. Только вот с этого проклятого камешка еще надо слезть. — Он кивнул в сторону унылого горизонта. — Шагай, солдат.

Глава девятнадцатая

Система Плутона
09:12, четверг, 10 апреля 3017
Флагман Департамента Иммунитета «Штрайххольцера»

Генерал Канг Бланкет уже пришел к выводу, что ему противостоит сам Шерман. Старый Ворон залетел на Плутон и, похоже, находился сейчас на захваченном корабле, называвшемся недавно «Джихад».

Шерман издевался над ним, играл с ним — в этом не было сомнений. Но играть ему осталось недолго. Он допустил ошибку — вполне понятную в данных обстоятельствах, но все же ошибку. Задержался на орбите на целых три дня, пытаясь снять своих людей с Плутона и Харона. И сам себя загнал в угол.

Что-то там пошло не так. Случилось что-то серьезное и страшное. Но что? Бланкет не знал. Возможно, какая-то трансмутация грист-взаимодействия. В любом случае мерси-связь с обеими планетами отсутствовала. Пара межсетевых переходов еще функционировала, но информация, поступавшая через них, представляла собой мешанину непонятных образов и текстовых операторов. Бланкет бросил на расшифровку своих специалистов, но пробиться через блокировку так никому и не удалось.

Ладно, восстановлением контроля над местным гристом он займется после того, как разгромит Шермана. А этот момент уже близок. Правда, пока командующему фремденов удавалось маневрировать, довольно успешно используя клаудшип и захваченный крейсер в качестве щита и копья, но семь кораблей Бланкета уже взяли врага в кольцо.

Вырваться ему не удастся.

Глава двадцатая

Система Нептуна
19:44, четверг, 3 апреля 3017
Рота Б Ольского

Бой за корабли «ишиаса» обернулся для роты Б тяжелой и кровавой работой. Вскрытие корпуса требовало больше времени, чем предполагалось, и находившиеся внутри точно знали, в каком месте произойдет вторжение. В результате солдат встречал губительный огонь.

Но и это не могло остановить их. Экипаж каждого корабля составлял от восьми до десяти человек. Численное преимущество было на стороне фремденов. Пехоту Департамента, находившуюся в трюмах эсминцев, так и не успели развернуть. Еще большую проблему для экипажей «ишиасов» представляло то, что половина их них не прошла адаптацию к космосу. Брешь в корпусе означала для них верную смерть.

И все же дрались они отважно. Большинство погибли, в плен попали немногие. В какой-то момент защитники, как будто охваченные единым порывом решимости, переходили в контрнаступление и почти достигали успеха. На протяжении войны такое случалось неоднократно и получило в федеральных войсках название «Всплеск Глори».

Овладев кораблем, пехотинцы первым делом запускали в грист спецкоманду СК. В течение нескольких секунд эти солдаты преодолевали системы защиты и устанавливали полный контроль над захваченным «ишиасом». Полуразумные искусственные интеллекты, управляющие такими кораблями, не имели никаких шансов против полноразумных конвертеров-хакеров.

Группы чистильщиков с невероятной быстротой отсоединяли гарпуны, сети и фалы-липучки — большинство этих приспособлений имели встроенные коды автоматической дезинтеграции, позволявшие мгновенно разложить их на составляющие частицы.

С момента десантирования прошло четыре с половиной часа. И вот захваченные истребители все как один повернулись к планетному минному тральщику, стоявшему между ними и Нептуном. «Дебех-Ли-Зини» надлежало атаковать и уничтожить. «Дебех-Ли-Зини» оставался единственным барьером между победителями и их затерянными в космосе товарищами.

И взять «Дебех-Ли-Зини» могла только рота Б.

Только тогда они смогут отправиться за теми, кто не попал в

сети и падал сейчас на Нептун. Время и гравитация играли против них.

Глава двадцать первая

Облака Оорта
Конец весны 3017
Федеральная академия

Из «Бораска»

Воспоминания Лебедева, командира крыла, левый фронт

Все учащиеся Академии, мужчины и женщины, имеют звание «спейсер», что-то среднее между мичманом и энсином. Новичков — а в моем классе таковыми были все — называют «плебеями». Все студенты составляют батальон.

Батальон в академии делится на шесть рот. Командиром роты назначается особо отличившийся спейсер. Кандидатуру на это должность мы определяем во время занятий по программе «Плебейское лето». В последующие годы, когда появляются разные классы, должность отдается старшему, который получает звание спейсера первого класса. За всю деятельность роты отвечает флотский офицер, имеющий звание от капитана и выше. Сам я, как основатель Академии, ношу чин адмирала. Когда мы только начинали, все офицеры были добровольцами, имевшими за спиной немалый опыт военной службы. Всего нас было семеро: клаудшип Толстой, его сыновья, Пушкин, Лермонтов и Гоголь (остальные мальчишки Толстого записались в первый класс), Найпол, Мейсрил и Ортега-и-Гассет. К некоторым понятие «ветеран» подходило с натяжкой, но тем не менее мы делали все, что могли.

Основное внимание мы, инструкторы, уделяли трем основным положениям стратегии и тактики: огневые средства, разведка и управление. Разумеется, поначалу молодняк оказался под сильным впечатлением их собственной огневой мощи. Эту веру требовалось привести в соответствие с реальностью. Первым нашим упражнением стала игра «лиса и собаки», для которой

мы выбрали Путь Темной Материи в направлении Альфа Центавра. В качестве «лисы» я задействовал старика Толстого, хранителя тайного кладбища клаудшипов. Класс отправился за ним с инструкцией открывать огонь при обнаружении или помешать ему достичь цели, маяка, находящего в двух миллионах километров к юго-западу.

Не стоит, наверно, и говорить, что пострелять им так и не удалось. Толстой не только ускользнул от них, но и, замаскировавшись под метеорный дождь, стащил маяк из-под носа у охранявшей его семерки. На прощание старый плут подстрелил четверых. Домой неудачники вернулись с жутковатого вида волдырями на новенькой, блестящей «коже», которые, к счастью, быстро зажили.

Двое из курсантов выделялись на фоне остальных, но большой симпатии между ними я не заметил. Один — младший сын Толстого. Звали его Стоун, и, как следует из имени, парень был крепкий орешек, относился ко всем холодно и откровенно свысока. Каждое задание стремился выполнить с безжалостной эффективностью. Особенно ему удавались упражнения в сомкнутом строю, и, будучи старшим, он не стеснялся подгонять тех, кто не дотягивал до его высоких стандартом, кнутом электромагнитной радиации. Надежный друг для небольшой группы избранных, он, к сожалению, воспринимал остальных как париев.

Нельзя сказать, что таким Стоун вырос сам по себе. Детство его прошло на кладбище, где парня воспитывали в духе почитания и уважения к тем памятникам и мемориалам, которые мы, клаудшипы, устанавливаем для своих. Будучи младшим из тринадцати братьев, он обычно исполнял те обязанности, которые старшие сваливали на него, и одновременно делал все то, чего неукоснительно требовал от сыновей Толстой. Что и говорить, строгая семейка, эти Толстые. Знай я их не так хорошо, назвал бы бессердечным отродьем. Но так только казалось со стороны. На самом же деле они были сплоченной и любящей группой, хотя и не отличались разговорчивостью. Этими качествами они были обязаны как матери, клаудшипу Самандаколь, так и отцу, кладбищенскому смотрителю.

А вот вторая моя «звездочка» была полной противоположностью Стоуну. Звали ее Соджорнер Трут. Безалаберная, крутая, импровизатор, способная всегда

найти выход в критической ситуации. С ее родителями, друзьями Толстого, клаудшипами Керуаком и Паркер, я сильно расходился в политических взглядах. Во время прений в Совете они неизменно выступали против любых военных операций, но я знал, что влияние внутренней системы здесь ни при чем. Убежденные пацифисты, они позволяли своей дочурке буквально все, так что бедняжке Соджорнер — или Содж, как она сама просила ее называть — удалось взбунтоваться только так, записавшись в Академию.

Естественная и беспечная, Содж стала лидером для всех середнячков, которые всячески добивались ее внимания, но при этом отнюдь не следовали ее стремлению преуспеть во всем. Все знали, как много она занимается во внеурочное время, но никто не держал против нее зла, поскольку девочка никогда не задавалась и не хвастала своими достижениями, а похвалы воспринимала с ухмылкой, достойной фигляра.

С самого начала между Стоуном и Содж развернулось настоящее соперничество, которое я, должен признаться, только поощрял ради достижения обоими наилучших результатов. И, разумеется, я не позволял никому догадаться о том, как высоко ценю обоих. Но школа есть школа, и без отметок в ней не обойтись. Приходилось ставить «отлично». Каждый из этой парочки знал рейтинги другого и делал все возможное, чтобы столкнуть соперника с пьедестала во время нашего «Плебейского лета».

Где-то близко к хвосту топтался, особенно поначалу, клаудшип Швейк. Неисправимый приколист и бездельник. Но что-то я в нем рассмотрел. Все его розыгрыши, шутки и отговорки отличались поразительной изобретательностью. Я знал, что если парень когда-нибудь возьмется за ум, приложит старание, то вполне может дорасти от матроса до адмирала. К неудовольствию каждого из участников, я объединил их троих — Стоуна, Содж и Швейка — в одну триаду, боевую группу, на основе которых и строились все наши занятия по тактике. В Федеральном флоте триада была твоей боевой частью, тем щитом, от которого зависит твое выживание в бою.

Назначив Стоуна и Содж присматривать за Швейкам, я рассчитывал немного придержать эту пробивную парочку и заодно дать другим возможность

почувствовать, что и они могут тягаться с лучшими (хотя, конечно, на самом деле у них не было ни единого шанса). Официально триада именовалась Группой-5Н, но все называли ее просто Троицей С. Тем временем Швейк — уверен, только назло своим партнерам — резко пошел в гору. К концу Плебейского лета стало ясно, что мы нашли трех из шести командиров для шести рот нашего будущего батальона.

Отрывок из «Дневника спейсера первого класса Соджорнер Трут»

О чем только Лебедев думает? Ладно, признаю, вначале я немного ошиблась на его счет. Старик просто пытался показать, что это за штука, война, и как нелегко на ней придется. Поскольку симулировать войну невозможно, он гонял нас на тренировках. С этим все понятно.

Но, черт возьми, как же я ненавижу своих напарников! Меня всунули в триаду с весельчаком-шутом и свихнувшимся на идее контроля психопатом. Да, оба не лишены способностей и ума, но то как они этим пользуются… О, меня от них тошнит. Мерзкие типы.

Вот вам пример. На днях проводили маневры на Дороге Темной Материи. Инструктор — им был Гоголь — заставил нас атаковать какой-то богом забытый кусок темной материи, причем, каждый должен был по очереди занимать позицию наконечника. Цель — умыкнуть электромагнитный маркер, прежде чем маяк активирует «защитные средства», которые в данном случае были представлены древней рельсовой пушкой.

Разумеется, я сделала все как надо: вышла на касательную, использовав для прикрытия астероид. Двух своих болванов послала по более широкой параболе с тем расчетом, чтобы ее пик был почти на границе радиуса действия пушки.

Выполнили они мои инструкции? Как бы не так. Айсмен-Стоун заподозрил в моей тактике какой-то подвох и решил сам схватить маяк, если я облажаюсь. Вместо того, чтобы вызвать огонь на себя и уйти в сторону, он остановился и в самый последний момент

рванул к маяку, ожидая, что я промахнусь, а он покажет себя героем.

Другой же придурок просто сунулся слишком близко и, конечно, получил хорошую оплеуху. Объяснил, что хотел оценить «поцелуй бабочки». Когда инструктор объяснил, чем бы все закончилось в реальной ситуации, и что бы с ним сделала аннигиляционная пушка Оже, он только посмеялся — мол, это же была совсем другая пушка!

Поэтому, идиот, ты еще и жив, сказала я ему.

А почему бы не подурачиться, сказал он.

Как же я их ненавижу.

Маяк я, конечно, захватила. Как, впрочем, и каждый из них, когда пришла их очередь. Должна признаться, я тоже сделала парочку подножек.

Ну и что? А кто бы не сделал на моем месте? Я же имею дело с двумя дебилами.

* * *

После трех месяцев ада я объявил окончание Плебейского лета и перешел к академическим занятиям. С помощью клаудшипа Микеланджело создал в мерси флотскую академию. Кабинеты получились бедные, зато кампус что надо, с анахроническими мотивами — дизайн я позаимствовал у известных флотских академий старушки Земли. Сами классы разместились на палубах океанских судов. Микеланджело, большой мастер мерси-дизайна, даже устраивал время от времени качку, в результате чего у одного парня случился настоящий приступ морской болезни.

Мы учили их всему, что знали сами, знакомили с возможностями клаудшипов и характеристиками основных сил Департамента. Занимались стратегией и тактикой. Советовались со всеми заслуживающими доверия умами Республики. Но проблема в том, что в истории человечества не было крупных космических сражений, о чем я постоянно напоминаю курсантам, и потому большая часть занятий отводится рассмотрению непредвиденных ситуаций.

Каждый день занятий заканчиваем часовым практическим упражнением в стрельбе по мишеням. Мы

знаем, что не просто готовим ребят к дальнейшей учебе, а что бросаем их в бой, и никто из нас этого не забывает. Конечно, мы предпочли бы сами встретить беду. В конце концов все учатся одинаково, и никто толком не представляет, что нас ждет. Но есть дело, которое нужно делать, и мы его делаем.

Прошел год. Мы сделали из них воинов. Конечно, им недоставало опыта, никто из них не нюхал настоящего пороху, но ни я, ни мои инструкторы не сомневались, что ребята проявят себя с лучшей стороны. Набрав второй класс, мы попросили нескольких старших курсантов помочь в проведении Плебейского лета. Меня удивили их отзывы о новичках.

Негодный материал! Из таких офицеров не вылепишь. Все — сплошь идиоты, испорченные неженки, белоручки! И вообще, о чем мы только думали, когда принимали таких?

Я выразил свое полное понимание и разделил их озабоченность.

— Знаю, жалкий сброд. Но вы все же постарайтесь сделать из них хотя бы что-то. Лучшего у нас нет.

Раньше я считал себя суровым наставником, но мое первое Плебейское лето было тихой прогулкой меж астероидами по сравнению с тем адом, который устроили для новичков второкурсники.

Все мы с живым интересом следили за тем, что происходит в Солнечной системе. Силы Департамента захватили еще один спутник Юпитера; в боях погиб клаудшип Сэндберг. То была первая потеря среди клаудшипов. Мы решили присвоить кампусу академии его имя.

К середине второго Плебейского лета, 3015, стало ясно, что второй атаки на Нептун не избежать. Корабли и живая сила концентрировались в системе Сатурна.

В общем, когда генерал Шерман дал сигнал быть готовыми к боевым действиям, ни для инструкторов, ни для курсантов сюрпризом это не стало. Более того, после только что закончившегося Плебейского лета мы находились в отличной форме. Одни уже прошли целый курс, другие получили начальные навыки, роты были сформированы, командная система создана, астронавты познакомились друг с другом.

Могло бы быть и хуже.

Из «Дневника спейсера первого класса Стоуна»

Знаю, в прошлом я частенько жаловался на своих одноклассников да и сейчас считаю, что им предстоит долгая дорога к совершенству. Тем не менее должен сказать, что за прошлый год они добились впечатляющих успехов. Я даже проникся невольным уважением к этой популистке Трут. Мало того, случилось то, что я полагал совершенно невозможным — кривляка Швейк дорос до уровня вполне приличного офицера.

Из «Дневника спейсера первого класса Соджорнер Трут»

Это ужасно. Мне действительно нравятся Дилдо и Нимно. Я даже стала называть их по имени. Мы, трое — Стоун, Швейк и я, — добились за прошедший год ошеломляющего прогресса. Ребята поддерживали меня в трудные моменты, помогали и даже пару раз получили за меня от инструкторов.

Черт. Никуда не денешься.

Без них я бы не справилась.

Из «Дневника спейсера первого класса Швейка»

Ну. Что ж. Поизгалялся. Начудил. И все равно закончил первый год.

И вот смотрю на этих жалких новичков, этих тухлых плебеев и думаю…

Я. Был. Таким же.

О. Господи.

Глава двадцать вторая

Система Плутона
12:12, 10 апреля, 3017

Даже загнав Шермана в угол и предвкушая победу, Бланкет не мог успокоиться, потому что был по натуре человеком агрессивным и не любил тратить время на ожидание. Кроме того, его шеф отличался еще большим нетерпением. Амес хотел видеть успех. И очень скоро. Три недели противостояния — для него слишком долго. Шерман ставил его, Бланкета, в неловкое положение. Ну почему он не может просто разбить его? Почему бы не совершить еще один набег?

Как хорошо, что он уговорил Хейсея послать дополнительные корабли к Плутону.

Пожалуй, мне нужно пересмотреть мнение о Хейсее, подумал Бланкет. Он, может, и медлителен, но определенно не мямля.

Один из тех кораблей, «Кальчио», получил серьезные повреждения, попав под град камней, выпущенный в него «Бумерангом». Потери составили несколько тысяч человек. Но брешь запечатали, а корабль быстро вернули в строй, правда, только для тыловых действий. Полноценный ремонт потребует нескольких недель, после чего «Кальчио» можно будет использовать по прямому назначению.

Как бы там ни было, но численное преимущество не на стороне Шермана и его приятеля, клаудшипа. И пусть планетные системы бьют без разбору по своим и чужим, зато минные системы полностью под контролем Мета. Перемещение минных полей займет несколько дней, но задача эта выполнимая. Каждая мина имеет некоторую встроенную импульсную мобильность. Бланкет уже занялся переводом мин из концентрированных узлов, разбросанных по всей планетарной системе, к луне и планетному эллипсу, чтобы сплести вокруг них плотную сеть.

— Предлагаю еще один приступ, — сказал Бланкет, обращаясь к капитану «Штрайххольцера», Мадлен Декбат. — Без всякого разделения. Все вместе, всеми силами.

— Да, сэр, — ответила Декбат. — Один за всех и все за одного. — Она повернулась к рулевому и отдала соответствующий приказ.

У многих командующих Департамента отношения с непосредственными подчиненными не складывались, но у Бартлета с Декбат никаких проблем не возникало. Помогало то, что она, похоже, не имела никаких амбиций и желала только

одного: до конца карьеры оставаться командиром авианосца. Ради того, чтобы сохранить нынешний пост, Декбат даже отказалась от звания контрадмирала. По слухам, она происходила из хорошей (то есть очень богатой) семьи на Меркурии, в которой ее считали своего рода паршивой овечкой.

Сам Бланкет был родом из Васа, и его семья прочно застряла в среднем классе. Амбиции, как горячие угли, гнали его вверх с самого детства.

— Все корабли на связи, сэр, — доложила Декбат. — Готовы выступить по вашей команде.

Бланкет выжал из себя командирскую улыбку и открыл рот, чтобы отдать приказ. На этот раз им от него не уйти. Никаких сомнений.

— Очень хорошо…

Что-то красное в зоне периферийного зрения. Он моргнул. Пятнышко не исчезло. Значит, не внутренний сигнал, а физический свет на мостике.

И тут же громкий звуковой сигнал.

— Доложите, капитан!

Декбат передала команду штурману.

— Мэм, у меня тут два… три… четыре… несколько аномалий на предельном диапазоне. Быстро приближаются. — Молодой лейтенант говорил дрожащим голосом. — Девятнадцать аномалий. Двадцать.

— Вектор.

— Есть, мэм. — Он пробежал взглядам по столбику данных. — Направление — внутрь системы. Все идут одним курсом. Все векторы сходятся… на нас. На Плутоне, мэм.

— Скорость?

— Сто десять тысяч километров в час. Будут здесь через… 12, 4 часа.

Бланкет быстро просчитал ситуацию. Явление определенно не природное. Идут из Облаков Оорта. Значит, без клаудшипов не обошлось. Но по данным информаторов, тамошний Конституционный Конгресс погряз в непрерывных распрях. Далеко не все клаудшипы симпатизировали фремденам. Более того, некоторые члены этого самого Конгресса сообщали, что он не способен принять ни одного важного решения.

— Может, кометы? — спросил Бланкет. — Клаудшипы вполне могли направить на нас какое-нибудь поле.

— Нет, генерал. — Декбат покачала головой. — Слишком большие.

— Тогда что?

— По конфигурации совпадение с клаудшипами.

— Клаудшипы! — Бланкет почувствовал, как вспыхнуло лицо. В ушах загремел собственный голос. — Невозможно.

— Есть подтверждение, сэр. — Голос у Декбат тоже дрогнул. — В нашем направлении движутся двадцать клаудшипов.

Как же провалилась разведка.

Двадцать.

Как могли пропустить их наблюдатели в Орте? Как могло пройти в Конгрессе решение об отправке такой экспедиции? В Конгрессе, где Амес почти что обладал правом вето за счет контролируемой им небольшой группы.

Что-то пошло не так.

— Генерал?

— Что?

Двадцать клаудшипов.

— Генерал, какие будут приказы?

Теоретически у него было три варианта. Остаться и драться насмерть. Отступить как можно быстрее. Оба эти варианта Бланкет мгновенно отверг. Первый ничего дает — просто они все погибнут. Второй… не в его духе. К тому оставалась вероятность, что это какая-то уловка.

Должно быть уловка.

Но чутье подсказывало — нет, не уловка.

Оставалось лишь одно решение. Отступить. Уйти из системы с боем. Из его, черт возьми, системы!

Не глупи. Надо выжить. Выжить, чтобы потом снова победить. Амес тебе доверяет. Твое назначение не политическое. Ты поднялся сам, из низов, только своими способностями. Амес это признает. Амес не отстранит тебя от командования.

Возможно.

Не важно. Принимая во внимание все, у Бланкета оставался лишь один выход. И он принял решение, как принимал сотни других.

— Отходим. Всем кораблям — укрыться за минами.

Глава двадцать третья

Система Плутона
04:53, 3 апреля 3017

Шерман облегченно выдохнул. Пока план срабатывал, хотя и с запинками. Орбиты Плутона и Харона в руках федералов. Другое дело сами планеты. Его виртуальный спецкорпус захватил там несколько плацдармов. Пленники сами вызвались в эту самоубийственную миссию по спасению федеральных десантников из лап предательского поверхностного гриста и, как ни странно, преуспели.

Многие из добровольцев, более половины, погибли и были стерты, как стирают компьютерные программы. Но Филатели и ее товарищи вызволили из ловушки гриста немало биологических солдат. Теперь спасенных можно было эвакуировать — Мет убрал свои силы.

Несомненно, Бланкет уже уловил, какая опасность надвигается из Облака Оорта. Он удерет, но удерет не далеко. Шерман знал этого выпускника Уэст-Пойнта и восхищался им. Чего Бланкет не знал, так это того, что Шерман отдал приказ пятнадцати клаудшипам сменить курс. На орбиту Плутона выйдут только пять, остальные отправятся к Нептуну.

Мерси-связь в этом направлении была по-прежнему блокирована, и Шерман не знал, что происходит в его родной системе. Полковник Теори впервые пробовал себя в роли командующего театром боевых действий. Шерман твердо верил в своего заместителя и всю стратегию строил именно на способности полковника защитить Нептун. Однако на его памяти были и такие случаи, когда подводили даже самые стойкие офицеры. Заранее гарантий дать никому нельзя — настоящая проверка для каждого только бой. И в большинстве случаев дело было даже не в храбрости, а в неспособности исполнять свои обязанности в полной мере, идти до конца.

Шерман мог бы держать пари, что Теори из другого теста.

В любом случае от него самого теперь ничего не зависело. И новый федеральный флот шел к Нептуну. Такое трудно было даже представить.

— Федеральный флот, — прошептал Шерман.

— Что вы говорите, сэр? — спросил штурман.

— Ничего. Как проходит эвакуация?

— Доставляем последнюю партию, сэр. Похоже, нашли Нейдерера.

— Черт возьми, парень оказался по уши в дерьме, но все-таки выжил.

— Выжил, сэр… да… — Штурман приложил руку к уху — похоже, его вызывали по спецканалу связи. — Да… понял… Передам.

Шерман вопросительно посмотрел на него.

— Что там такое? Мне знать обязательно?

— Не думаю, сэр. Мы взяли несколько пленных. Один из них сделал весьма странное заявление. Видно, у парня талант, потому что солдаты, которые взяли его в плен, ему поверили.

— Кто его взял?

Штурман моргнул, консультируясь с данными периферийного видения.

— О! Тот самый Нейдерер, сэр. Он сейчас в звании сержанта.

— И Нейдерер поверил информации, которую дал ему военнопленный?

— Он считает, что эти утверждения стоит проверить, сэр.

— Что за утверждения?

— Э… даже не знаю, как сказать, сэр…

— Говорите, как есть! — резко бросил Шерман.

— Есть, сэр. В общем, так. Пленный утверждает, что он ваш сын.

— Мой сын мертв.

— Нет, сэр. Другой ваш сын. Пленный говорит, что он — Лео Шерман.

Глава двадцать четвертая

Система Нептуна
11:02, 7 апреля 3017
Клаудшип Остин

— Остин, ты поймала этого ублюдка? — Голос Твена, связавшего с ней по специальному каналу мерси, звучал напряженно.

— Он слишком быстр. Я выхожу из системы. Придется сменить курс и подстроиться по скорости.

— Ладно. Похоже, он собирается атаковать, черт бы его побрал.

— Как думаешь, какое у него вооружение?

— Не знаю. Ничего хорошего. Если я поведу его дальше, то попаду в колодец, и меня затянет в атмосферу.

— Не надо! — воскликнула Остин, знавшая, что у старика вполне хватит решимости пожертвовать собой.

— Не волнуйся, — успокоил ее Твен. — Я бы врезался в Милл и погубил ни за что пятнадцать тысяч душ.

Остин вспомнила, что на борту Твена размещен воинский контингент. Нечасто случается, что клаудшипы перевозят так много биологических людей.

Впрочем, война меняет привычное, подумала она. От этой мысли ей стало немного не по себе. Постоянно чувствовать, что по тебе как будто ползают паразиты…

— Вот он! — крикнул Твен. — Заходит на цель!

И, словно услышав его, «Марсианский рассвет» резко изменил траекторию движения, повернув от Голубого Глаза Нептуна к Миллу. Остин прикинула расстояние: корабль Департамента находился примерно в тысяче километров от механизма Мила.

Глубинные заряды, управляемые, конечно, свободными конвертерами. Но, согласно законам Мета, СК, которые могут копировать себя только раз в каждые два года. Для некоторых из этих бомбардировка означает полное стирание, полное уничтожение всего того, чем они стали со времени последнего дублирования.

По сути, Мет жертвовал производительностью и инновациями ради уничтожения людей. Плохая экономика. На взгляд Остин, в мире не было ничего хуже плохой экономики.

Подойдя к Миллу так близко, «Марсианский рассвет» находился ниже минных заграждений. Но оставались еще несколько расчетливо установленных станций, связанных между

собой ультратонким кабелем. Когда-то они служили погодными станциями, но затем были модифицированы с учетом военных потребностей. Теперь они открыли заградительный огонь по глубинным зарядам, и немалое число последних взорвалось, так и не приблизившись к Мету.

Но большинство все же прорвалось. Некоторые прошли мимо. Лопасти Милла, имевшие десять километров в поперечине, оставались очень маленькой целью.

Другие бомбы нашли цель. И вспыхнули ядерным пламенем.

Один, два, три, считала Остин. Четыре, пять… шесть…

Волна радиации раскатилась от эпицентра взрывов, и Остин отошла на безопасное расстояние, чтобы не попасть под ее удар.

«Марсианский рассвет» ушел по арке вверх. Твен точно рассчитал, где именно он попытается вырваться, и уже поджидал врага, а когда тот появился, стер его с неба, как охотник вылетевшую прямо перед ним утку. Дождь обломков обрушился в атмосферу Нептуна.

Но дело свое «Марсианский рассвет» сделал. Повернув сенсоры в направлении Милла, Остин увидела, что одна из лопастей изрыта выбоинами, а кончик ее обломан, и теперь она напоминает лист, по которому прошлась армия гусениц. Скорость вращения упала больше чем наполовину.

Что еще хуже, оставшийся, вероятно, грист продолжал поедать поверхность Мила.

— Кому-то из нас нужно как можно скорее рассеять контрагенты, — сказала Остин Твену. — На мой взгляд, эта зараза распространяется.

— Займись этим сама, ладно? У меня просто кровь кипит. Не успокоюсь, пока не порву их всех.

Остин рассмеялась. В ее трюмах имелся огромный запас контрагентов, поставленных именно для этой цели необычайно продуктивно работающей Лабораторией передовых исследований на Тритоне. Сейчас она распылит их в виде аэрозоли, а потом уже можно будет судить и о качестве продукта.

Но приготовляя смесь, Остин вспомнила вдруг о другой проблеме и даже укорила себя за забывчивость. Впрочем, ей так давно не приходилось иметь дело с обычными людьми.

— Мои солдаты, — окликнула она Твена.

— Э… а что такое? — отозвался старик, уже собравшийся в погоню за «Медиумрэйром».

— Будь осторожнее, когда начнешь палить. Они такие хрупкие создания.

— Спасибо, что напомнила.

Остин так и не поняла, шутит он или в пылу драки тоже

совсем забыл про людей.

Глава двадцать пятая

Система Нептуна
14:00, четверг, 3 апреля 3017
Центральное федеральное командование

Теори почувствовал облегчение привычным для СК образом — как уменьшение логических парадоксов, что-то вроде распускания математических узлов.

— Майор Мортимер, доложите ситуацию.

— Твен вывел из строя «Медиумрэйр». Они сдаются.

— Хорошо.

— Не думаю, что Твену это нравится, — заметил Монитор. — По-моему, он предпочел бы уничтожить их.

— Но он же принял капитуляцию?

— Конечно, сэр, — спокойно ответил Монитор. — Рота А развернута и готовится высадиться на корабль.

— Вот и ладно. Что у нас с ротой Б?

— Подобрать всех не успели — их задержал минный тральщик. На данный момент спасено 394 человека. Некоторых взяли уже в атмосфере. 2932 считаются пропавшими без вести. Скорее всего, погибли при падении на планету.

Теори нахмурился. Черт. Еще бы немного времени, и спасти удалось бы больше.

— Минный тральщик «Дебех-Ли-Зини» также сдался и уже взят под контроль.

— Хорошо.

— Принимаю уточненные данные по потерям. Секунду… — Бесстрастное лицо Монитора стало, если такое вообще возможно, еще более бесстрастным. — Поправка, сэр. 7018. Коэффициент потер — 19.

— Спасибо, майор. — Теори воздержался от комментариев — их неуместность понимал даже майор Монитор.

Итак, оперативные силы Департамента, направленные в систему для уничтожения Милла, разбиты. Милл получил серьезные повреждения, но из строя не выведен даже временно. Пока.

Оставалось еще девять небольших кораблей со 180000 солдат, продолжавших движение к Нереиде и Тритону. Ожесточенные бои уже развернулись в небе над Тритоном. Серьезных прорывов обороны еще не случилось, хотя град шрапнели и обрушился на Нью-Миранду.

Стратеги Мета, конечно, ублюдки, но ублюдки хитрые. Теори

предусматривал возможность бомбардировки большими камнями, но никак не шрапнелью. Лазеры и маленькие ракеты, без особых проблем справлявшиеся с метеоритами и обеспечивавшие надежный щит, не справились с мелкими целями.

И все же сражение внутри системы вошло сейчас в стадию зачистки, и он мог сосредоточиться на основном противнике.

Сейчас его войска имели преимущество. Их как будто подхватила и несла победная волна. Сам Теори этого не понимал, но существование и значимость такого фактора признавал. Когда войска на подъеме, остановить их трудно. Если только им не встретится многократно превосходящая сила.

Именно этого Теори и боялся.

Страх. С ним полковник был знаком.

Но что еще остается делать? Только встречать врага лицом к лицу и делать свое дело.

Глава двадцать шестая

Система Нептуна
15:21, четверг, 3 апреля 3017
Флагман Департамента «Жертвоприношение ацтеков»

Генерал Хейсей пребывал в полнейшем недоумении. Все четыре корабля во внутренней планетной системе… пропали. Все четыре. Нехорошо. Совсем нехорошо. Плохо.

Амес снимет в него шкуру.

Надо подумать.

Подумать о том, как Амес сдирает с него пелликулу и выколупывает розовую, как у моллюска, плоть. Рассеянные по внешней системе корабли… как набухающие рубцы на исполосованной спине. Красные, кровоточащие рубцы, которые останутся шрамами. И никакой грист их уже не скроет. Амес не даст им зажить.

Хейсей тихонько всхлипнул.

— Вы что-то сказали, генерал? — Заботливый голос майора Зейна, как соль на незаживающую рану.

— Нет! — сердито бросил Хейсей.

— Приказания будут, сэр?

Генерал кивнул.

— Да. Минутку. Заткнись и дай подумать.

— Есть, сэр.

Чертов Зейн! Вот уж кого не выведешь из равновесия. Неужели ничего не понимает?

Я должен поговорить с Директором, подумал Хейсей. Другого варианта сейчас нет. Справиться со страхом, погасить панику и позвонить. Объяснить всю сложность ситуации и дать понять, что моей вины в случившемся нет.

Амес не поймет. Не захочет понимать. Или поймет? Черта с два! Но выбора нет. Нет выбора. Ситуацию надо брать под контроль. Это самое важное.

— Полный стоп, Зейн.

— Извините, сэр?

— Всему флоту — полный стоп.

— Но мы уже вошли в систему, генерал.

— Конечно, конечно. Уже вошли. Уже вошли. — Как хлыстом обожгло. Невидимым. Но ощутимым. Очень-очень ощутимым. — Отвести «Менций» и «Лонгрич».

— Сэр, эти корабли атакуют фремденов!

— Вы слышали приказ, майор?

Зейн ответил после секундной заминки.

— Есть, сэр.

Только все кончится, я тебя заменю, чертов проныра, подумал Хейсей. Но не сейчас. Сейчас ты мне нужен, мерзавец.

— Переходим в режим осады.

— Но вторжение планировалось годами…

— Как и осада в случае неудачного вторжения.

— Но это же план на случай чрезвычайной ситуации. Мы даже не проиграли его полностью, не говоря уже о…

Хейсей выпрямился в полный рост — получилось внушительно.

— Я не намерен спорить с вами, майор.

— Конечно, сэр. Но, может быть, вам следует связаться с Директором Амесом? — негромким голосом заговорщика предложил Зейн.

Вместо снисходительной улыбки получилась гримаса.

— Именно поэтому я и отхожу. Чтобы проконсультироваться.

— А… да, сэр. Понятно, сэр. Хитро.

Хейсей вздохнул. Этот подлиза ради карьеры готов чмокать в задницу Чумовую Гристрот-Мэри.

— Отведите всех на оборонительную позицию.

— Есть, сэр.

Хейсей!

Он обернулся. Голос шел не сзади. И не сверху. Голос был у него в голове.

Хейсей!

В том, кому принадлежит голос, сомнений не было.

— Директор Амес. Я как раз собирался связаться с вами.

Перейдите в виртуальность.

Зейн исподтишка взглянул на генерала.

Слышит ли адъютант голос Директора? Впрочем, какая разница. Он уже знает, что будет дальше. Или скоро узнает.

Не смея задерживаться, Хейсей все же успел стереть улыбочку с гнусной физиономии майора. Потом открыл дверь и шагнул в виртуальную часть мостика.

Амес сидел в кресле, которое парило в добрых четырех футах от пола, так что глаза вошедшего генерала оказались примерно на уровне коленей Директора. Вытянув шею, он попытался посмотреть Амесу в лицо, но затем сосредоточился на животе.

— Что вы делаете? — спросил Директор.

— Внутренняя атака удалась. Мы повредили Милл на Нептуне. Но несколько наших кораблей захвачены или уничтожены.

— Знаю.

— Я подумал, что в сложившихся обстоятельствах лучше перегруппироваться. Чтобы закрепить успех и…

— Вы *подумали*?

Ну что на это ответишь? Такими вопросами сбивают с толку и пугают кадетов. Генерал слышал подобное не раз и прекрасно все понимал.

— Да, Директор.

— Мы должны положить этому конец.

— Положить конец? Чему, Директор?

— Вы не должны думать, генерал.

Хейсей рискнул поднял глаза. Амес улыбался ему сверху, и от этой улыбки становилось не по себе. Генерал вдруг почувствовал неприятную дрожь в спине.

Значит, еще один нагоняй. Он был не готов к такому повороту. Никогда не успевал приготовиться. Но раньше обходилось, так что обойдется как-нибудь и сейчас.

— Дело в том, что мне нравилось наблюдать за вами со стороны. Не вмешиваться. Не поверите, но вы напоминаете многих друзей моей юности.

— Вашей… юности?

— Ну что вы так смотрите? Да, я тоже был когда-то молод. В ту пору друзья частенько… огорчали меня. Злили. Бесили.

— Очень жаль, Директор.

— Пустяки. Я всегда сам решал вопросы. Так же, как собираюсь решить вопрос и сейчас.

Правая рука произвольно потянулась к верхней пуговице кителя. Хейсей знал, чего от него ждут. Он повернулся спиной к Директору, оголился до пояса и стиснул зубы.

Амес рассмеялся — долгим, глубоким смехом. Хейсей не обернулся. Однажды он уже получил плетью по лицу. От кнута не уйдешь. Генерал выучил этот урок на собственной шкуре.

Смех перешел в хохоток.

— Мой дорогой генерал, я не собираюсь вас бить. Я вас съем.

— Ч-что?

— Помните моего помощника?

Хейсей не сразу сообразил, что от него требуется, поэтому сосредоточился на ожидании боли.

— Повернитесь и отвечайте!

Едва сдерживая дрожь, генерал обратился к Директору.

— Да. Шпион. Или кто там…

— Очень способный лейтенант, вот он кто. И преданный. Я обязан ему, как никому другому. Даже вам. — Амес задумчиво погладил подбородок. — Си контролировал разработку одной программы. Ею занималась специальная группа. Им многое

удалось. Очень многое. Они учли прежний опыт интеграции БМП, ошибки, допущенные в создании временных башен и даже эксперимент того поэта… Таддеуса Кайе.

— Директор Амес, извините, но я не совсем…

— Не совсем понимаете, какое отношение это имеет к вам?

— Так точно, сэр.

Амес помолчал. Потом опустил кресло так, чтобы смотреть прямо в глаза генералу.

— Имеет, Хейсей. Самое прямое отношение. Ко всему, что у вас есть. К тому, что вы такое.

— Но я манифолд, Директор. Я существую в гристе. — Генерал свел каблуки и гордо выпятил подбородок. — Моя семья — БМП в третьем поколении.

— Боюсь, ваши славные предки произвели на свет осла, — сухо отрезал Амес. — Похоже, пороху не хватило.

Хейсей напрягся. Пороху не хватило? Да у него пороху на десятерых хватит!

— Не беспокойтесь, я позабочусь об этой проблеме. — Амес подался вперед и, протянув правую руку, провел указательным пальцем по щеке генерала. Странное прикосновение, не мягкое и не жесткое. Ощущение было такое, словно его попробовали на вкус. — Манифолд манифолдов. Манифолд в квадрате, — негромко промолвил Директор. Как будто с собой разговаривает, подумал Хейсей. Но я же здесь! — Одновременно везде. Одновременно всегда. — Амес улыбнулся. Улыбнулся себе! — Временные башни отстали. Поэт облажался. Но я делаю все как надо.

— Директор, — не выдержал генерал. — Я знаю, что мог бы исправить ситуацию. Если вы дадите мне еще один шанс… Я его не заслужил, но… прошу вас. Умоляю.

— Умоляете? — Амес посмотрел на генерала так, словно забыл о его присутствии. — Мне нечего вам дать.

— Шанс, сэр. Возможность все поправить. Разбить фремденов. Захватить для вас систему Меркурия.

— А, это… Нет.

— Но, Директор… Уверен, я бы мог… я… — Хейсей умолк под холодным взглядом Амеса.

— Нет.

— Есть, сэр. Окончательное решение, конечно, принимать вам.

— И бесповоротное. — Амес откинулся на спинку кресла.

Хейсей совершенно не понял, о чем говорит Директор, но инстинктивно чувствовал — грядущее ему определенно не понравится.

Амес снова подался вперед и дотронулся до его щеки.

Острая, пронзительная, непереносимая боль. Боль не только в его физическом теле. Каждая клеточка гриста, в которой он обитал, отозвалась непредусмотренной вибрацией. Пульсацией другого существа.

Его душа больше не принадлежала ему.

— Теперь ты чувствуешь мой мир. — Голос Директора звучал у него в голове.

— Больно, — выдохнул Хейсей. — Мне плохо.

Так вот она, смерть. Он хотел умереть. Боль не кончалась.

И тогда генерал понял.

Амес не даст ему умереть. И не позволит жить. Он заключен, загнан навеки в миг нестерпимой боли.

— Я — фитиль, — гремел в его мозгу голос Директора. — Ты — воск. Понял?

Нет, не навеки. До тех пор, пока Амес его не использует его полностью. Очень, очень долго.

— Твоя цель — растаять, сгореть, чтобы я сиял.

Его боль добавит силы Амесу. Его интеллект станет достоянием Амеса. Хейсей останется в мире живых. И только его душа — то, что составляло его сущность, — будет потеряна.

— Прощайте, Хейсей, — сказал Директор Амес.

Через секунду генерал твердым шагом вернулся из виртуальности в реальность. Оглядевшись, он коротко бросил:

— Майор Зейн, возобновить наступление.

Глава двадцать седьмая

Система Нептуна
17:09, четверг, 3 апреля 3017
Центральное федеральное командование

— Они отошли, но ненадолго. Сейчас снова атакуют, — доложил полковнику Теори майор Монитор.

Теори задумался. Что означает странный маневр противника? Ответа не было. Откуда-то появилось неприятное ощущение, что он упустил нечто важное. Не в первый уже раз полковник пожалел, что рядом нет Шермана, а бремя ответственности лежит на его плечах.

— «Менций» и «Лонгрич» в 58 килокликах. Идут по тангенциальному вектору к орбитальной плоскости Тритона. На перехват движутся клаудшипы Гомер и Маккарти.

— А что Нереида?

— Клаудшип Карлайл на внутренней орбите. Лучшего прикрытия не найти — он ведь размером почти с луну.

— Думаю, его они приберегут напоследок. Пусть остается на позиции.

— Ему это не понравится.

— Карлайл любитель шахмат. Будет жаловаться, скажите, пусть считает себя проходной пешкой.

— Прошу извинить, сэр, но это чушь.

— Я и сам понимаю, майор.

— Все вы понимаете. А понимаете ли, что ваш стальной взгляд и рельефный профиль приводят меня в замешательство.

— Хватит, майор.

В воздухе появился красный маячок. Мигнул дважды и исчез.

— «Мерций» отбомбился, — сообщил Монитор.

Теори взглянул на данные с дронов-наблюдателей. Приближающееся облако шрапнели было плотнее предыдущего, но шло с небольшим отклонением от цели. Полностью накрыть Нью-Миранду оно не могло. Очевидно, кто-то допустил ошибку в целеуказании.

Если только…

— Это облако… оно ведь трехмерное, верно? Какая у него проекция?

Ответ последовал незамедлительно.

— Икосаэдр.

— За ним десант. Наземные силы привести в состояние полной готовности. Сообщите капитану Резиденсу, что на нем

полное оперативное командование восточными бункерами.

— Есть, сэр.

Значит, будет наземный бой. Теори надеялся, что врага остановят на окраинах города. Если начнутся уличные столкновения, среди мирного населения будут огромные жертвы.

— Сэр, клаудшип Сервантес докладывает. Основная часть боевой группы «Жертвоприношения ацтеков» внутри орбиты Нереиды. Построение стандартное, триадами.

— Передайте Сервантесу, пусть немедленно присоединяется к Маккарти и Гомеру.

Монитор кивнул.

Они сделали все, как надо, но так и не смогли отпугнуть противника. Никто не убежал. Никто не отступил.

Значит, придется драться.

Он сделал все, что мог, чтобы избежать прямого столкновения, но вот дошло и до этого. Что ж, к этому он и готовился. Может быть, в конце концов, Шерман не ошибся, выбрав его. Может быть, ошибся.

Вскоре все станет ясно.

Глава двадцать восьмая

Система Нептуна
Середина апреля, 3017
Тритон

Единственный положительный момент проживания в катакомбах зала собраний Пути Зеленого Древа, думал отец Андре Сюд, это возможность проводить какое-то время в цветущем саду, занимаясь балансировкой. И во время его отпуска, и на протяжении всех кризисов последних лет, когда внимание прихожан отвлекали, возможно, другие дела, они не переставали ухаживать за садом, сохраняя его, поддерживая в готовности к возвращению своего наставника.

Они верят в меня больше, чем я сам, думал Андре. И он не подвел их.

Но сейчас сад пребывал в плачевном состоянии. Все разбито, вытоптано, центральная лужайка больше походила на грязную лужу. И ничего не поделаешь. Сад располагался глубоко под землей; теплом и светом его обеспечивал термоядерный реактор. Над комплексом, на поверхности, находился зал собраний Зеленого Древа, который ввиду своего низкого профиля не рассматривался противником как приоритетная цель. Конечно, шрапнели все равно куда падать, но умное оружие находило более достойные мишени. Вот почему сад превратился в бомбоубежище для жителей ближайших кварталов.

Андре не считал, но на небольшом пространстве собралось около тысячи человек. Что касается свободных конвертеров, то их в гристе под плодородным слоем почвы было еще больше. В случае прямого попадания потери были бы огромными.

Осада Тритона продолжалась уже третью неделю. Люди приходили к Андре за советом, за утешением, с вопросами о смысле жизни. А за чем еще обращаются к шаману-священнику, когда мир перевернулся вверх дном?

И он понял, что все его сомнения — внутренние сомнения относительно существования Бога и возможности общего представления о добре и зле — не имеют никакого значения. Это было самое странное. Сомнения остались. Он по-прежнему ощущал себя колеблющимся камышом, но, разговаривая с испуганным подростком или отчаявшейся женщиной, находил в себе силы дать им то, в чем они нуждались. И даже признание собственных сомнений и страхов не стало препятствием в его работе.

Он просто делал то, что считал необходимым.

Люди искали утешения и ободрения. И более всего они хотели рассказать кому о своих чувствах, не опасаясь насмешек и унижений, не боясь показаться слабыми. Они пользовались им, как пользуются дорогой — чтобы попасть из одного места в другое. И когда он выслушивал их и отвечал на их вопросы — пусть даже неадекватно с интеллектуальной точки зрения, — они уходили другими, успокоенными и укрепившимися. В конце концов вера — вопрос вовсе не интеллектуальной сферы.

Сам же Андре, к своему великому облегчению, нашел утешение в общении с Молли Индекс. На протяжении многих лет они оставались друзьями, а в начале были даже любовниками. И вот теперь встретились наконец снова.

Наконец.

Здесь, под грохот падающих с неба гвоздей, в уголке виртуальности, блокированном глушителями Департамента, они нашли ту самую любовь, что ускользала от них десятилетиями. Андре даже «переехал» к Молли, хотя понятие «жить вместе» вряд ли применимо к тем, кто спит на разных койках в подземном убежище.

Мысль о том, что когда все закончится — если когда-нибудь закончится, — ему придется вернуться к прежней, одинокой жизни, казалась невыносимой. Единственная проблема — он не был уверен, что Молли чувствует то же самое. Времени после семинарии прошло много, и она сильно изменилась — не то, чтобы стала другим человеком, но определенно человеком другого типа, Больштм Массивом Персоналий. Хотя в начале войны ее и переключили в режим одной индивидуальности, в душе она осталась набором многочисленных копий, каждая из которых жила по-своему. Все эти «другие» ушли на время, а может быть — навсегда.

На Тритоне у нее была возможность развернуться в полной системе, но она этим шансом не воспользовалась. Молли была БМП Мета, художником, чье сознание некогда распределяясь вокруг солнца. Хотя она и не говорила об этом прямо, Андре знал — пока его подруга не вернется к прежнему существованию, полумеры ее не устроят. Она останется простым смертным.

Такая решимость лишь разжигала его любовь.

Андре и сам чувствовал себя другим человеком. Подобно Молли, он изменился как физически, так и ментально. Когда-то давно он умер на Луне, а потом реализовался в ином, своем нынешнем теле. Он обитал в копии своего разрушенного тела. Клон. С тех пор прошло двадцать лет. В клонированном теле Андре жил дольше, чем в оригинальном.

Молли взяла на себя функции администратора убежища. БМП на Тритоне было немного, и местные часто обращались к ним за помощью и руководством как в политических, так и социальных вопросах.

Какая чепуха, думал Анре. Две, три головы — даже пятьдесят голов — ничем не лучше одной, если все они заняты одними и теми же мыслями. Но кастовая система сложилась, и Молли — имевшая два последних года всего лишь статус резидента — была включена в состав триумвирата, надзиравшего за работой убежища. Работы хватало, поскольку на площади, вмещавшей не более трехсот человек, разместилось более тысячи.

По прошествии недели Андре и Молли решили составить для себя расписание встреч. Только так удавалось выкроить друг для друга хоть какое-то время. Странно — находиться всегда практически рядом, но часами не иметь возможности видеться.

Встречались обычно на небольшом участке, где Андре создавал свои скульптуры. Остальные почтительно подвигались, образуя круг уединения радиусом в добрых двадцать футов. Андре старался заставить себя забыть о постоянном прессе окружающих, что получалось, когда он занимался складыванием камней. Помогало и то, что Молли нравилось наблюдать за ним в такие моменты. Его каменные композиции она считала формой искусства. Для Андре такая работа имела некую завершенность. Ты находишь подходящую трещину в пустоте и заполняешь ее чем-то. Почему? Потому что есть трещина. Потому что рядом валяются камни. Потому что ты сам здесь же.

А вот найти подходящее место, чтобы заняться любовью, было труднее, но пару раз им удавалось и это. Андре хорошо знал сад, знал, сколько точно инструментов может поместиться в отведенном для их хранения помещении, знал, сколько места займут два тела в вертикальном положении. Приходилось балансировать, исхитряться. Получалось не идеально, недостаточно артистично, но все равно приятно.

После второго такого свидания они вышли посидеть на камне. Камень был большой, но в незначительной гравитации Тритона Андре передвигал его как садовую скамейку средней величины. А еще он знал особенности каждого камня в саду. Этот он притащил из монастыря. Раньше камнем пользовался отец Капабилити, монах, который и научил Андре этому искусству (а заодно спас от очередного приступа отчаяния). Андре знал, что обязан ему жизнью. Если он и стал балансером камней, священником и садовником, то только благодаря отцу Капабилити.

Земля содрогнулась. С потолка посыпались песчинки.

Бомбардировка продолжалась.

— Сегодня ощущается сильнее. Или бои идут ближе, или они сбрасывают что-то потяжелее гвоздей, — сказала Молли, потягивая воду из чашечки. Воду Андре нацедил из крана на стене, а чашечка служила когда-то для хранения семян. Дырочку в донышке он заткнул кусочком пробки. Далеко не бокал, из которого он попивал вино в артистической мастерской Молли в Диафании. Но до той мастерской сто миллионов километров и полдесятка лет.

— Можно проверить мерси, — отозвался Андре.

Молли покачала головой.

— Скоро и так узнаем. Не хочется слушать новости. — Она отпила еще немного и передала чашку Андре. Он тоже сделал глоток. Пожалуй, эта вода куда вкуснее самого лучшего бургундского.

— Какие у тебя планы на шоу?

— Все рвутся принять участие, — ответила Молли. — Будет… по меньшей мере интересно. Есть даже пьеса.

— Слышал. Один из моих прихожан играет роль Алсибиадаса Моргана.

— Я думало, что если нас на что и хватит, то в лучшем случае на какой-нибудь фарс Меллера. Но Кван захотел поставить что-нибудь посложнее, поэтому остановились на «Кончайте трепаться, мистер Рабби».

— Хороший выбор, — одобрил Андре. — А какие проблемы в реальности?

— Нам выделили еще немного места в гристе, но при загрузке копий, базовые службы могут дать сбой. Нам и так едва удается кормить всех. Энергозатраты большие, а Милл работает сейчас только в половину мощности, так что проблемы есть, и очень серьезные.

— Уверен, вы справитесь. Что-нибудь придумаете. — Он вернул чашку Молли.

— У меня такой уверенности нет. И если у нас ничего не получится, тебе придется решать, кто останется в спасательной лодке, а кому придется уйти.

— Мне?

— Люди верят в тебя и считают, что ты поступишь по справедливости.

Андре вздохнул.

— Наверно, ты права. Будем молиться, чтобы до этого не дошло. — Стены снова задрожали, с потолка снова посыпалось. — Он посмотрел вверх. — Надо бы послать кого-то наверх, но… Что у нас с другими убежищами?

— Я уже со всеми связалась. Официально все заполнены.

— Да…

— Ну, пока же держимся.

— И у меня есть ты.

— Ага. — Молли допила воду и поставила чашку на камень, на котором сидела. — Странно. Сейчас я даже не могу представить, что смогу снова жить без тебя.

— Я чувствую то же самое, — выпалил Андре.

— Уж не закрался ли в твою душу ползучий агностицизм в отношении любви?

— Это всегда было твоей проблемой, а не моей.

— Наверно, ты прав. То время, когда я была ироничным куратором и вела богемный образ жизни, осталось где-то далеко-далеко в прошлом.

— Послушай наивного идеалиста. Теперь, когда я нашел тебя снова, я вцеплюсь в тебя, как рачок в днище корабля, плывущего к Новому Свету.

Молли усмехнулась.

— В данный момент я никуда не плыву. Ты, полагаю, тоже.

— О нет, нет, мы оба куда-то плывем. Ты просто привыкла думать трехмерно, а ситуация требует четырехмерного и даже пятимерного мышления.

Еще один толчок едва не сбросил их с камня. Завыла сирена. Сигнализация работала, конечно, и в мерси, но в дополнение к ней в убежище использовали и старомодные сирены — чтобы все наверняка услышали сигнал. Они передавали разные предупреждения, но Андре уже оставил попытки запомнить, какое что означает.

А вот Молли знала. Что и неудивительно, в конце концов она участвовала в разработке системы.

— Нарушение структурной целостности. Я сегодня дежурная, так что придется пойти и посмотреть.

Андре убрал руку с ее талии.

— Если выживем, как насчет того, чтобы встретиться завтра? Скажем, в 17:00?

— Я не против, отец Сюд. — Молли улыбнулась. — На прежнем месте? Среди приборов и инструментов?

— Ничего не имею против.

— Хорошо. — Она чмокнула его в щеку и поднялась. Андре знал, ей придется подняться почти до поверхности, чтобы выяснить, что случилось.

— Будь осторожна. Там много всего такого, что было бы не прочь убить тебя.

— Знаю. До вечера.

— Если я усну, просто возьми меня за руку и подержи. От этого я никогда не просыпаюсь.

— Обязательно, — пообещала Молли. — Люблю. — Она сжала его руку, повернулась и поспешила к аварийной команде.

Андре проводил ее взглядом.

— Чтоб меня, — прошептал он. — Я тебя тоже люблю.

Не успел он обдумать это, как к нему решительно подошла расстроенная молодая женщина.

— Отец Андре, можете уделить мне минутку?

Он улыбнулся. Не фальшиво и даже не принужденно. Может быть, немного устало.

— Конечно.

— Я никогда раньше не ходила ни к шаманам, ни к священникам, поэтому, наверно, немного смущаюсь.

Андре похлопал по камню.

— Насчет этого не беспокойтесь. Садитесь и говорите со мной так же, как говорили бы с любым другим.

Я ведь и есть такой же, как все остальные, подумал он. В этом знании таилось огромное облегчение. Необязательно знать все. Или даже что-то вообще. Твое дело просто быть тем, с кем люди разговаривают.

— Что вас беспокоит?

Женщина рассмеялась — нервно и одновременно облегченно оттого, что сможет наконец поделиться с кем-то своими тревогами.

— Мой муж там. Далеко. Я не могу связаться с ним и не знаю, жив ли он еще. — Она смахнула с лица прядь. Лет двадцать пять, подумал Андре. Во всяком случае не больше тридцати.

— Ваш муж в армии?

— Пошел добровольцем, как только его проверили.

Эмигрант. С Койпера или даже откуда-то подальше.

— Знаю, причин для беспокойства нет, — продолжала женщина. Здесь ведь много детей, у которых оба родителя ушли воевать. Немало беременных, чьи мужья тоже там. И отцы, и матери, которые уже давно не получали никаких известий от детей, и все такое. Но я…

— У вас есть все основания для беспокойства, — мягко сказал Андре. — Знаете, трудно помогать другим, когда сам в таком состоянии.

— Знаю. Но ничего не могу с собой поделать. У меня так давно нет от него известий. — Женщина заломила руки и, заметив это, смутилась и сжала пальцы.

— Трудно, когда вдруг остаешься один, без тех, с кем всегда был рядом, с кем разговаривал. Мы воспринимаем их присутствие

как нечто само собой разумеющееся. А потом вдруг наступает тишина, и только тогда мы сознаем, как много значили для нас эти люди.

— Да. — Женщина улыбнулась сквозь подступившие к глазам слезы. — Я так жалею, что не поговорила с ним перед тем, как он ушел. Мы оба пытались делать вид, что ничего не случилось, что мы счастливы, и вот теперь я здесь… Я так и не сказала ему…

Слезы все же провались и потекли по щекам. Андре достал из кармана платок. Как бы ни складывались обстоятельства, он никогда не забывал положить в карман чистый платок. В его ремесле чистый платок был инструментом первой важности.

Женщина взяла платок и вытерла глаза, но голову не подняла — наверно опять смутилась. Андре наклонился и посмотрел ей в глаза. Поддерживать зрительный контакт было сейчас важнее, чем приводить все двенадцать доказательств существования Бога.

— Он знает, что вы его любите. И он вас любит. Это видно из тех чувств, что вы выражаете сейчас передо мной.

— Но я не выразила их перед ним! Думала, впереди еще столько времени! Думала…

Она снова всхлипнула, и Андре, не давая ей отвести взгляд, потрепал бедняжку по плечу.

— Уверен, он знает. Иногда для передачи этих чувств и говорить ничего не требуется. По-моему, у вас с мужем были именно такие отношения. В этом нет ничего плохого. Чувство остается, и оба это знают.

— Вы так думаете? — спросила женщина. — Вы действительно так думаете?

Он не мог ответить по-другому.

— Да.

— Я так глупо себя веду.

— Совсем нет.

— Мы с Хуаном на самом деле очень хорошо друг друга знаем.

— Да.

— И я так за него переживаю.

— Да.

— Большое вам спасибо, отец.

— Всегда пожалуйста. В любое время. — Он пожалел, что в самом начале не спросил, как ее зовут, чтобы в следующий раз, если она подойдет, обратиться по имени, а сейчас было уже неудобно.

— Я сегодня помогаю убирать после обеда, так что мне надо идти.

— Берегите себя.

— Это ведь лучшее, что мы можем делать, да?

— Вот именно.

— А о вас есть кому позаботиться?

Этот вопрос задавали ему многие женщины. Мужчины обычно желали невнятно «всего хорошего». Женщины докапывались до подробностей.

Вежливый ответ совпадал с искренним.

— Есть. — Он сказал это и сам удивился тому, какой радостью переполнилось сердце. Определенно, в жизни есть и другие утешения, помимо философии. Жаль, я не открыл для себя эту простую истину несколькими годами раньше.

— Это хорошо, отец. — Она помахала ему на прощание. — Спасибо, что поговорили со мной. Мне и вправду полегчало.

— Не за что. — Вот и опять он ничего ведь не сделал. Мне просто нужно быть рядом, подумал Андре. Это все, чего хотят люди.

Плюс я должен быть влюблен. И это тогда, когда вокруг идет война.

Он жил и в лучшие времена, и в худшие. И, вопреки всему, понял, как делать свое дело с чистой совестью.

Так что как только мы повернемся к камням спиной, они сами найдут нужный порядок балансировки, сказала его конвертерная часть. *Старый добрый дзен, отец-шаман.*

Заткнись и лучше сыграй гимн или что-нибудь в этом роде.

«Не думай ни о чем» пойдет?

Фу. Другие предложения будут?

Ладно, немного обиженно сказал конвертер. Как насчет «У моей малышки вкусный пудинг»?

Иди ты…

Иди сам. Ступи через край и свалишься в бездну. Она ведь тебя и раньше бросала.

Это было давно. Мы были тогда молоды и не допускали сомнений. А теперь постарели и сошли с ума.

От любви.

Да. Я люблю Молли Индекс.

Убежище тряхнуло. Похоже, что-то тяжелое упало рядом.

Боже, только бы с ней все было в порядке.

Мы оба на это надеемся. Оба.

Глава двадцать девятая

Меркурий
Конец апреля 3017
Монтсомбра

Человек, которого все называли К., прошел под массивной аркой Сан-Суси штаб-квартиры Совмещенного Директората на Меркурии. Был долгий полдень меркурианского «дня». К. не то чтобы не любил свет, но предпочитал темноту. Ночь — естественная стихия для людей его рода деятельности.

Внешность К. имел самую заурядную. Серая одежда. Темные туфли. Единственной примечательной чертой лица были пронзительные зеленые глаза.

Миновав сад в огромном герметичном атриуме, он вошел в кабину лифта, который поднял его на вершину небольшой горы, занимавшей центральную часть всего комплекса. Гора называлась Монтсомбра и была по сути дела гигантской грудой гриста. На ее вершине располагался дворец Ла Мола.

Там обитал Директор Амес.

Точнее, во дворце существовал его физический аспект. Настоящий же, цельный Амес пребывал в самой горе. Весь собранный в гору грист занимался тем, что поддерживал тысячи его образов и миллионы одновременных, взаимосвязанных информационных потоков. Поднимаясь на вершину, К. ощущал Директора под собой и вокруг себя. Гора, казалось, дышала его мыслями и чувствами. К. будто совершал восхождение на вулкан, затиший на время, но не спящий. Оставалось лишь надеяться, что новости, которые он нес Амесу, не вызовут извержение.

Выйдя из лифта, К. миновал серию контрольных постов — проверяли всех приходящих в Ла Мола. Украшения, собранные со всего Мета, дополняли ауру непомерного богатства и силы, исходящую из самих стен, пола и потолка, даже самого воздуха. Здесь было сосредоточение его власти, его могущества, отсюда его господство распространялось на весь Мет.

На последнем контрольном пункте К. сдал оружие, древний девятимиллиметровый «парабеллум» в прекрасном рабочем состоянии. Потом он повернул налево и зашагал по коридору с тремя непомеченными дверьми. Не постучав, открыл четвертую. Стучать и не требовалось — Амес всегда знал, кто находится во дворце в данный момент.

Директор сидел за огромным столом красного дерева и пребывал в мрачном настроении.

— Я потерял Плутон, — сказал он. — Хотите объяснить, почему?

В комнате было кресло для посетителей, но Амес не предложил К. сесть. Гость прошел к столу и остановился напротив Директора.

— Наши друзья-клаудшипы не знали, что флот фремденов готов к развертыванию. Когда в Совете проходило голосование, они не успели организоваться и воспрепятствовать принятию решения.

— А почему они не знали?

— Разведка не сработала, — признал К. — Моя вина.

— Мне следовало ожидать этого от Гримсли. — В Департаменте Иммунитета БМП Гримсли возглавлял отдел криптологии. — В любом случае придется мне его кооптировать.

Прощай, старина Милтон Гримсли. Многие годы они были коллегами, хотя друзьями так и не стали. У К. вообще не было друзей. Итак, Гримсли станет еще одной каплей, поглощенной морем бесчисленных личностей Амеса. Разделить судьбу коллеги К. никоим образом не стремился, хотя и знал, что «кооптировать» его Директору было бы куда труднее, чем прочих. Амес много о К. — его тайну и его тайную жизнь.

Многое, но не все.

— У меня агент в Академии, — сказал он. — Она — дочь одного из наших друзей в Совете, но сама к таковым не относится. Сотрудничая со мной, она думает, что помогает партизанам.

Амес позволил себе улыбнуться.

— Как и для всех кадетов, для нее решение об отправке в бой стало сюрпризов. Очевидно, о предстоящей операции заранее знал только Лебедев. В готовности флота Совет убеждал клаудшип Тацит. Судя по всем отчетам, речь получила восторженный прием. Потом начались маневры, с которых курсантов повели прямо в бой, к Плутону.

Теперь К. должен был сообщить новость, которая могла заинтересовать Амеса.

— Я только что контактировал с этой девушкой. Она считает, что Лебедев намерен продолжить наступление на Нептун силами пятнадцати кораблей. — Выдержав небольшую паузу, он перешел к менее приятным известиям. — У нас проблема на Уране. — Разработанный ими новый грист оказался весьма цепким. Большинство моих агентов были убиты. Точнее, покончили с собой. Двоим удалось все же уйти с образцами нового гриста. Сейчас они на пути в наш комплекс на Земле. Нам понадобится какое-то время, чтобы проанализировать образцы и восстановить

технологический процесс.

— Итак, мы потеряли Уран.

— Мы потеряли луны, но и фремдены их не получили. Пока они не оккупируют систему военным путем, деактивация поверхности на Обероне и других спутниках представляется бессмысленной.

— Неприемлемо.

— Понимаю. — Спорить было бесполезно. Понятие поражения не укладывалось в директорскую концепцию вселенной. — С Юпитера новость получше.

— Редакс?

— Клюнула.

— Отлично. И она не догадывается, что работает на вас?

— У Редакс есть замечательное качество: убеждать себя в том, что истина есть то, что она ею считает. Меня только одно беспокоит — у Редакс есть глава службы безопасности. Ее имя — Антиномян. Я сам ее обучал.

— Тогда сами и озаботьтесь ее устранением.

К. слегка нахмурился. За все время разговора с Амесом это было единственное выражение чувств, которое он себе позволил.

— Я этим занимаюсь. Но она — отличный оперативник. Именно она разработала маршрут отступления для участников нападения на Ноктис Лабиринтус. Она передала партизанам точные координаты места, куда им нужно попасть, и настроила грист-матрицу, принявшую их на Европе.

— Тем более она должна умереть.

— Да. Должна. Но у нее есть запасной план на случай ее исчезновения. Кто-то в юпитерианской прессе пронюхал о том, что что-то не так. Сейчас я выясняю, кто бы это мог быть.

— Пресса во внешней системе? Это шутка. Я подкармливал ее годами.

— Думаю, проблемы не будет, но я не хочу рисковать.

— Никакого риска. Выясните, кто, убейте их и сотрите всю информацию.

— Именно это я и намерен сделать.

Амес откинулся на спинку кресла. Директор — или, по крайней мере, его физический аспект — не мог заполнить кресло целиком; он напоминал все еще растущего подростка, пытающегося освоить место взрослого. На взгляд К., он был не выше пяти футов и четырех дюймов.

Мог бы и подрасти, подумал К., но предпочитает, чтобы вселенная наклонялась и заглядывала ему в глаза.

И у него это отлично получается.

К. бросил взгляд на деревянную коробочку, стоявшую на

краю стола. Амес сразу же это заметил.

— Не беспокойтесь, она еще здесь. Ждет любовника, который никогда не вернется.

К. не ответил. Он замер. Напомнил себе, что надо мигнуть. Мигнул. Мигать ему больше не требовалось, и иногда, в минуты сильного эмоционального напряжения, он забывал это делать.

— Вы войдете туда в последний раз до завершения предприятия с Редакс.

— Понимаю.

— Что ж, идите.

К. прикоснулся к коробке и мгновенно оказался внутри.

Старый деревянный домик в стиле давно ушедшей эпохи. Гостиная. Желтоватый свет за окном. Тени и пыль. Скрип кресла-качалки. В кресле — Лейс Кройр.

Здесь, в блоке памяти, в деревянной коробке, была мечта — алгоритмическая презентация Земли тысячелетней давности. Для К. это различие не имело никакого значения.

Правда — то, что нужно, чтобы кто-то не сошел с ума.

На ней было платье из набивного ситца. На шее — нитка жемчуга. Она смотрела в окно, как всегда, в сторону горизонта. Зеленые глаза горели несбыточным желанием.

— Он не придет, — сказала женщина. — Он никогда не приходит.

Ее голос отозвался в нем знакомыми чувствами. Запретная любовь. Неизбывная печаль. Лейс, от которой осталась лишь это… тень тени. И все же здесь, в деревянной шкатулке, было что-то живое.

— Кто вы? — спросила Оейс.

— Я его друг. Он послал меня сказать, что уже возвращается.

— О… — вздохнула женщина. Поднесла руку к губам. Перестала раскачиваться. — Он правда возвращается?

— Просил передать, что задержится. Может быть, надолго.

Кресло снова качнулось.

— Вы его не знаете, — пробормотала Лейс. — Вы с ним не встречались.

К. пересек комнату и остановился у кресла.

— Вас зовут Лейс. Лейс Кройр.

Женщина не сразу, но кивнула.

— Да, наверно. Я уже и позабыла. — Она снова качнулась. — Он не придет. Никогда не приходит.

— Он просил посмотреть, носите ли вы ту заколку для волос. Стрекозу.

Лейс опять перестала раскачиваться.

— Заколка в столе, — прошептала она. — Во втором ящике

справа, рядом со сломанными часами.

К. прошел к столу. Выдвинул ящик, взял заколку. В ней ощущалась тяжесть серебра. Глаза стрекозы, когда он повернул ее к свету, вспыхнули красным и голубым. Он купил ее для Лейс в Динех-баррел, на земле индейцев навахо.

К. положил вещицу на место и осторожно задвинул ящик.

— Он сломал часы перед тем, как уехать, чтобы вы всегда помнили время. — Голос его прозвучал негромко и глухо.

— Да. Десять-семнадцать. Утра. Шестого июля.

— Он вернется после зимы. Как обещал.

Лейс плотнее завернулась в накинутую на плечи коричневую шаль.

— Здесь всегда лето. Зима никогда не придет.

— Зима придет.

— Хотите чего-нибудь? — словно не слыша его, спросила Лейс. — У меня есть ледяной чай и сладкое печенье.

— Нет. — К. помнил свой последний визит сюда. Пластмассовая формочка с единственным кубиком треснула, и лед растаял и протек. Тогда это открытие отозвалось невыразимой грустью. — Не сегодня.

Лейс кивнула. Ей было все равно.

— Когда он придет?

— После зимы.

— Кто вы?

— Меня зовут Кларк.

— Я вас знаю?

— Да. — К. бережно коснулся ее руки. Она еще плотнее закуталась в шаль.

— Он не придет. Никогда не приходит. Когда он придет?

— Мне пора, — сказал К. — Но я вернусь.

— Кто вы?

— Его друг.

— Вы его знаете? — Она пристально посмотрела на него. У нее были необыкновенные ресницы. А он и забыл. Шелковистые, как крылья бабочки.

— До свидания, Лейс. Зима уже скоро. Не забудьте надеть меховое пальто, когда подуют холодные ветры.

— Его он мне подарил. Но я не помню его имени.

— Вы вспомните, Лейс. Со временем.

Он вышел через ту же дверь.

Глава тридцатая

Вас
15:36, четверг, 17 апреля 3017
День битвы

Элвис Дори едва дождался окончания занятий в школе, чтобы поскорее подключиться к мерси. Теперь-то он наконец мог сыграть в «День битвы». Обычно после уроков он выходил из виртуальности и уходил на пару часов на улицу. На пустоши, за жилым кварталом, мальчишки построили форт, к которому планировалось добавить дозорную башню и ров с ловушкой (при условии, что Саманта Нукс раздобудет, как обещала, ядовитый медицинский грист — она собиралась стащить его у отца-фармацевта). Но в форте Элвис не был уже несколько дней.

Вместо этого он садился в полученное на день рождения кресло. То самое кресло, которое обхватывало все тело и обеспечивало полный контакт с виртуальностью. «Реальные ощущения до N+1 степени» — так гласила реклама. Элвис не вполне понимал, что это означает, но знал, что в своем новом кресле может наслаждаться любимым мерси-шоу, совершенно не отвлекаясь на внешний мир.

А его любимым шоу был, разумеется, «День битвы».

Разработанный специально для подростков развлекательный продукт поставлял «Канал Глори». Подключившись, ты сразу попадал к месту событий и во многих случаях испытывал то же, что и непосредственные участники, как солдаты, так и гражданские. Например, вместе с десантниками падал с неба на Тритон. Любой, кто пользовался мерси-каналами Мета, мог стать «хостом» «Дня битвы».

Почувствовать себя в шкуре врага, когда он умирает, — это рипово!

Более того, побродив по сети, можно было отыскать и испытать на себе различные способы расправы с врагом, включая самые жестокие, с максимальным физическим вовлечением (иногда, под настроение, Элвис отыскивал прямо-таки тошнотворно-кровавые эпизоды). Они располагались по категориям: самая героическая смерть, самая трусливая, самая долгая и так далее. Элвис установил фильтры в среднее положение — он всегда заходил туда, где уже побывало не меньше сотни других игроков. Он знал, что таким образом пропускает кое-что интересное, но зато наверняка получит широкий спектр ощущений.

Сегодня главной темой было вторжение на Тритон, и Элвис уже предвкушал удовольствие.

Прежде чем настроиться на текущие события, Элвис коротко пролистал странички «контрольки», пропущенные из-за занятий, и активировал показавшийся наиболее обещающим эпизод. Наградой стало подключение к сознанию фремденского солдата, брошенного на произвол своим трусливым командованием и падающего в атмосферу Нептуна. Прочитать его мысли Элвис, конечно, не мог, но зато почувствовал, как колотится его сердце, как дрожит от страха тело. Он даже подслушал его последний разговор с матерью.

— Лучше бы я остался на шахте, мама, — говорил парень плачущей матери. — Думал, меня ждет лучшая жизнь, а получается, что я теперь мертвее, чем Скважина-Один.

Тут все его существо съежилось от ужасной боли, которая ощущалась гораздо дольше, чем представлялось Элвису. Затем — темнота, обрыв связи.

Элвис проверил данные. Данная смерть случилась несколько часов назад. Ладно, а что у нас новенького? Бои на Тритоне за столичный город Нью-Миранда!

Сначала общий обзор.

Осада продолжалась уже несколько недель. Шрапнельные дожди подорвали силы защитников, но пришлись главным образом на гражданские сектора города, а военная инфраструктура практически не пострадала. Моральный дух населения такие налеты, возможно, и подорвали, но частям вторжения предстояла нелегкая работа. Более того, атакующие корабли «ишиас» все еще вели бои над поверхностью Тритона. Местные суденышки, кое-как оснащенные и плохо приспособленные для ведения боевых действий, роились вокруг них, как мухи, нападая втроем или вчетвером и отвлекая «ишиасы» от выполнения основной задачи. Во время вторжения на Ио ничего подобного не происходило, там силы Департамента имели подавляющее орбитальное превосходство.

Причин для беспокойства нет, прозвучал мягкий голос комментатора. *Десантники проникли за рубежи планетарной обороны и высаживаются на поверхность*.

Давай, настрой меня на экшн, послал команду Элвис.

И вот он уже на месте.

Пока высадиться удалось только трем бригадам, около тридцати тысяч солдат. Треть из них — элитные, полностью адаптированные бойцы. Остальные прибывали на луну в спускаемых контейнерах. Их задача — подготовить плацдарм и собрать бронированные роверы и танки для дальнейшего

наступления. Элитные спецназовцы уже развернулись и шли вперед. Некоторые наткнулись на оборонительные укрепления фремденов и попали под безжалостный перекрестный огонь. Другие, прорвавшись мимо артиллерии, вступили с противником в рукопашный бой.

Элис мгновенно сориентировался и перескочил на самый популярный в данный момент эпизод.

Брат и сестра — она солдат Департамента, он фремден — сошлись в смертельной схватке. Женщине отстрелила брату левую руку и теперь пыталась задушить его. Его пелликула — из-за отказа системы и атаки гриста сестры — не смогла запечатать рану, и кровь вытекала из обрубка. Буквально задушить полностью адаптированного врага она не могла, а потому просто удерживала его, окружая атакующим гристом и ожидая, пока он умрет от потери крови на метановом снегу Тритона.

Над головой каждого из сражающихся плавала иконка с информацией об участниках и рассказом о том, как случилось, что члены одной семьи схватились не на жизнь, а на смерть на холодной луне Нептуне. Элвиса прошлое не интересовало — эта чушь для девчонок, рассчитана на эмоциональное вовлечение. Его же больше привлекали физические детали драки и воздействие на плоть и кровь различных видов оружия.

Выйдя из режима «полное участие», он прошелся по каталогу в поисках чего-нибудь более существенного. Долго искать не пришлось.

Отряд Департамента атаковал батарею противника. В режиме «стелс» солдаты оставались невидимыми по широкой полосе электромагнитного спектра. Фремдены не стали бить наугад, а переключили пушку на «поиск». Маневр требовал хладнокровия и уверенности, учитывая, что им противостояли сотни жаждущих крови бойцов. Элвис решил попробовать себя на месте защитников. Аннигилирующие лучи скользили по кажущемуся пустым полю огневого покрытия, отыскивали солдата Департамента, и бедняга испарялся в яркой вспышке. Иногда после удара на земле оставались шипящие конечности.

Первая волна наступающих докатилась до укреплений. Фремдены до самого последнего мгновения не знали, что именно их ударило. Атакующие выросли как будто на пустом месте и тут же взялись за привычное дело.

Элвис перескочил на сторону своих.

Лица фремденов. Кровь. Ужас в глазах. Страх. Иногда мольба. Иногда ненависть.

Группа Один, найти узел связи!

Справа, на час, парень в углу у пульта!

Уничтожить!

Пули и кровь. В рукопашной аннигилирующее оружие не применишь! В руках ножи. Укол в пелликулу, взрыв, декомпрессия. Мгновенно охлажденные внутренние органы лопаются и разлетаются осколками, как черепки керамической посуды. Красная, с пеной рвота.

На тебе, сучонок! Сдохни, раздолбай!

Держаться плотнее! Расступись!

Так-то, гад! Получи! Не уйдешь, дерьмо! Держи! Не с тем связался, подонок!

Беззвучные крики.

Рипово! «День битвы» — то, что надо. Лучшее, что есть в мерси.

Он отвлекся, чтобы проверить тактический расклад. Комментатор сообщил — напряженные бои на поверхности, исход не определен, но шансы Департамента выше.

Назад.

Сражение на орбите продолжалось. Огневой обмен… редкие вспышки, когда выстрел достигал цели… Неприятельский танкер потерял вдруг управление, сорвался с орбиты и устремился вниз, к огням Нью-Миранды. Еще немного, и внизу расцвел крохотный цветочек взрыва, означавший смерть сотен людей.

А что дальше?

В открытом космосе, за орбитой Тритона, сцепились большие корабли: боевая группа эсминцев против массивных клаудшипов.

Из-за сложной мерси-блокировки проникнуть в перцептивное поле клаудшипов было невозможно. Но на борту у них находились подключенные к виртуальности солдаты, и адепт-продюсеры шоу предоставляли множество вражеских точек зрения. Элвис нашел парочку эпизодов с участием космической пехоты, остальные показывали перестрелку кораблей.

Клаудшипы — при всех огромных размерах — отличались завидной ловкостью и в большинстве случаев легко получали тактическое превосходство над кораблями Департамента. Важно было использовать боевую группу как стаю и нападать одновременно с нескольких направлений. Легко сказать, да трудно сделать. К тому же и клаудшипы умели сражаться группой.

Внимание Элвиса привлек поединок между «Жертвоприношением ацтеков» и клаудшипами Сервантесом и Гомером. Странно, но эти двое, похоже, били не только по врагу, но и друг по другу. По крайней мере между ними то и дело пробегали гамма-лучевые импульсы, выглядящие через фильтры как зеленые неоновые ниточки. Элвис наблюдал за боем как бы с

точки зрения «Ларджмаута», корабля класса «Дирак».

Почему они пуляют друг в друга? — поинтересовался Элвис.

Мы не уверены, ответил комментатор, но, похоже, они используют электромагнитные импульсы для связи. Как известно, наши войска имеют возможность создавать помехи в мерси.

Ах, да. Секретное оружие. Директор Амес и Департамент Науки придумали, как изолировать локальные мерси-сети и отсекать грист от контакта за пределами его физической зоны. Как именно это делается, никто не знал.

Что ж, Амес еще раз доказал свое полное превосходство. Все, кто не в его команде, обречены на уничтожение. Элвису стало даже жаль эти лузеров-фремденов.

Но они получают то, что заслужили. Сами начали гражданскую войну. Сами попытались отделить внешнюю систему, чтобы не допустить других к обнаруженным там богатствам. И это после того, как Мет потратил столько сил на развитие колоний. Неприкрытое воровство, вот что это такое. А воровать плохо. Амес не допустит, чтобы их обкрадывали. Элвис — как его родители, брат и сестра — был полностью на стороне Директора.

Амес заставить их делиться по справедливости — с Метом и внутренней системой, которая как-никак и есть дом для всех людей.

Кроме того, все прекрасно знали, что внешняя система кишит бесконтрольными тагионами. Там же настоящие джунгли.

Всем понятно, что солнечная система должна оставаться под единым управлением. И это управление должен осуществлять Совмещенный Директорат.

Неужели фремдены настолько тупы, что не понимают простой истины? Должны понять. Только и знают, что скандалить да устраивать неприятности. За что и заслужили наказания. Вот и пусть теперь локти кусают.

Но в данный момент два огромных клаудшипа отбивались от наседающих кораблей Департамента. Последние пытались отрезать их друг от друга, но как только какой-нибудь эсминец проскальзывал в образовавшуюся брешь, как тут же попадал под плотный огонь. Со стороны клаудшипы напоминали две галактики — одна спиралевидная, другая в форме диска, — выстреливающие похожие на сверхновые дротики молний.

Один из эсминцев, «Малфезанс», уже уходил в стороны с пробитым корпусом, теряя драгоценную атмосферу.

Не успел «Малфезанс» удалиться, как яркая, затмившая солнце, вспышка вызвала мгновенную электромагнитную перегрузку, и еще один кораблт проскочил мимо клаудшипов в

направлении Тритона. На перехват ему устремился третий клаудшип, Маккарти, оборонявший ближние подступы к луне. Пока к орбите прорвались только мелкие «ишиасы». Теперь к ним мог присоединиться контингент эсминца.

Драться на всех уровнях — как любил Элвис — было нелегко. Столбик рейтинга скакнул вверх. Невероятно! Элвис не верил своим глазам.

Он выбил десятку!

Никогда, ни в одном другом шоу ему не удавалось достигать такого результата. И вот случилось. «День битвы» сделал это! Да, лучшего шоу нет во всем мерси. Это точно.

Он приготовился к финалу — каждый участник перед выходом из игры получал блик «Кид-Глори». Конечно, это лишь бледная тень того настоящего «Глори», что чувствуют солдаты. Но награда означала, что ему присваивается статус Специального Агента, о чем сообщил комментатор. Не получая дозы «Глори», Элвис всегда становился раздражительным.

— Элвис? Элвис Дури!

Черт. Мать. Элвис остался на месте. Может, она хоть раз оставит его в покое вместо того, чтобы вмешиваться, лезть не в свое дело.

Но нет.

— Ты что, снова влип в мерси? — Голос ближе. Отменила код, который он поставил на входе в комнату. Никакой личной жизни!

Ничего не поделаешь — кресло реагировало на ее команды. Как же несправедливо! Крышка соскользнула, обнажив укрывшегося в раковине мальчишку.

— Мам!

— Что ты смотришь?

— Тебя не касается!

Мать удрученно покачала головой.

— «День битвы», да?

— И что с того? — с вызовом спросил Элвис. — Выполняю свой долг. Как каждый сознательный гражданин.

— Для мальчика твоего возраста в этом шоу слишком много насилия.

— А ты, если захочешь, можешь смотреть его весь день, да?

— Я взрослая. И не смотрю его весь день.

— Только потому, что просиживаешь на канале «Глори». У тебя мозги перегорят, мам.

— Чем я занимаюсь, не твое дело. А вот чем занимаешься ты, это мое дело. И ты проводишь в мерси слишком много времени.

Элвис уже полностью вышел из виртуальности. Чистенькая,

прибранная комнатка — скучный мирок.

— Может, тебе бы тоже стоило потрудиться ради войны.

— Мне? Потрудиться ради… — Она опешила. — Ты хоть понимаешь, что там твоя двоюродная сестра? Ты понимаешь, что это значит? Если я еще не сошла с ума, то, может быть, только потому что провожу несколько минут на канале «Глори».

— Несколько часов! — крикнул Элвис.

— Молодой человек, следите за тем, как вы со мной разговариваете.

— А я горжусь, что Дори там! Вот так! Может, даже попадет когда-нибудь в мерси!

— Ох, Элвис. — По ее щекам потекли слезы. А что такого он сказал? И все равно победа осталась за ним. Пора проявить благородство к поверженному противнику.

— Извини, мам. Я не хотел тебя обидеть.

— Ты и не обидел. Ты же сам не понимаешь, что говоришь. — Как всегда, любое сделанное матерью заявление, производило противоположный эффект. Элвис разозлился.

— Может, и я когда-нибудь попаду в «День битвы», — проворчал он, зная, что огорчает ее до слез. — Надеюсь, война продлится достаточно долго, и я еще успею.

Мать только что не захлебывалась в слезах.

— Ты разбиваешь мне сердце. Просто разбиваешь.

— Не беспокойся, мам. Из меня получится хороший солдат. — Он чувствовал свою правоту, а потому перешел на снисходительный тон. — В конце концов никто не просмотрел столько эпизодов «Дня битвы». Я уже готов к шоу.

Глава тридцать первая

Система Нептуна
Полночь, четверг, 3 апреля 3017
Нептун

Капрал Алессандро Орфео никогда не бывал на Нептуне. Да что там, даже на Плутоне. Большую часть своей девятнадцатилетней жизни он провел в Койпере, где-то между Нептуном и Плутоном, добывая правые протеины. Не те обычные, что можно сварганить в лаборатории, а настоящие, экзотические, которые природа варила тысячу лет. И пусть Орфео не был силен в письме и чтении, про секвенирование белков он знал не меньше, чем любой другой.

Орфео даже понимал, почему они так дорого ценятся. Преобразованный в модифицированную форму гриста, правый протеин использовался для строительства важных и тонких структур в человеческом теле, тогда как левый протеин неизменно вызывал иммунную реакцию. Он являлся, например, основным компонентом в языковой адаптации, позволявшей людям общаться друг с другом, притом что различных диалектов бейзиса насчитывалось едва ли не столько же, сколько и людей.

Алессандро не считал себя шибко умным, но уж точно не был и придурковатым босяком, какими изображали шахтеров в мерси-шоу. Что, впрочем, не мешало ему хохотать до упаду, настраиваясь на те самые программы.

И он понимал, что пожить бы еще не мешало. Родители будут скучать, а отца ждут нелегкие времена — остальных детей, братьев и сестер Алессандро, придется подтягивать уже без его армейских чеков.

Конечно, есть еще какие-то пенсионные планы, но кто на них рассчитывает? А война может закончиться и завтра.

И уж яснее ясного он понимал, что Изабелла найдет себе другого дружка, и они уже никогда не поженятся.

Есть чем занять последние мгновения жизни. Прежде Алессандро прокручивал в уме тысячи вариантов. Как он пойдет на войну. Как будет умирать в госпитале, а Изабелла тихонько ронять слезы у постели.

И вместо всего этого он позорно пролетел мимо сетки.

Вот и все. Сетка, которая должна была поймать его, не развернулась. Что-то там случилось — то ли гарпун промахнулся, то ли еще что. Или, может, он сам прозевал нужный момент.

Глупо так умирать. Падать на большую голубую планету и

думать об Изабелле с другим парнем. Как она воспитывает не его детей. Потом внуков. А в это время его детишки пребывают где-то там, в раю или в чистилище, короче, там, где и должны пребывать души неродившихся младенцев.

Смешно и грустно…

А может, реинкарнация все-таки есть, и тогда его душа еще вернется в мир. Алессандро улыбнулся.

И вот что я сделаю, подумал он. Вернусь как душа одного из детишек Изабеллы. Буду себе день-деньской посасывать ее груди, пока этот хрен, какой-нибудь Марио, будет рвать задницу, обеспечивая нас с ней. А когда подрасту, дам ему в нос. Он скажет, эй, за что, сынок? А я отвечу, мол, не надо было уводить мою девочку, ты, недоумок.

Но дети никогда не говорят о своих прошлых жизнях. Скорее всего, и он тоже не сохранит никаких воспоминаний о былом существовании. Наверно, при перерождении все стирается.

Вот и меня сотрут. Или я совсем не вернусь. Да так оно и будет. Так все и произойдет.

Странно, но эта мысль успокоила. И Алессандро стал вглядываться в кружащие внизу голубые вихри. Жаль, что он не на другой стороне планеты. Тогда бы он смотрел в самый Глаз. Разглядывал бы Нептун. Или обернулся бы и попрощался с Тритоном, единственной планетой, на которую ступала его нога. Хотя Тритон и не планета вовсе, а луна.

Был и еще один вариант. Уйти в мерси. Большинство ребят наверняка именно так сейчас и делали. Наплевали на все протоколы и связались с теми, кого оставили. Так и умрут в виртуальности. И только в самый последний момент, когда жар прожжет кожу, их выбросит оттуда, и тогда, на мгновение, они вернутся в ад реальности. И все закончится.

Да, можно и так.

Повидал бы отца и мать.

Попрощался бы с Изабеллой.

Да только зачем? Для них — лишняя боль. Они и так знают, как он их любит.

Нет, лучше посмотреть на Нептун. Метан, водород и гелий. Самые сильные во всей солнечной системе ветра. Вот почему там устроили Милл.

Скоро и он попадет в эти ветра, и тогда его закрутит. Как на торнадо-симуляторе в мерси, только еще сильнее. Две тыщи и еще триста километров в час. Та еще прогулочка.

Интересно, может ли человека разорвать ветром?

Или сначала его прикончит температура?

Скоро он все узнает.

Старина Нептун.

Да, надо признать, такой красоты видеть еще не доводилось. Разве что в глазах Изабеллы.

А это еще что такое? Призрак? Или он уже мертв?

Нет, всего атмосферное завихрение.

Уже близко, подумал Алессандро. Теперь меня никто не спасет.

Сердце заколотилось. Захотелось закрыть глаза. Он падал.

И чувствовал, как падает.

Он не закрыл глаза.

Я хочу увидеть все, что можно увидеть. Наконец-то побываю на настоящей планете.

Глава тридцать вторая

Система Нептуна
19:30, четверг, 17 апреля 3017
Федеральное центральное командование

Штурм обернулся осадой. Разумеется, такой вариант просчитывался заранее, но приемлемым считаться не мог и полковника Теори никак не устраивал. Но, как говорил генерал Шерман, лучше сидеть в осаде, чем сгореть по-идиотски в блеске славы.

И все же, думал Теори, победа лучше. Он хотел победить. Хотя бы для того, чтобы защитить свою территорию и тех, кого любил. И еще ему никак нельзя было подвести генерала Шермана. Ни один командующий — ни в Фелеральной армии, ни в вооруженных силах Департамента — еще никогда на возлагал такой ответственности на свободного конвертера. Вот почему удовлетворительный вариант не удовлетворял Теори. Ни раньше, ни сейчас.

Капитан Резиденс только что доложил обстановку. Атака десантников блокирована. Последняя волна атакующих остановлена на подступах к Нью-Миранде. Те, кого сбросили в город, изолированы и после тяжелых боев уничтожены или взяты в плен.

Через три недели после начала активных боевых действий войсковым частям противника так и не удалось проникнуть в город. Основные их силы вытесняются с поверхности спутника с тяжелыми потерями.

Теори досадовал, что им вообще удалось высадиться на Тритоне. Что ж, по крайней мере Нью-Миранда и другие населенные пункты полностью под контролем федералов.

В космосе ситуация менялась достаточно быстро. Клаудшипы с помощью космических пехотинцев удерживали свои позиции. Даже старик Карлайл на Нереиде проявил себя мастером защиты. Сбросив войска на луну, он связался с локальным командиром минных заградителей и создал уникальную оборону: растянулся полосой и включил в свою структуру несколько мощных орбитальных мин. Теперь Карлайл прикрывал тонкой пленкой две трети луны. Обнаружить мины с помощью существующих детекторов не представлялось возможным. У противника не было шансов прорваться к Нереиде — разве что по чистой случайности.

Другие клаудшипы продолжали отражать наступательные поползновения неприятеля. Клаудшип Остин отправилась на

помощь трем кораблям из «Группы Койпера», занятым в сражении у Тритона. После ее прибытия огневая мощь сторон уравновесилась. Теори понимал, что если только он или его корабли не допустят тактической ошибки — а такое могло случиться в любой момент, — их ожидает долгое противостояние.

Клаудшип Марк Твен остался охранять Милл — на случай прорыва или внезапного рейда со стороны Мета.

Милл — еще одна причина для беспокойства. Да, его силы разбили захватчиков, но те успели причинить серьезные повреждения главному энергетическому комплексу. Милл работал всего лишь на треть плановой мощности, и инженеры выражали серьезные сомнения относительно его скорого выхода на прежние показатели. Некоторые пессимисты даже склонялись к тому, что в нынешней ситуации Милл не подлежит полному восстановлению.

В виртуальном командном центре Теори повернулся к майору Хидака, выполнявшей по совместительству обязанности командира корпуса военной полиции.

— Похоже, нам все-таки придется ввести в действие ограничения на потребление энергии.

— Так точно, сэр, — ответила Хидака. — Первую ступень?

Теори хватило нескольких миллисекунд, чтобы оценить потребности и возможности. Первая ступень предусматривала меры, которые затронули бы только промышленно-коммерческую сферу. Сейчас этого было недостаточно. В Нью-Миранде нужно ввести карточную систему для потребителей. Недостаток энергии на Тритоне — это не только неудобства. Это смертный приговор.

— Переходите сразу ко второй. И я требую примерного наказания для первого нарушителя.

— Будет сделано, сэр. — Хидака повернулась и вышла из командного центра, чтобы приказ подчиненным. В виртуальности майор — она была биологическим человеком — не просто исчезла, а воспользовалась дверью. Шерман всегда требовал от офицеров соблюдения определенных норм, и Теори решил не давать послаблений в этом отношении.

Итак, ситуация сложная, но стабильная. Хотя, конечно, равновесие могло нарушиться в любой момент. Судя по тому, как сражались силы Мета, полковник уже начал подозревать, что у них сменился командующий. Теори не встречался с генералом Хейсеем, но внимательно изучил его биографию и послужной список. Похоже, теперь ему противостоял кто-то другой, более решительный и умный. Рассматривать возможные кандидатуры он не стал, но знал — если только он позволит себе немного расслабиться и успокоиться, враг воспользуется этим

незамедлительно.

И тем не менее пришло время сделать передышку.

— Я ненадолго отлучусь, — сказал он майору Монитору, передавая контактные координаты на машинном языке гриста.

На сей раз майор воздержался от каких-либо комментариев по поводу его «героической» внешности. Похоже, шутка приелась. Что ж, люди избавляются от напряжения как могут, а Монитор всегда был хорошим другом, и Теори не принимал его подначки на свой счет. То есть принимал, но не обижался.

Полковник тоже вышел через дверь, прошел по короткому, им же самим созданному коридору, постучал в дверь и вошел в свою квартиру. Волна облегчения окатила его при виде играющего на полу сына и сидящей на диване Дженифер Филдгайд. Она оторвалась от журнала и улыбнулась ему.

— Как дела?

— Все в порядке. — Он прошел в комнату. — Что у вас?

— У нас хорошо. Вчера опять сходили на обед к моим родителям. Они, конечно, не самая веселая компания, но твоему сыну нравится.

— Это правда, — подтвердил мальчик. Говорил он так редко, что каждый случай становился для отца сюрпризом.

Теори опустился в кресло. Мебели в комнате было мало — он всегда выбирал самые умеренные алгоритмы презентации интерьера.

— Я ненадолго. Просто заглянул посмотреть, как тут.

— Моя квартира пострадала от бомбардировки, так что я сейчас отсиживаюсь в подвале, — сказала Дженифер, — а ментальное время, когда не на работе, провожу здесь.

— Я очень тебе признателен.

— Мне это только на пользу. Булочная работает всего несколько часов, все знакомые и друзья попрятались, так что без твоего сына было бы совсем скучно. — Она посмотрела на мальчика. — За ним интересно наблюдать. Он многое выражает по-своему, жестами. Надо только привыкнуть.

Мальчик, если и заметил, что речь зашла о нем, ничем этого не выдал и продолжал играть.

— И все равно спасибо, — сказал Теори.

— Пожалуйста, — улыбнулась Дженифер. — Тебе что-нибудь приготовить? Кофе? Я просмотрела каталог и нашла кое-что новенькое.

— С удовольствием.

Дженифер поднялась и вышла в кухню. Теори повернулся к сыну. Паззл, с которым возился ребенок, представлял собой одну сторону сложного трехмерного фрактала. С другой стороны

фигура была разбита на перемешанные кусочки. Задача состояла в том, чтобы составить копию передней стороны, перемещая кусочки в соответствии с определенными правилами.

— Попробуй A4 на A5, — предложил Теори.

— Не получится, — сразу ответил сын. — Видишь? Нарушается диагональ.

Теори присмотрелся.

— Верно. Наверно, я устал и не все понимаю.

Дженифер вернулась с чашкой дымящегося кофе. Теори вдохнул аромат. Восхитительно. Он сделал глоточек. Что-то в нем было такое… Похоже, над этим кофе поработал хороший программист. В порошке содержался полуразумный сопроцессор. После второго глотка этот сопроцессор включился, и Теори мгновенно ощутил бодрящий эффект.

— Отличный кофе. Я только сейчас понял, чего мне недоставало.

Дженифер мягко улыбнулась, и у него потеплело в груди. Она была другой, другим существом, со своими чувствами, потребностями, инстинктами, но его неодолимо тянуло к ней. Она была такой… непостижимой… такой соблазнительной… манящей…

Он допил кофе и поднялся.

— Мне пора на работу.

Дженифер взяла у него чашку.

— Мы будем здесь.

— А мне… мне будет приятно это сознавать.

Дженифер снова улыбнулась. Сын поднял голову и посмотрел на него.

По пути в командный центр Теори удлинил коридор на двадцать шагов — он вспоминал умиротворенное выражение на лице мальчика и чудесную, мягкую улыбку Дженифер.

Потом полковник открыл дверь и переступил порог, за которым его ждала война.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Эпилог

Год 3017 по з-стандарту

Глава первая

Огни в лаборатории поселка горели ярко, а вся зона вокруг главного комплекса была густо пропитана гристом. Само место Джип нашел без труда; укрыться от защитных постов мил-гриста оказалось труднее, но и с этой проблемой он справился. Лаборатория находилась в лесу, и защитным алгоритмам приходилось учитывать зверей и деревья, чтобы не реагировать на каждый прыжок белки или дрожание листа и не тратить попусту энергию. Джип провел в глуши девятьсот лет, и за его спиной был немалый опыт. Много раз он следовал за каким-нибудь медведем, прокладывая новые пути в неизведанные территории. Медведей здесь хватало, и местность они знали хорошо. Так что и он узнал немало. В долине Гудзоне зверья хватало.

Джип замаскировался под медведя. Решение пришло само собой. Он мог бы воспользоваться и более сложными уловками, но все они требовали подключения множества алгоритмов. Джип понимал — до свободного конвертера ему далеко. Чем проще, тем лучше. А что может быть проще медведя?

Поселок расположился в низине, неподалеку от речушки, впадавшей в Гудзон. Когда-то, много столетий назад, здесь стояла деревушка Райнбек, выбранная зажиточными горожанами для загородного отдыха. Потом и богачи, и бедняки убрались отсюда, предпочтя жизнь в Мете. Лет десять назад люди отрезали от Северо-восточного леса уголок, окружив его гристом, но сохранив по возможности деревья и кустарники. Так поступали, в частности, и тракхантеры, когда строили охотничьи домики.

Когда Департамент Науки устроил здесь лабораторный комплекс, в дело пумтили уже мил-грист, мощный грист, уничтоживший все живое и даже почву превративший в грязный песок с вкраплениями органики. Граница пролегала четко и ясно, на ней установили системы безопасности и ограждения, и за ней начинался тот самый песок, на котором уже не росло ничего.

Здесь, у этой линии, Джипу пришлось принимать решение. Грист по сторону черты отличался особенной силой. Любопытно, но свободных конвертеров в нем не обнаружилось. Почему? Они вполне могли бы обитать в нем. Но и патрулировавшие границу полуразумные алгоритмы были достаточно сложны, чтобы обойти их с наскоку. Джип прошел по периметру, отыскивая слабое место. Здания лаборатории, приземистые, однотипные, плоские, были так обманчиво близки. Ни стены, ни ограждения — только богатая гумусом почва и за ней грязный песок. Да еще знаки.

Еще одна странность. Знаки смотрели не вовне, а вовнутрь.

Что на них написано или изображено, Джип не видел. Он только знал, что это знаки, потому что размером и формой они походили на те, что встречались вдоль автострады. Может, на них и нет ничего. Но это вряд ли — обычно знаки указывают, что делать. Или служат предупреждениями.

Джип уже собирался двинуться дальше, поскольку проблема представлялась неразрешимой, но в знаках было что-то важное. Он это чувствовал. И он стал думать, по-своему, выжидая — пусть информация всплывет сама. За девятьсот лет в его программах произошло много изменений. В них инкорпорировались случайные колебания. Установились связи с землей, погодой, всей грист-пелликулой планеты. Во многих отношениях Джип был уже не столько набором алгоритмов, сколько органическим существом. Живым.

И тут он понял. Неудивительно, что маскировка под медведя сработала так хорошо.

Знаки предназначались людям в поселке. Приданный лаборатории охранный конвертер был не солдатом, а тюремщиком.

Вот и решение.

Недолго думая, Джип просигналил внешней охранной программе, что он здесь.

(Что? Кто это? Кто ты?)

Джип молчал. Лучше всего прикинуться тупым. Он медленно покатился вперед и пересек границу.

(Отвечай. Дальше нельзя.)

Джип остановился.

(Что ты здесь делаешь? Сейчас я тебя проверю.)

Джип включил ненадолго двигатель, вбирая энергию в свой грист. За века он подсобрал немало противных защитных алгоритмов, которые держал на всякий случай. Были у него и наступательные коды, в том числе один мерзкий вирус, с которым ему довелось схватиться в дебрях Новой Шотландии. Схватка была тяжелая, и Джип едва не уступил в этой борьбе вирусу, называвшему себя БигКанада, но в конце концов его здоровые антихакерские алгоритмы изолировали врага и расправились с ним.

Сражаясь с этой маленькой программой, он собрал кое-какую информацию. Вирус обосновался на Земле недавно, прибыв из района Мета под названием Карбункл. Очевидно, в Мете устроили облаву на лоскуты полуразумных кодов и обошлись с ними весьма сурово. Впрочем, это Джипа касалось лишь постольку, поскольку БигКанада ускользнул от чистильщиков, и

теперь ему предстояло иметь дело с его ядом.

Одолев вирус, Джип поместил его архивированную копию в карантин. Пригодится. Тогда он планировал запустить БигКанаду в конвертерную часть какого-нибудь тракхантера, который подберется уж слишком близко. Джип не знал, что именно делает вирус, но знал, что эффект его не очень хорош. Особенно ему удавалось переформатировать пелликулу жертвы.

Что ж, сейчас он применит пленника против врага более достойного. Он вызвал расширение, зарядил БигКанаду в «хоппер»…

Но применить оружие не успел.

(Окей, ты у меня в списке поставщиков. Белый джип-«рэнглер» — ты же вроде бы белый — номер 2J4FY29T3KJ126916. Подверждаешь?)

Так и есть. Это и был его идентификационный номер! Но как его узнал охранник? К нему ведь никто не подходил и в окошечко никто не заглядывал.

Чтобы узнать номер, нужно было… попасть внутрь.

Он понял. Пинг Ли. За последние девятьсот лет в нем не сидел больше никто. Она увидела номер. Память на цифры у нее отменная. Посмотрела, заинтересовалась, запомнила. А потом каким-то образом внесла его в список поставщиков.

Джип коротенько дал подтверждение и тут же отключился от гриста.

(Какой недотрога! Не бойся, я и не собирался тебя лапать.)

Джип не ответил и только нетерпеливо рыкнул двигателем.

(Ладно. Ладно. Наверно, хочешь узнать, где разгрузиться, да?)

Джип рыкнул громче.

(Розовый сад. Вот карта. Там должен быть часовой, но он ушел. Здесь уж я ничего не поделать не могу. Вот карта. Да не дергайся. Там и нет ничего, только показано, как к ней подъехать. Всю карту я тебе дать не могу. Сам понимаешь, безопасность превыше всего.)

К ней.

Охранник загрузил схему на внешнюю пелликулу Джипа.

К ней. К Ли. Первый поворот направо. Теперь вперед, мимо танков с биомассой. Налево. И еще раз налево. Лаборатория физики.

Джип включил огни. Въехал в поселок. Ничего. Прокатил по дорожке. Вот и те самые танки с биомассой. Налево.

Все тихо. Окон не было. Может быть, люди работают. Может, спят. Дверь в каждом здании только одна. И все закрыты.

Опять налево.

Джип остановился перед закрытой дверью лаборатории физики.

Подождал. Минуту. Другую. Ничего.

Что дальше?

Ли могла и не знать, что он здесь. Прошла еще минута. Пора что-то делать.

Джип посигналил клаксоном. Раз. И еще три раза.

Прошла еще минута. Дверь открылась.

На пороге стояла Ли. В белом ночном халате, с термосом в руках. Тем самым, что приносила на парковку. Она потерла глаза. От удивления или спросонья? Нет, ни то, ни другое. Джип плохо разбирался в человеческих эмоциях — никогда не был настолько близко, чтобы научиться их узнавать. И все же сейчас он смог интерпретировать выражение ее лица.

Счастье.

Он открыл дверцу, и Ли забралась внутрь. Закрыла дверцу.

— Я так рада, что ты пришел.

Поселок как будто взорвался светом и сиренами. Мил-грист спохватился.

— Похоже, мой цикл оказался не совсем бесконечным, и охранник как-то выбрался, — сказала Ли и рассмеялась. — Думаю, нам пора убираться.

Другого приказа ему не понадобилось.

Джип рванул задним ходом. Ли оглянулась, словно ища что-то. Правильно, ремень безопасности. Он там, на месте. Джип присматривал, чтобы ремень работал — не по нужде, скорее, по привычке. До сих пор надобности в нем не возникало. Ли едва успела пристегнуться, когда Джип ударил по тормозам, резко вывернул руль и ловко развернулся на сто восемьдесят градусов.

Нельзя сказать, что он часто практиковал такое, но опыт позволил выполнить маневр почти автоматически. Потому что все остальное внимание заняла другая задача. Он собирался запустить в мил-грист поселка БигКанаду.

— А я кое-что для тебя сделала, — сказала Ли, встряхивая термос. — Потом покажу.

Джип слышал слова, но отложил их в память. Сейчас он был занят другим. БигКанада билась, шипела и рвалась наружу. Мил-грист в земле цеплялся за покрышки, пытаясь разложить кевлар на составляющие, углерод и кремний, разбегался по мосту, выстраивая микроскопические сети вдоль ниши шасси, хватался за шасси крохотными, на молекулярном уровне, крючочками. И Джип выпустил вирус из многолетнего заточения.

Алгоритмы безопасности не ожидали такой атаки. Сначала БигКанада впилась, фигурально выражаясь, в пелликулу Джипа,

но он был наготове и приготовился отразить нападение. Она все же попробовала приклеиться к одной из водородных клеток и преобразовать электроды в цинковый мусор, но большего ей не удалось. Мощность упала незначительно, и он решил, что займется повреждением позже. А потом БигКанада вступила в контакт со своим старым врагом, мил-гристом, той самой программой, что однажды уже попыталась ее уничтожить, и набросилась на него со всей накопившейся за годы злостью.

Джип не стал задерживаться, чтобы понаблюдать за исходом схватки, хотя и мог представить себе ее последствия. Долина, в которой БигКанада обитала в Новой Шотландии — пересохшее русло с каменистым дном и берегами, — превратилась ее стараниями в узор из ломаных спиралей, угловатых мозаик и трехмерных хаотических фракталий. Вирус проник в камни, сжал их и окутал тонкой, но неразрывной пленкой. Весь ландшафт стал огромной репрезентацией боли, страданий и растерянности.

Подавив местный грист с той же легкостью, с какой она покорила лишайник, БигКанада послала спуф-сигнал, что все в порядке. Так поступают обычно все вирусы, но у нее это получалось особенно хорошо — в своем умении БигКанада почти достигла статуса свободного конвертера. А что там происходит, в дебрях Канады, до того в наши дни никому дела не было.

Ошибку она допустила только одну: ее самовоспроизведения были всего лишь голыми версиями ее самой, не столько настоящими копиями, сколько чем-то вроде детей-клонов. Им недоставало памяти, а значит, и опыта.

БигКанада рассчитывала дестабилизировать противника — партизанская тактика внезапности, информационный «шум», дикая злоба — но математика была проста. При стабильном наборе обстоятельств любой полностью разумный конвертер в состоянии побить любой частично разумный код. В древних войнах подходящую аналогию можно найти в схватках кавалерии с пехотой. Как бы ни пугающе выглядели всадники, несущиеся во весь опор с острыми клинками и устрашающими криками, выстроенная в каре пехотная рота с примкнутыми штыками всегда возьмет верх при наличии, конечно, выдержки и дисциплины.

Примерно так же поступил и Джип. Проявив стойкость, он последовательно расправился со всеми репликациями БигКанады, начиная со слабейшей и заканчивая сильнейшей, изолировал вирус в его логове и бросил в тесный ящик архивной программы, которую позаимствовал у одного старого компьютера в заброшенном гараже, где ему довелось провести ночь. Алгоритм файлового сжатия оказался настолько древним, что вирус,

привыкший сражаться только с современными версиями, в бессилии отступил и, поджав хвост, забился в уголок.

Проскочив границу песка и почвы, Джип снова замаскировался под медведя и покатил прочь.

— Думаю, ты нехорошо обошелся с тамошним гристом, — заметила Ли. — Боюсь, как бы люди не пострадали.

Верно. Джип мог испытывать сожаление, но только по поводу упущенных возможностей: не подобрал полезную программу, не запасся топливом. Наверно, он мог бы ощутить и вину, но сейчас ему было не до этого: речь шла о спасении единственного человека, которого он хотел бы допустить за свой руль.

Преследование уже началось. Из внешних строений выехали машины с биологическими аспектами, людьми, мужчинами и женщинами в золотисто-красной форме Сил Принуждения Департамента Иммунитета. Будь они чуть поискуснее, догнать Джип не составило бы труда. На максимальной скорости он практически никак не мог заметать следы. Да и цель была только одна: парковочная площадка. Он мчался по той самой дорожке, которой приходила туда Ли. В некоторых местах дорожке не хватало ширины, и приходилось мять кусты и ломать ветки.

— На какое-то время сработает, — сказала Ли. — Но в конце концов они поймут, что что-то не так, и пойдут до конца, вопреки интуиции. Как я когда-то.

Но его устраивало пока даже временное решение, а потому Джип все катил и катил вперед и вверх, а потом свернул на всеми (кроме него самого) забытую тропинку, которая вела к площадке на утесе.

Там он и остановился, скрипнув тормозами. На земле лежали листья. Высоко в усеянном звездами небе висел полумесяц. Внизу, между темных скал и деревьев катился серебристой лентой Гудзон. Был октябрь, и дувший с запада промозглый ветер предвещал близость штормового фронта. Джип наблюдал за преследователями. Как стайка вышедших на мелководье рыб, они разделились у границы «охраняемой» зоны и разбрелись группами в разных направлениях. На какое-то время Джип и Ли были в безопасности.

— Это то, о чем я тебе говорила. Тот процесс, что открыли мы с Макхудом, — сказала Ли. — Я смешала его с чаем.

Джип поставил сцепление в нейтральное положение. Включил на минимум обогрев. Расслабляться было некогда. Никогда раньше он не испытал особенности этого места так открыто.

Ли подняла термос.

— Термос Пандоры. Больше ничего и не требуется. Хотя

сгодился бы любой контейнер, даже бумажный пакет. Вселенная — это информация. В этом сосуде… э… гравитоны. И чай, конечно. Но каждый гравитон представляет нетривиальное событие, которое случится в будущем. — Она улыбнулась. — Боюсь, с объяснением у меня не очень хорошо получается. В общем, я собираюсь открыть термос. Но только с твоего разрешения.

Одна из машин, сделав круг, вернулась к тропинке. У кого-то из преследователей появились сомнения. Как и сказала Ли, вопрос лишь во времени. Рано или поздно их найдут и уничтожат.

— Когда я открою термос, для тебя изменится все. Не знаю, что именно случится, но здесь нас не будет. Мы покинем Землю. Все, что ты знал. Из знакомого с тобой буду только я. Но я тебя не брошу, куда бы нас ни занесло. Обещаю.

Ли взялась левой рукой за пробку.

— Итак, мой единственный верный друг, как нам быть?

Как сказать ей, что все это спорно? Он принял решение давно, в тот день, когда позволил ей сесть в кабину. Ей он мог доверить руль.

Джип открыл бардачок и выдвинул чашкодержатель.

Ли улыбнулась.

— Хорошо.

Она отвинтила крышку и вытащила пробку. Густой аромат «лапсанг сучонга» наполнил кабину.

И, как и говорила Ли, все изменилось.

Глава вторая

Лео Шерман грустно смотрел на отца. Даже проделав путь в миллионы километров, чтобы встретиться с ним, он почему-то чувствовал себя так, словно подвел Старого Ворона, прибыв бесцеремонно и не в самое подходящее время. Разумеется, отец никогда не узнает его в обличье рядового Эшенбаха. Сей факт никак не мог служить для Лео утешением.

Генерал Шерман откашлялся и хмуро взглянул на пленного — тот сидел на жестком металлическом стуле в карцере «Бумеранга».

— Солдат, у меня нет лишнего времени, — проворчал тем тоном, который Лео помнил с детства. Обычно за этим тоном следовало то или другое наказание: отказ в карманных деньгах, запрет выходить из дому и прочее. — Так что если нечего сказать, я прослежу, чтобы тебя отправили на планету и там оставили. Понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — ответил Лео и уже собрался добавить «папа», но в последний момент передумал. Это — потом.

— Тогда выкладывай, что у тебя.

Лео улыбнулся.

— Будет немного… жутковато, генерал. Вам лучше отступить.

Два офицера службы безопасности тут же выдвинулись вперед, готовые схватить пленного при первом же подозрительном движении. Даже парень, спасший его и взявший потом в плен, Нейдерер, придвинулся ближе.

— Не беспокойтесь. Я сказал «жутковато». Я не сказал «опасно».

Не тратя времени на дальнейшие объяснения, Лео вытянул левую руку. Передача посылки — процесс двухступенчатый. Сначала нужно стать собой прежним. А уж потом выполнить задание более важное. Пальцами правой руки он нащупал сухожилие возле локтя. Капсула, содержавшая его самого, находилась рядом. Снаружи она казалась обычным уплотнением, чем-то вроде шрама, и вела себя соответственно — без кода, знал который только Лео. Он вытянул ее из-под кожи и зажал между двумя пальцами.

— Калико-смуглый-арапахо, — пробормотал Лео. Элвин разрешил ему самому сочинить кодовую фразу, волшебный «сезам, откройся». Он с силой сжал капсулу и посмотрел на руку. В какой-то момент она завибрировала и замерцала. Мерцание было вызвано высвободившейся при трансформационном процессе энергией. Лео взглянул на ноги — они укоротились на

добрых три дюйма. Все правильно.

В настоящей жизни он определенно был плотнее и крепче. Хорошо. Ему уже надоело маскироваться под дохляка Эшенбаха.

На коленях Лео держал контейнер, до недавнего времени пребывавший в грудной полости. Контейнер отливал золотисто-коричневым. Никто не знал, из какого материала он сделан. Элвин предполагал, что из некоей разновидности кевлара, но добавлял, что без тщательного анализа определить невозможно. А это, как сказал мастер тайных дел К., от которого Лео и получил контейнер, плохо отразилось бы на исследователе.

Генерал попятился.

— Чтоб меня, — прошептал он. — Лео…

— Рад видеть тебя, папа.

— Полное сканирование. Немедленно, — рявкнул генерал, не обращаясь ни к кому из присутствующих, что могло означать только одно: приказ адресовался кому-то из конвертеров. Лео уже давно перестал удивляться, когда отец отдавал распоряжения невидимкам.

— Это я, — сказал он. — Более или менее.

— Да. — Шерман с сомнением оглядел сына. — Сканирование подтверждает. Совпадение вплоть до ДНК.

— А это для тебя. — Лео кивком указал на контейнер. Поднять его он не решился — охранники могли запросто снести ему голову при первом же подозрительном движении.

— Привез останки мертвеца?

Другими словами, снова облажался. Но только не сейчас, Старый Ворон.

— Здесь живой человек. По крайней мере я так думаю, — возразил он. — Но наверняка можешь выяснить только ты.

Шерман моргнул. Раз. Другой. Снова с кем-то связывался.

— Эта штука сильно закодирована и опасна для каждого, кто попытается вскрыть ее без авторизации. У тебя такая авторизация есть. Человек, который вручил ее мне, сказал, что достаточно потереть три раза. Как лампу Аладдина.

— Забавно, — проворчал генерал.

— Да, чувство юмора у него есть. В отличие от… некоторых.

Шерман протянул руку и подтянул второй стул. Металлические ножки противно царапнули по полу. Генерал сел напротив сына.

— Я не стану требовать от тебя подтверждений, что ты действительно тот, за кого себя выдаешь. Черт возьми, ты даже можешь быть Лео, которого контролирует какой-нибудь протокол Департамента.

— А может быть, все, что я сказал, правда.

— Да. — Шерман подался вперед. — Так что, правда?

Лео вздохнул.

— Брось, пап, ты никогда мне не верил, что бы я ни говорил. И сейчас не поверишь. Так что толку трепаться?

Генерал откинулся на спинку стула. Плечи его задрожали. Лео растерянно уставился на отца. Да что с ним такое? Уж не свихнулся ли старик? И тут он понял: отец смеется. Да, такое не часто увидишь. Ну, может быть, раз в десятилетие. Если повезет.

— Точно, — сказал Шерман. — Это мой сын.

— Неужели? — притворно удивился Лео. — а я думал, что у тебя только один сын, и тот мертв. — Получилось не саркастично, как он хотел, а грустно.

Шерман улыбнулся. Еще одно редкое зрелище.

— Похоже, я ошибался, — признал отец.

После чего, не говоря ни слова, наклонился, взял контейнер с колен сына и трижды потер.

Ничего.

Генерал уже собирался потереть четвертый раз, но тут в контейнере что-то зажужжало. Пластинка размером с марку отъехала в сторону, обнажив под собой золотую табличку.

— Очень смешно, — сказал он и повернул контейнер так, чтобы Лео смог прочитать выгравированные на табличке два слова.

ЗАГРУЗИ МЕНЯ

Глава третья

— Ты постарше, — заметил клаудшип Лебедев. — Может, скажешь, то ли это, за что я его принимаю.

— Ну… — Клаудшип Тацит замолчал. Прошла секунда. Вторая. — Могу сказать одно, есть кое-что новенькое под солнцем. Или, как в данном случае, на орбите вокруг него. Но что это?

— Если не ошибаюсь…

— Что это, я знаю! Меня интересует, что оно там делает?

Оба клаудшипа рассматривали некий объект по одному из тайных каналов мерси, использовавшемуся исключительно ими. Объект появился на Дороге Темной Материи, протянувшейся между Солнечной системой и системой Альфа Центавра. Сигнал поступил от Миши, единственной дочери клаудшипа Толстого. Она находилась на малоизвестном ответвлении от Дороги, протянувшемся всего на десять тысяч километров в направлении созвездия Лебедь. Появившись, объект начал закручиваться по спирали, как усик плюща. В самом центре этой спирали, на последнем ее повороте, располагалось легендарное тайное кладбище клаудшипов внешней системы. После того, как Толстой с тринадцатью своими сыновьями отправился на войну, обязанности смотрителя кладбища официально выполняла его дочь.

Лишь немногие избранные из клаудшипов знали координаты некрополя. Никто посторонний никогда бы не нашел к нему дорогу.

Но вот нашли же.

— Миша, дорогая, когда ты это заметила?

— Примерно пятнадцать назад. И почти сразу же связалась с Дядей Лебедевым.

— Мы разговариваем по закодированному каналу?

— Конечно, Дядя Тацит.

— Хорошо. Ты все правильно сделала. И быстро. Молодец. Отец может гордиться тобой.

— Может быть.

Напряжение в голосе. Тацит попытался представить положение единственной дочери среди тринадцати старших братьев.

— Точно. Он обожает тебя.

— Послушайте, я всего лишь хочу делать свою работу, не обращаясь лишний раз к нему, — сказала Миша. — Можете сказать, что мне делать с этим?

Тацит ненадолго задумался. Может быть галлюцинация. Годы сказываются… А может быть и ловушка. Да только оба варианта не выдерживают критики. Абсурд. С головой у него все в порядке, и Амес абсолютно ничего не выигрывает, устраивая такого рода ловушку. Ничего. Нет. Значит, это именно то, что говорят Миша и его собственная база данных.

Джип-«рэнглер» белого цвета. Автомобиль.

Который летит через открытый космос в миллиарде миль от планеты Земля.

— Думаю, тебе нужно приблизиться и посмотреть, есть ли кто за рулем, — сказал Тацит.

Миша так и сделала и двинулась в направлении Джипа. Но когда до него оставалось несколько сотен метров, машина развернулась и умчалась от нее. Быстро. Быстрее, чем можно было себе представить. Быстрее, чем двигалось что-либо в истории. Со скоростью в половину световой. А потом, отлетев на сотню километров, остановился. Мгновенно. Как и набрал скорость. Безынерционно. И снова повернулся к клаудшипу Мише.

Миша снова попыталась приблизиться, и Джип повторил представление. Только теперь он не отлетел со скоростью в половину световой, а отпрыгнул. Только что был здесь — и в следующее мгновение уже в другом месте, за несколько километров от прежнего.

— Господи, — прошептал Лебедев. — Ты видел это, Монти?

— Да, — ответил Тацит и после небольшой паузы добавил: — Миша, тебе, пожалуй, лучше остаться на месте. Присматривай за этой штукой.

Миша дала задний ход и остановилась.

— Старина, ты можешь присоединиться ко мне? — обратился Тацит к Лебедеву. — Я бы хотел обсудить с тобой кое-что.

Через секунду Лебедев уже был на корабле Тацита, плывущем в аиртуальном Средиземном море. Появился он в образе подтянутого, смуглого, средних лет, выше среднего роста мужчины в консервативном костюме с шарфом из какой-то древней эпохи. Тацит угостил гостя сигарой и закурил сам — аромат дыма стимулировал его мысли.

— Похоже, кто-то открыл секрет сверхсветовых скоростей.

— Боже, подумай о последствиях. Суперсветовой Грааль! И он наш!

— Насчет его принадлежности у меня такой уверенности нет. Если он вообще кому-то принадлежит. — Тацит затянулся. Посмотрел на кончик сигары. — Очевидно, тот, кто им владеет, не хочет, чтобы его поймали. И мы этого сделать не можем, так?

— Что будем делать?

— Можем попытаться уничтожить. Или попробуем поговорить. У меня такое чувство, что с первым вариантом у нас возникнут проблемы, так что остается второй. Будем разговаривать.

— Согласен, — кивнул Лебедев. — Но кто, по-твоему, это может быть?

Тацит усмехнулся и еще раз затянулся. Посмотрел на далекий левантийский берег.

— Хотел бы я знать, сколько эта штука прошла.

Из ближайшего громкоговорителя послышался голос Миши.

— Я поговорила… с ними. С машиной и водителем.

— Поговорила? — встрепенулся Тацит. — Как? — Только бы не по мерси. Такие разговоры можно отследить с любого расстояния. Доверять нельзя даже закодированным каналам, предназначенным исключительно для секретных переговоров между клаудшипами. Но он был сейчас на Плутоне, а Миша еще дальше, так что возможность прямого диалога отсутствовала.

— Поначалу просто помигала огнями. Автомобиль ответил фарами. Простое приветствие. Но потом я вспомнила, что на старых наземных машинах были электромагнитные приемники. Я проверила. Они называются АМ-приемники. Нашла подходящие волны. И подала знак.

— Знак?

— На бейзисе. Большими печатными буквами. Протянула их вдоль левой руки. Около двух километров.

— И что ты ему написала?

— Включи радио.

— Очень хорошо, Миша.

— Потом вышла на частоту 880 килогерц и спросила, слышат ли они меня. Джип мигнул один раз, и я решила, что это означает «да». Я задала еще несколько простых вопросов. Сколько их? Ответ был двое. Включая машину. А потом спросила, из солнечной ли они системы.

— И что ответили? — поинтересовался Лебедев и, стряхнув пепел, повернулся к громкоговорителю.

— Ответили, что да, — сообщила Миша. — Они из солнечной системы. Я прошла по радиальным Мета, потом по планетам. Слушайте, они прилетели с Земли! Я спросила, представляют ли они Амеса.

Тацит напрягся. С каким удовольствием сообщил бы Амес, что секретом сверхсветового двигателя обладает он. Какая показательная получилась бы демонстрация. И все же Тацит чувствовал, нет, Директор выбрал бы другой способ, более

эффектный, разрушительный.

— Они мигнули два раза, показали, что не представляют Совмещенный Директорат. Более того, я установила, что они беглецы из Мета. А потом сказала, что мне нужно проконсультироваться с начальством. Вот такая ситуация.

— Отличная работа, Миша. — Тацит повернулся к Лебедеву. На нахмуренном лбу друга проступили глубокие морщины. Тацит подумал, что впервые видит его таким, как будто списанным с древней славянской иконы.

— Если бы Амес получил такое открытие, он никогда бы не стал им хвастать, а воспользовался для нанесения внезапного удара. — Лебедев вдруг рассмеялся — глухо, раскатисто. — И, конечно, мы никогда не поймаем этих ребят на кладбище, если только они сами этого не пожелают.

Тацит кивнул.

— Может, пусть себе летят дальше. Исследуют звезды. А уж мы как-нибудь и без них перестреляем друг друга.

— Ты серьезно?

Тацит посмотрел старому другу в глаза. На их глазах человечество ушло в космос, трансформировалось в казавшиеся невероятными формы. И сохранило все ту же человеческую душу. Любовь, ненависть, честолюбие, жадность, любопытство, самодовольство — все это осталось, сохранилось в тысячах тысяч физических структур, миллиарде миллиардов проявлений.

Но, конечно, любой путешественник, даже самый незначительный, всегда бужет носить эту душу с тобой. Если за тысячу лет Тацит и постиг какую-то истину, то именно эту. От ответственности за то, кто ты есть, не уйти. Каждый, кто отправляется к звездам, отвечает за то, что несет с собой. За душу всего человечества.

Он снова сунул сигару в уголок рта и похлопал Лебедева по плечу. За бортом расстилалось казавшееся бесконечным море.

— Просто подумал, старина.

— Сэр, извините, что вмешиваюсь, — снова заговорила Миша. — Кажется, я недооценила способности Джипа. Он тоже может передавать радиосигналы. Со мной только что говорил водитель.

— Что он сказал?

— *Она*, дядя, — поправила Миша с укоризной женщины, которую часто не замечают в семействе, состоящем почти исключительно из мужчин. — Она спросила, может ли подъехать и… *припарковаться*… Да, припарковаться. Странное слово.

Лебедев тяжело, по-русски, вздохнул.

— И что же это будет за война, — пробормотал он негромко.

— Извините?

По-прежнему глядя на море, Тацит ответил ей громко и четко.

— Клаудшип Миша, передайте нашим путешественникам, что мы их ждем, и что они могут припарковаться, где пожелают.

ПРИЛОЖЕНИЯ
Глоссарий — Справочник — Временная шкала — для внутренней загрузки

Введение

Привет и добро пожаловать к загрузке 3017! Судя по вашим внутренним часам, вы пропустили последнюю сессию обновления персональной операционной системы. Информация, которую мы предлагаем загрузить, будет передана со скоростью, превосходящей скорость света — практически мгновенно, — на вашу грист-пелликулу, а уже оттуда на ваше постоянное запоминающее устройство — для повторного вызова (небольшая задержка возможно при наличии 28.8 терабайтового модема). Хотите узнать, что это значит?

Мы, человечество во всех его многочисленных формах, вступаем в период смуты и перемен. Поднимется и рухнет империя. Демократия будет предана огню и перекована в новую, почти неузнаваемую форму. Бесчинства и беззакония станут нормой, и часто будет казаться, будто зло взяло верх.

Из ниоткуда придут новые герои. Одни умрут во славе, другие будут разбиты и падут. Трудное время наступит для живых.

Но оно же будет еще и временем невероятной изобретательности и лихорадочного созидания. Родятся новые науки. Возникнет великая литература. Люди, которые при обычных обстоятельствах никогда бы не узнали друг о друге, сойдутся, дабы противостоять общему врагу. Необходимость единения устранит предрассудки, и люди станут братьями и сестрами — а в некоторых случаях и любовниками — тех, кого прежде едва ли признавали за людей.

Не беспокойтесь. После полной загрузки «Метапланетарного руководства» вы прекрасно все поймете и будете готовы к следующему шагу вашего путешествия в год 3013 по земному стандарту.

Большое спасибо.

(Данный бесплатный пакет обновлений предоставлен Друзьями Тода, которые предлагают вам помнить судьбоносные слова Тода: «Когда в твою дверь постучит невежество, встреть его дробовиком науки!»)

Приложение первое
ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

МЕТ

МЕТ есть система космических кабелей, привязей и планетарных лифтов в совокупности со всеми сопряженными болсами, капсулами, арматурами и дендритами, которые и образуют обитаемое пространство внутренней солнечной системы. Если смотреть на МЕТ из некоей точки, расположенной выше эклиптики и ближе к поясу астероидов, он представляется сияющей паутиной с влажными капельками росы, висящими в космосе между вращающимися планетами. МЕТ состоит из кабелей, удерживаемых макроскопической версией ядерной силы. Система пронизана гристом. Строительство МЕТа началось в 2465 году.

Наука МЕТа

В начале 2400-х нанотехнологи объединили бакиболльные конструкции со сверхпроводящими квантовыми интерференционными датчиками, сквидами, для создания воспроизводимой молекулярной цепи, которая демонстрировала квантовые характеристики и свойства на уровне, видимом человеческому взгляду.

Самым важным свойством, которое смогли получить инженеры-нанотехнологи — по крайней мере в том, что касается МЕТа, — стала ядерная сила. Ее можно сравнить с резиновой лентой, удерживающей две частицы. Чем сильнее вы растягиваете резинку, тем крепче она сжимает частицы. Когда частицы близко, лента слабеет и провисает. Именно это свойство действующей на макроуровне силы позволяет кабелям МЕТа сгибаться не ломаясь. Крутящие силы, легко разделяющие материалы, созданные на основе химических связей, не в состоянии преодолеть ядерную силу, демонстрируемую бакиболльными сквидами, и поэтому МЕТ выдерживает нагрузки.

Человечеству неизвестна сила, которая, возникая при движении планет, могла бы вызывать опасное напряжение в структурах МЕТа. Живя или путешествуя в МЕТе, вы в такой же безопасности, как и на поверхности планеты (которые и сами удерживаются на уровне атомного ядра силой природы).

ДЕДО

Космический кабель, соединяющий планету Меркурий с

Венерой. Как и другие главные кабели, ДЕДО описывает петлю вокруг солнца, и в данном случае эта петля проходит через южный солнечный полюс. ДЕДО традиционно считается центром высокой культуры и финансов и представляет собой «богатую» часть МЕТа.

ВАС

ВАС — это космический кабель, соединяющий Венеру с Землей. Как и другие главные кабели, ВАС описывает петлю вокруг солнца, и в данном случае эта петля проходит через северный солнечный полюс. ВАС — самая населенная область МЕТа и самая урбанизированная. Здесь размещены крупнейшие производственные комплексы внутренней системы, и здесь же проживает большая часть нижнего среднего класса населения МЕТа.

ДИАФАНИЯ

ДИАФАНИЯ — это космический кабель, соединяющий Марс с Землей. Как и другие главные кабели, ДИАФАНИЯ описывает петлю вокруг солнца, и в данном случае эта петля проходит через южный солнечный полюс. Из всех секций МЕТа этот — самый своеобразный и необычный, в его вращающихся болса представлены едва ли не все известные человечеству культуры. В некотором смысле ДИАФАНИЯ является «пригородом» МЕТа, средний жизненный уровень здесь выше, чем в ВАСе, но пониже, чем в ДЕДО.

ОЛДИСС

Космический кабель, соединяющий Землю с Луной. Старейшая секция МЕТа.

Нанотехнология

Работа с материалами и процессами на нанометрическом уровне с использованием крошечных роботов (т. е. машин, управляемых программами), состоящих из нескольких молекул). Нанотехнологическая революция последовала за биотехнической.

Грист

Нанотехнологическая структура, совмещенная с гравитационным детектором Джозефсона-Фейнмана, изобретенным Рафаэлем Мерседом. Рассеянная по всему МЕТу, позволяет осуществлять мгновенную передачу информации на любое расстояние. Этим же термином обозначают нанотехнологические структуры вообще, независимо от того,

используются они для мгновенной передачи информации или нет.

Мил-грист

Грист, используемый в военных целях. Многие защитные устройства, встроенные в обычный грист, в этих структурах отсутствуют.

Эффект Мерседа

Мгновенная передача информации между точками, расположенными на любом расстоянии одна от другой, с помощью кванто-гравитонов.

Мерси

Соединение гриста с древней виртуально-реальной «сетью» с целью создания средства мгновенной коммуникации и развлечения. Названо так в честь Рафаэля Мерседа, первооткрывателя эффекта Мерседа и одного из создателей гриста. Представляет собой комбинацию старого телевизора, Интернета, театра, музыки, всевозможных представлений, виртуальных игр и правительства.

Виртуальность

Виртуальная реальность в гристе. МЕТ — это по сути огромный квантовый компьютер с мгновенным соединением через грист. Расстояние значения не имеет. Время всегда местное. Реальный «ландшафт» виртуальности — комплексное взаимодействие протоколов распознавания и переноса, контролей безопасности, ворот и барьеров. В каком-то отношении виртуальность — тень физического МЕТа и других внешних систем, в другом — она нечто совершенно на них не похожее.

Приложение второе
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Человеческое существо

В 3013, первом году войны, почти каждый из нас складывается по меньшей мере из трех частей.

Аспект

Биологическая, телесная составляющая обычной личности.

Конвертер

Алгоритмическая, «экстра» компьютерная часть обычной личности.

Пелликула

Нанотехнологичный грист, пронизывающий нормального человека. Пелликула служит промежуточным звеном между аспектом и конвертером.

Свободный конвертер

Искусственный интеллект, существующий без биологического компонента. Большинство свободных конвертеров основаны на копиях исторических персонажей и/или живых человеческих существ, но некоторые отстоят от первых итераций на поколения. Все они способны мыслить и действовать независимо посредством манипуляции гристом.

БМП

Большой Массив Персоналий. Если человек создает свои копии и интегрирует персоналии в параллельном действии посредством квантового взаимодействия с гристом, значит, у него БМП. Обычно эти «персоналии» являются копиями оригинала и по большей части конвертерами, хотя БМП нередко имеет около трех клонов вдобавок к своему оригинальному биологическому аспекту. БМП может быть конгломератом нескольких физических тел, нескольких конвертерных частей или композицией того и другого. Конвертерные части БМП, представляющие собой множество программ и подпрограмм, находятся под контролем интеллекта-посредника — точной копии человеческой личности со всеми необходимыми для должного функционирования виртуальными калькуляторами и элементами управлениями.

БМП есть сети мгновенного действия, поскольку связаны

через мерси, а мерси действует на сверхсветовой скорости. Становясь БМП, человек получает возможность находиться одновременно в нескольких местах и жить разными жизнями, но может и сосредоточить все внимание своих отдельно существующих, но схожих частей на какой-то одной проблеме. Способов существования у БМП много. Корабли внешней системы, например, являются не чем иным, как крупномасштабными БМП, объединяющими функции и корабля, и экипажа. Не каждый может стать БМП. Некоторые — число их довольно велико — в силу психологических особенностей сходят с ума во время процесса преобразования. В большинстве случаев такое можно предвидеть и избежать. К тому же процедура весьма недешева.

Манифолд

Полностью интегрированный, многократно дифференцированный БМП с высоко диверсифицированной плеторой персоналий. Манифолд — это БМП в квадрате.

Временная Башня

БМП, являющийся продуктом некоторых из первых попыток создать манифолд. В отличие от большинства БМП, чье сознание «нелокально» в пространстве, сознание временной башни развернуто во времени, так что его или ее настоящее может занимать десяток или даже больше лет. Идея заключалась в том, чтобы создать существо, способное заглянуть в будущее. Результатом же стало племя гностиков, чьи провидения почти не имели практической пользы. Тем не менее многие временные башни стали пророками и даже «богами» ответвившихся религий. Взаимодействие временных башен с гристом производит весьма странные эффекты: их присутствие служит формой сетевого заслона, преградой в виртуальности, защищающей от подслушивания и прямого виртуального путешествия через грист, а иногда действующей наоборот. По этой причине они высоко ценятся во время войны.

Клаудшип

Нечто вроде миниМЕТа в форме космического корабля. Обычно в корабле обитает один контролирующий интеллект, но в некоторых их бывает несколько. Клаудшипы бороздят внешнюю систему, где служат межпланетными транспортами (хотя тем же занимаются и другие корабли). Клаудшипы носят имена важных исторических или вымышленных личностей. Они считают себя элитой человечества и зачастую свысока относятся ко всем

остальным. Во внешней системе клаудшипы представляют собой влиятельную политическую и экономическую силу. Признаются в своем нынешнем статусе с 2700-х.

Из «Мемуаров клаудшипа Лебедева»

Мы шли все дальше и дальше, постоянно увеличиваясь численно. Зачастую пионеры внешней системы после тяжких испытаний приобретали себе корабли, и мы, если считали их подходящими себе, приглашали присоединиться к нашему сообществу. Почти никто не отказывался. Они ведь, говоря попросту, получали прямой доступ к статусу БМП. В конце концов мы с Тацитом достигли Облаков Оорта, о которых я писал докторскую диссертацию 350 годами ранее. Мы решили, что дальше идти невозможно.

Мы остались там, и другие присоединились к нам. Через несколько лет образовалось и начало развиваться сообщество. По большей части мы избегали мерси и держались своей компанией. Нам не нравились его программы как не соответствующие нашим потребностям. Клаудшипы — изрядные снобы. А потом мужчины и женщины стали изыскивать способы воспроизводства клаудшипов. Когда свободное время некуда девать, что еще остается делать?

В то время среди нас появились инженеры и физики, которых я могу без колебаний приравнять к гениям. Перед ними поставили весьма странную задачу: заново изобрести секс — в нашем случае секс между ураганами и грозовыми тучами. Доходя до Оорта клаудшип обычно напоминал миниатюрную копию галактики или солнечной системы. К счастью для наших детей, те самые инженеры и физики справились с заданием и даже сумели внести в процесс нечто новое и занимательное.

Не вдаваясь в детали специфических межполовых отношений, скажу лишь, что дело это сложное, но в чем-то напоминает танец. Большинство из нас похожи на спираль, так что приходится приноравливаться, чтобы не навредить друг другу. Со временем мы поняли, что мужчинам больше подходит вращение по часовой стрелке, а женщинам — против часовой стрелки. Смотреть на это можно по-разному, но по сравнению с прежними днями, когда секс мог быть довольно опасен, прогресс несомненен.

Население

В МЕТе и на планетах внутренней солнечной системы проживает приблизительно 90 миллиардов различного вида людей. Примерно 10 миллиардов живет во внешней системе.

Приложение третье
НАУКА КЛАУДШИПОВ

Эффект Казимира

Физический эффект, лежащий в основе существования клаудшипов и базирующийся на принципе квантовой флуктуации. Открыт, обсужден и экспериментально доказан в двадцатом столетии. Является результатом фундаментальной квантовой природы действительности. Проявляется следующим образом: если поместить в вакуум два зеркала лицом друг к другу, то они сдвигаются навстречу.

Квантовая флуктуация

Физическое явление, порождающее эффект Казимира. Наиболее известная концепция, используемая обычно для демонстрации принципа неопределенности координат и импульсов Гейзенберга. Если мы знаем одно, другое становится непознаваемым в той же степени. Другой, менее известный продукт неопределенности — энергия и время. Математический результат вывода таков: вакуум есть море виртуальных частиц, существующих в парно-антипарных комбинациях, которые постоянно генерируют и аннигилируют друг друга. Вакуум можно полиризовать и таким образом получать частицы из ничего. Иллюстрация: пространство — струна музыкального инструмента. Нормальное пространство — очень длинная струна, и ее «вибрация» соответствует низшему энергетическому уровню. Если же «дернуть» струну — как в случае с двумя зеркалами, — то определенные вибрации исключаются. Единственно возможные в этом случае вибрации — те, чья длина волн соответствует расстоянию между зеркальными поверхностями. Можно сказать, что струна в некотором смысле «содержит» в себе все ноты.

Эффект Казимира в действительной вселенной

Все элементарные частицы на самом деле не частицы, а волно-частицы, характеристики которых ассоциируются с обоими феноменами. В случае с зеркалами мы можем получить из ничего электрон или фотон. В случае с одной виртуальной частицей другие исключаются. Вне зеркал возможных частиц больше, чем между ними.

Двигатели и оружие клаудшипов

Клаудшипы способны производить антиматерию в любой

точке своей поверхности и концентрировать ее для движения или ведения огня. Процесс начинается с использования эффекта Казимира на зеркалах, размеры которых исчисляются на наноуровне. Создает их и манипулирует ими грист.

Эффект Казимира и клаудшипы

При корректном использовании характеристик квантовой флуктуации энергию можно получить в форме потока античастиц и переслать направленным лучом или употребить для реакции аннигиляции с материей. Эта операция и является первостепенной для клаудшипов.

Все происходит на нанометрическом уровне под контролем гриста. Зеркала представлены проводящими пластинами материала толщиной в одну молекулу. Примерно таковы же и лазеры. Клаудшип может осуществить этот процесс в любом месте, где есть грист. Для него это — как пальцем пошевелить или моргнуть. Со стороны кажется, как будтос его поверхности вырывается разряд чистой энергии. Полностью заряженный клаудшип — впечатляющее зрелище.

Если только он не целится в вас.

Приложение четвертое
ОБЩИЕ ТЕРМИНЫ И ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ О СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЕ

Бейзис

Наиболее распространенный язык Мета и внешней системы. Сочетание английского языка и трансфертных протоколов свободно конвертируемой информации, то есть деформированный за тысячелетнюю «информационную эру» английский язык. Несмотря на то, что большинство людей считают, что говорят на бейзисе, на самом деле существует миллион диалектов, а также диалекты всех других человеческих языков, на многих из которых говорят лишь один-два носителя. Этот феномен вызван распространением «брока-грист» по всему обжитому человечеством космическому пространству. Переводческие программы имплантированы в человеческий мозг. Это дает возможность произнести практически любой звук, если он мысленно коррелируется с мыслью, образом или другой языковой конструкцией в вашем мозге, при этом ваша пленка-пелликула может трансформировать его в стандартный бейзис. Пелликула человека, слушающего вас, получит и расшифрует ваши слова. Подобное обычно осуществляется на бессознательном для обеих сторон уровне и происходит вот уже много веков. Тот из жителей Мета, кто слушает вас, но не владеет брока-грист, услышит звуки исполинской Вавилонской башни и удивится тому, как это можно понимать то, что говорит кто-то другой. Большинство представителей культурной элиты осознают суть проблемы и пытаются говорить на стандартном бейзисе, не прибегая к помощи брока-грист.

З-год

Земные год, неделя и день — временные отрезки, основанные на вращении Земли и ее орбите. Это стандартное измерение календарного времени, принятого в Солнечной системе. Имея дело с местными проблемами, часто ссылаются на местное время.

Гринлиф

Он же именуется просто «листьями». Денежная единица Солнечной системы. Происхождение термина уходит в глубь религии Зеленого Древа, имеющей мощный экономический компонент и относящийся к старым земным долларам США.

Риповый

Сленговое выражение принятого в Мете бейзиса, означающее «страстно желаемый, приятный и стильный».

Приложение пятое
ИСТОРИЯ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Аманда Бредвиннер

Первый главный инженер Мета. Родилась в Дублине, в старом Европейском Союзе в 2429 году. Дочь американских писателей-иммигрантов. Строительство на Олдиссе, первом космическом кабеле, закончилось в 2475 году. Первое строительство началось на Диафании Марса-Земли.

Бредвиннер продолжала работу до самой своей отставки, произошедшей в 2511 году и совпавшей с годом рождения Рафаэля Мерседа. Во время первой болсы Мета заняла пост директора только что созданной Лаборатории Бредвиннер, которую должны были построить на Диафании в Апиане. В названной Лаборатории двадцать лет спустя молодой инженер по имени Фойр Отто Бринг, страдавший от неизлечимого синдрома Туретта, получит первую интернатуру по методикам нанотехнологического строительства. Вскоре Бринг будет уволен Амандой Бредвиннер после расспросов о его родителях во время одного из споров, вспыхнувших в лаборатории. Карьера Бринга закончится на Марсе, в университете имени Бредбери, где он познакомится с Рафаэлем Мерседом и где будет изобретен грист.

Бит Майерс

Поэт, лучший друг Рафаэля Мерседа. Основатель поэтического направления «поколение Флэйр», издатель журнала поэзии «Флэйр». В 2646 году ноябрьский выпуск журнала был почти полностью посвящен конструктивной работе Мерседа «Телеологическая константа и ее отношение к мгновенной передаче информации на расстояние», которую сопровождали стихи, написанные Майерсом. Лучшим поэтическим произведением Майерса считается «Старое левое время».

Университет имени Брэдбери

Великое учебное заведение Мета. Расположено на Марсе, основано Тацитом и Лебедевым. Именно там Рафаэль Мерсед создал свои основные работы. Свою былую славу университет утратил еще до начала войны. Пиком его величия стал 2500 год, когда были сделаны новые открытия, придуманы новые технологии и новые системы мысли, а также созданы величайшие литературные произведения. Это были годы Мерседа и Бринга, годы «Атмосферикса» Рейвенсваая и сотни менее значимых, но

не менее достойных гениальных и искусных творений.

Чен Воцек

Наставник Рафаэля Мерседа в университете имени Брэдбери.

Клара Мерсед

Сестра Рафаэля Мерседа. Межпланетный геофизик. Первой попыталась объяснить, почему планеты Солнечной системы находятся на одной и той же базовой орбитальной плоскости.

Всеобщее ликование 2963 года

Когда Земля и Марс достигают наиболее близкой точки своих соответствующих орбит, Диафания Марса-Земли изгибается, принимая форму огромной буквы U. Возникает временный мост, дающий повод для всеобщего ликования. Это мероприятие называется Всеобщим Ликованием, оно происходит раз в два земных года. Наиболее значимое Ликование, отмеченное в истории, произошло в 2963 году. Это событие послужило толчком к возникновению многих важных культурных и научных движений, но, что более важно, разразилась серия демонстраций протеста против старой Федеральной Республики. Им, в свою очередь, положили начало музыкальный фестиваль под названием Мерж. Мерж породил систему прямой, «основанной на директорате» демократии, управлявшей Метом до начала войны. Самая важная политическая фигура, появившаяся в результате Мержа, БМП под именем Амес.

Принципы политики сдерживания

Юридические структуры конца 23-го — начала 24 века, которые привели к созданию Информационного Консорциума 24 века и послужили основой для зарождения Альянса ЭХО. Они до настоящих дней имеют влияние, явившись прецедентом для повторного воспроизводства и завершения принуждения в отношении свободных конвертеров Мета. Через пять лет после того, как некий русский журналист опубликовал полный отчет в русских таблоидах, были обнаружены испытания проекта «Эльзас-Лотарингия». Это произвело настоящий фурор, но в случившееся не верили до тех пор, пока не поступило независимое подтверждение со стороны военных Европейского Союза (эксперимент был осуществлен совместным франко-германским предприятием, носившим название «проект «Эльзас-Лотарингия»).

Альянс ЭХО

Бывшее правительство Земли 24 века — консорциум

транснациональных информационных брокеров. Развитие и коммерция, хотя и были немного вялыми, в общем, оставались стабильными. Однако в том, что касалось искусства и науки, это была эра стагнации и упадка. Искусство 24 века носит название Иронического века.

«Путешествие изгнанников»

«Путешествие изгнаников» — подборка эссе, размышлений и высказываний деятелей искусства и ученых, которые в 2590 году вступили в конфликт с меркурианским правительством, чей сломавшийся космический корабль-тюрьма в результате несчастного случая упал на Солнце. В «Путешествии» содержится классическое стихотворение Бита Майерса «Старое левое время» и афористическое творение Рафаэля Мерседа «Синтез Мерседа». И тот, и другой находились на борту обреченного на гибель корабля. Вместе с ними там была и сестра Мерседа Клара.

Фейр Отто Бринг

Инженер-нанотехник, один из изобретателей гриста. Жертва неизлечимого синдрома Туррета. Уволен главным инженером Мета Амандой Бредвиннер. Давний сотрудник Рафаэля Мерседа. Его дочь, Катя, была знаменитым пилотом космического корабля.

«Пятьдесят миров воскресенья»

Переписка между Рафаэлем Мерседом и поэтом Битом Майерсом, в которой была предпринята попытка систематизировать некую эстетическую теорию.

ФЬЮЗ

Исландская аббревиатура названия радикальной террористической группировки с Марса, боровшейся за права конвертеров. Разгромлена подразделением Роджера Шермана на Марсе, когда последний был капитаном Федеральной армии.

Канал «Глори»

Специальный канал, созданный Департаментом Иммунитета для взаимодействия коллективного сознания для включенных в грист «Глори» или Доверия посредством подсознательного общения во время развлекательного программирования.

Платформа Хаббла-Пенроуза

Старинная космическая станция 23–24 веков, находившаяся на орбите Земли.

Эксперименты по терраформингу Марса

Пагубная попытка, имевшая место в начале 27 века, по преобразованию поверхности Марса и заселению Красной планеты людьми. Проект был обречен на неудачу проблемами обратной связи экологического гриста.

Мышиные цветы

Давняя попытка «влить теплую кровь» бобовым растениям при помощи мышиных генов, имплантированных нанотехнологическим способом. См. работу Психе Тумсубы «Искусственное видообразование и генезис брахиации млекопитающих в семействе бобовых» или Питера Обера «Мышиные цветы», предназначенных для широкой читательской аудитории.

Питвэй

Каплевидные купе, используемые для массовых перевозок пассажиров в Мете. Покрыты немного липкими, сантиметровой длины щупальцами, предназначенными для безопасности пассажиров. Стенки излучают свет и имеют жемчужный оттенок. От кончиков волокон исходит слабое красно-белое рассеянное свечение. Грист команды способны превратить волокна в диваны, кресла и т. п. Окна по требованию могут обретать прозрачность. На Васе каплевидные купе постоянно переполнены путешествующими, что затрудняет какие-либо перемещения пассажиров.

Проект «Эльзас-Лотарингия»

Военная адаптация эксперимента «мышиные цветы», в результате которого на свет появился инфекционный военный нано, не повинующийся обычной грист-замене принципа «навреди человеческой жизни», потому что был создан для точного восстановления генома человека. Подавленный вирус PAL был в конечном итоге заново открыт Тацитом и использован против войск Департаментв Иммунитета на Нереиде, луне Нептуна.

Рафаэль Мерсед

В апрельский понедельник 2511 года (по марсианскому исчислению) родился первый ученый, не являвшийся коренным жителем Земли и принадлежащий к пантеону таких корифеев науки, как Ньютон, Эйнштейн и Галилей. Рафаэль Мерсед заложил основы связыванию эйнштейновской теории относительности с квантовой механикой и поэтому считается

отцом теории квантовой гравитации, а также первым теоретиком, предложившим точную математику времени как свойства вселенной. Его работа с квантовой гравитацией на экспериментальной основе выявила ныне привычный всем скачок квантовой информации, который с тех пор носит его имя, то есть эффект Мерседа. Как будто сделанного было ему мало, Мерсед внес главный вклад в нанотехнологическое инженерное искусство, изобретя вместе с Фейром Отто Брингом грист Джозефсона-Фейнмана, который в данное время пронизывает все аспекты нашей жизни. Мерсед по праву считается человеком, который стал олицетворением науки нашего времени, подобно тому, как Альберт Эйнштейн, предвосхитивший его открытия пять столетий назад, был предшественником Мерседа, а предшественником Эйнштейна, в свою очередь, был Ньютон.

«ВАС после заката»

«Вас после заката» — это путеводитель по скудной васовской стороне Мета, включающий в себя несколько эссе о подпольной истории Мета. Написан Лео Шерманом.

ВАС-софт

Популярный в Васе новостной канал с многочисленными программными ответвлениями. Филлис Дульцимер — популярный репортер этого канала.

Уэст-Пойнт

Военно-тренировочный центр Республиканской армии, расположенный на Земле. Использовался до тех пор, пока армию не вынудили покинуть Мет, когда Департамент Иммунитета взял на себя его функции, а вскоре после Ликования 2963 года Мет перешел от республиканской к прямой демократии.

Приложение шестое
КУЛЬТУРА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Абакус

Абакус — главный счетный алгоритм Телемана Милта на Меркурии.

Республиканская армия

Она же Федеральная армия. Бывшие вооруженные силы Мета, в довоенные годы низведенные Амесом до роли полицейских патрулей внешней системы.

Гимназия Асап

Расположенная на Меркурии школа Клода Шленкера.

День битвы

Виртуально-реальное военное шоу, доступное гражданам Мета. Зрители напрямую испытывают телесные ощущения воюющих солдат или отступают для лучшего обзора сражения. Тем не менее, шоу подвергается значительной цензуре со стороны Департамента Иммунитета.

Беркхульц

Компания, производящая пианино.

Клиническая партия

Местная моралистическая политическая партия с Тритона, луны Нептуна.

Уверенность

Похожий на паспорт маркировочный грист, вошедший в обиход в годы войны с целью урегулирования путешествий и поведения в пределах Мета.

Итерационный отдел

Подразделение Департамента Иммунитета, устанавливающее правила копирования и перемещения конвертеров.

Департамент Иммунитета

Гигантская административная бюрократическая структура Мета. Несет ответственность непосредственно перед директором Амесом. Принудительное Подразделение Департамента

Неприкосновенности (СПДИ) — совокупное название вооруженных сил Мета и частей внутренней полиции.

Восьмая чакра

Местная группировка поэтов направления нео-Флэйр с Тритона, спутника Нептуна.

Шкатулка-энигма

Она же шкатулка головоломок. Блокирующая грист-головоломка, которой любит заниматься Синт Грейтор.

Экстрема

Фанат игры в пелоту.

Первый конституционный конгресс клаудшипов внешней системы

Принятая 2 апреля 3013 года (по электронному стандарту) метапланетарная конституция Соларианской республики.

Школа Флэйра

Группа поэтов, в 26 веке публиковавших свои произведения в журнале Бита Майерса.

Друзья Тода

«Религия», распространившаяся по всей башне гностического времени, носящей название Тод. Имела массу последователей в лице программистов, дизайнеров, инженеров, поэтов и художников разных направлений — «ботаников», как называл их Обри Грейтор. Схожа со старинной «церковью субгения», существовавшей на старой Земле, то есть, представляла собой систему верований. Друзья Тода — главным образом пацифисты. В годы войны они создали партизанское движение сопротивления. Лидеры Друзей Тода — Отис и Гейм.

Свободные интеграционисты

Политическая партия подобная вигам, поддерживающая права свободных конвертеров и верящая в то, что все разумные системы — это личности. Самая сильная из партий во всей внешней системе.

Путь Зеленого Древа

Он же Путь. Главная религия Мета. Дзен-лютеранство с сильной шаманистской составляющей. Главный образовательный центр на Диафании Марса-Земли в Семинарии-баррел. Свою

инициацию священники завершают Прогулкой по Луне — копируя свою первоначальную индивидуальность в другое тело, переходя своим первоначальным телом в особую долину земной луны и «умирая» в безвоздушном пространстве. Главный принцип Пути таков — существует живущее Древо, которое неким образом олицетворяет духовный и генетический след человечества во вселенной.

Совмещенный Директорат

Главный управляющий орган Мета. Директораты — административные и законодательные агентства, деятельность и руководители которых избираются населением Мета по правительственным мерси-каналам. Иногда они меняются ежечасно. Нынешний глава Совмещенного Директората — Амес.

Ключи

Используются в Карбункле в качестве валюты.

Клуб «Мотосерра»

Претенциозный клуб, в который входят потомки первых переселенцев на Тритон, спутник Нептуна.

Неофлэйры

Современные поэты, позиционирующие себя творцами, воссоздающими традиции древней поэтической школы.

Старый семьдесят пятый

Алкогольный грист. ТиБи пьет разновидность этого напитка, дополненную военным гристом, и случайно выплевывает женщину.

Позиционная комната

Командный центр финансовых служб Телемана Милта.

Пелота

Похожая на футбол игра с мячом. В нее играют в состоянии невесомости на вращающейся арене с двумя воротами, вращающимися в разных направлениях. Самая популярная спортивная игра Солнечной системы. Команды премьерской лиги включают в себя «Джетс», «Небс», «Селтик» и «Рейнджерс».

Роугсвиль

Похожее на пого полусатирическое мерси-шоу, в котором могут участвовать сами зрители.

Военный Банк Соларианской республики

Банк, созданный для финансирования войны после неудач выпуска первых военных облигаций, предпринятого виртуальными мерси-банками.

Слюс Джус

Используемая в Мете вдыхаемая интегументарная жидкость.

Снэп-метал реклама

Реклама виртуальной реальности, помещенная в покрытые гристом стикеры, на емкости со спиртными напитками и т. д.

Телеман Милт

Финансово-брокерская компания, расположенная на Эрс-стрит на Меркурии, младшим партнером которой был Келли Грейтор.

Трейд-экономисты

Тритонская политическая фракция, поддерживающая Мет.

Приложение седьмое
МЕТАПЛАНЕТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ: МЕТ И ВНУТРЕННЯЯ СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА

Акали-Дал-болса

Типичная производственная болса в Васовском секторе Мета. Ее первыми поселенцами были сикхи.

Пояс астероидов

Пограничная точка Мета. Здесь в свое время начали формироваться клаудшипы, представлявшие собой службу доставки различных материалов для строительства Мета. Эта старая компания носила название «Алкитран Инкорпорейтид». В Поясе астероидов все еще сохранились обломки Алкттитрана и исторические вехи.

Бах

Главный город Меркурия, финансовый центр Мета. Расположен в кратере Баха. Большая часть города построена в соответствии с планом архитектора Клауса Бренигана. По его утверждению, план возник под влиянием первого концерта Баха для клавесина в до-миноре. Подобно великому композитору с его взаимосвязанными музыкальными темами, Брениган самым невероятным образом связал друг с другом два отдельных города, превратив их в один. Во-первых, существует Кэлей с его ожерельем жилых домов. Они расположены между квадратными, похожими на минерал отрезками Нью-Франкфурта и его центральным коридором. Эрс-стрит, где находятся главные банки и брокерские конторы Мета. Автобусный билет стоит 13 гринлифов, купив его, можно добраться из Баха до полюсного лифта.

Бэгтаун

Самое близкое место от города в Карбункуле. Неподалеку располагается мусорный шлюз.

Река Бенди

Похожая на болото река, протекающая в Карбункуле.

Карбункул

Карбункул — мусорная свалка Мета. Наполнен мутировавшим и нерегулированным гристом. Именно здесь

умирает старый код, и прячутся все сбежавшие коды. Расположен Карбункул на внешней окраине Мета, внутри пояса астероидов. «Протокольный вредитель» — убежавшая последовательность кодов, населявших реального биологического паразита — возник перед войной и превратился в полностью функционирующих человеческих особей, когда они переселились в Нирвану, независимый микро-Мет (грибницу) Друзей Тода, вращающийся вокруг солнца по орбите Марса.

Кларит-болса

Средний пролетарский хабитат Васа. Место рождения Дори Фолсом, сержанта СПДИ.

Земля

Скудно населенная планета. На ней осталось всего несколько главных поселений, включая город Нью-Йорк. В 2802 году Земля была объявлена «Экологической репатриационной зоной», где ограничивалось строительство и прирост населения. Ныне большие участки планеты, признанной колыбелью человечества, вернулись в свое естественное, первоначальное состояние. Нью-Йорк вернулся в состояние пустыни и теперь населен различными смертоносными машинами, в основном автомобилями, грузовиками и тому подобным.

Возле старинного городка Райнбека, что на реке Гудзон, находится секретный исследовательский центр, занимающийся разработкой проекта, связанного с путешествиями во времени и полетами со сверхсветовой скоростью.

Форк

Район локального гриста на Тритоне, где свободные конвертеры основали виртуальное коммерческое предприятие, он же спальный район.

Интегумент

Внешнее покрытие метовских кабелей и вращающихся хабитатов. Это — полуживая «кожа», обеспечивающая биологическую и химическую переправку и равновесие в границах Мета. Защитное покрытие, продукт дизайна и эволюционного развития. Обычно в интегументе никто не живет, однако доступ в него возможен.

Марс

Плотно населенная планета, на которой расположен университет имени Брэдбери. Жертва неудачных экспериментов

27 века, когда были предприняты попытки терраформинга Красной планеты.

Транспортная система Меркурия

Южный Вект — главная полюсная транспортная сеть Меркурия, ведущая к лифту Южного полюса, на Меркурии она называется Втулка и ведет в свою очередь к пересылочному хабитату, расположенному над полюсом Меркурия, Джонстон-болса.

Меркурий

Финансовый и правительственный центр Мета, отличается высокой плотностью населения. Главный город — Бах. Эрс-стрит — эквивалент земной Уолл-стрит. Сан-Суси — штаб-квартира Совмещенного Директората.

Луна

Населена людьми. Шаманов-священников религии Зленого Древа посвящали в сан в Долине Костей. Гуманитарные аспекты клаудшипов Тацита и Лебедева сошлись на старой станции Фарсайд в середине 24 века.

Мицелий

Она же микро-Мет. Малочисленная система кабелей опосредованно подключенных к глобальному Мету. Виртуально функционирует во всем гристе, до нее можно добраться космическим кораблем или в результате сочленения с более крупным Метом. Самое важное место грибницы — Нирвана, база Друзей Тода.

Новая Каталония

Хабитат Мета на Диафании, где местные жители, потомки каталонцев из старой Испании, играют в жестокие социальные игры в декорациях позднего Ренессанса. Главный город — Нью-Сабадель.

Сан-Суси

Центральное сооружение Меркурия в огромном конгломерате зданий, составляющих штаб-квартиру Совмещенного Директората. В центре находится небольшая гора Монтсомбра, полностью сделанная из гриста. Ла Мола — внутренняя святая святых Амеса, расположена на вершине Монтсомбры.

Силиконовая Долина

Район Ноктис Лабиринтус, служивший концентрационным лагерем для свободных конвертеров в годы войны. Пресловутый доктор Тиньг осуществлял над некоторыми свободными конвертерами бесчеловечные опыты в духе злодея Менгеле.

Университет Сюй-Сюй

Второй по величине университет Солнечной системы, ведущий образовательный центр Меркурия. Здесь находится отделение физики Элькенштейн — первое место работы Пинг Ли Сингх. Позднее она перешла на работу в лабораторный комплекс Б, лабораторию физики черного ящика.

Приложение восьмое
МЕТАПЛАНЕТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ: ВНЕШНЯЯ СИСТЕМА

Планеты

Внешняя система

Пространство за пределами Пояса астероидов, включающее в себя Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, Плутон, Пояс Койпера и Облако Оорта. Там невозможно протянуть пространственные кабели и поэтому расстояния преодолеваются только на космических кораблях. Все планетарные луны внешней системы обитаемы. Грист имеется повсеместно, поэтому обитатели внешней системы полностью принимают участие в виртуальной реальности.

В начале войны, внешняя система номинально находилась под суверенитетом Мета, однако в действительности управление в основном носило местный характер. В то время как плотность населения внешней системы меньше плотности населения Мета, согласно историческим стандартам оно все равно огромно. В начале войны, оно насчитывало примерно 10 миллиардов человек, тогда как Мет имел еще 90 миллиардов душ (в самых различных формах). Основная масса населения внешней системы обитает на лунах Юпитера и Сатурна.

Юпитер

Все спутники Юпитера обитаемы.

Каллисто

На Каллисто существовало утопическое движение «свободного гранжа». До сих пор сохранились отдельные группы этого движения. Алетия Найтшейд воспитывалась в одной из них. Главный город Каллисто — Телегард.

Ганимед

Центр торговли всех внешних планет. В начале войны Ганимед использовал военную технологию, вызывающую сдвиг тектонических плит и землетрясения. Потерпел поражение. Там миллион солдат Федеральной армии были взяты в плен. Ганимеду придется использовать ядерное оружие, если он будет отрезан от конденсаторного питания со стороны Ио.

Европа

Неудачный научный опыт в забытом море Европы — огромном море, расположенном под слоем льда — привел к катастрофическим последствиям. Погиб Тедди, старший сын Роджера Шермана и брат Лео Шермана. Здесь могут быть обнаружены формы жизни инопланетного происхождения. Брат Лео Шермана и сын Роджера Шермана покоится на дне подземного моря, убитый или превращенный в новую форму инопланетянами, способными манипулировать гристом. Любовник капитана Квенча Артур работает в тамошней биологической лаборатории. Европа также является штаб-квартирой новостной службой, на которой трудится Джек Аляска.

Ио

Центр энергосистемы, существующий на одном из полюсов магнитосферы Юпитера. Ее конденсаторная электростанция снабжает магнитосферу Юпитера электроэнергией и превращает ее в микроволновое излучение для работы спутникового канала связи и последующего распределения. В достаточной степени обеспечивает нужды четырех внутренних спутников в энергии. В годы войны предпринимались попытки взять под контроль энергосистему Ио. На Конденсаторе находится контрольный и командный пункт «грист-шлюза». В годы вторжения сюда переселились свободные конвертеры, взятые в плен и «переброшенные» на Марс, в Силиконовую Долину.

Сатурн

Все спутники Сатурна обитаемы. Самый крупный город, Лейктаун, расположен на Титане. Титан, второй по величине спутник Солнечной системы, имеет плотную атмосферу, испускаемую красновато-бурую фотохимическую дымку.

Уран

Система Урана — самая бедная во всей внешней системе. До войны местное правительство было своего рода послушной марионеткой, выполнявшей волю промышленных кругов Мета.

Оберон

Главный населенный спутник системы, ставший жертвой атаки информационной атаки, предпринятой в ходе войны федеральными войсками.

Нептун

Все спутники обитаемы. Нептун — ведущий поставщик электроэнергии на планеты внешней системы. Энергосистема функционирует в условиях почти постоянной бури, именуемой Голубой Глаз Нептуна.

Тритон

Самое густо населенное место. Главный город — Нью-Миранда. Температура опускается до 38 градусов по Кельвину или до 390 градусов по Фаренгейту. Здесь можно положить в тень любой предмет, и он станет сверхпроводником. При такой средней температуре и давлении, азотистая атмосфера Тритона колеблется между тремя главными состояниями: жидким, твердым и газообразным. Иногда возникают знаменитые азотные дожди. Тритон — пожалуй, самое холодное обитаемое место Солнечной системы. Даже Плутон, имеющий иную геологию, немного теплее Тритона.

Нью-Миранда Тритона

Главный город Тритона. Назван в честь спутника Урана, откуда на Тритон переселились первые люди. Построен на краю гигантского кратера в южном полушарии Тритона. Нью-Миранда — город с многочисленными шпилями. Неоготическое религиозное учение первых поселенцев в сочетании с низкой гравитацией нового мира породило уникальную восхитительную архитектуру. Все жители города имеют дома со шпилями, где первые пять этажей полностью герметезированы и надежно защищены от воздействия атмосферы. Там обычно располагаются сады и фонтаны. Нью-Миранда закрепила за собой название «город-сад». Здесь обитают профессиональные садовники, находящиеся под сильным влиянием священника (садовника) культа Зеленого Древа, отца Капабилити. Сады — главная, помимо азотных дождей, достопримечательность Тритона. Нью-Миранда управляется Городским собранием.

Нереида

Спутник Нереида — важный торговый порт, транспортный узел. Здесь впервые велась полномасштабная война с использованием нанотехнологического оружия со стороны войск внешней системы, когда корабль СПДИ «Джихад» был инфицирован грист вирусом.

Плутон

Поверхность Плутона полностью покрыта гристом. Геология планеты почти постоянно видоизменяется для удобства

перевозок. Поэт Бит Майерс написал о Плутоне так — «это место, где даже камням приходится умирать». На Плутоне вырос Кваме Нейдерер.

Облако Оорта

Это место — осколки внешнего края Солнечной системы. Скудно населено биологическими людьми, преимущественно — клаудшипами. Источник строительных материалов. Место расположения Федеральной военно-морской академии.

Другие места и феномены внешней системы

Дорога Темной Материи

Обнаружена в конце 28 века. Отрезок не отражающего свет материала, протянувшийся между Солнечной системой и двухзвездной системой Центавра. В 2903 году клаудшип Марк Твен стал первым человеческим существом, посетившим другую солнечную систему, прибыв в тот же з-год на Альфу Центавра. Клаудшип Лебедев прибыл туда же 11 лет спустя, в 2914 году.

Дель Рингс (Кольца)

Кольца Сатурна, переименованные после войны за свободу конвертеров.

Лейктаун

Главный город Титана. Находится на краю озера из жидкого метана. Местность, соседствующая с озером называется Нью-Алки. Местная температура — минус 180 градусов Цельсия.

Милл

Огромная ветряная мельница на Нептуне, состоит из двух лопастей, приводимых в движение порывами бури, Голубого глаза. Диаметр Милла равен диаметру Земли. Построена в соответствии с теми же принципами, что и Мет. В ее центре находится генератор, излучающий микроволновую энергию на расположенный над ней спутник, с которого она передается на Тритон.

Объект 71449-00450

Он же просто Объект. Комета из Облака Оорта, на которой находится горнодобывающая колония. Место рождения Кваме Нейдерера.

Шепардсвиль

Вырождающийся район красного света в локальной виртуальности Тритона. Самый скверный участок Форка.

Уиндоуз

Город-призрак в локальной виртуальности Тритона. Опасный древний сайт Микрософта.

Приложение девятое
МЕТАПЛАНЕТАРНАЯ ВОЙНА

«Бумеранг»

Бывший корабль СПДИ «Джихад», на время взявший под свой контроль Нереиду. Первый космический корабль, вошедший официально в состав Федеральных ВМС.

Война клаудшипов

См. клаудшипы

Фремден

Военно-слэнговое название обитателей внешней системы. На старонемецком это слово означало «чужие».

Лаборатория передовых исследований

Центр по развитию грист-вооружений, расположенный на Тритоне. Командир — Герардо Функ.

Глори

Приятное ощущение прекрасного самочувствия, гордости, единения с другими людьми, отправляемое по винкулуму солдатам Департамента, справившимся с заданием. Может иметь характер оргазма. В годы войны слава передавалась всему населению Мета. Отличается высокой степенью привыкания.

Нит

Специальный мерси-канал Федеральной армии.

Измерение

Обе армии используют метрическую систему для измерения расстояний. (Гражданские лица используют различные системы, включая и древнеанглийскую). Все военное время является з-стандартным (стандарт-Земли). «К» иногда используется в значении «тысячи километров в час». Пятьдесят К — стандартная скорость приближения космического корабля. МК — «миллионы километров в час».

ВМС Мета

Космические корабли Мета, которые использовались для ведения военных действий, не являются автономными БМП. Ими обычно командует БМП. Эти корабли находятся под

покровительством оперативной группы СПДИ, и перед их газваниями употребляется инициалы на языке базис. Это — военные корабли Мета.

Крейсеры класса «Дирак»

Это многофункциональные корабли СПДИ. Использовались для транспортировки войск и снаряжения, имели вооружение, в том числе пару торпед, однако их главное оружие — позитронная пушка с малым радиусом действия, приводимая в действие двигателем, и несколько катапульт, самая разрушительная из которых — зенитный таран, выстреливающий смертоносным дождем из гвоздей, который распахивает на мелкие части квадратный километр земли.

Эсминец класс «Дабна»

Предназначены для ведения боевых действий и транспортировки. Поперечное сечение — тысяча метров, длина — десять километров. Оснащены пушкой антиматерии с большим радиусом действия, торпедами и катапультами. На них можно устанавливать различные устройства вроде страховочного фала.

Авианосцы класса «Штрайххольцер»

На случай неожиданных военных действий флот имеет примерно двадцать таких авианосцев. На авианосцах внушительный арсенал вооружений и многочисленная команда. Могут служить базой для малого космического штурмовика или транспортного корабля. Оснащены производственными мощностями для военного гриста и размещения соответствующих дополнительных устройств. Авианосцы построены на тех же конструкционных принципах, что и кабели Мета. Таким образом, они могут быть превращены в несокрушимые крепости. Хорошо маневрируют в двух измерениях, однако их огромная кинетическая энергия затрудняет пилотирование. Это не относится к особому классу авианосцев, «Льву Африки», способные при быстром переоборудовании выполнить роль мощного оружия. Они имеют малый по численности экипаж.

Корабли класс «Сол» и «Ишиас»

Корабли, зависящие от авианосцев класса «Штрайххольцер». Корабли класса «Сол» — транспортеры, предназначенные для стремительных высадок на планеты военных группировок численностью пятьсот человек. Корабли класса «Ишиас» предназначены для ведения планетарных операций, оснащены оружием малого радиуса действия. Внешне похожи на крылатый

трезубец. Корабли обоих классов имеют аэродинамическое строение и могут противостоять мощному перепаду давления, на что не способны космические корабли более крупных размеров. Свидетельство тому — печальная судьба одного из кораблей класса «Шварцес Флосс», погибшего в атмосфере Юпитера.

Корабли класса «Зип-Код»

Особый класс кораблей, являющихся транспортными средствами связи с главными оборонительными полями и вооруженными силами. Имеют лишь одну пушку, функционирующую отдельно от двигателя. В основном это матрицы гриста, напоминающие гантели. Уязвимы для антиинформационных действий противника.

Устройство и функции кораблей ВМС Мета

За исключением планетарных кораблей и кораблей связи, большая часть кораблей СПДИ имеет в своей основе конструкцию «вращающейся косы». Они во многом напоминают связки подобных орудий, однако некоторые из них имеют лопасти, расположенные по всей их длине. Корабли ВМС Мета часто называют жатками

Операции, требующие спин-гравитации, осуществляются в лопастях кос, в которых обычно располагаются офицерские каюты и центры управления. Большая часть вооружений размещается в похожей на рукоятку части корпуса. Сильно уязвимы для прямого удара. Оборонительные системы корабля имеют различный характер и эффективность.

Оборонительные системы ВМС Мета: изотропическое покрытие

Самая мощная оборонительная система любого корабля СПДИ — так называемое изотропическое покрытие. Оно имеет в своей основе электрослабую силу природы. В процессе квантовой индукции, предсказанной Рафаэлем Мерседом, обмен информационными частицами внутри атомного ядра может контролироваться, возможна регулировка вращения отдельных нуклонов. Изотропическое покрытие взаимодействует со всеми поступающими энергиями и частицами (включая микрометеориты и тому подобное) и изменяет то, что известно под названием «смешивающего угла» атомного ядра, которое в данной части является частью корабля. Таким образом, материал, из которого состоит корабль, представляется обрушивающемуся

на него оружию противника совершенно другим веществом. Если такое оружие, допустим, поток позитронов, то корабль «покажется» этим позитронам антивеществом и поэтому позитронный луч упадет на него так, как падает луч света. Крошечные частички пройдут сквозь корабль, «веря» в то, что проходят сквозь безвоздушное пространство. Это странное и довольно пугающее зрелище — каменный обломок, пролетающий сквозь корабль и выскакивающий с другой его стороны. Кажется, будто он пронзает бесплотную форму корабля-призрака.

Оборонительные системы ВМС Мета: ограничения изотропического покрытия

К счастью или несчастью — это зависит от вашей точки зрения — изотропическое покрытие теряет свою эффективность в отношении предмета массой более 100 килограммов и воздействие гравитации никогда не уменьшается, так что когда частица проходит через корабль, она не оставляет нового вектора. Покрытие также теряет эффективность в планетарной атмосфере и лишь частично может сыграть роль защиты от нападения вражеского корабля или солдата-пехотинца. Тем не менее, солдат, приспособленный для действий в условиях космического пространства, имеет специальный комплект инструментов для технического обслуживания кораблей с изотропическим покрытием, которое не допустит быстрой разгерметизации скафандра, могущее возникнуть от столкновения с микрометеоритом и ограничивает возможность обстрела высаживающегося десанта шрапнелью до его вхождения в атмосферу.

Оборонительные системы ВМС Мета: мембрана гриста

Последняя линия обороны кораблей Мета — это мембрана гриста, расположенная под слоем изотропического покрытия. Эта матрица немедленно возникнет на пути любого удара и мгновенно приступит к восстановлению возможных повреждений. Корабли смогут «вылечить» себя с поразительной скоростью.

ВМС Мета: заключение

Обронительно-наступательные способности кораблей СПДИ обеспечивают им высокую надежность и превращают в грозную силу. Их общие недостатки восполняются специализацией и маневренностью. Если клаудшип считается чем-то вроде гигантской живой клетки, то корабль СПДИ — некое подобие вируса, неживого, но в то же время опасного и в некотором отношении более эффективного.

«Монсеррат»

Флагманский корабль СПДИ под командованием адмирала Кармен Сан-Филье во время первого наступления Мета на Тритон.

Страховочный фал

Волнообразный космический страховочный фал размещается над поверхностью планеты как гигантское военное оружие, которое безжалостным торнадо разрушает густо населенные города.

Винкулум

Специальный канал связи СПДИ.

«Шварцес Флосс»

Авианосец СПДИ, упавший на Юпитер во время войны.

«Чистильщик»

Полицейский противопехотный робот СПДИ и Мета.

«Марат»

Транспортер, на котором взвод Лео Шермана был доставлен на Ио.

Оборонительные системы, расположенные в космосе

Сенсоры

Главным образом это свободные конвертеры или полуразумные семисенты, стационарные или путешествующие.

Минные поля

Командиры минных полей — полностью разумные свободные конвертеры в звании капитана и выше. В местных штаб-квартирах находится недублированный дополнительный ключ, также в звании капитана и выше. Использование ключа делает возможным проход через минное поле.

Личное/табельное оружие

Солдат СПДИ внешне похож на миниатюрный корабль-штурмовик.

Защитный комплект солдата СПДИ

*Обойма ракет на каждом плече

Ремешок на запястье:

*Вращающееся метательное оружие

*Миниатюрные рельсовые ружья

*капсульные грист-граната

Внешняя сторона рук:

*Винтовки с зарядами антивещества

*Вся рука затвердевает при прицеливании

Микро-макро очки:

Настраиваются для виртуальной реальности, микроскопического обзора

*Грист-вуаль, связанная со зрительными центрами заднего мозга

Бронежилет:

*Изометрическое покрытие

*Дополнительный грист

Силовая установка:

*На ногах импульсные ракеты

Ранец:

*Гироскоп

*Прочее снаряжение.

Приложение десятое
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Роджер Шерман

Военный Федеральной армии, командир Третьего Облака и Легкой Бригады Тритона, до войны был метеорологическими постом, имевшим задание изучать и развивать гигантский вырабатывающий энергию Милл, находящийся в атмосферных слоях Нептуна. Шерман в прошлом имел множественную сущность, но позднее сократил себя до человеческих пропорций после серии профессиональных неудач и личных разочарований. Войну Шерман встретил в звании полковника.

Таддеус Кайе

Первый закодированный множественный БМП, использующий нанотехнологии, имевший в основе манипуляцию гравитонных путешествий во времени. После того, как удалось заглянуть в будущее, процесс осуществился удачно и Кайе стал одновременно и отражением, и прямым каузативным веществом нашего локального временного ландшафта. Однако позднее возникла проблема, когда Кайе, личность, на основе которой возник Таддеус, воспротивился процессу кодирования. Получившийся в результате БМП стал комбинацией Таддеуса и Бена, ТиБи. Судьба Кайе напрямую связана с исходом войны.

ТиБи

Имя, которое использовала комбинация Таддеуса и Бена.

Отец Андре Сюд

Шаман-священник культа Зеленого Древа, друг Таддеуса Кайе и Роджера Шермана. Сюд был экспертом по вопросам времени до тех пор, пока не принял решение уйти на покой и стать местным священником и скульптором-балансером на Тритоне.

Молли Индекс

Подруга Таддеуса Кайе и Андре Сюда, реставратор, специализирующийся на картинах художника-абстракциониста Джексона Поллака. До войны Молли Индекс был множественным БМП.

Джилл

Обрывок кода безопасности, которому удалось ускользнуть от контрольного алгоритма и переселиться на Карбункул, где он вселился в хорька, который Таддеус Кайе использовал для охоты на крыс. Позднее «хорек Джилл» случайно соединился с новым образом Алетеии Найтшейд в каком-то измененном военном гристе. Получившаяся в результате этого молодая женщина в годы войны стала лидером партизанского движения.

Дженифер Филдгайд

Молодая женщина с Тритона, которая была сначала обманута, а затем расстроена полковником Теория. Она уступила его обаянию и стала эмоциональным защитником его сына в годы войны.

Лео Шерман

Младший сын Роджера Шермана, журналист, эссеист, исследователь Мета. В начале войны перестал общаться с отцом.

Пинг Ли Сингх

Блестящий молодой физик-теоретик, которую вынудили работать на Амеса, бросив в одну из тюрем Земли.

Джип

Девятисотлетний семисентиент, бродящий по Нью-Йорку.

Теори, майор, позднее полковник

Свободный конвертер Федеральной армии, главный адъютант Роджера Шермана. Теори — очень логичный парень, который считает, что развивает интуицию урывками. Имеет сына, которому еще не дал имени.

Сержант Кваме Нейдерер

Сирота, вступивший в Федеральную армию и в конечном итоге ставший солдатом Третьего Облака и Легкой Бригады Тритона. Имеет тело, полностью адаптированное к действиям в космосе.

К

Глава специальной оперативной разведки и шифровального отдела Мета. Настоящее имя — предположительно, Клер Руник.

Амес

Председатель Директората. В прошлом музыкант и композитор, учившийся у знаменитого свободного конвертера,

композитора Деспачио. Множественный, полностью интегрированный и дифференцированный БМП.

Семья Грейтор

Келли Грейтор

Младший партнер фирмы «Телеман Милт». До войны — выдающийся биржевой маклер «квантового будущего». Муж Данис, отец Обри и Синта.

Данис Грейтор

Жена Келли Грейтора, софт свободного конвертера.

Обри Грейтор

Шестидесятилетняя (метапланетарная) дочь Келли и Данис Грейторов.

Синт Грейтор

Младший ребенок Келли и Данис Грейторов.

Люди, имеющие отношение к ТиБи, Андре и Молли

Скрипач Боб

Полубезумный музыкант, живший на Карбункуле, затем на Тритоне.

Мейкпис Сенчури

(Метапланетарный) Бывший террорист с Марса, в годы войны капитан корабля «Миссис Уидоу».

Кардинал Мортон Филмблафф

(Метапланетарный) Начальник Андре Сюда в иерархии Зеленого Древа. Множественный БМП «детектор квантовых событий», предназначенный для видения настоящего человечества. Первым увидел образ неизбежной войны в виде горящего Зеленого Древа. Затем узрел новое Древо, старое дерево было лишь его тенью.

Алетия Найтшейд

Женщина, которую любили Таддеус Кайе и Бен. Когда Бен Кайе вмешался в создание своего собственного множества Таддеуса Кайе, личность Алетии перестала существовать,

растворившись где-то в глубинах Мета. В то время и тот, и другой поверили, что потеряли ее.

Тритон

Капитан Джон Квенч

Командир роты А Третьего Облака и Легкой Бригады. Друг майора Теори. В данное время Квенч — мужчина, однако ранее был женщиной. Его жених (мужчина) живет на Европе.

Константс

Свободный конвертер, работающая на Департамент, в прошлом любовница майора Теори.

Далия Шерман

Бывшая жена Роджера Шермана, мать Лео Шермана. БМП, часть которой находится в докторе, живущем на Тритоне.

Герардо Функ

Грист-инженер и лидер партизанского движения на Титане, позднее директор исследовательской лаборатории Федеральной армии.

Капитан Томас Огава

Капитан космического корабля «Мери Кейт», переправившего пятьсот беженцев на Нептун с Титана. Позднее командир Федеральных ВМС.

Хилли Сент-Джонс

(Метапланетарный) Свободный конвертер, бармен из офицерского клуба Третьего Облака и Легкой Бригады.

Политики с Миранды, а также метапланетарные политики

Торо Дельгадо

(Метапланетарный) Он же «Худой». Лидер свободных интеграционистов с Тритона. БМП. Полностью адаптирован к условиям Тритона.

Малларме де Ронсар

(Метапланетарный) Поэт плеяды «неофлэйров», свободный интеграционист с Тритона.

Шеле Ден

(Метапланетарный) Старый гвардеец из тритонского клуба «Монсеррат».

Дженри Крейг

(Метапланетарный) Первый инженер нептунского Милла.

Фрэнк Чан

(Метапланетарный) Председатель муниципалитета Нью-Миранды.

Кали Мфуд

(Метапланетарный) Член фракции Трейд-экономистов Тритона.

Вторжение на Титан (Метапланетарное)

Винченце Флер и Пазахофф

(Метапланетарный) Жители Титана, участники первого партизанского движения сопротивления.

Инс и Дел

(Метапланетарный) Свободные конвертеры, бывшие шифровальные ключи к ракетному щиту Титана. Дел — дополнительный ключ к Инсу.

Командиры театра Амеса

Генерал Хейсей

Командир войск СПДИ, покоривших системы Титана и Сатурна, БМП.

Генерал Бланкет

Покоритель Плутона, комнадир войск, включавших в себя корабль СПДИ «Штрайххольцер», азиат, жгучий брюнет с растрепанными волосами.

Зебра 333

Лидер войск СПДИ, атаковавших Юпитер, БМП, существующий полностью в виртуальном мире. Часто появляется в образе существа с головой животного. Штаб-квартира Зебры 333

располагалась на авианосце «Шварцес Флос».

Адмирал Кармен Сан-Филье

(Метапланетарный) БМП командир войск Мета, пытавшихся захватить Тритон. Ее флагманский корабль — «Монсеррат». Светская дама в болсе Новой Каталонии на Диафании. На Меркурии была любовницей Амеса. БМП, как известно, способен на многое. Она может умереть жуткой смертью, причем сразу, как это и доказала Сан-Филье.

Командование «Монсеррата» при Сан Филье (Метапланетарная)

Капитана Филатели

Офицер корабля «Монсеррат», некаталонка. Осталась в живых после гибели корабля и попала в плен, позднее в составе Федеральной армии возглавила корпус виртуального спецназа.

Капитан Брук

(Метапланетарный) Старший офицер «Монсеррата», каталонец.

Юпитерианское командование

Генерал Меридиан Редакс

Командир 2-й Федеральной армии в системе Юпитера.

Майор Анке Антиномян

Офицер Федеральной армии. Объявила о падении Ганимеда на Конституционном конгрессе клаудшипов. Адъютант и глава разведки под началом генерала Редакс в системе Юпитера.

Капитан Дедпен

Свободный конвертер, офицер штаба генерала Редакс.

Клаудшип Юан Хунь-тао

Состоял в резерве генерала Редакс во время падения Ио.

Клаудшип Сэндберг

Клаудшип, принимавший участие в обороне Ио.

Падение Ио

Взвод Лео

Рядовой Эшенбах
Это имя и телесную оболочку выбирал Лео во время полетов во внешнюю систему.

Капрал, позднее сержант Дори Фолсом
Солдат СПДИ, участвовавшая в покорении Титана, вторжении на Ио и боях на Шароне. Командир взвода Лео Шермана во время его полетов во внешнюю систему.

Льоса
Солдат из взвода Дори Фолсом во время вторжении на Ио.

Капрал Мерримейкер
Взводный квартирмейстер на Эголо-баррел на Диафании.

Капрал Альянс
Взводный связист. Умирает от взыва грист-гранаты.

Взвод
Включает в себя рядовых Джерарда, Микера, Асада, Чина, Экстраслима.

Лейтенант Фукс
Участник первой части рейда на Капаситор.

Лейтенант Тей
Участник вторжения на Ио. Попадает в зип-сеть.

Федеральные войска на Ио

Карки
Защитник Конденсатора в дни вторжения СПДИ

Капрал Дуон
Напарница Карки по оружейному блистеру.

Мэтуэй
Свободный конвертер в гристлоке Конденсатора.

Дядюшка Йоланд
Родственник Карки с Ио.

Дядюшка Хорс
Родственник Карки с Ио.

Окружение Винни Хиндж

Винни Хиндж
Репортер Джей-Би-Си, находящаяся на борту клаудшипа «Сэндбург».

Ронни Эджкирк
Ведущий шоу «Плазма-скейт», бывший приятель Винни, влюбившийся в свободного конвертера.

Битва трех планет

Джейк Аляска
Репортер новостной службы Ай-Ди-Си.

Фрамштейн Уоллаби
Еще один репортер новостной службы Ай-Ди-Си.

Панда
Свободный конвертер информационной базы Ай-Ди-Си.

Капитан Ольски
Командир Легкой роты и Третьего облака на клаудшипе Остин.

Сенсорный беспилотный самолет «Мария-альфа»
Полуразумное существо. Первым изменило войскам генерала Хейсея.

Чилд Эндрондиус
Обитатель Оберана, убежденный гристом в том, что он рыцарь, охотящийся на дракона.

Майор Монитор
Правая рука Теори.

Капрал Орфео
Один из десантников Аляски, пролетевший мимо сети и

упавший на Нептун.

Майор Зейн
Адъютант генерала Хейсея.

Клаудшипы, находившиеся на Нептуне
«Группа Койпера», состоящая из: Марка Твена, Остин, Гомера, Маккарти, Сервантеса и Карлайла.

Различные клаудшипы и люди, имеющие к ним отношение

Тацит
Первый БМП-клаудшип, появившийся вместе со своим другом, клаудшипом Лебедевым. Историк Республиканской войны, инженер Метапланетарной конституции Первой Солнарианской республики. Одно из старейших человеческих существ.

Клаудшип Лебедев
Родился в 2375 году в России. Один из первых клаудшипов и основателей университета имени Брэдбери. Первый начальник Федеральной академии ВМС.

Клаудшип Толстой
Хранитель кладбища клаудшипов, расположенного на Дороге Темной Материи близ Альфы Центавра. Имеет тринадцать сыновей и одну дочь. Инструктор Федеральной академии ВМС.

Клаудшип Марк Твен
Первым побывал в системе Альфы Центавра. Республиканец. Участвовал в Битве трех планет, защищал Милл на Нептуне.

Клаудшип Остин
Экономист. Республиканец. Участвовала в Битве трех планет, защищала Милл на Нептуне.

Клаудшип Менкен
(Метапланетарный) Председатель Конгресса клаудшипов.

Клаудшип Беатрис
(метапланетарный) Алармист, антиреспубликарнец.

Клаудшип Маркэм

(метапланетарный) Республиканец.

Клаудшип Кафка
(метапланетарный) Республиканец.

Клаудшип Бернхардт
(метапланетарный) Республиканец.

Клаудшип аль-Фаргани
(метапланетарный) Элитист. Антиреспубликанец.

Клаудшип Хаксли
(метапланетарный) Полемист. Антиреспубликанец.

Клаудшип Ахав
(метапланетарный) Элитист. Антиреспубликанец.

Клаудшип Григ
(метапланетарный) Антиреспубликанец.

Клаудшип Сезанн
(метапланетарный) Антиреспубликарнец.

Эльгар Триптих
(метапланетарный) Посол Амеса у клаудшипов. Позднее — представитель Мета во внешней системе.

Новая Каталония (метапланетарная)

Джозеф Баскет
(метапланетарный) Молодой мужчина, любовник Кармен Сан-Филье.

Ноньеллс
(метапланетарные) Семья банкиров из Новой Каталонии.

Другие люди, имеющие отношение к Джилл и Обри

Элвин Ниссан
Свободный конвертер, партизанский командир и опытный хакер. Любитель пелоты. Играл вратарем в составе команды «Селтик». Создал такую испостась Лео Шермана, как «Эшенбах».

Логан-36

Свободный конвертер, играл в составе команды «Селтик».

Бин_128А

Один из «протокольных паразитов». Придумал способ извлечения противопехотного чистильщика. Позднее стал человеком, командиром партизанских войск Мета.

Бастумо

Легендарный игрок в пелоту. Обри использует его грист-пэтч наложение для игры в пелоту во время незаконного вторжения в Силиконовую Долину.

Тод

Башня гностического времени. Объект обожания Друзей Тода.

Отис и Нейм

Лидеры Друзей Тода на Нирване до разрушения последней.

Тейлор

(метапланетарный) Друг Тода, руководящий старомодным радио на Нирване.

Миссис Лейтли

(метапланетарная) БМП учительница с Меркурия, посчитавшая Обри Грейтора достойным БМП-кандидатом.

Люди, связанные с Кваме Нейдером

Рядовой Растин

(метапланетарный) Солдат Третьего Облака и Легкой Бригады.

Сержант Пил

(метапланетарный) Солдат Третьего Облака и Легкой Бригады. Получил нервный срыв на Тритоне и убил своего лейтенанта.

Лейтенант Флэшпойнт

(метапланетарный) Солдат Третьего Облака и Легкой Бригады, убит обезумевшим сержантом.

Лейтенант Бокссет

(метапланетарный) Недолго проживший солдат Третьего Облака и Легкой Бригады, участвовал в нападении на «Монсеррат».

Рядовые Темпос и Кью

(метапланетарные) Недолго прожившие солдаты Третьего Облака и Легкой Бригады, участвовавшие в нападении на «Монсеррат».

Лейтенант Чок

(метапланетарный) Солдат Третьего Облака и Легкой Бригады, участвовал в нападении на «Монсеррат». Последний командир Кваме Нейдерера. Чок установил бомбу с антивеществом, уничтожившую «Монсеррат».

Рулз

(метапланетарный) Не вполне разумный алгоритмический директор сиротского приюта, в котором воспитывался Кваме Нейдерер.

Взвод с Шарона

Лейтенант Твентиклик, командир. Бенеторро, Денмарк, Фузили, Мейс, Хардринд.

«Тени» и «Тигры»

Два взвода, сражавшиеся насмерть в антиинформационной зоне на Шароне. Главным образом это были юнгианские представители подсознания Кваме, когда его ментальность была насильственно трансформирована мил-гристом.

Люди, связанные с Пинг Ли Сингх

Профессор Текстоk

БМП, глава Директора науки Мета. Его прозвище — Хамар.

Хьюго Сингх

Отец Ли. Живет на Васе, в Акали-Дал-болса.

Гарольд Сингх

Брат Ли. Работает в Умберто-баррел на Васе.

Суни Сингх

Сестра Ли. Намеревалась спеть арсаду на похоронах Хьюго.

Сискаль
Свободный конвертер, статистик, отправленный охранять Комплекс Б университета Сюй-Сюй

Гертель
Пассажирка туристической капли Дедо. Занимается фармацевтической грист-торговлей. Продает дендрофиты, афродизиаки, предположительно имеющие квантовую основу.

Хилл
Пассажирка туристической капли Дедо. Техник-ремонтник экстерьера Мета.

Макхуд
Коллега и сокамерник Ли на земле.

Регулировщик
Парень, круто обошедшийся с Ли на КПП Цезий.

Люди, связанные со Шленкером (Амесом)

Деспачио
Первый свободный конвертер-композитор. Его главные творения — прославленные А-4 вариации. Позднее стал известен как безумный Боб скрипач. Во всяком случае, так уверял Боб.

Дельмор Шленкер
(метапланетарный) Алкоголик, разочарованный отец.

Гетти
(метапланетарный) Директор школы Клода Шенкера.

Джейни Бет Шленкер
(метапланетарная) Мать Клода Шенкера.

Эйнор Дженсен
(метапланетарный) Учительница музыки из гимназии Асап, порекомендовавшая Клода Шенкера Деспачио.

Миссис Риджуэй
(метапланетарная) Учительница, увидевшая талант в юном

Клоде Шенкере.

Другие люди, связанные с Келли Грейтором

Хейзен Хантли
(метапланетарный) Младший партнер в «Телеман Милт».

Хед Эш
(метапланетарный) Младший партнер в «Телеман Милт».

Старик
(метапланетарный) Главный БМП «Телеман Милт».

Ллойд Ньоньо
(метапланетарный) Одноклассник Келли по школе бизнеса, парламентарий-консерватор в правительстве Нью-Миранды. Предоставил Келли работу в новоиспеченном Военном банке Соларианской республики.

Люди, связанные с Данис Грейтор

Сара-1
Свободный конвертер, решивший стать матерью Данис Грейтор.

Сара-2
Свободный конвертер, решивший не становиться матерью Данис Грейтор.

Доктор Тинг
Психолог из Силиконовой Долины, похожий на пресловутого Менгеле.

Лайр Уинг
(метапланетарный) Свободный конвертер, друзья матери Данис считали ее шлюхой.

Редимарк
(метапланетарный) Свободный конвертер, друг матери Данис

Вида
(метапланетарный) Свободный конвертер, друг матери Данис.

© перевод: С. Самуйлов, 2014.